

СОЧИНЕНИЯ ИННОКЕНТИЯ

АРХИЕПИСКОПА ХЕРСОНСКАГО И ТАВРИЧЕСКАГО

ТОМЪ ВТОРОЙ

Послѣдніе дни земной жизни Господа Нашего Иисуса Христа. (Продолж.)—
Жизнь Св. Апостола Павла.—Жизнь Св. Священномученика Кипріана.

K1208359

ИЗДАНИЕ

поставщикъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный дворъ, 18 | МОСКВА, Кузнецкій мостъ, 12

1901

ПОСЛѢДНIE ДНИ

ЗЕМНОЙ ЖИЗНИ

ГОСПОДА НАШЕГО ИСУСА ХРИСТА

ИЗОБРАЖЕННЫЕ ПО СКАЗАНИЮ

ВСѢХЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЕВАНГЕЛИСТОВЪ

ПРЕДАНІЯ.

Предатель со спирою.—*Ἄες εσμὲν!*—Великодушное самопреданіе.—Необдуманная ревность Петра. — Исцѣленіе урѣзанного уха. — Разсѣяніе учениковъ.—Стражи ведутъ Иисуса Христа, связанного, въ Іерусалимъ.—Приключение съ однимъ юношою.—Іоаннъ и Петръ сѣѣдутъ издали за Учителемъ.)

Съ возвышенности, на которой лежалъ вертоградъ геѳсиманскій, можно было уже примѣтить приближающуюся толпу, которая, при всей тишинѣ, измѣняла своей тайной пемиогими въ ея рукахъ свѣтильниками. Это было скопище людей всякаго рода, — большую частію стражей храма и слугъ первосвященническихъ, воинственный видъ коихъ состоялъ единственно въ томъ, что они держали въ рукахъ различныя орудія, употребляемыя въ случаѣ насилия и грабежа. Можно было подумать, что сія толпа идетъ на какой либо безчестный промыселъ, или принуждена вооружиться нечаянно противъ какого либо возмутителя ночного спокойствія, если бы иѣсколько человѣкъ изъ римскихъ воиновъ и начальниковъ храма, даже синедрона (Лук. 12, 52), не показывали своимъ присутствіемъ, что все это дѣлается по распоряженію высшаго начальства. Посыпать такие жалкіе отряды — было послѣднимъ остаткомъ власти іудейскаго синедрона,

Иннокентій. Сочиненія. II*.

предъ вождями коего треветали пѣкогда полководцы и государи Востока; и синедріонъ едва ли не въ послѣдній разъ воспользовался симъ правомъ—противъ своего Мессии! Мрачная картина, освѣщенной факелами, толпы, довершалась видомъ одного человѣка, который дрожающими стонами шелъ впереди и предводилъ всѣхъ, хотя былъ безъ оружія, и движеньями своими невольно показывалъ, что онъ недавно совершилъ злое дѣло, и теперь спѣшилъ на новое, еще большее. То былъ несчастный Гуда...

Стражъ и слугамъ (кажется) не было известно, противъ кого они отправлены. Первосвященники имѣли достаточную причину не объявлять имъ сего, изъ опыта зная, что для пѣкоторыхъ слугъ слова Иисуса значать болѣе приказаний ихъ начальниковъ (Іоан. 7, 46). Тѣмъ нужнѣе былъ какой либо опредѣленный знакъ для распознанія лица, противъ коего дано повелѣніе. Предатель избралъ для сего лобзаніе. «Кого я облобызаю, тотъ и есть, возьмите Его.» Примѣта сія избрана Гудою не по злобѣ, какъ легко можно подумать съ первого взгляда, а болѣе, кажется, для прикрытия злобы. Изъ соображенія обстоятельствъ преданія открывается, что предателю хотѣлось, отѣшившись отъ толпы, одному подойти къ Учителю, какъ бы возвращаясь изъ города; и, по обыкновенію, поцѣловать Его, замѣшаться въ толпу учениковъ, предоставивъ стражъ спустя немнога, какъ бы самой себѣ напасть на Учителя. То есть, несчастный все еще хотѣлъ дать своему злодѣянію видъ неумышленнаго поступка. Но избрать, хотя безъ злобы сердечной, признакомъ измѣны то самое дѣйствіе, которое

ПРЕДАНIE.

служило выражениемъ дружества въ маломъ обществѣ Иисусовомъ, и такъ разительно отличало его отъ обществъ раввинскихъ (гдѣ ученики получали лобзаніе отъ раввиновъ, но не смѣли сами давать его), — это составляло верхъ, если не злобы, то безсмыслия, которое новиціому привело въ удивленіе самого Сердцевѣдца.

Иисусъ, *вѣдал* все, что *Нимъ буде*, съ приближеніемъ предателя, идетъ къ ученикамъ и возбуждаетъ отъ сна не только трѣхъ, но и всѣхъ прочихъ, копъ еще менѣе способны были преодолѣть тягость тѣлеснаго разслабленія. «Вы все еще спите и почиваете, сказалъ Онъ, по дѣло уже кончено: часъ пришелъ! *востаните, идемъ! Се приближися предаій Мя;* и Сынъ человѣческій предается въ руки греѣшниковъ» (Мате. 26, 45—46).

Вмѣстѣ съ сими словами, чтобы дать ученикамъ время совершенно пробудиться отъ сна и приготовиться къ опасности, Иисусъ пошелъ одинъ вонъ изъ вертограда, на встрѣчу толпѣ. Такое великодушие для предателя облегчало способъ указать своего Учителя стражѣ: но въ тоже время уничтожило его надежду — прикрыть свою измѣну видомъ случайного возвращенія изъ города. Въ смятѣніи чувствъ, не зная какъ поступить, онъ одинакожъ ускорилъ свои шаги (Мар. 14, 45), чтобы дать стражѣ обѣщанный знакъ, по крайней мѣрѣ, до прибытія учениковъ. Но Учитель предупредилъ измѣну, и все еще желая образумить измѣнника, спросилъ кротко: «другъ мой, зачѣмъ ты здѣсь?» (Мате. 26, 50) — «Равви, отвѣчалъ Іуда, и слово замерло на устахъ его... Равви, повторилъ онъ

Марк. 14, 45) съ принужденiemъ, здравствуй!» и тотчасъ облобызаль Его. При семъ знакъ искренняго братства, употребляемомъ теперь па измѣну самую низкую, сердце Иисуса невольно возмущилось негодованіемъ. «*Иудо, лобзаниемъ ли предаешь Сына человѣческаго?*» (Лук. 22, 48.) Увидимъ, какъ сильно отзовутся слова сіи въ душѣ несчастнаго...

Уже преданный нечестивымъ лобзаниемъ, Богочеловѣкъ восхотѣлъ показать врагамъ Своимъ, что Онъ предаетъ имъ Самъ Себя, и что безъ Его собственной воли, ни предатель, ни они не могли бы ничего сдѣлать. Обратившись къ толпѣ (которая успѣла приблизиться въ то время, какъ предатель совершаѣтъ свое предательство), Иисусъ спросилъ громко: «кого ищете?»...

«Иисуса Назарянина», отвѣчали старѣйшины отряда, или не узнавая, по причинѣ темноты, кто говорить съ ними, или желая испытать, что Онъ, узпанный, будетъ дѣлать...

«*Азъ есмъ*», отвѣчалъ Иисусъ. Услышавъ слова сіи, стража какъ бы отъ какого необыкновеніаго удара громоваго, вся пришла въ величайшес смущеніе; большая часть невольно отступили назадъ, многіе отъ страха припали къ землѣ (Иоан. 18, 6). Въ краткомъ словѣ, вышедшемъ изъ устъ Иисуса, казалось, заключалась нѣкая тайная сила, непреодолимая, всемогущая. Откуда она?—Хотя съ именемъ Иисуса въ умѣ стражей соединялось все поразительное, чудесное, такъ что мысль — быть отправленнымъ для взятія Чудотворца, — можетъ быть, даже Мессіи, — сама собою смущала умъ, связывала руки, отнимала духъ и ли-

шала силь (ибо всякому было извѣстно, что древніе Пророки иногда употребляли въ подобныхъ случаяхъ для защищенья себя огнь небесный, или другія сверхъ-естественныя средства (4 Цар. 1, 10); — но все сie, кажется, не могло бы заставить стражу отступить, тѣмъ паче повергнуться на землю, безъ особенной таинственной силы словъ, услышанныхъ ею отъ Иисуса, тѣмъ болѣе, что ею предводили теперь самы первосвященники, и въ числѣ ея находились римскіе воины, не раздѣлявшіе образа мыслей евреевъ о Мессіи и даже незнакомые съ Нимъ. Съ другой стороны, послику Богочеловѣкъ, вступая на крестное поприще, отрекся всѣхъ — и естественныхъ и сверхъ-естественныхъ средствъ къ своему защищенью; то пораженіе стражи ужасомъ и поверженіе ея на землю не могло быть предпамѣреннымъ дѣйствіемъ силы чудотворенія, а должно быть почитаемо за непосредственное съдѣствіе необыкновенной силы духа, съ кою выражена теперь святая рѣшимость идти на крестъ, иѣкимъ непосредственнымъ, такъ сказать, отблескомъ Божества, обитающаго въ Иисусѣ Христѣ *тълесни*.

(Въ какомъ смятѣніи чувствъ долженъ былъ находиться ври семъ случаѣ Иуда! Теперь, можетъ быть, онъ самъ согласился бы отдать все, только бы возвратить свою измѣну, — но мрачное дѣяніе уже отлетѣло въ адъ.)

Господь оставался на томъ же мѣстѣ, ожидая, когда стража сдѣлается способною возложить на Него руки. Между тѣмъ ученики, одинъ по одному, выходя изъ вертограда, присоединялись къ Нему. Когда слуги, ободряемыя примѣромъ фарисеевъ, а болѣе кротостію

Иисуса, успокоился отъ первого страха, Иисусъ подошелъ къ нимъ и слова спросилъ: «кого ищете?»

Невѣжественная толпа отвѣчала уже смѣлѣе, что она ищетъ Иисуса. Нѣкоторые изъ слугъ (болѣе дерзкихъ) начали братъ мѣры даже къ тому, чтобы захватить и всѣхъ учениковъ.

«Не сказалъ ли Я вамъ, отвѣчалъ Господь, что это Я? Итакъ, если Меня ищете, то оставьте ихъ: пусть идуть.»

Стража невольно повиновалась сему, все еще страшному для нея, гласу, и тотчасъ оставила учениковъ, въ отношеніи коихъ ей, кажется, не было дано никакого опредѣленнаго приказанія. По всей вѣроятности, и самъ Іуда обѣщался предать только одного Учителя. Между тѣмъ въ семъ случаѣ, какъ замѣтилъ св. Іоанъ, надлежало исполниться и пророчественнымъ словамъ Иисуса: *«ихъже да.тъ еси Мий, не погубихъ отъ нихъ никогоже.»* Въ самомъ дѣлѣ, ученики, какъ показетъ примѣръ Петра, еще такъ мало способны были раздѣлять съ Учителемъ чашу искушеній и страданій, что взятіе кого либо изъ нихъ подъ стражу и преданіе мукамъ могло павсегда отдѣлить его отъ Иисуса и подвергнуть совершенному паденію. *Немощи убоги ради ихъ, замѣчаетъ св. Златоустъ, творитъ я кромѣ искусовъ *).*

Въ такія рѣшительныя минуты, такая особенная заботливость объ ученикахъ тронула сердце нѣкоторыхъ изъ нихъ до того, что пробудила мысль о защищении Учителя.

---

*) Бесѣд. на Іоан.

теля; и робость стражи и необыкновенное присутствие духа въ Немъ показались нѣкоторымъ вызовомъ употребить силу. «Не ударить ли намъ мечемъ», спросили они. Но когда другіе спрашивали, Петръ уже дѣствовалъ. Извлечь ножъ и поразить одного изъ служителей (перваго, который осмѣялся поднять руку на Іисуса?) въ правое ухо—было для него дѣломъ одного мгновенія. — Ударъ былъ не опасенъ: но и малѣйшій видъ противленія власти былъ совершенно чуждъ святыму обществу Іисуса. — «Остановитесь», сказали Онъ ученикамъ, готовымъ слѣдоватъ примѣру Петра. «Вложи мечъ твой въ ножны, продолжалъ Господь обратясь къ Петру; все, поднявшіе мечъ (противъ законной власти, какова бы она впрочемъ ни была), мечъ погибнутъ. *Или мнится ти, яко не могу иныль умолити Отца Моего, и представитъ Ми вящше, нежели дванадесятъ легиона Ангеловъ? Но* (въ такомъ случаѣ) *како сбудутся писанія, яко тако подобаетъ быти?* (Мате-26, 53). *Чашу,юже даде Миль Отецъ, не имамъ ли пить?*» (Іоанн. 18, 11)...»

Обличая такимъ образомъ безвременное усердіе учениковъ, Іисусъ въ тоже время изгладилъ слѣды его. Прежде, нежели слуги связали Ему руки, Онъ прикоснулся къ уху Малха (такъ назывался слуга, пораженный Петромъ) и исцѣлилъ его. Такое соединеніе величія и кротости, силы и беззащитности, еще на нѣсколько мгновеній остановило буйную толпу. Между тѣмъ ученики, пользуясь ея смятеніемъ и нерѣшительностью, одинъ за другимъ начали удаляться съ такою поспѣшностью и такимъ незвѣданіемъ къ положенію своего Учителя, что одинъ изъ нихъ, внослѣдствіи они-

сывая сіе обстоятельство, почель за долгъ сказать: *тогда вси оставльше Его бльжаша* (Мате. 26, 56). Ибо, иносіѣ того, какъ увидѣли, что Богочеловѣкъ не хотѣть употребить къ своему защищению ни сверхъ-естественныхъ, ни естественныхъ средствъ, страхъ тотчасъ подавилъ всѣ прочія чувства, и заставилъ ихъ думать только о спасеніи себя, къ косму не представлялось другаго средства, кроме скорѣйшаго бѣгства. Послѣднія слова, которыя слышали ученики изъ устъ своего Учителя, былъ упрекъ начальникамъ стражи и фарисеямъ. «Какъ будто на разбойника пришли вы съ мечами и дреколіемъ, чтобы взять Меня, — говорилъ имъ Господь съ прежнею, Ему свойственою, властію. Не всякий ли день бывалъ Я съ вами въ храмѣ, сядѣль тамъ и училъ, и вы не брали Меня? Но, се есть ваша година и область темная!... Да сбудется писаніе!» (Мар. 14, 49)... Упрекъ сей былъ не только совершенно справедливъ, но и весьма нуженъ. Начальники стражи, а особенно члены синедріона (Лук. 22, 52) должны были выразумѣть изъ сихъ словъ, что они сами причиною непріятнаго поступка, сдѣланаго однімъ изъ учениковъ Иисусовыхъ, — дозволивъ себѣ употребить противъ беззащитнаго и всѣми уважаемаго человѣка такія средства, какія употребляются только противъ грабителей и злодѣевъ.

Не безъ памѣренія сдѣлано новое указаніе на ту великую истину, что все, теперь происходящее, произошлообразно съ пророчествами: если когда свѣтильникъ пророчествъ былъ нуженъ, то теперь, при наступленіи области тьмы.

Когда Иисусъ остался одинъ, стражи связали Его и

повели въ Іерусалимъ тѣмъ же путемъ, коимъ Онъ недавно шелъ съ учениками.

За Божественнымъ Узникомъ, по сказанію св. Марка (Мар. 14, 51—53), слѣдовалъ одинъ юноша, коего одѣяніе (полотно, обернутое по нагому тѣлу) показывало, что онъ вышелъ на шумъ народный внезапно, безъ сомнѣнія изъ того дома, коему принадлежалъ вертоградъ. Такое усердіе представилось подозрительнымъ стражѣ, которая, избавившись отъ несроднаго ей страха, сдѣлалась, по обыкновенію своему, наглою и жестокою;—и бѣдный юноша не иначе могъ спасти свою свободу, какъ оставивъ въ рукахъ слугъ первосвященническихъ послѣднюю плащаницу.

Поелику св. Маркъ не называетъ сего юноши по имени и однакоже, не смотря на обыкновенную свою краткость, одинъ разъказываетъ сей случай, и довольно обстоятельно, то еще въ древности составилось мнѣніе, что означенный юноша былъ самъ Маркъ. Въ такомъ случаѣ ему трудно было не упомянуть о такомъ событии, которое, касаясь такъ близко его самого, имѣетъ въ тоже время цѣну для всякаго, потому что показываетъ опасность, коей подверглись бы ученики Иисуса, еслибы захотѣли слѣдовать за Нимъ.

Предположеніемъ, что юноша былъ самъ св. Маркъ, проясняется еще одно обстоятельство, которое взаимно служитъ ему подтвержденіемъ. Въ книгѣ дѣяній Апостольскихъ читаемъ, что фамилія пѣкоего Марка принадлежалъ и въ Іерусалимѣ домъ (Дѣян. 12, 12), который, по вознесеніи Господа, во время гоненія на христіанъ, служилъ мѣстомъ пхъ тайныхъ собраній. Съ сей фамиліею св. Петръ былъ въ сношеніяхъ самыхъ дру-

жескихъ, такъ что въ посланіяхъ называлъ Марка своимъ сыномъ (1 Петр. 5, 13).

Такимъ образомъ вертоградъ Геѳсиманскій п домъ, въ коемъ совершила Пасха, вѣроятно, *принадлежали* оз-
ной и той же фамиліи, которая была благорасположе-
на къ Иисусу, и потомъ къ Апостоламъ, и изъ коей про-
исходилъ св. Маркъ, сопутствовавшій Апостолу Петру,
и написавшій впослѣдствіи одно изъ четырехъ Евангелій.

Въ нѣкоторомъ отдаленіи за *толпою*, *вѣдшею* Иису-
са, непримѣтно слѣдовали еще два человѣка, кои рав-
но любили Его, но неравно смотрѣли на опасность
своего положенія: *пбо одинъ быль знакомъ великому*
первосвященнику, и посему не имѣлъ особенной при-
чины страшиться преслѣдованія слугъ его,—*другой не*
зналъ *никого*, *кромѣ* *рыбарей*, *изъ* *кото* *быль избранъ*
Иисусомъ, и потому трепеталъ при одномъ имени си-
недріона. Послѣдній быль—Петръ, а первый, означен-
ный у Ев. Иоанна общимъ именемъ *ученика*, *знакомаго*
первосвященнику,—какъ всѣ полагаютъ,—самъ Іоаннъ.

Почему же онъ скрылъ свое имя? «*Смиренія ради*,
отвѣчаетъ св. Златоустъ. *Понеже родвихъ исповѣдати*
хощетъ, *яко инымъ отблѣшишъ*, *той послѣдова*, *того ра-*
ди *крыетъ* *себѣ* *и* *первѣ* *Петра поминаетъ*. *А еже по-*
минаетъ *себѣ*, *сего ради поминаетъ*, *да увѣмы*, *яко из-*
вѣстнѣ *тыхъ исповѣсть*, *яже въ дворѣ* *бывшая* *и яже*
внутрь. *Виждь* *же*, *како и еще отѣкаетъ* *свою похвалу?*
Да не услышавъ, *яко убо вниде со Иисусомъ* *Іоаннъ*, *вели-*
ко что о немъ помыслиши, *глаюлетъ*, *яко знаемъ бѣ ар-*
хіерею, *а не яко дерзновеніе иныхъ бѣ*. *Петръ же по-*
вѣдаетъ, *яко послѣдоваша любви ради*.»

Неизвѣстно, какимъ образомъ возлюбленный ученикъ

Иисусовъ вошелъ въ знакомство съ главою синедріона, и какъ могъ совмѣшать пріязнь Каїаѳа съ дружествомъ къ Учителю,—если къ сему не содѣйствовало предварительное знакомство Іоанна съ другими членами синедріона, Іосифомъ и Никодимомъ, о тайныхъ бесѣдахъ коихъ съ Іисусомъ опъ однѣ упоминаетъ въ свомъ Евангеліи. Какъ бы то ни было, Іоаннъ, полагаясь на знакомство съ главнымъ начальникомъ, надѣялся, что ему, безъ большой опасности, можно будетъ войти въ домъ первосвященника и развѣдать о дальнѣйшей судьбѣ своего Учителя. Сія-то надежда влекла его и Петра теперь въ Іерусалимъ.

ИСУСЪ ХРИСТОСЪ НА СУДЪ ПЕРВОСВЯЩЕНИКОВЪ И СИНЕДРІОНА.

(Стража приводить Христа во дворецъ первосвященника Аиана. — Частный допросъ. — Отвѣтъ Иисуса. — Первое заущеніе отъ раба. — Первое отреченіе Петра. — Божественный Узникъ отсылается къ Каїаѳу. — Полночное собраніе и судъ синедріона. — Джесвидѣтели и ихъ недостаточность. — Молчаніе Господа. — Клятвенный вопросъ первосвященника. — Величественный отвѣтъ Иисуса. — Первый смертный приговоръ. — Поношенніе отъ слугъ и стражей. — Второе и третье отреченіе Петра. — Алекторъ и слезы покаянія.)

Судя по тому, что враги Иисуса Христа крайне спѣшили судомъ и осуждениемъ Его, надлежало ожидать, что и спира поспѣшить представить Его прямо въ домъ Каїаѳы, гдѣ обыкновенно собирался для совѣщаній верховный совѣтъ іудейскій. Между тѣмъ Божественный Узникъ, по свидѣтельству св. Иоанна (Іоан. 18, 13), приведенъ былъ сперва не къ Каїаѳу, а къ другому (отставному) первосвященнику Аинѣ, или, какъ постоянно называется онъ у Флавія, Апапу: потому что онъ былъ, — присовокупляетъ Евангелистъ въ поясненіе сего обстоятельства, — тестъ Каїаѳу, давшему совѣтъ іудеямъ, яко *уие есть единому человеку умрети за люди*. То есть, Аина, по тѣсной связи своей съ Каїаѳю, вѣроятно, особеннымъ образомъ участвовалъ въ настоящемъ предпріятіи синедріона противъ Иисуса; съ другой стороны, древнее *), до-

* Оно встречается еще у Августина.

сель сохранившееся въ Иерусалимѣ, преданіе *), говоритьъ, что домъ Апана лежалъ на пути къ Каїаѳу, такъ что стражѣ, ведией Иисуса, ничего не стоило доставить ему удовольствіе—первому увидѣть предъ собою связаннаго Того, Кто недавно еще казался всему синедріону неприступнымъ. Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ о семъ первомъ судіи Богочеловѣка, не безполезно замѣтить, что Апапъ былъ самъ нѣкогда одиннадцать лѣтъ первосвященникомъ, умѣль потомъ, — не смотря на вышательство римлянъ, не терпѣвшихъ, чтобы это, первое въ глазахъ народа, достоинство долго оставалось при одномъ человѣкѣ, — продлить его въ своей фамиліи, между сыновьями и зятьями своимъ, и теперь, пользуясь прошедшемъ вліяніемъ и настоящими связями, былъ, безъ сомнѣнія, лучшюю и главною подпорою упадающаго со дnia на день синедріона **).

При всей личной важности своей, Апапъ, какъ частный членъ синедріона, не имѣлъ однакожъ права самъ по себѣ дѣлать судебнаго допроса въ такомъ важномъ дѣлѣ, каково изслѣдованіе о лицѣ Мессіи. Посему на обхожденіе его съ Иисусомъ Христомъ должно смотрѣть, какъ па поступокъ частнаго человѣка, который вирочемъ почитаетъ себя такимъ важнымъ, что, по его мнѣнію, воинуемый имъ лично долженъ почитать за милость, что его спрашиваютъ такимъ образомъ, — о чёмъ бы ни спрашивали. Въ настоящемъ случаѣ, отъ Пророка Галилейскаго Аナンу вдругъ хо-

*) Смотр. путеш. въ Иерус. Норова

**) V. Flav. Antiq.

тѣлосъ знати и обѣ учении Его и обѣ ученикахъ: то есть, чему и для чего учить? Кто Его послѣдователи, гдѣ и сколько? Какая вообще цѣль ихъ дѣйствованія? — Хотя въ предложеніи подобныхъ вопросовъ, безъ сомнѣнія, участвовало и любопытство престарѣлого саддукея; но ими, памѣренно, въ самомъ пачалѣ задавался самый опасный тонъ дѣлу. Предполагалось, что у Иисуса Христа есть многочисленное общество явныхъ и тайныхъ послѣдователей, противное существующему порядку вещей, что въ семъ обществѣ есть свое, отличное, отъ всѣми припятаго — Монсеева, ученіе, своя тайная цѣль и проч. И легкаго признанія въ подобныхъ вещахъ достаточно было для враговъ Иисусовыхъ, чтобы обвинить Его въ преступленіи противъ вѣры и отечества.

«Азъ, отвѣтствовалъ Господь, не обинуяся глаголахъ миру; Азъ всеида учахъ на сомнѣщахъ и въ церкви (куда всѣ іудеи сходятся), и тайно не глаголахъничесоже. Что Мя вопрошаши: вопросы слышавшихъ, что глаголахъ имъ: се си вѣдяте, яже Азъ рѣхъ.»

Нельзя было отвѣтить съ большимъ достопиcтвомъ, мудростю и истиной. Въ отвѣтѣ ничего не упоминается обѣ ученикахъ: ибо въ томъ смыслѣ, какой давалъ сему слову Апапъ, то есть, въ смыслѣ противообщественныхъ послѣдователей, у Иисуса Христа не было учениковъ, равно какъ не было никакого мірскаго общества. Господь не разъясняетъ никакъ и своего ученія предъ Аナンомъ: ибо явно было, что первосвященники заплатили сребреники не за то, чтобы слышать ученіе Иисуса, а чтобы умертвить Его. И сколько времени потребовалось бы для изъясненія таинъ

царствія Божія предъ такимъ, освѣщеннымъ личностю и злобою, слушателемъ, каковъ быль Аианъ и его слуги? Сущность дѣла, по коему сиредріонъ отправилъ противъ Іисуса Христа вооруженную стражу, состояла въ обвиненіи Его въ томъ, что Онъ учитъ и дѣйствуетъ противъ вѣры и законовъ; а истина такого обвиненія зависѣла всецѣло отъ свидѣтелей. Посему обращеніе Господа, во свидѣтельство своей невинности, ко всѣмъ, бывшимъ когда либо въ числѣ Его слушателей, служить сильнѣйшимъ доказательствомъ совершиенной чистоты Его ученія и дѣйствій. Онъ точно никогда и ничего не говорилъ скрыто: если бѣдовалъ иного съ Апостолами пространнѣе, нежели съ народомъ,— открывая имъ *тайны царствія Божія*,—то съ тѣмъ, чтобы, по Его собственному выраженію, сказанное имъ *во ухо*, проповѣдано было потомъ ими *на кровлѣ* (Мате. 10, 27). Никодимы и Іосифы слышали отъ Сына человѣческаго тоже, что и народъ: проповѣдь о возрожденіи духовномъ, а не о дѣлахъ гражданскихъ (Іоан. 3, 1—18). Изъ присутствовавшихъ теперь іудеевъ, вѣроятно, были такие, кои слыхали ученіе Іисусово, — и теперь—же могли дать свидѣтельство о Немъ предъ Аиапомъ. Самая стража первосвященническая не забыла еще, можетъ быть, совершенно того необыкновенного впечатлѣнія, которое предъ симъ произвели падъ иею слова Іисуса, когда она, не смотря на повелѣніе начальниковъ своихъ, не посмѣла возложить на Него руку потому, что *николиже тако есть глаголалъ человѣкъ, яко сей человѣкъ* (Іоан. 7, 46). Если отвѣтъ Іисуса Христа на вопросъ, сдѣлашній Аиану, отзывался топомъ какъ-бы упрека первосвященнику: то надле-

житъ помнить, что настоящій узникъ былъ Мессія, почитался за такового большею частію народа, и что съ Нимъ, при взятіи Его, поступлено, даже въ судебномъ отношениі, самымъ недостойнымъ образомъ.

По всѣмъ симъ причинамъ, первосвященникъ іудейскій, не смотря на сильное личное предубѣждешіе противъ Иисуса Христа, самъ, по видимому, ничего не нашелъ въ отвѣтѣ Его такого, чтобы можно было поставить Ему въ вину: хотя впутренно и не могъ быть доволенъ такимъ искуснѣмъ, по его мыслью, уклоненіемъ отъ дѣла. Иначе смотрѣлъ на все сіе одинъ изъ близстоявшихъ служителей Анааповыхъ. Святая свобода Узника въ отвѣтѣ первосвященнику, предъ копыемъ онъ привыкъ оказывать и видѣть одно раболѣство, показалось ему дерзостію, стоящею немедленнаго укрощенія. «Такъ-то Ты отвѣчаешь первосвященнику», — вскричалъ онъ, желая показать усердіе къ чести своего владыки; — и ударилъ Господа въ лицо.

Кто будетъ молиться на крестѣ за самыхъ распятыхъ своихъ, Тотъ могъ перенести теперь равнодушно безумную дерзость раба Анаапова... Но молчаніе въ настоящемъ случаѣ могло показаться признаніемъ въ томъ, что дѣйствительно нарушено уваженіе къ сану первосвященника. Самъ безразсудный рабъ остался бы въ увѣренности, что поступилъ справедливо.

«Аще злыя глаголахъ», отвѣчалъ Иисусъ ударившему Его, свидѣтельствуя о злѣ; аще ли добро, что Мя біеши?»...

Анаанъ видѣлъ и слышалъ все это: но не его дѣло

было обуздывать безразсудную дерзость своихъ слугъ; его дѣло было судить и преслѣдоватъ невинныхъ...

Болѣе вопросовъ не было. Огвѣтъ Господа и святая неустранимость Его духа дали выразумѣть хитрому саддукею, что надежда его привести Узника въ замѣшательство судебными вопросами напрасна, что онъ видитъ предъ собою того же самаго человѣка, который еще недавно привелъ въ молчаніе всѣхъ самыхъ искусныхъ книжниковъ и совопросниковъ іерусалимскихъ.

Послѣ сего Іисусъ отосланъ былъ Ананомъ къ Кайаѳу въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ приведенъ къ нему, то есть связанный (Іоан. 18, 24). Едва ли не въ томъ же видѣ стоялъ Онъ и предъ лицемъ Аиана, для коего узы Пророка Галилейскаго были пріятнымъ зрелищемъ...

Не одно только заупеніе отъ руки раба должно было претерпѣть Господь во дворѣ Аиана: здѣсь же, не смотря на непродолжительность времени, начались и отреченія первого изъ Его Апостоловъ.

Евангелсты всѣ упоминаютъ о семъ событии, и столь вѣрии въ семъ случаѣ вышеприведенному, замѣченному св. Златоустомъ, ихъ правилу не скрывать *тическо отъ мнѣщихся быти поносныхъ*, что основывалось на полнотѣ разсказа ихъ, вмѣсто трехъ, предсказанныхъ самимъ Господомъ, отреченій Петровыхъ, насчитывали нѣкоторые четыре *) и даже восемь **).

*) Hess, Lebensgesch. Jesu.

**) Abweichende Darstellungen der Neunten. Schriftsteller. Th. II. 6. 99.

Мы изложимъ приключеніе сіе, держась болѣе,—какъ то должно дѣлать и во многихъ другихъ случаяхъ—общаго согласія евангельскихъ повѣствований и хода событій, нежели разнорѣчія буквальныхъ указаний.

Пользуясь своимъ знакомствомъ съ домомъ первосвященника, Іоаннъ немедленно, вслѣдъ за стражею, ведшей Іисуса, вошелъ во дворъ Апана. Петръ, какъ незнакомый, долженъ былъ оставаться за вратами, ожидая отъ ходатайства Іоаннова милости быть впущеніемъ туда же. Милость сія, столь драгоценная для него, была не маловажна и для тѣхъ, кои смотрѣли за входящими. Ибо, въ избѣженіе опасности отъ стеченія народа, вѣроятно, дашь быль Апаномъ приказъ не пускать чужихъ людей во дворъ. Но Іоаннъ сказалъ слово придверницѣ (на Востокѣ въ то время къ сей должности приставлялись наиболѣе женщины, Деян. 12, 13; 2 Цар. 9, 6), — и она ввела Петра, сдѣлавъ ему легкій вопросъ, не изъ учениковъ ли онъ (коихъ не вѣрно пускать) Іисусовыхъ? На сей случай могло быть довольно одного какого-либо легкаго отрицательнаго знака: совсѣмъ другое было впереди. Побуждаемый холодомъ, Петръ приблизился къ огню, который служителями, по причинѣ суховѣти погоды, разведенъ былъ среди двора (Іоан. 18, 18). Но положеніе его было такъ ново для него и опасно, что онъ никакъ не могъ долго и съ твердостію выдерживать лица, имъ принятаго. Между тѣмъ, когда послышалось на дворѣ, что первосвященникъ спрашиваетъ Іисуса о ученикахъ и ученикѣ Его; то и стража, наполнившая дворъ, также начала толковать объ ученикахъ Іисусовыхъ. Какъ не во вре-

мени было теперь присутствіе Петра!—Въ придвернице, введшей Петра, первой (Іоан. 18, 17) родилось касательно его подозрѣніе. «И ты маю впущенный, не изъ учениковъ ли этого человѣка», — повторила она, подошедши къ Петру,—впрочемъ не столько изъ злого намѣренія, сколько изъ простой предосторожности: но робкому Симону самая дружеская шутка въ семъ родѣ показалась бы теперь певыносимо—въ такое время и такомъ мѣстѣ: опѣ рѣшительно сказалъ, что *не знаетъ и не понимаетъ, что она говоритъ* (Мар. 16, 68).

Когда Петръ, вслѣдъ за стражею, поведшей Іисуса гъ Каїаѳъ, выходилъ изъ двора Апавова, послышалъ въ первый разъ голосъ алектора (Мар. 16, 68): но Петръ или не слыхалъ его, или не обратилъ вниманія. — Первое, описанное нами, отреченіе его предъ рабынею, имѣло еще видъ случайной неосторожности въ словахъ и могло казаться такимъ поступкомъ, который, конечно, нельзя одобрить, но и нельзя еще представлять прямую измѣною Учителю.

Между тѣмъ какъ Іисусъ Христосъ находился въ домѣ Аины, къ первосвященнику Каїаѳу, не смотря на глубокую полночь, собралась большая часть членовъ синедріона. Верховное судилище сіе представляло теперь самымъ живымъ образомъ—церковь лукавившихъ (Псал. 25, 5). Две главныя секты—фарисейская и саддукеевская, пытали давнею непавистю къ Іисусу Христу. Каїаѳа, въ рукахъ коего находилась верховная власть, давно уже изрекъ свое мѣніе: «лко *утие есть, да единѣ умретъ за люди.*» Для беспристрастного наблюдателя достаточно было одного взгляда на лица

и движениі будущихъ судей Иисуса, дабы со всею увѣренностию заключить, каковъ будетъ судъ, и чего должно ожидать подсудимому.

Не смотря однакоже на твердое, давно положенное, намѣреніе лишить Его жизни, сицедріонъ хотѣлъ дать сему дѣлу весь видъ справедливости и, какими бы то ни было средствами, приписать Иисусу вину, достойную смерти. Сего требовала, можетъ быть, и совѣсть пѣкоторыхъ судей, испорченная, но не совсѣмъ заглушенная страстями, и приличie, которымъ, особенно въ общественныхъ собрашяхъ и дѣлахъ, не пренебрегаютъ люди самые злонамѣренные. Но главнымъ источникомъ мнимой справедливости было опасеніе — иѣ ослыть въ народѣ, приверженномъ къ Иисусу Христу, явными гонителями невинности, если бы ссудили Его безъ всякаго суда, по одной личной неправости.

Рѣшились употребить тоже самое средство въ обвиненію Господа, на которое Онъ предъ Аиакомъ ссыпался въ свое оправдание, — свидѣтелей. Законъ требовалъ въ семъ случаѣ только трехъ или даже двухъ (Чис. 35, 30; Втор. 17, 6; 1 Тим. 5, 19): первосвященникамъ, въ ослѣщеніи страсти,казалось возможнымъ представить ихъ тысячи. Въ другое время дѣйствительно нашлось бы достаточное число безсознѣстныхъ людей, способныхъ клеветать на самую невинность; потому что Иерусалимъ былъ наполненъ приверженцами фарисеевъ, и слѣд. врагами Иисуса. Но теперь въ глубокую полночь, — когда весь городъ спалъ, свидѣтелей надлежало искать — и не безъ труда. Начиная съ первосвященника и до послѣдняго члена

всѣ засяялись симъ изыскашемъ *): каждый приводилъ себѣ и другимъ на память человѣка, способнаго лжесвидѣтельствовать на Іисуса, и по своему образу мыслей, и по тому, что слыхалъ Его бесѣды. Такая заботливость судей въ изысканіи причинъ къ обвиненію подсудимаго, поспѣшность и замѣшательство, съ коими дѣлались предложенія, давали собрапію синедріона видъ самый странный, и сквозь личину минимой справедливости явно проглядывала злоба и личная несправедливость.

Но для чего, можно спросить при семъ, — первосвященники не рѣшились воспользоваться услугами Іуды, который, зная ученіе и всѣ дѣянія Господа, изъ угощенія врагамъ Его, изъ новой платы, и даже въ оправданіе своей измыслины Учителю, могъ быть самымъ жестокимъ обвинителемъ? — Предатель, какъ и видѣли, исполнивъ преступное обѣщаніе — указать мѣсто пребываніе своего Учителя, тотчасъ удалился; а потому его не вдругъ можно было отыскать Притомъ, свидѣтельство Іуды, послѣ того какъ узнали бы о Его предательствѣ (а скрыть сего было нельзя), не имѣло бы цѣли въ глазахъ людей безпристрастныхъ. Можно даже сказать, что едва ли бы самъ Іуда имѣлъ столько дерзости, чтобы клеветать на своего Учителя, въ Его присутствіи. Мы увидимъ, что въ мрачной душѣ его, и послѣ преданія, невольно сохранилось еще сильное чувствоуваженія къ Его нравственности.

Всѣми искомые лжесвидѣтели начали наконецъ по-

*) Архіерее же и старцы и сонмъ весь искаху лжесвидѣтельства на Іисуса. Мат. 26, 59.

являться съ разныхъ сторонъ. Что они ставили Господу въ преступлениe, неизвѣстно: только свидѣтельства ихъ были несогласны между собою и не заключали въ себѣ уголовнаго обвиненія. Вѣроятно, указывали на какое либо нарушениe покоя субботняго, на несоблюденіе преданій фарисейскихъ и проч.—на такія преступления, кои много значили въ устахъ кипчаковъ, когда они обольщали народъ легковѣрный, но не содержали въ себѣ законной причины къ осужденію обвиняемаго на смерть: между тѣмъ, судіямъ хотѣлось найти преступлениe именно послѣдняго рода *).

Наконецъ явились еще два свидѣтеля, которые, имѣя въ виду слова Спасителя, произнесенные за два предъ симъ года къ народу (Иоанн. 2, 19) въ храмѣ іерусалимскомъ, хотѣли обратить ихъ въ уголовное обвиненіе; по оба, злонамѣренно или по забвѣнію отъ давности времени, превращали слова Иисуса Христа. Одинъ (Мате. 26, 61) лжесвидѣтель утверждалъ, будто Онъ сказалъ однажды: «Я могу разрушить храмъ Божій и въ три дня воздвигнуть его». Въ такомъ ложномъ видѣ слова, усвоемыя Иисусу Христу, могли предъ судьями показывать дерзость и самохвальство, соединенное съ неуваженіемъ къ самимъ священнымъ вещамъ, каковъ храмъ. Другой (Мар. 14, 57) лжесвидѣтель объявлялъ, будто ему слышалось, какъ Господь говорилъ: «Я разрушу храмъ сей рукотворенный, и въ три дня воздвигну другой

---

*) Мат. 26, 59. Εἰπτον ϕευδομαρτυριαν, οπως αυτον θανατωσει.

нечестиворенныи». Въ такомъ превратномъ видѣ слова сіи казалось обнаружениемъ чего-то мятежнаго, богоопротивнаго, какъ будто Иисусъ Христосъ не только имѣеть самое низкое почитіе о храмѣ Иерусалимскомъ (слово *нечестиворенныи* употребляется въ св. книгахъ для означенія идола, Исал. 21, 19) и храма идолъскаго, Исал. 16, 12), но и намѣренъ разрушить его, дабы создать другой, неизвѣстно какой, храмъ, всего вѣроятнѣе никакого. Это представлялось явною хулою на храмъ, равною хулѣ на Бога и Моисея, которая, по закону, вела за собою смерть хулившему (Лев. 24, 13). Вѣроятно, несогласіе лжесвидѣтелей состояло не въ однихъ выраженіяхъ, а въ прочихъ принадлежностяхъ свидѣтельства *); но какихъ именно, сего, при молчаніи Евангелистовъ, опредѣлить невозможно.

Ничего не было легче, какъ отвѣтить на обвиненія лжесвидѣтелей, если бы они стояли отвѣта. Во-первыхъ, Господь никогда не говорилъ: *Я разрушу*, или *могу разрушить* храмъ, а говорилъ только къ іудеямъ, требовавшимъ чуда: «*разрушите*». Во-вторыхъ, когда Онь говорилъ сіе, то подъ церковью разумѣль не храмъ Иерусалимскій, а собственное тѣло, такъ что слова Его имѣли такой смыслъ: вы требуете чуда, и будете имѣть оное въ Моеи воскресеніи; ибо когда вы разрушите церковь тѣла Моего — умертвите Меня; то Я чрезъ три дня воздвигну ее — воскресну изъ мертвыхъ (Иоан. 2, 16—20).

Междуди тѣмъ Господь не отвѣчалъ и на сіи лже-

*) *Ιεσοι μαρτυριαὶ οὐκ ηὔσαν.* (Марк. 14, 46).

свидѣтельства, также какъ и на первое (Мате. 26, 63). То, что Опъ сказалъ бы въ изъясненіе смысла словъ своихъ, не послужило бы къ Его оправдапію *): смерть Его уже была запечатлѣна въ сердцѣ первосвященниковъ. Съ другой стороны, поелику слова Господа заключали въ себѣ символическое предсказаніе о Его смерти и воскресеніи; то поясненіе смысла, въ пихъ содержащагося, было бы далеко несообразно съ настоящими обстоятельствами и, не доставивъ никакой пользы, привело бы только къ недоумѣніямъ и паки смышкамъ. Молчаніе, паконецъ, было самымъ лучшимъ отвѣтомъ уже потому, что свидѣтели не были согласны между собою; потому что такое разглаголасіе дѣлало ихъ показанія совершенно недѣйствительны: и предъ закономъ **).

Судіи, при всей личной пенависти къ Подсудимому, сами чувствовали слабость лжесвидѣтельствъ; по величественное молчаніе Его для мелкаго самолюбія казалось непростительнымъ невниманіемъ, или презрѣніемъ. Если бы Господь защищалъ Себя, то могли надѣяться, что въ собственныхъ Его словахъ найдется что либо противное закону; ибо первосвященники и книжники не разъ испытали на себѣ строгость Его обличепій, почитаемую ими за дерзость и богохульство. И вотъ Каіафа, который доселѣ сидѣлъ па своемъ мѣстѣ и сохранилъ, хотя не безъ припужденія, важность предсѣдателя пачестиваго совѣта, первый потерялъ терпѣніе, всталъ съ своего мѣста и, высту-

*) Non intererat occidentium,quit diceret. Tacit.

**) Мат. 28, 16; Втор. 17, 6; 1 Тим. 5, 19; Числ. 25, 30
Seldenus de Syned. 2. 13.

шить па средину (Мар. 14, 60), гдѣ находился Господь, сказалъ съ гнѣвомъ: «какъ Ты не отвѣчаешь ничего? развѣ не слышишь, что они противъ Тебя свидѣтельствуютъ?»

По Господу не отвѣчалъ ни слова... Раздраженный симъ молчаниемъ, первосвященникъ всего скорѣе согласился бы почесть его за признаніе въ преступлении: по пѣкоторый остатокъ приличія еще обуздывалъ личную пенависть. Между тѣмъ, вступивъ въ разговаръ съ Узникомъ, онъ не могъ уже безъ стыда окончить его пичѣмъ. Хитрость саддукея нашла средство, не прибѣгая къ явно несправедливымъ мѣрамъ, не только заставить подсудимаго говорить, но и сказать нечто такое, чѣмъ весь допросъ въ немногихъ словахъ могъ быть совершиено оконченъ. Какъ первый служитель Бога Израилева, первосвященникъ, при всемъ недостоинствѣ своемъ, имѣлъ право спрашивать о чемъ-либо обвиняемаго подъ клятвою: способъ допроса, на который нельзя было не отвѣтить, не преступивъ должного уваженія къ клятвѣ, къ сану первосвященника и самому закону. Къ сему-то средству прибѣгъ Каifa.

«Заклинаю Тебя, сказалъ онъ, съ притворнымъ уважениемъ къ словамъ, имъ произнесеннымъ,—заклинаю Тебя Богомъ живымъ: скажи намъ, Ты ли Христосъ, Сынъ Божій?» (то есть, Ты ли Мессія) (Мат. 26, 63)?

«И, отвѣчалъ Господь: *даже реку вамъ болѣе: отсель уринте Сына человѣческаго (Меня) съдяща одесную силы Божіи и грядуща на облацѣхъ небесныхъ.*»

(То есть, какъ бы такъ было сказано: вскорѣ са-

мъя дѣла покажутъ вамъ, что Я тотъ славный Царь, который, по описанію пророка Даниила, сидитъ на облакахъ одесную Всѣхаго днѧмп. (Дан. 7, 14).

Сего имѣшо призпашія и желалъ Каїафа: потому что оно совершенно отвѣтствовало его цѣли. Но положеніе дѣла требовало скрыть при семъ свое удовольствіе; и оно скрыто... Какъ бы услышавъ ужасное, нестерпимое богохульство, лицемѣръ тотчасъ представился вышедшемъ изъ себя и разодралъ одѣжды свои (переднюю часть): поступокъ, который въ перво-священникъ выражалъ чрезвычайную крайность *) душевнаго волненія и показывалъ величайшій избытокъ мнимой ревности ко славѣ Бога Израилева. «Слышали ли, вскричалъ потомъ Каїафа къ прочимъ судіямъ, — слышали ли вы, что Онъ сказаъ?.. Онъ явно богохульствуетъ, и мы еще требуемъ свидѣтелей?»...

Всѣ молчали, раздѣляя съ перво-священникомъ притворный ужасъ по причинѣ мнимаго богохульства. «Что же вы думаете, продолжалъ лицемѣръ, чего Онъ достоинъ?» (Мат. 26, 65. 66)

«Смерти, смерти», повторяли одинъ за другимъ старѣйшины.

Симъ кончился первый допросъ. Судіи и совѣтники разошлись, дабы нѣсколько успокоиться спомъ, потомъ снова собраться, при первомъ разсвѣтѣ. Цѣль, давно желанная, достиженіе коей еще за нѣсколько дній казалось невозможнымъ, по крайней мѣрѣ въ продолженіе праздника, сія цѣль — осужденіе на смерть

*) Иис. Нав. 7, 6; Іудио. 11, 35: 2 Пар. 1, 11; Цар. 21, 27. Geierus de luctu Hebr. 22 11.

Іисуса — теперь, сверхъ чаянія, представлялась уже почти достигнутою; оставалось только въ новомъ собраніі подтвердить приговоръ, теперь сдѣланный.

Господь, въ ожиданіи новаго собранія, выведенъ былъ изъ жилища первосвященника, гдѣ происходилъ совѣтъ, на дворъ. До утра оставалось немного времени (два, три часа); но для Него сей промежутокъ времени былъ весьма тяжель, потому что Онъ находился въ рукахъ буйной толпы, состоявшей изъ стражей храма и служителей первосвященническихъ (Лук. 22, 63—65; Мат. 26, 66—67). Тѣ и другіе почитали за долгъ выказать свое раздраженіе и презрѣніе къ человѣку, который, по ихъ мнѣнію, имѣлъ дерзость быть врагомъ ихъ начальниковъ. Можетъ быть, даже отъ первосвященниковъ данъ былъ слугамъ намекъ, какъ поступать съ Узникомъ. «Пророкъ галилейскій! Мессія - самозванецъ!» Такими насмѣшками началось поруганіе. Но скоро отъ словъ перешли къ ударамъ. Одни заушали Господа; другіе ударили Его по лицамъ, иные плевали въ лицѣ *). Кто хотѣлъ казаться остоумными, закрывали Его лицѣ (Мар. 14, 65; Лук. 22, 64) одеждою и при каждомъ ударѣ спрашивали: «угодай, Христосъ, кто Тебя ударилъ», — потому что Мессія, по мнѣнію іудеевъ, долженъ быть знатъ все.

Что Господь всѣ сіи оскорблениія переносилъ терпѣливо безъ всякаго родота, о семъ Евангелисты не

---

*) Заплеваніе у евреевъ считалось знакомъ крайняго пренебрѣнія и непависти. Числ. 12, 74.

почли за нужное и упоминать. Они замѣчали только, если Онъ что-либо говорилъ своимъ мучителямъ для ихъ вразумленія.

Обратимся къ Петру. Здѣсь прилично разсказать, какъ исполнилась послѣдняя часть предсказанія Иисуса Христа о его отреченіи.

Не смотря на опасность, срѣтившую Симона *) во дворцѣ Апана, онъ слѣдовалъ за толпою служителей, ведшихъ Иисуса Христа во дворецъ Каїафы, желая знать, чѣмъ кончится судъ надъ Учителемъ, которому измѣнили уже его уста, но сердце пребыло вѣрнымъ. Первое возглашеніе пѣтela при первомъ отреченіи Симона, какъ мы видѣли, не произвело падъ илъ никакого впечатлѣнія **), или можетъ быть, даже возбудило рѣшимость доказать па дѣлѣ, что зловѣштій пѣтель не будетъ болѣе свидѣтелемъ измѣны Апостола. И во дворцѣ Каїафы Симонъ представлялъ лицо человѣка, который пришелъ на шумъ народа изъ одного любопытства; и также, вмѣшившись въ толпу служителей, грѣлся вмѣстѣ съ ними у огня, который былъ разведенъ на дворѣ, по причинѣ почнаго холода. Но предсказанная Господомъ измѣна преслѣдовала Симона и здѣсь. Галилейское парѣчіе, коимъ онъ говорилъ, природная живость характера, соединенная тепрѣ съ величайшою робостію, особенное участіе въ извѣстіяхъ о ходѣ суда надъ Иисусомъ Христомъ, кой служителями были выносимы изъ судилища,

*) Прежнее имя Ап. Петра, которое Господь замѣнилъ новымъ, назвавъ его въ ознаменование крѣпости его вѣры, Кифою или Петромъ (каменнымъ) (Іоан. 1, 42).

**) Св. Злат. бессѣд. на Мате. 85, ал. 86.

и множество другихъ обстоятельствъ часть отъ часу болѣе и болѣе измѣняли Симону предъ наглыми служителями, кои, находясь въ услугахъ у судей и будучи употребляемы при слѣдствіяхъ и розыскахъ, привыкли открывать людей подозрительныхъ. Одинъ изъ служителей, обративъ на него вниманіе, началъ говорить окружавшимъ его: «этотъ человѣкъ долженъ быть изъ числа учениковъ Іисусовыхъ». Симонъ затрепеталъ снова, уста, однажды измѣнившія, еще скорѣе разверзлись для втораго отреченія: однихъ увѣреній показалось уже недостаточно,—и малодушный ученикъ присовокупилъ ко лжи клятву въ томъ, что онъ во все не знаетъ Іисуса. Такъ скоро и глубоко падаетъ добродѣтель человѣческая! Освободившись отъ опасности, Симонъ удалился отъ огня; страхъ гнанъ его воинъ, но любовь опять удержала; и онъ остановился у дверей.

Протекло еще нѣсколько времени; первый допросъ кончился — и Іисусъ Христосъ былъ выведенъ изъ судилища на дворъ. Влекомый любовію, ученикъ невольно приблизился, чтобы еще разъ взглянуть на своего Учителя, показаться Ему, если можно, и вдругъ одинъ изъ служителей остановилъ Симона вопросомъ: «вѣрно, и ты былъ съ Нимъ; ибо ты галилеинъ, и нарѣчіе твое измѣняетъ тебѣ». Прочіе служители подтвердили сіе подозрѣніе; ибо нарѣчіе галилейское было очень замѣтно для всякаго *): а между тѣмъ

*) Оно отличалось грубостію и неправильностію произношенія многихъ буквъ и даже цѣлыхъ словъ. Посему въ Іудѣѣ не допускали галилеинъ къ чтенію въ синагогахъ. V. Buxtorf. Talm. p. 434. 2416. Pfeifer Dubia Vexat. 1166.

всѣ знали, что ученики Іисусовы родомъ галилеи. Изумленный Симонъ находился въ самомъ затруднительномъ положеніи: ибо, хотя при взятіі Іисуса воины не имѣли, повидимому, повелѣнія брать учениковъ Его; но теперь, когда удалось такъ счастливо овладѣть Учителемъ, вѣроятно, не пощадили бы и ученика, который самъ попалъ въ ихъ руки. Какъ же глубоко должно было упасть сердце Симона, когда, не дожидаясь его отвѣта, одинъ изъ слугъ архіерейскихъ, бывшій съ воинами въ саду Геѳсиманскомъ, родственникъ того самаго Малха, коему Петръ отрѣзъ ухо,—началь въ слухъ всѣхъ обличать его, говоря: «не я ли тебя видѣлъ съ Нимъ въ саду Геѳсиманскомъ?» Робкій Симонъ не зналъ, что дѣлать, забылъ себя и Учителя, умеръ, по выраженію св. Златоуста *), отъ страха, и всѣми видами клятвъ началъ утверждать, что онъ не только никогда не думалъ быть ученикомъ Іисуса, но и вовсе не знаетъ сего человѣка.

Еще малодушный ученикъ не успѣлъ окончить своихъ клятвъ, какъ проповѣдникъ покаянія (пѣтель) возгласилъ въ слухъ его въ другой разъ...

Въ это же время Господь, бывшій среди стражи на дворѣ, обратился въ ту сторону, где находился Симонъ Петръ (и гдѣ по причинѣ спора произошелъ шумъ) и посмотрѣлъ на него пристально... Петръ, при всемъ замѣшательствѣ своемъ, замѣтилъ это; взоръ

*) Всѣд на Мат. 85. Conf. Victor. Antioch. in 11 Mar.

Учителя и Господа прошникъ его сердце *). Казалось, онъ снова слышитъ роковое предсказание: «прежде нежели пропоетъ пѣтухъ, ты отвергнешься Меня три раза». Мѣсто малодушія заступили стыдъ и раскаяніе **). Но, — онътъ кончился! Слуги архіерейскіе, удовлетворившись клятвами, перестали беспокоить Петра. Но шумъ двора архіерейскаго былъ уже несносенъ для сердца, терзаемаго скорбю,—и онъ, со слезами на глазахъ, спѣшилъ вонъ, дабы въ уединеніи плакать о своемъ непостоянствѣ. *И изшедъ вонъ, плачая горько...*

Св. Кліментъ, ученикъ Ап. Петра, повѣствуетъ, что онъ во всю жизнь, при полуночномъ пѣніи пѣтуха, становился на колѣни и, обливаясь слезами, каялся въ своемъ отреченіи и просилъ прощенія, хотя оно было дано ему самимъ Господомъ вскорѣ по воскресеніи. По сказанію Никофора ***), глаза св. Петра отъ частаго и горькаго плача казались красными.

Разительною чертою характера Петрова оканчивается исторія сей почти, въ коеи стеклось столько иротиво-положныхъ явлений: непоколебимой преданности въ волю Божію, великодушнаго терпѣнія, низкой измѣны, буйнаго безчеловѣчія, мнимой справедливости, истинной праведности;—въ продолженіе коеи природа чело-

*) «Тотъ не могъ оставаться во тьмѣ отреченія, на кого воззрѣть Свѣтъ міра». Блаж. Іеронимъ. Conf. S. Leon. Serm. 3. de Pass.

**) Мат. 16, 18. Ты еси Петръ, и на семъ камени созижду церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей.

***) Lib. 2, с. 37.

вѣческая обнаружилась и съ самой лучшей (въ Иисусѣ Христѣ), и съ самой худшей (въ Иудѣ и первосвященникахъ), и съ средней стороны (въ Петре); — въ которую положено начало событій, объемлющихъ все человѣчество, имѣющихъ окончиться вмѣстѣ съ бытіемъ настоящаго міра, но въ своихъ дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ имѣющихъ продолжиться въ вѣчности.

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ПРИГОВОРЪ ПРОТИВЪ ИИСУСА ХРИСТА СИНЕДРІОНА.

(Второе утреннее собраніе синедріона.—Второй смертный приговоръ.—Его совершенная неправильность.—І. Христосъ препровождается къ Пилату.—Почему и зачѣмъ?)

Наступало утро днѧ, единственнаго въ исторіи рода человѣческаго. Въ павечеріи его, какъ мы видѣли, іудеи закалали агнца пасхальнаго; а теперь, среди полуночи, имѣть быть закланъ Агнецъ Божій, вземлюющій грѣхи міра *). Надлежало, чтобы птицнай жертва принесена была съ жертвою прообразовательною въ одинъ день. Умы всѣхъ іудеевъ заняты были послѣднію: думаль ли кто нибудь о первой?...

Еще добрые израильтяне покоились сномъ, не думая, чтобы *Утъха Израилла* была такъ близко къ нимъ, какъ чертоги Каїафы снова наполнились старѣйшинами, фарисеями и книжниками **). Не думали повторять ро-

---

*) У евреевъ день начинается съ вечера.

**) 1 Мар. 16, 1; Лук. 22, 66 — 71. — Нѣкоторые толковники (Grotius, Kuinöhl, Gregor, Mayer etc.) не допускаютъ втораго собранія синедріона, здѣсь описываемаго, полагая, что Ев. Лука разумѣеть подъ нимъ тоже самое собраніе, которое мы предста-

зысканий, выискивать свидѣтелей (все это и прежде дѣлалось для одного вида): желали только,—сообразно обыкновенію—не осуждать преступника на смерть въ одно засѣданіе *), слова въ полномъ присутствіи синодрона выслушать признаніе Господа, что Онъ есть Мессія, и вслѣдствіе сего слова подтвердить приговоръ смертный. Чего не доставало для единогласія, то могло быть сдѣлано посредствомъ тайныхъ сношеній въ остальную часть ночи. Не страшились болѣе и возмущенія народнаго: жители Іерусалима не могли еще узнать о приключеніяхъ прошедшей ночи. Дѣло тьмы совершалось такъ успѣшно, какъ только могли желать служители тьмы. По всему можно было имъ надѣяться, что они скоро совершенно избавятся отъ непавицтнаго имъ Обличителя и правовъ, и тѣмъ съ большимъ удовольствиемъ займутся празднованіемъ пасхи.

Господь былъ введенъ въ собраніе. «Ты ли Мессія, скажи прямо», спросилъ Каїфа тѣмъ голосомъ, въторой уже отзывался смертнымъ приговоромъ.

Аще и реку вамъ (что Я Мессія), отвѣчалъ Господь, *не имете вѣры. Аще и вопрошу васъ* (о томъ, что могло

вими первымъ. — Но точное и опредѣленное указаніе времени (какъ насталъ день — *προκας δε γενομενης*, Мк. 27, 1), подробное исчисленіе собранныхъ для совѣта сословій (Мар. 15, 1), полнота собранія (Марк. весь совѣтъ), сказаніе Талмуда (Mischna 4 Sanhedr. c. 4. § 1), что въ уголовныхъ дѣлахъ осужденіе должно быть произносимо по крайней мѣрѣ на другой день, какъ началася *шашь*,—заставляютъ думать, что это было новое собраніе.

¶ capitalibus judiciis sententia absolutoria die coepit judicis pronuntiari potest, condemnatoria non nisi postridie. Sanhed. c. 4, § 1.

бы вывести васъ изъ ослѣпленія), *не отвѣщаете Ми*, и (хотя бы я доказалъ, что вы должны вѣрить словамъ моимъ) *не отпустите Мя*. (Послѣ сего остается одно) *отсель Сынъ человѣческій (Я Мессія) будетъ сподлі одесную силы Божіей* (не будетъ болѣе являться предъ вами въ видѣ уничтоженнаго узника, а пріиметъ видъ всемогущаго царя и судіи).»

«Итакъ, Ты Сынъ Божій» (Мессія)? спросили съ нестерпѣніемъ пѣкоторые изъ судей.

«*Азъ есмъ*», отвѣчалъ Господь.

«Онъ самъ на себя *пропицнесь осужденіе*», повторяли одни за другими старѣйшины; «болѣе не о чемъ и разсуждать. Смерть, смерть богохульнику!... Смерть, смерть Лжемессію!»... (Лук. 22, 66—71).

Благомыслящіе члены синедріона или не были при настоящемъ рѣшительномъ осужденіи Господа, или должны были молчать. Ихъ частный голосъ только повредилъ бы имъ, ничего не сдѣлавъ въ пользу невинно осужденнаго. Касательно Іосифа аримаѳея како прямо замѣчается въ Евангеліи, что онъ не участвовалъ въ настоящемъ *преступномъ совѣтѣ и беззаконіомъ дѣлѣ* синедріона.

Мы говоримъ: преступномъ совѣтѣ и беззаконіомъ дѣлѣ; ибо, какъ ни старались первосвященники въ судѣ надъ Господомъ соблюсти видъ законнаго судопроизводства, настоящій приговоръ противъ Него сдѣланъ вопреки всѣмъ законамъ правосудія. Основались единственно па объявленіи Господа, что Онъ есть Мессія. Но объявление себя Мессіею, коего всѣ ожидали, само по себѣ должноствовало быть причиной не смерти, а уваженія и почестей. Итакъ, надлежало ожи-

дать, что синедріонъ, хотя изъ одного вида, потребуетъ доказательствъ на то, что Онъ есть истиный Мессія, войдетъ сколько нибудь въ разсмотрѣніе Его дѣлъ и ученія, отъ чего, какъ мы видѣли, не далекъ былъ, повидимому, самъ таєсть Каїфа, Авацъ. Но сего вовсе не сдѣлано. Ослѣпленными личною неправистю, опутанными съ ногъ до головы расчетами мелкаго саддукеевскаго самолюбія, судіямъ-врагамъ Іисусовыемъ представлялось невозможнымъ, чтобы ожидаемый народомъ іудейскимъ, Мессія былъ таковъ, какимъ казался теперь Іисусъ Христосъ: это было для нихъ дѣло, совершенно решенное. Поелку же синедріонъ основалъ приговоръ смертный на томъ, что непремѣнно требовало иного и безпристрастнаго изслѣдованія: то судъ его, не смотря на всѣ старанія — придать ему видъ законности, представляеть явное неправосудіе. «Форма только, говорить св. Златоустъ, была суда, а въ самомъ дѣлѣ это было не что иное, какъ нападеніе разбойниковъ».

Приявлъ объявленіе Господа, что Онъ есть Мессія, за ложь, синедріонъ могъ находить въ Немъ два преступленія, по отношению въ двойкой власти, имѣвшей силу въ Іудеѣ. Въ отношеніи къ отечественнымъ законамъ, Іисусъ Христосъ представлялся человѣкомъ нечестивымъ, который, забывъ страхъ Божій, осмѣливается присвоять себѣ священное наименованіе Мессіи, дабы вводить парэдъ Божій въ заблужденіе, которое по существу своему (ибо съ появлениемъ Мессіи ожидали преобразованія правлѣнія) могло имѣть пагубныя слѣдствія для всей Іудеи. Въ отношеніи къ римскому правительству, Іисусъ Христосъ оказывался возмущающимъ

телемъ, который, пользуясь народною вѣрою іудеевъ въ пришествіе Мессіи, хочетъ привлечь ихъ на свою сторону, дабы потомъ свергнуть иго римлянъ. Въ томъ и другомъ отношеніи виновный подлежалъ смертной казни. За богохульство и присвоеніе достоинства пророческаго, законъ Монсеевъ повелѣвалъ побивать камнями (Лев. 24, 13); за возмущеніе народа, по уловленію римлянъ, назначенъ бытъ мечъ или крестъ *).

Іудейскій синедріонъ пользовался еще правомъ наказывать смертю за преступленіе отечественныхъ законовъ: только приговоры его исполнялись не прежде, какъ по утверждениіи ихъ областнымъ прокураторомъ **). Слѣдовательно, по осужденію Господа на смерть, первосвященникамъ оставалось только испросить согласія тогдашняго прокуратора и потомъ предать Его стражамъ храма и слугамъ своимъ на побіеніе камнями, или другую какую либо отечественную казнь ***). Но первосвященники не сдѣлали сего, а предпочли отослать Осужденнаго въ прокуратору, дабы онъ приказалъ казнить Его по законамъ римскимъ. Это было совершено въ духѣ фарисейской разсчетливости. Совершеніе казни отъ лица синедріона обратило бы всю

*) *Vulnaeus de Mort. Christi.*

**) *Joseph. de Bell. Jud. 6. 5. 6. Wolfius in Curis ad Math. 26. Muyer, 68. Vertheidigung und Erklrung der Geschichte Jesu aus Profan-Scribenten* § 242.

***) Въ Талмудѣ пишется, что въ распоряженіи сената іудейскаго находились четыре смертныя казни: побіеніе камнями, сожженіе, отсѣченіе головы мечемъ, удавленіе (*strangulatio*). *Sanhedr. 7. 4.* р. 240.

ненависть народа, приверженаго къ Иисусу Христу, прямо противъ первосвященниковъ и фарисеевъ; могли даже опасаться, что народъ произведетъ возмущеніе въ пользу любимаго всѣми Пророка, — что было сдѣлать гораздо труднѣе, когда онъ находился въ рукахъ римскаго, для всѣхъ страшнаго, правительства. Самое наступленіе праздника препятствовало первосвященникамъ распорядиться отечественною казнью; а отложить ее до окончанія праздника сопряжено было съ новою опасностію отъ народа. Въ преданіи Господа Пилату представлялась и та выгода, что прокураторъ можетъ судить Его на самую поносную смерть — на крестъ, каковая казнь опредѣлялась только римскими законами. Между тѣмъ надлежало исполниться и предсказанію Господа о томъ, что Его предадутъ въ руки язычниковъ, кон осудятъ Его на распятіе (Иоан. 18, 32). (Мы во всей исторіи страданій Христовыхъ будемъ видѣть, какъ естественныя повидимому обстоятельства сами собою располагались такъ, что, противъ воли враговъ Иисусовыхъ, на Немъ во всей подробности совершились события, предсказанныя за нѣсколько вѣковъ пророками и самимъ Богочеловѣкомъ). Требовалось только придумать, какъ сильнѣе подѣйствовать на прокуратора, дабы онъ кончилъ дѣло безъ дальнѣаго изслѣдованія. Для сего вѣрнѣйшимъ средствомъказалось, если члены синедріона сами своимъ лицемъ явятся въ его судилище, представятъ ему и важность дѣла, и единогласіе своего приговора, и очевидность преступленія, и крайнюю опасность со стороны преступника для самого правительства римскаго.

Всѣдѣствіе подобныхъ соображеній, Иисусъ Христосъ

въ узахъ былъ отведенъ стражами изъ дома Каїафы въ преторію Пилата (такъ назывался весь домъ и въ частности судилище римскаго правителя). За Нимъ сгѣдовали туда же первосвященники, старѣйшины, фарисеи и книжники (Мате. 27, 1. 2).

СУДЬБА ПРЕДАТЕЛЯ

(Раскаяніе Иуды.—Свидѣтельство о невинности преданного Учителя. Онъ повергаетъ сребренники.—Самоубійство.—Село крови.—Исполненіе пророчествъ.—Характеръ предателя.—Что побудило его быть въ числѣ учениковъ Иисусовыхъ? — Почему и для чего онъ принялъ? — Страсть сребролюбія—непрестанно возрастающая. — Какъ могла образоваться мысль о преданіи?...—Иуда не ожидалъ отъ него такого конца.—Естественность раскаянія.—Тяжесть грѣха Иудина.)

Слухъ объ осужденіи синедріономъ Иисуса Христа на смерть привелъ, безъ сомнѣнія, въ содроганіе весь Иерусалимъ и, можетъ быть, пѣкоторыхъ даже изъ враговъ Его: но самое сильное дѣйствіе произвѣлъ въ томъ человѣкъ, отъ коего въ настоящемъ случаѣ все-го менѣе можно было ожидать чувствительности — въ Иудѣ! — Какъ бы отъ нѣкоего чуда, предатель перемѣнилъ свои мысли и чувства. Раскаяніе самое сильное и мучительное наполнило всю его душу, и овладѣло имъ до того, что онъ, не зная что дѣлать, рѣшился на самый отважный поступокъ — идти къ первосвященникамъ, возвратить гибельные сребренники и всенародно свидѣтельствовать, что онъ согрѣшилъ тяжко — *предалъ кровь неповинную!* Трудно было надѣяться тронуть симъ поступкомъ (хотя онъ самъ по себѣ былъ весьма трогателенъ) сердце судей — враговъ Иисусовыхъ: по ученикъ-предатель хотѣлъ, ио крайней мѣрѣ, удо-

власторить собственному чувству, облегчить сколько нибудь нестерпимое бремя грѣха, подавлявшее его душу. Первосвященники приняли раскаяніе Іуды и его свидѣтельство о невинности Іисуса съ презрительною холодностію людей, кои, якобы занимаясь только исполненіемъ законовъ, не имѣютъ времени обращать вниманія на порывы мечтательной чувствительности. Ни одинъ не захотѣлъ спорить съ Іудою о невинности его Учителя (всего менѣе признаваемой личными врагами Іисуса); но ни одинъ не взялся пролить капли елея на растерзанное сердце предателя. «Что намъ; — отвѣчали, — до твоего поступка? Смотри самъ! Ты согрѣшилъ (если согрѣшилъ), ты и долженъ отвѣтить!» — Такъ холодно говорили уста, хотя сердце кипѣло злобою на Іуду за его всенародное раскалпіе и свидѣтельство о Іисусѣ, кои, служа въ оправданію Осуждшаго, были вмѣстѣ съ тѣмъ нестерпимымъ упрекомъ неправеднымъ судіямъ Его.

Огорченный упрекомъ священниковъ, бѣдный предатель дѣйствительно обратилъ весь взоръ на себя самого, — но взоръ отчаянія, предъ коимъ такъ скоро является и такъ кажется пріятною — смерть!... Въ смятешіи чувствъ, онъ повергаетъ принятые сребренники въ храмъ *), спѣшить въ уединенное мѣсто и тамъ, на древѣ, задушасть въ себѣ жизнь тѣлесную, давно

*) Мат. 17, 5. *Εν τῷ ναῷ*. Но это мѣсто въ храмѣ іерусалимскомъ было доступно однимъ священникамъ. Какимъ образомъ могъ войти въ него Іуда? Развѣ съ отчаяніемъ? Или, можетъ быть, бросилъ деньги въ двери храма. Или, наконецъ, что вѣроятнѣе, *καὶ οὗς* стоялъ вмѣстѣ *μεροῦς*.

задушивъ духовную. Но ужасная картина сія, начатая рукою отчаянія, какъ бы съ намѣреніемъ продолжается перстомъ карающаго Провидѣнія; висящее тѣло упадаетъ съ древа стремглавъ внизъ, средина его расторгается отъ паденія на части, и являются внутренности (Дѣян. 1, 18)...

Первосвященники, по свидѣтельству св. Матея, не согласились положить въ корганъ церковный сребренниковъ Іудиныхъ: потому что закономъ запрещено было принимать въ церковь деньги нечистыя (Втор. 22, 18); а это была цѣна крови! — Вмѣсто сего, съ общаго совѣта, куплено впослѣдствіи у одного горшечника пустое за городомъ мѣсто для погребенія страшниковъ, можетъ быть и іудеевъ, коп, во многихъ тысячахъ приходя во святый градъ, оканчивали перѣдко тамъ земное поприще свое, а болѣе, кажется, язычниковъ, коимъ, какъ, по мнѣнію іудеевъ, нечистымъ, приличествовало и мѣсто отдельное для погребенія. Гласъ народа, въ коемъ такъ часто выражается гласъ Божій, далъ вскорѣ сему кладбищу соотвѣтственное имя: Акелдама, то-есть, мѣсто крови.

Такимъ образомъ, по замѣчанію Евангелиста, исполнились древнія предсказанія пророковъ о предателѣ и плодахъ предательства: тридесять сребренниковъ приняты, какъ «цѣна Цѣпенпаго, Егоже цѣниша отъ сыновъ Израилевыхъ», и отданы на землю горшечника, какъ то еще издревле открылъ Господь вѣрнымъ рабамъ своимъ (Захар. 11, 12—13).

Сбылось, замѣчаетъ св. Петръ, и слово Давида о томъ, кто, ядый хлѣбы, возвеличилъ запинаніе (Дѣян. 1, 20; Псал. 73, 26): *дворъ его остался пустъ, — въ без-*

мольное жилище мертвых! Въ окрестностяхъ Иерусалима и теперь показываютъ слѣды села крови *).

Но кто укажетъ слѣды нрава и жизни несчастнаго стяжателя его?—обозначить истинный характеръ сына погибельнаго? проникнуть тайну его лица и предательства?—Лицо съ первого взгляда ужасное, и вмѣстѣ таинственное, состоящее въ какой-то особенной, разительной противоположности съ достопоклоняемъ лицемъ Сына человѣческаго! Каянты, конечно, жестоко заблуждались, почитая Гуду за его предательство, совершенное яко бы потому, что онъ одинъ изъ апостоловъ обладалъ прозрѣніемъ въ тайну спасенія человѣческаго смертію Сына Божія **); но несогласно съ истиной поступилъ бы и тотъ, кто захотѣлъ бы видѣть во всей прошедшей жизни бывшаго апостола одно мрачное и преступное. За противное ручается уже его, почти четырехъ-лѣтнєе, пребываніе съ Иисусомъ, среди напастей и искушений (Лук. 22, 28), когда многие другіе оставляли Его (Иоан. 6, 65—67). Такое постоянство достается въ удѣль не всякому. Сильное раскаяніе во грѣхѣ, всенародное признаніе въ немъ во храмѣ, и торжественное свидѣтельство о невинности осужденнаго уже Иисуса, подвергавшее Гуду многимъ и важнымъ церіятымъ послѣдствіямъ,—также громко свидѣтельствуютъ, что въ душѣ предателя еще была совѣсть, что рука его умѣла не принимать только, и и повергать сребреники. Все это и многое другое

*) Смотр. Путеш. Норова.

**) Iren. contra haeres l. l. c. 25 Epiph. haeres. 38, § 1.

заставляло еще отцевъ Церкви думать, что душа Гуды не чужда была многихъ добрыхъ чувствованій: почему онъ и былъ принятъ въ апостолы и причисленъ къ лику двѣнадцати. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ душѣ Искаріота бытъ зародыши гибельной страсти сребролюбія, этого, по замѣчанію св. Павла, *корилъ всѣхъ золъ* (1 Тим. 6, 10). То и другое—и похвальная и предо судительная стороны его характера могли равно расположить его слѣдоватъ за Иисусомъ. Гдѣ болѣе, какъ не въ Его святомъ обществѣ, какъ не въ Его Божественныхъ бесѣдахъ, было пищи для всѣхъ благихъ помысловъ и чувствованій? — При комъ, какъ не при Немъ—Мессіи — Царь всего міра, удобнѣе казалось удовлетворить и свою жажду къ сребру? — И вотъ, Искаріотъ — въ числѣ учениковъ Иисусовыхъ и приченъ къ лику двадцати.—Быть не можетъ, чтобы Иисусъ, избравшій своихъ апостоловъ послѣ всенощной молитвы, среди собесѣдований съ Отцемъ, не вѣдалъ, что Онъ избираетъ своего предателя.—*Въдѣши искони, кто есть предаіай Ею*,—и однакоже избралъ его! избранъ, да сбудется писаніе, *яко никто же отъ нихъ погибѣ, токмо сынъ погибельный* (Іоан. 17, 12).

Неизбранный, Искаріотъ, конечно, не учинилъ бы преданія въ настоящемъ его видѣ; но могъ учинить въ тысячу другихъ видовъ: ибо Сынъ Божій, упостасная Истина и Благо, предается всякій разъ, когда мы злопамѣренно измѣняемъ истинѣ и добродѣтели. Напротивъ, смертельный педугъ, коимъ заражена была душа Искаріота, никогда не могъ найти скорбѣшаго и прямѣшаго исцѣленія, какъ въ святомъ обществѣ Иисусовомъ, еслибы несчастный захотѣлъ возстановить

Здравіе души своей! Въ семъ отношеніи принятіе Іуды въ число учениковъ было для него—милость величайшая...

Постоянная, непосредственная близость Искаріота къ Іисусу, должна была, по свойству сердца человѣческаго, пропасти одно изъ двухъ: или подавить совершение страсти сребролюбія въ сердцѣ Іуды и сдѣлать его совершенно чистымъ, подобно прочимъ ученикамъ; или произвести въ немъ тайную, постепенно возрастающую склонность къ святаго обществу Іисусова, заставить его, убѣгая свѣта, такъ ярко сиявшаго предъ очами и освѣщавшаго всѣ шаги его, болѣе и болѣе погружаться въ собственную тьму, предаться совершенно страсти. Къ несчастію, надъ Іудою, по его собственной волѣ, сбылось во всей силѣ послѣднее. Тогда какъ прочие ученики, вступивъ въ святое общество Іисусово, оставляли, такъ сказать, свою собственную жизнь, и со дня на день болѣе и болѣе начинали жить божественною жизнью своего Учителя и Господа, — Іуда остался со своею гибельною самостоятельностью. Въ его умѣ продолжался макъ невѣрія; въ его сердцѣ лежалъ, не тронуть, ледъ самолюбія; онъ продолжалъ жить собственою нечистою жизнью, противоположною жизни Учителя. Средоточіемъ сей противоположности была страсть къ деяньямъ, столь противная духу пищеты и самоотверженія Сына человѣческаго. Носимый Искаріотомъ ящикъ сдѣлался ковчегомъ завѣта для сребролюбца, изъ котораго сатана давалъ ему свои откровенія: вся область тьмы обратилась на сю душу, находя въ ней убѣжище и минную твердыню противъ Того, Кто пришелъ разру-

шить *дѣла діавола* (1 Іоан. 3, 8). Когда Сынъ человѣческій восходилъ отъ одного подвига къ другому — несчастный сынъ погибели испадалъ отъ лукавства къ лукавству, отъ измѣны къ измѣнѣ. Все злое тѣмъ глубже впѣдралось въ душу Іуды, что должноствовало оставаться тайною его совѣсти: совѣтъ онъ былъ апостолъ, какъ и другіе.

Учитель, безъ сомнѣнія, употреблялъ всѣ средства къ излеченію недугующаго ученика. Свидѣтельство тому — послѣдняя вечеря. Сколько трогательныхъ и сильныхъ намековъ къ покаянію! Въ Евангеліи Іоанновомъ сохранились и другіе слѣды особеннаго вниманія Іисусова къ состоянію души Іудиной (Іоан. 6, 70). Но, по причинѣ заключенія чувствъ сердца, занятаго страстью, все доброе оставалось на ея поверхности, — не было принято и не могло обращаться въ силу и жизнь духовную. Прикосновеніе — самое легкое и дружеское — врачующей руки къ ранѣ производило одно внутреннее содроганіе и боль.

Выводимый пзъ терпѣнія своею страстью, можетъ быть, не разъ Искаріотъ, подобно другимъ, думалъ оставить Іисуса (Іоан. 16, 66). Но певидимыя узы все еще держали его до предопредѣленшаго времени; внутренній голосъ сильно еще говорилъ за Учителя. Могла говорить въ пользу пребыванія съ Іисусомъ и самая страсть, все еще не терявшая совершенно падежы видѣть Іисуса Мессіею. Іуда, — какъ ни тяжело было принуждать себя непрестанно, — принуждалъ и оставался!...

Послѣдняя событія, возбудившія и въ прочихъ ученикахъ чаяніе о близкомъ воцареніи Учителя (Лук. 19,

11), въ Іудѣ должны были потрясти всю душу надеждою и страхомъ. «Теперь, думалъ Іуда, не далѣе, должна рѣшиться *Его*,—по крайней мѣрѣ, моя участіе! Время подумать рѣшительно о своемъ будущемъ состояніи.»—Что же слышитъ сребролюбецъ отъ Учителя въ продолженіе всѣхъ послѣднихъ днѣй?—Частыя предсказанія о Его будущихъ страданіяхъ, и—ши слова о Его царствѣ и земныхъ наградахъ ученикамъ! «Первосвященники и фарисеи собираются для совѣщаній, берутъ всѣ мѣры, осуждаются на смерть; а мы ходимъ туда и сюда безъ дѣла, проводимъ дни и ночи ни надъ чѣмъ... Прекрасное общество,—но оно не по Іудѣ, коему нужно *чѣмъ жить*. Я не ихъ, и они не моя! Каждый пойдетъ своимъ путемъ!»—Но нельзя ли извлечь, шепталъ демонъ сребролюбцу, послѣдней пользу изъ твоего почти четырехъ-лѣтнаго пребыванія съ сими людьми?—Синедріонъ весьма дорожитъ узнаніемъ мѣстопребыванія Іисусова: почему не употребить въ свою пользу этого вызова?... Указаніе мѣстопребыванія не причинить большаго вреда Учителю, а тебѣ послужить въ пользу. Посмѣютъ ли стражи наложить руки на Іисуса! Не въ первый разъ возвращаться имъ отъ Него безъ успѣха. «Даже, если бы они захватили Его, то во время праздника, по причинѣ народа, не посмѣютъ причинить Ему ничего худаго; дѣло окончится чѣмъ либо незажившимъ *),—по всей вѣроятности, удаленіемъ Іисуса въ Галилею; а ты можешь получить награду, какъ патріотъ, и от-

*) *Феоф.* Толк. на Мат. 27, 4.

личиши себя въ глазахъ фарисеевъ, что можетъ имѣть весьма полезное вліяніе на твою дальнѣйшую судьбу...

Адская мысль принята,—и ученикъ-предатель весь занятъ—сатаною! Не ищите послѣ сего согласія въ его дѣйствіяхъ:—это значило бы искать порядка въ адѣ. Пусть Каїфа не будетъ обѣщать ему ничего болѣе 30 сребрениковъ—эти сребреники покажутся ему горами золота. Вырваться скорѣе изъ рая,—обратившагося въ темницу,—кончить, кончить дѣло,—вотъ чего хочетъ душа Гудина, діаволь въ ней живущій!...

Но дѣло кончено!—Учитель въ рукахъ книжниковъ! Посредствомъ неимовѣрной поспѣшности, они успѣваютъ въ продолженіе ночи сдѣлать два собрація, выслушать лжесвидѣтелей, произнести осужденіе, предать Осужденнаго Пилату на распятіе... Вѣсти о всѣхъ сихъ событияхъ, подобно громовымъ ударамъ, раздаются въ душѣ Гуданой. Разродившись предательствомъ, исполнивъ винушеніе сатаны, душа предателя сдѣлалась какъ бы праздною и потому доступною чувству забытаго долга. Какой ужасный голосъ раздается теперь въ сей пустынѣ! Все доброе, на время забытое, въ тысячѣ видовъ возникаетъ снова, тѣспится въ сердце, подавляетъ, разрываетъ его.—Гуда видитъ одно, слышитъ одно: смерть Учителя! Для него пѣтъ болѣе стыда и скрытности; всѣ разсчеты, самая страсть исчезла, какъ адское привидѣніе: осталась одна созѣсть съ мученіями! Дружеское участіе въ семъ положеніи какого либо священника,—какого-либо человѣка, можетъ быть, остановило бы душу, готовую участь въ адѣ. Отъ нѣсколькихъ минутъ зависѣло все. Что же слышитъ самоосужденный предатель?—«Смотри самъ»,—

говорять ему съ презрѣніемъ.—«О, я хорошо вижу, думаетъ онъ въ отчаяніи, чего стоить подобное мнѣ чудовище: *око за око, кровь за кровь*,—говоритъ самъ законъ»,—и первое древо служить ему орудіемъ казни падъ самимъ собою.

Послѣ сего уже стократъ *ище было, дабы не родился*, ужасно несчастный, человѣкъ сей!

Но речеть кто: *«аще писано есть пострадати Христу сіе, то чго ради порицаетъ Іуду? писанія бо сотворилъ есть.»*

Но не тѣмъ изволеніемъ, а отъ лукавства. *Аще же не изволеніе его испытывать будеши, то и діавола отъ согрѣшилъ свободиши. Но ипъсть сіе, ипъсть. Безчислѣнныхъ бо достойны суть мукъ и сей и онъ, аще и вселенія спасеся. Не преданіе бо Іудино спасеніе намъ содѣла, но Христова премудрость и Его художества богатство, иныхъ лукавства въ пользу намъ употребляя. Речеши: «аще и Іуда не предалъ бы, ипъ не предалъ ли бы?»—* И что сіе на предложеніе? *«Лко аще распятыи Христу подобаше, чрезъ ипкоего подобаше, речеши: аще чрезъ ипкаго, чрезъ такова человѣка всячески: аще же всѣ были блази, не содѣялося бы смотрѣніе о насъ.» Не буди;—самъ бо Всепремудрый видяше, како устроити полезная намъ, и сему не собывшуся; изобилъна бо Его премудрость и непостижима. Сего ради да никто возмитъ, яко служитель смотрѣнія бысть Іуда, окаеваетъ ио.»* (Злат. бесѣд. 18 на Мат.)

ИИСУСЪ ХРИСТОСЪ НА СУДЪ ПИЛАТА.

(Характеръ Пилата и его отношенія къ синедріону. — Голословное обвиненіе I. Христа первосвященниками.—Прокураторъ имъ издозволствуется.—Всенародный допросъ.—Огвѣтъ на него величественный, но противный ожиданію и видамъ судіи.—Тайный допросъ.—Пилатъ объявляетъ узника иевицымъ.—Новые клеветы со стороны обвинителей—Безмолвіе Обвиняемаго.—Иисусъ Христосъ отсылается на судъ Ирода.)

Римскій прокураторъ Іудеи, коему достался не-частный жребій осудить на распятіе *Господа славы*, былъ Понтий Пилатъ *): человѣкъ, по свидѣтельству іудейскихъ писателей, высокомѣрный, жестокій и корыстолюбивый **). Впрочемъ такой отзывъ могъ быть слѣдствіемъ національного предубѣжденія противъ чужеземнаго правителя ***), и если заслуженъ Пилатомъ

*) *Понтий* было имя прокуратора, а *Пилатъ* прозваніе, данное ему потому, что онъ начальствовалъ когда нибудь надъ воинами, вооруженными *pilis*, коихъ называли пилатами (*Pilati*—*Martial lib. V. epig. 48*) или потому, что онъ за какое либо отличие награжденъ былъ такимъ оружіемъ, таковая награда была въ обыкновеніи у римлянъ, (*Plat. in vita Rom.*).

**) *Joseph. Antiq. 18. 3. 4. Bell. Jud. 2. 8. Philo legat. ad Caj. p. 589*

***) *German. Program, in qua docetur Pilati facinora in admin. Judeae comissa partim non esse, qualia dicantur, partim aliorum magis culpa et necessitate, quam insita homini saevitia et iniquitate accedisse. 1785.*

то болѣе въ послѣдніе годы его правленія. По крайней мѣрѣ, исторія суда Пилатова надъ Иисусомъ Христомъ не показываетъ въ пемъ особенаго высокомѣрія, тѣмъ менѣе корыстолюбія. Если бы приговоръ прокуратора можно было купить сребренниками, то первосвященники, вѣроятно, не пощадили бы церковнаго корвана, только бы скорѣе достигнуть своей цѣли, и избавить себя отъ униженія, коему они подвергались въ преторіи.

Понтий былъ собственно прокураторомъ *) Иудеи, Самаріи и Идумеи (должность, которая сама по себѣ ограничивалась управлениемъ податей государственныхъ **): впрочемъ съ полнымъ правомъ претора — решать всѣ дѣла и казнить смертію, каковое совмѣщеніе правъ дѣлалось въ иѣкоторыхъ, не такъ значительныхъ, провинціяхъ ***), куда не почитали нужнымъ посыпать особыхъ преторовъ и проконсуловъ. Такими прокураторами назначались люди большею частью всадническаго (equestris) достоинства, иногда изъ вольноотпущеныхъ (libertini), чѣмъ либо отличившихся, и назывались, подобно другимъ главнымъ начальникамъ, игемонами или правителями ****). Пилатъ принадлежалъ къ сословію всадниковъ. Обыкновен-

*) *Ἐπιτρόπος τῆς Ιουδαίας.* Phil. leg. ad Caj. p. 1033 Prokurator. Tacit Annal 15. 44.

**) Dio Cassius lib. 53. Bynaeus de mort. Christ. tom. 2. p 412—13.

***) Онъ исчислены у Тацита. Hist. I.I, с. 2.

****) Lampii comment. in Iohan. p. 543. Kuinol comment. ad Math. 10. 18.

нимъ мѣстопребываніемъ іудейскихъ прокураторовъ былъ городъ Кесарія: но на праздники, особенно на Пасху, они переселялись въ Іерусалимъ для ближайшаго надзора за спокойствиемъ народа и для укрощенія возмущеній, кои не рѣдко происходили во время праздниковъ *).

Съ синедріономъ іудейскимъ римскому игемону трудно было жить въ мирѣ: ибо двѣ различныя, и по духу совершенно противоположныя, власти часто сталкивались. Пилатъ имѣлъ немалыя причины негодовать на іудеевъ и ихъ синедріонъ. Вскорѣ по вступленіи въ должность іудейскаго прокуратора, ему захотѣлось (вѣроятно изъ ласкательства весарю) внести въ Іерусалимъ римскія знамена съ изображеніемъ кесаря: поступокъ самъ по себѣ не очень важный, но противный іудейскимъ обычаямъ. Упорство народа, соглашавшагося лучше лишиться жизни, нежели видѣть языческія изображенія въ святомъ градѣ, сдѣлало то, что Пилатъ принужденъ былъ велѣть вынести знамена изъ Іерусалима. Потомъ Пилатъ вздумалъ построить на счетъ церковныхъ сокровищъ, водопроводъ для Іерусалима: намѣреніе, весьма полезное для жителей столицы, много,—и особенно въ праздники,—терпѣвшей отъ недостатка хорошей здоровой воды, — по непріятное синедріону, коему припадлежали деньги. Въ семъ случаѣ произошло народное возмущеніе, такъ что Пилатъ съ трудомъ разсѣялъ народъ, окружившій

---

*) G. Meyer, Versuche iher Vertheidigung der Geschichte Jesu allein aus griech. und röm. Profan-Scribenten. 8. 24.

его либостротонъ и нагло требовавшій оставить его — безъ воды *).

Объ Иисусъ Христъ и Его дѣйствіяхъ Пилатъ не могъ не имѣть давно свѣдѣній; но, безъ сомнѣнія, не имѣть вѣрпаго понятія, кромѣ того, что дѣйствія Его ни мало не опасны для римскаго правительства. Извѣстно было, конечно, Пилату и о происшествіяхъ минувшей ночи: взятіи Иисуса Христа подъ стражу, собрашіи синедріона и проч., ибо римская стража, усугублявшая свою бдительность во время праздниковъ, давала знать прокураторамъ о всѣхъ происшествіяхъ, заслуживающихъ вниманія. Пилату даже извѣстно было гораздо болѣе, нежели сколько хотѣли и, можетъ быть, ожидали первосвященники: — что они преслѣдуютъ Пророка галилейскаго единственно по личнымъ видамъ, изъ зависти и злобы (Мат. 27, 18). Такимъ образомъ появленіе Иисуса Христа въ видѣ узника не было для прокуратора вовсе неожиданнымъ явленіемъ: неожиданно было только, чтобы для обвиненія Его явился весь синедріонъ, такъ рано и въ тотъ день, когда всякий израильтянинъ, искренно и лицемѣрно набожный, старался какъ можно удаляться отъ язычниковъ и всего языческаго, дабы не потерять законной чистоты, необходимой для совершенія пасхи **).

*) Joseph. Antiq. 50. 17, с. 3.

**) Числ. 9, 6. Нечистымъ, по закону, юдей становился только отъ прикосновенія къ мертвому и нѣкоторымъ другимъ вещамъ. Но фарисеи, изъ гордости, почитали такою нечистотою всѣхъ явычниковъ, и даже вещи, имъ принадлежащія; посему то, возвращансь съ площади, гдѣ всегда много было язычниковъ,

Первосвященники и книжники, *пожирая*, по выражению евангелия, *верблюдовъ*, действительно не забыли теперь отцьдить *сего комара* (Мат. 23, 24). Пришедши къ преторіи Платової, они не вошли въ нес, *чтобы не оскверниться*; и дали знать игемону, что ожидаютъ его па лиостротонѣ *) для такого дѣла, которое не терпитъ отсрочки. Не забыли, безъ сомнѣнія, извиниться предъ игемономъ въ томъ, что законъ не позволяетъ имъ войти во внутренность преторіи для личнаго съ нимъ объясненія.

«Жалкій народъ! слѣпые изувѣры!» думалъ конечно гордый римлянинъ, чувствительный къ тому, что его подвластные почитаютъ домъ его такъ нечистымъ и богоопротивнымъ, что опасаются войти въ него. Но духъ римской власти всегда щадилъ предразсудки побѣжденныхъ народовъ**); и Пилатъ немедленно явился на лиостротонѣ.

спи имѣли обыкновеніе мыть руки и даже все тѣло (Мар. 7, 8. 4. Жалкій предразсудокъ сей укоренился въ народѣ еврейскомъ особенно со времени Маккавеевъ. Spencerus de leg. Hebr. 1. I c. 4. sect. 2. Seldens de jude bat. et gen. 1 II. c. 5.

*) Площадка предъ домомъ прокуратора, такъ названная отъ того, что была устлана ираморомъ и другими разноцвѣтными камнями. Среди лиостротона находилось судейское мѣсто *Вѣна*, tribunal; ибо судъ у римлянъ производился большою частю подъ открытымъ небомъ. Joseph. Bell. Jud. 2, 9. 3.

**) Римляне оставили въ силѣ не только юдейскіе законы и религію, но и самые предразсудки. Такъ напр., никто не имѣлъ права принудить еврея нарушить покой субботній, хотя соблюденіе онаго простерто было до симѣшнаго излишества. Joseph. contr. App. 1, 11 Antiq. L. 14. c. 17.

Первосвященники въ краткихъ словахъ объявили, зачѣмъ они пришли и чего требуютъ, —надѣясь, что Пилатъ не заставитъ ихъ судиться съ преступникомъ, осужденнымъ цѣлымъ синедріономъ.

Но для Пилата такая поспѣшность и настойчивость были подозрительны. Намѣстникъ кесаря менѣе всего расположень бытъ служить слѣпымъ орудіемъ Каіафова коварства. Какъ бы не примѣчая, что обвинители дорожатъ временемъ и сердечно участвуютъ въ погибели Обвиняемаго, римскій вельможа принимаетъ спокойный тонъ безпристрастнаго судіи и спрашивается: «въ чёмъ же вы обвиняете сего человѣка ^{*)}?»

Потребовать вину и, безъ разсмотрѣнія дѣла, не осуждать виновнаго было отличительнымъ свойствомъ римскаго правосудія (Дѣян. 25, 15. 16).

«Если бы Онь не былъ злодѣй, то ужели бы мы (всѣ члены синедріона) предали Его тебѣ для казни? —бытъ отвѣтъ старѣйшинъ, все еще надѣявшихся, что ихъ личная важность послужитъ вмѣсто всѣхъ доказательствъ.

Но такой неопределенный, личный языкъ еще болѣе измѣнялъ сердечной тайнѣ враговъ Иисусовыхъ; а ихъ самонадѣянность еще сильнѣе вызывала противъ себя гордость Пилата, внутренне, можетъ быть, радовавшагося, что нашелъ случай досадить своимъ врагамъ...

* Иоан. 18, 29—31. Должно примѣтить, что у Ев. Иоанна описано самое начало суда Пилатова надъ Господомъ, между тѣмъ какъ другіе евангелисты начинаютъ повѣствованіе о семъ судѣ съ вопроса Пилатова: „царь ли Ты?“

«Когда такъ, возразилъ игемонъ, когда вы хотите чтобы я осудилъ сего человѣка безъ изслѣдованія дѣла: то въ чёму и мое участіе?—Возьмите Его вы сами и, по закону вашему, судите—и наказывайте Его, какъ вамъ угодно. Я не хочу вмѣшиваться въ ваши дѣла.»

«Но преступлѣніе Его, отвѣчали обвинители, требуетъ смертной казни, потому что Онъ выдавалъ себѣ за Мессію, Царя израильскаго; а намъ нельзя ипакъ предавать смерти, безъ твоего на то согласія»*).

Такое усердіе къ выгодамъ вѣсаря, особенно уклоненіе отъ осужденія на смерть мнимаго преступника —изъ устъ первосвященниковъ должны были, казаться для Пилата чрезвычайно странными. Отказывались отъ своихъ правъ тѣ, кои всегда дорожили ими и непрерывно спорили съ прокураторами о правахъ.

Однакоже важность обвиненія не позволяла болѣе уклоняться отъ судопроизводства; надлежало приступить къ допросу. Но если первосвященники въ доказатель-

---

*) Иоан. 18, 31. Такое изъясненіе словъ Иоанновыхъ, по самой простотѣ своей, кажется лучше другихъ изъясненій, напр. „намъ нельзя предавать смерти, по причинѣ наступающаго праздника“ (Златоуст. Август.); ибо мы увидимъ, что первосвященники до самаго гечера будуть участвовать въ совершенніи казни надъ Иисусомъ Христомъ;—или: „намъ не позволено распинать“ (Ѳеофил.); ибо въ такомъ случаѣ первосвященники употребили бы слово *βαθρονъ*, и Пилатъ не сказалъ бы: „судите по закону вашему“; —или: „намъ непозволено предавать смерти никого, обвиненнаго въ возмущеніи и нарушеніи законовъ величества“ (Deyling. obss. Sacr. tom. 2. p. 313); ибо такое ограниченіе слова: *ουδега*—слишкомъ произвольно.

ство, что Иисусъ Христосъ есть возмутитель народного спокойствія, ссылались единственно на присвоеніе Имъ царскаго имени; поелику для римскаго прокуратора важность обвиненія въ присвоенії себѣ вѣмъ-либо званія Мессіи іудейскаго состояла единственно въ томъ, что съ симъ званіемъ, по отзыву синедріона, соединялось наименование царя; то Пилатъ, вместо всѣхъ изслѣдований, обратился къ Господу и спросилъ Его: «царь ли Ты іудейскій?»

При настоящихъ обстоятельствахъ, такой вопросъ не могъ быть произнесенъ безъ улыбки. Предъ Пилатомъ стоялъ такой человѣкъ, о которомъ нельзя было и подумать, чтобы онъ имѣлъ виды на престолъ іудейскій и осмѣлился спорить о правахъ на Іудею съ кесаремъ. Конецъ суда, повидимому, зависѣлъ отъ того, что Обвиняемый скажетъ въ отвѣтъ: признается, или не признается Себя царемъ. Судія, конечно, не ожидалъ, можетъ быть, и того, что Опъ прямо отвергнетъ обвиненіе іудеевъ: ибо во всякомъ случаѣ надлежало предполагать какое-либо основаніе въ обвиненіи, дѣлаемомъ цѣлымъ синедріономъ. Каково же должно быть удивленіе Пилата, когда Господь рѣшительно отвѣтствовалъ: «Я—царь» (Мар. 15, 2)!

Лучше сего отвѣта не могли желать враги Иисуса; опаснѣе его не могъ вообразить Пилатъ. При, такомъ отвѣтѣ іудеи могли тотчасъ сказать, что дѣло кончено; потому что Обвиняемый говорить самъ на Себя. Можетъ быть, Пилатъ, и въ самомъ дѣлѣ, окончилъ бы теперь свой судъ подтвержденіемъ приговора противъ Иисуса Христа, сдѣланнаго синедріономъ, если бы внушающій къ себѣ благоговѣніе видѣ Господа

твърдость и спокойствіе, съ коими произнесено признаніе въ томъ, что Онь царь,—собственное нерасположеніе Пилата къ синедріону и самолюбіе — продолжить начатое уже защищеніе невинности,—не побудили его войти въ новое разсмотрѣніе.

Такого разсмотрѣнія, впрочемъ, требовала и справедливость. Иисусъ Христосъ, называя Себя царемъ, не признавалъ еще вмѣстѣ съ симъ, что Онь, какъ клеветали враги Его, развращаетъ народъ и запрещаетъ давать дань кесарю (Лук. 23, 2). Такая неопределенность отвѣта представляла судіи достаточную причину потребовать изъясненія, въ какомъ смыслѣ Онь называетъ Себя царемъ?

Думая, можетъ быть, что Узникъ имѣетъ особенные причины не обнаруживать подробно своихъ мыслей въ присутствіи своихъ обвинителей, и вообще желая дать Ему болѣе свободы въ объясненіи своего лица и своихъ дѣйствій, Пилатъ вошелъ въ преторію, давъ знакъ слѣдовать за собою туда же и Иисусу.

Первосвященники, при всемъ желаніи быть свидѣтелями тайного допроса, оставались на дворѣ, изъ опасенія потерять чистоту законную, съ неудовольствіемъ видя, какъ немногого подействовало на прокуратора то самое признаніе Господа, которое въ синедріонѣ послужило основаніемъ смертнаго приговора.

«Итакъ, Ты выдаешь Себя за царя іудейскаго?» — началъ Пилатъ съ тѣмъ видомъ, который если не показывалъ особеннаго благорасположенія, то вызывалъ къ открытому объясненію.

Судя обыкновеннымъ образомъ, прямой отрицательный отвѣтъ былъ, очевидно, самый полезный для О-

виняемаго, которому прокураторъ изъявлялъ уже видимое синхожденіе. Но могъ ли пользоваться личнымъ синхожденіемъ римскаго судіи Господь неба и земли, Судія живыхъ и мертвыхъ? Дѣло шло не о избавлении Себя какимъ бы то ни было образомъ,—напр. какъ теперь, посредствомъ памѣреннаго умолчанія,—отъ смерти, а о приведенії судіи въ состояніе судить правильно и безпристрастно о силѣ обвиненія, заключавшагося въ словѣ: царь. Будучи приято въ чисто политическомъ, такъ сказать, римскомъ смыслѣ, въ комъ однѣмъ оно имѣло предъ Пилатомъ силу уголовнаго преступленія, это пазваніе было чуждо Иисуса Христа; между тѣмъ какъ въ смыслѣ нравственномъ, иороческомъ, теократическомъ, оно не заключало въ себѣ вины предъ прокураторомъ, и принадлежало Иисусу Христу во всей силѣ. Посему для правильности отвѣта надлежало знать, въ какомъ именно смыслѣ принималъ слово: царь — Пилатъ, когда спрашивается: царь ли Ты? — Такъ точно и поступлено. «Отъ себя ли ты, вопросилъ Господь Пилата, говоришь сіе или другіе такъ сказали обо Мнѣ?» *) (По собственному усмотрѣнію и разумѣнію сего слѣза такъ ты спрашивашъ, или въ смыслѣ моихъ объинителей, основываясь на ихъ словахъ и понятій о семъ предметѣ?)

*) Иоан. 18, 34. Изъ сихъ словъ иѣкоторые заключали, что Господь не слыхалъ обвиненія первосвященниковъ, будучи ииеденъ въ преторію при самомъ началѣ суда. Но кромѣ того, что по римскимъ законамъ обвиняемый долженъ слышать обвиненіе (Дѣян. 25,1), противное открывается уже изъ Мат. 27, 11.

Не смотря на основательность сего вопроса, онъ для римского вельможи, облеченного правомъ казнить и миловать, показался не совсѣмъ умѣстнымъ. «Развѣ я іудей,» отвѣчалъ Пилатъ съ падменштю (чтобы не мѣшаться въ предразсудки, коими ослѣпенъ падъ іудейскій и нарушеніе коихъ ставятъ Тебѣ въ вину). «Твои сограждане и первосвященники предали Тебя,» (какъ виновнаго въ присвоеніи имени царя; вслѣдствіе чего я, какъ прокураторъ, па коемъ лежитъ обязанность утверждать приговоры синедріона, долженъ противъ воли дѣлать Тебѣ допrostъ, хотя доселѣ и не видалъ отъ Тебя самъ ничего, противнаго законамъ). «Итакъ, что Ты сдѣлалъ?» (чѣмъ подалъ поводъ думать, что Ты, по мнѣнію твоихъ обвинителей, ищешь царства?) отвѣчай!»

«Царство мое (въ словѣ царь заключалось главнымъ образомъ все обвиненіе іудеевъ), отвѣчалъ Господь, ипуть отъ міра сего (не есть какое либо земное царство, котораго ожидаютъ іудеи). Аще бы отъ міра сего было царство мое: слуги мои подвизались бы, да не проданы быхъ былъ іудеомъ. Но царство мое ипуть отсюду» (не есть земное, и потому совершенно безопасное для римлянъ).

Пилатъ, повидимому, остался доволенъ симъ отвѣтомъ.

Только слово: царство (Господь не безъ памѣренія удержанъ его) звучало сомнительнѣо въ ушахъ политика; тѣмъ болѣе, что враги Иисуса Христа могли толковать его въ худую сторону. Притомъ Господь сказалъ только, въ чемъ не состоитъ Его царство, а не сказалъ, въ

Чемъ состоитъ оно; о чёмъ также нужно было знать игемону.

«Однакоже Ты Царь?» спросилъ Пилатъ, давая, безъ сомнінія, выражъмъ, какъ неумѣстно слово сіе въ устахъ Обвиняемаго.

«*Ты глаголши, яко Царь Азъ сімъ*», отвѣчалъ Господь, давая съ своей стороны знать игемону, что названія сего, какъ оно ни кажется ему опаснымъ, нельзя не употреблять, когда уже оно употреблено обвинителями, и въ чистомъ своемъ смыслѣ, совершенно сообразно съ истинною. «*Азъ на сіе родихся, продолжалъ Онь, какъ бы въ оправдание своей твердости въ употреблениіи опаснаго, по истинаго названія,—и на сіе придохъ въ мѣрѣ, да свидѣтельствую истину* (съ какою бы опасностю это свидѣтельство ни было сопряжено) *и всякъ иже есть отъ истины* (для кого она дорога и у кого есть въ душѣ чувство истины), *послушаетъ гла-са моего.*»

Еще ап. Павелъ называлъ сіе признаніе Господа Себя царемъ на судѣ Пилата свидѣтельствомъ доброго исповѣданія (1 Тим. 6, 13). Въ самомъ дѣлѣ, оно показывало самую высшую степень самоотверженія и вмѣстѣ мудрости. Словами: «Я на то родился, чтобы свидѣтельствовать объ истинахъ,»—Господь показалъ между прочимъ, что и тайный памятъ Пилата — удержаться отъ именования себя царемъ, какъ весьма опаснаго, совершенно недостоинъ Его; потому что Онь дѣйствительно есть Царь, въ самомъ возвышенномъ смыслѣ сего слова, царь—единственный, вѣчный. Между тѣмъ сими же самыми словами, до очевидности,

обнаружилось свойство царства Христова и его безопасность для римской власти.

Римскій всадникъ не способенъ былъ понять все сіе въ смыслѣ христіанскомъ, конечно, а въ философскомъ. Римляне, особенно вельможи римскіе были въ то время знакомы съ философию стоиковъ, по учению коихъ, истинный мудрецъ и человѣкъ добродѣтельный есть царь *). Изреченіе Гораций: ты правитель (рех), если право поступаешь,—сдѣлалось въ Римѣ почти народнымъ присловіемъ **). Одно, можетъ быть, не правилось и гемону, что царь, мудрецъ, подлежащий его суду, пристрастенъ не только къ своимъ мыслямъ, но и выраженіямъ, даже опаснымъ: обыкновенный, думалъ онъ, недостатокъ мудрецовъ-энтузіастовъ, не знающихъ политики...

Поелику Господь такъ много усвоялъ истинѣ, то Пилатъ какъ бы невольно спросилъ Его: «что есть истина?»—и не ожидая отвѣта ***), вышелъ воинъ изъ преторіи къ первосвященникамъ.

Не вдругъ можно опредѣлить истинный смыслъ сего вопроса Пилатова объ истинахъ. Что прокураторъ не

*) Diod. Laërt. 1. 7. sect. 122.

**) Rex eris, si recte facias. Horat. Epist. 1. 1. 59.

***) Въ такъ называемомъ Евангелии Никодима разговоръ Пилата съ И. Христомъ продолжается такъ: «Пил. Что есть истина? И. Христ. Истина происходитъ съ неба. Пил. Создательно, на землѣ иѣть истины? — И. Хр. Истина есть и на землѣ и въ тѣхъ людяхъ, кои, будучи облечены достоинствомъ судей, наблюдаютъ истину и судятъ праведно. Продолженіе весьма сомнительное! — (Auctarium Codic. Apocriph. N. T. Fabriciani. Kirch 1804. p. 26.)

имѣлъ памѣренія слушать ученія Иисуса Христа объ и. типѣ *), это показываетъ уже его немедленный выходъ изъ преторіи. Можетъ быть, имѣя въ виду послѣднія слова Господа: *всякъ, иже есть отъ истины, послушаетъ гласа моего*, и будучи тронутъ внутреннею нравственнымъ величиемъ Господа, римлянинъ хотѣлъ показать мимоходомъ, что и онъ неравнодушенъ къ истицѣ и въ свободное время съ удовольствіемъ вступалъ бы о ней въ собесѣданіе **). Можетъ быть, вельможа-политикъ вопросомъ о истицѣ, а болѣе тономъ, съ коимъ произнесъ его, хотѣлъ дать подсудимому новый намекъ на осторожность, какъ бы такъ говоря: «ты рѣшаешься жертвовать истиной всѣмъ; но что такое истина? Доселѣ ни одинъ философъ не только не нашелъ, даже не опредѣлилъ ея: думай не о истинѣ, а о жизни ***).» Такой образъ мыслей весьма удобно можетъ быть приписанъ Пилату, во времена коего въ Римѣ любимою философіею было ученіе академиковъ, кои, ничего не утверждая въ области истины, все разрушали и приводили въ сомнѣніе.

Какъ бы то ни было, но по выходѣ изъ преторіи, Пилатъ решительно объявилъ іудеямъ, что онъ, вслѣдствіе допроса, находитъ Иисуса Христа совершенно невиннымъ (Іоан. 28, 38).

Если бы первосвященники и не участвовали лично и такъ много въ дѣлѣ, теперь рассматриваемомъ; если

*) Такъ думалъ Феофилактъ (толк. на Іоан.).

**) Bynæus de Mort. Chris. 1. 111. p. 53. Moschius in seiner Lebensgeschichte Jesu.

***) Wolfsius in Curis; Kuinöl in comment. ad Johan.

бы обвиняли Иисуса Христа только какъ обыкновенного преступника: то и въ семъ случаѣ слова Пилата были бы для нихъ весьма жестки. Сказать ихъ, значило все равно, какъ и сказать, что весь синедріонъ слѣпъ, не стонѣтъ довѣрія и клевещетъ на человѣка певиннаго. Послѣ такого безчестія синедріону, надлежало ожидать съ обѣихъ сторонъ упорныхъ требованій и наглыхъ отказовъ.

Цервосвященники скрыли личное негодованіе па прокуратора; но тѣмъ съ большимъ ожесточеніемъ пачали клеветать на Иисуса Христа: *иаголаху*, по выражению Ев. Марка, *много* (Мар. 15, 3; Лук. 23, 5). Что имѣшо?— Представляли, вѣроѣтию, какія беспокойства могутъ пропходить въ народѣ, если предпримчивые люди будутъ ненаказанно присвоять себѣ титло царей. Не задолго przedъ тѣмъ случившееся возмущеніе Іуды Галилеинца *), бывшее випою многихъ убийствъ и разореній, могло для краснорѣчія фарисейского служить опытнымъ доказательствомъ тѣхъ опасностей, кои они предсказывали Пилату со стороны Иисуса Христа. Въ подтвержденіе того, что и отъ сего Галилеинца нельзѧ ожидать лучшаго, могли указывать на чрезвычайную приверженность къ Нему народа, на множество Его послѣдователей, кои выжидаютъ только благопріятнаго случая, чтобы соединиться и дѣйствовать открытою силою; могли выставлять въ видѣ возмущенія порядка общественнаго даже нѣкоторыя дѣла Господа (только пе чудеса, кои старались

---

* Flav. Antiq. 1. 18, 1.

сокрыть), напр. очищениe храма отъ торжниковъ. Между прочими обвиненіями, нѣкоторые изъ книжниковъ замѣтили (Лук. 23, 5), что Іисусъ Христосъ показалъ Себя нарушителемъ законовъ не въ одной Іудеи, что Онъ давно уже привлекъ на свою сторону безчисленное множество галилеянъ, гдѣ и начались Его дѣйствія *). Такое замѣчаніе клонилось къ тому, чтобы представить Іисуса самымъ опаснымъ возмутителемъ, который имѣть виды не на одну только Іудею, но и на окрестныя области.

Когда обвинители умолкли, и божественному Узнику надлежало, въ свою чреду, отвѣтить на ихъ обвиненія,—Онъ не сказалъ ни слова. «Что-же Ты не отвѣчаешь?» спросилъ Пилатъ, удивленный столь необыкновеннымъ равнодушіемъ:—«видишь, какъ много противъ Тебя обвиненій!»

Но Господь продолжалъ безмолвствовать....

Такое молчаніе могло удивить всякаго. Самые врачи Господа должны были находить его весьма страннымъ. Они знали, что Обвиняемый, если бы захотѣлъ, могъ сказать въ защищениe Себя многое: знали, что Онъ обладаетъ особеною силою слова; и тѣмъ паче долженъ былъ раскрыть всѣ свои дарованія, когда дѣло шло о Его жизни,—для убѣженія прокуратора, который казался къ Нему расположеннымъ. Вѣроятно,—такъ могли они думать,—Онъ совершенно потерялъ присутствіе духа; или полагается слишкомъ много на сплохожденіе къ Себѣ прокуратора; или ожидаетъ, что-

*) Галилея славилась своею наклонностю къ возмущеніямъ. Joseph de Bello I. I. с. 8.

бы кто либо изъ парода вступился за Него и выскажалъ Его похвальный дѣянія. Впрочемъ молчаніе Господа должноствовало быть для первосвященниковъ приятно, во многихъ отношеніяхъ. Если бы Онъ заговорилъ, то могли опасаться, что Онъ обнаружить не только невинность своихъ поступковъ, но и личную пенависть противъ Него начальниковъ синедрона; что Онъ можетъ обратить, какимъ бы то ни было образомъ, вниманіе Пилата на свои чудеса, которыхъ, если не побудятъ тотчасъ освободить Его, то заставятъ продолжить судъ и войти въ подробнѣйшее разсмотрѣніе дѣла, что потребуетъ справокъ и времени, чего именно такъ сильно хотѣлось избѣжать врагамъ Иисусо-вымъ.

Пилатъ болѣе всѣхъ дивился молчанію Господа; однакоже нисколько не думалъ почитать его слѣдствіемъ невозможности защищать себя. Мнимая ревноть первосвященниковъ о твердости римскаго правительства скорѣе всего могла возбудить смѣхъ въ хитромъ римлянинѣ, который очень хорошо зналъ на сей счетъ образъ мыслей Аナンа и Каїафы. Съ другой стороны, кроткое спокойствіе Господа, Его возвышенный и свѣтлый образъ мыслей о царствѣ истины, неизъяснимое величіе въ Его лицѣ и взорахъ не позволяли и думать, чтобы въ душѣ столь чистой зреали какие либо нечистые замыслы. Все располагало Пилата въ пользу Подсудимаго. «Но какъ и защищать Его отъ преслѣдованія враговъ столь упорныхъ, могущественныхъ и хитрыхъ, когда Онъ самъ, явно, небрежеть о своемъ оправданіи, и повидимому, не ищетъ спасенія отъ смерти?»—Тонкій расчетъ прокуратора нашелъ въ са-

мыхъ обвиненіяхъ средство, если не спасти невиннаго Узника отъ казни, то отклонить отъ себя жестокій удѣль осудить Его на сю казнь.

«Вы говорили, сказаъ Пилатъ, обратясь къ іудеямъ, что Онъ начаътъ возмущать народъ съ Галилеи; развѣ Онъ галилеянинъ?»

«Галилеянинъ *»), вскричали обвинители въ нѣсколько го голосовъ, полагая, что сіе обстоятельство особенно подѣйствовало на Пилата, который былъ особенно не расположень къ галилеянамъ, и находился во враждѣ съ ихъ правителемъ, Иродомъ Антипою, по случаю умерщвленія нѣкоторыхъ изъ его подданныхъ во время жертвоприношенія (Лук. 13, 1).

Но въ умѣ прокуратора было совсѣмъ другое. Подъ предлогомъ нежеланія вмѣшиваться въ дѣла, принадлежащія чужому правленію **), Пилатъ рѣшился отослать Иисуса Христа на судъ Ирода. Въ другое время исполненіе сего намѣренія потребовало бы нѣсколько недѣль; потому что мѣстопребываніемъ тетрарха галилейскаго

---

*) И. Христосъ родился въ Виолеемѣ, городѣ іудейскомъ, и принадлежалъ, по самой переписи народной, къ числу іудеевъ; по поэлику Іосифъ и Марія, съ самаго младенчества Его, поселились въ галилейскомъ городкѣ Назаретѣ, гдѣ Господь прожилъ потомъ около 30 лѣтъ, то народъ, и даже первосвященники, ошибочно думали, что Онъ галилеянинъ.

**) По словамъ Феофилакта, у римлянъ былъ законъ, чтобы преступникъ судимъ былъ тѣмъ начальникомъ, къ области коего онъ принадлежалъ (Comment in Luc.) Впрочемъ сей законъ не строго наблюдали, и исполненіе его зависѣло болѣе отъ произвола судей. (v. Meryllii Notae philol. in pass. Chr. Num. 111. in Luc.)

была Тиверіада, отстоящая отъ Іерусалима не на малое разстояніе; но теперь это могло быть сдѣлано въ продолженіе одного часа; потому что Иродъ Атипа, исповѣдую іудейскую религію, находился теперь въ Іерусалимѣ для совершенія Пасхи. Отклоняя столь благовидныи образомъ отъ себя судопроизводство надъ Иисусомъ Христомъ, Пилатъ могъ еще при семъ вадѣться, что такая неожиданная учтивость послужить къ примиренію съ нимъ потомка Ирода Великаго.

Въ силу такихъ соображеній божественный Узникъ немедленно отсылается къ Ироду, въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ приведенъ изъ синедріона,—то есть, въ узахъ и подъ стражею. Туда же, противъ воли, должны были слѣдовать первосвященники и прочие члены синедріона, не имѣя ни малѣйшаго права и предлога протестовать противъ такого перепесенія дѣла изъ одного суда въ другой.

ИСУСЬ ХРИСТОСЬ НА СУДЪ ИРОДА.

(Характеръ Ирода. — Образъ мыслей его объ Иисусѣ Христѣ. — Отношение Ирода къ синедріону. — Желаніе его видѣть чудо. — Неисполненіе желанія. — Поруганіе и бѣлая одежда, въ коей Божественный Узникъ отсылается къ Пилату).

Тетрархъ галлійскій, сынъ Ирода Великаго, Иродъ Антипа, къ коему на судъ долженъ былъ явиться Агнецъ Божій *), былъ тотъ самый деспотъ, который, въ угодность беззаконной женѣ своей Иродіѣ, лишилъ жизни Иоанна Крестителя. Жестокость и безчеловѣчіе не были собственно характеромъ Антипы; но склонность къ чувственности и слабость духа и сердца не разъ доводили его до жестокостей. Безстудная Иродія продолжала обладать сердцемъ Антипы и правила имъ выѣстѣ съ царствомъ; но теперь ея не было въ Иерусалимѣ. Впрочемъ въ настоящемъ дѣлѣ ей не было причины принимать личнаго участія, развѣ изъ одного любопытства.

Для Антипы появленіе теперь въ его дворцѣ Иисуса Христа было столько же пріятно, сколько неожиданно.

---

*) О судѣ Ирода надъ И. Христомъ три Евангелиста вовсе не упоминаютъ. Только одинъ св. Лука погѣствуетъ о семъ, и довольно пространно. Лук. 23, 7—9.

Онъ зналъ Господа только по слухамъ: о чудесахъ Его слышать весьма много; слышать, конечно, что-либо и объ Его ученикѣ: но быть слушателемъ Иисуса-вымъ въ Иродѣ не было никакого желания; хотѣлось только видѣть какое либо чудо. Прежнее мнѣніе Ирода (Мат. 14, 1. 2; Лук. 9, 7—9), что въ Иисусѣ Христѣ воскресъ Иоаннъ Креститель, имъ умерщвленный, теперь уже не тревожило сластолюбца; разсвѣянность и забавы изгнали изъ воображенія сю мысль, которая могла быть благотворпою для его совѣсти.

Но первосвященникамъ, безъ сомнѣнія, тяжело было влачиться изъ одного судилища въ другое, и при томъ безъ всякой опредѣленной надежды. Иродѣ, не смотря на свою религію, не имѣлъ усердія къ синедріону, который состоялъ большою частію изъ фарисеевъ, секты весьма искушательной, сильной въ народѣ, не терпѣвшей чуждаго владычества, а посему подозрительной для Ирода, коего фамилія происходила изъ Идумеи, возвысилась и держалась происками при дворѣ кесарей *). Къ сектѣ саддукеевъ, кои также имѣли сплѣшный голосъ въ синедріонѣ, Иродѣ былъ болѣе расположены и держался ихъ мнѣнія **), —впрочемъ не такъ, чтобы во всемъ следовать саддукеиству ***). Зналъ, конечно, Иродѣ, подобно Пилату, и о томъ,

*) Kainöл, comment. in Matth. 14, 2

**) Мат. 16, 6; слич. Мар. 8, 15.

***) Такъ Иродѣ, вопреки догмату саддукеевъ, что нѣтъ ни ангела, ни духа, слѣдов. и бессмертія, вѣрилъ вѣсколько времени, что въ И. Христѣ воскресъ Иоаннъ Креститель. Мат. 14, 1. 2.

что первосвященники преслѣдуютъ Пророка Галилейскаго единственно по личнымъ видамъ. Все это не подавало синедріону большой надежды.

Не было впрочемъ особенной причины п отчаяваться въ успѣхѣ па судѣ Ирода. Какъ отъ государя іудейской религіи, отъ него надѣялись, по крайней мѣрѣ, лицемѣрного уваженія къ верховному священному судилищу іудейскому, хотя притворнаго вниманія къ преступленію іудейскихъ закоповъ, въ коемъ обвиняли Іисуса Христа, и которое для Плата-язычника не имѣло никакой важности. Если п прежде, какъ мы видѣли, фарисеи успѣли убѣдить иродіанъ *) дѣйствовать заодно съ ними противъ Іисуса Христа: то въ настоящемъ случаѣ еще смылѣе можно было положиться на ихъ содѣйствіе.

Посланные отъ Плата изъяснили, безъ сомнѣнія, Ироду, въ чемъ состоитъ дѣло; почему римскій судія не произнесъ осужденія на Іисуса Христа и отоспалъ Его къ правителю галилейскому: то есть, что Обвиняемый, находясь въ Гудѣ, не сдѣлалъ иначе, заслуживающаго казни, для Него требуемой, п что теперь остается Ироду разсмотрѣть: не сдѣлалъ ли его подданный чего либо такого въ Галилѣ, какъ утверждали между прочимъ обвинители.

Но Иродъ не думалъ объ изслѣдованіи дѣла, коего исключительность въ гражданскомъ отпошепіи была для него столько же очевидна, какъ и для Плата. Не

*) Мат. 22, 16. Иродіанами назывались люди, приверженные къ фамилии Иродовой, стававшіеся объ увеличеніи политического могущества потомковъ Ирода Великаго.

обращая вниманія на высокихъ обвинителей Иисусовыхъ, онъ видимо предался радости, что видѣтъ наконецъ предъ собою всѣми славимаго Пророка, котораго таѣзъ давно и сильно хотѣлось видѣть ему (Лук. 23, 8). Теперь, думалъ роскошный деспотъ, теперь подсудимый, угрожаемый муками и смертію, Чудотворецъ, для преклоненія меня на милость, раскроетъ предо мною всѣ чудеса своего могущества или искусства: и множество вопросовъ немедленно полилось изъ устъ любопытнаго... Евангелистъ не сказываетъ, о чѣмъ онъ спрашивалъ; но что вопрошія *словесы многими* не касались самого дѣла, это показываетъ уже молчаніе Господа и младенческое любопытство, владѣвшее Иродомъ. Всего вѣроятнѣе, что это любопытство обращено было на прошедшія чудеса Господа, въ томъ числѣ, можетъ быть, и на чудесныя обстоятельства Его собственной жизни, напр. гласы съ неба и проч. Господь не отвѣчалъ ни слова; не показалъ даже и вида, что Онъ расположень удовлетворить желанію тетрарха—видѣть отъ Него какое либо чудо.

Сынъ человѣческій и здѣсь является въ томъ же величіи, въ какомъ мы видимъ Его при началѣ служенія, когда искушаемый въ пустынѣ, Онъ отвергаетъ съ презрѣніемъ предложеніе сатаны—употребить въ личную свою пользу даръ чудесъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Иродъ, увидѣвъ какое либо чудо, освободилъ бы Чудотворца отъ опасности, Ему угрожавшей: но творить, въ угодность Ирода и царедворцевъ его, чудеса значило бы унижать Св. Духа, силою коего они совершались,—провергать святая письма...

Между судіями Господа одинъ только Пилатъ, по

видимому, былъ иѣсколько расположенъ цѣнить высокія чувствованія и поступки Подсудимаго. Не знающій истиннаго величія, Иродъ, не получая удовлетворенія своему любопытству, предался сильному негодованію. Первосвященники замѣтили это, и тотчасъ, пользуясь случаемъ, начали клеветать на Иисуса Христа, доказывая, что Онъ, какъ непокорный властямъ, врагъ спокойствія народа, давно достоинъ смерти. Возмутительный нравъ галилеянъ, подданныхъ Ирода, придавалъ достовѣрность тѣмъ опасностямъ, кои они предрѣкали отъ Иисуса Христа; а настоящее молчаніе Господа для злорѣчія служило очевиднымъ примѣромъ мнимой непокорности Его властямъ.

Но Иродъ, при всемъ негодованіи на обманутую надежду видѣть чудо, не былъ расположенъ вѣрить клеветамъ фарисейскимъ. По всей вѣроятности, молчаніе Господа почтено пимъ за сознаніе въ слабости сдѣлать предъ нимъ чудо, достойное вниманія. И прежде сдѣва ли отъ сердца вѣрилъ Иродъ слухамъ о чудесахъ Иисуса Христа, приписывалъ пхъ, можетъ быть, какому-либо тайному искусству; но, какъ человѣкъ безъ твердыхъ правилъ, колебался въ своемъ мнѣніи, почиталъ самое искусство стоящимъ вниманія. Теперь въ полной увѣренности, что подсудимый Узникъ сдѣлалъ бы для него чудо, если бы могъ, Иродъ принялъ Его за посредственаго искусника, который между простымъ народомъ прослылъ Чудотворцемъ, но въ присутствіи просвѣщенныхъ царедворцевъ долженъ прибѣгать къ молчанію,—который, будучи надменъ успѣхами, видя наклонность народа признавать Его за великаго человѣка, вообразилъ себя Мессиею, впрочемъ не имѣя ни-

какихъ опредѣлениихъ видовъ, происходя изъ низкаго рода, безъ знаній и дарованій воинскихъ, съ однозмъ пристрастіемъ къ народному учительству, ни мало не опасенъ для правительства. Такіе люди, думалъ Иродъ, заслуживають не смерть, а осмѣяніе, и самъ первый началъ издѣваться падъ Господомъ. Толпа царедворцевъ немедленно присоединилась къ своему повелителю. Со всѣхъ сторонъ полетѣли острыя пасмѣши, язвительныя укоризны и грубия шутки. Сынъ человѣческій былъ осмѣянъ, поруганъ столько, сколько праведникъ можетъ быть осмѣянъ при дворѣ, подобномъ двору Антипы.

Въ довершеніе всѣхъ пасмѣшекъ, Иродъ велѣлъ надѣть на Иисуса Христа длипную, бѣлую, лоснящую одежду *). Такъ одѣвались въ Римѣ полководцы **) и всѣ тѣ, кои приготавлялись искать у народа какой либо должности ***). Такъ, думалъ насмѣшивый despote, долженъ быть одѣтъ и Тотъ, кто имѣлъ безразсудство представлять изъ Себя, хотя безъ особыхъ умысловъ и дальнихъ послѣдствій, Царя іудейскаго.

*) *λαμπρα εσθης*. По сирскому переводу червленная, по Вульгатѣ — бѣлая одежда. Но *λαμπρος* рѣдко значить *червленный*, и притомъ тогда только, когда червленіе отливается свѣтомъ (Raphel. obser. in Polyb. 288. Wolfius in Cnris); *блѣлое* чаще означаетъ, но такое бѣлое, которое отсвѣчивается. Собственно *λαμπρος* — блестящій, отъ *λάμπω*, — въ приложеніи къ одѣждѣ — лоснящейся. — Вупнаeus de mort. Christ. tom. 3, p. 36 — 37.

**) Valer. Max. 1, 6. 11.

***) Polyb. Hist. I. x. c. 14. Отъ сей-то одежды ищущіе предъ народомъ какой либо должности или достоинства и назывались у римлянъ кандидатами (*candidam vestem amicti*).

Въ сей же самой одеждѣ Иисусъ Христосъ отосланъ обратно на судъ къ Пилату. Дарованіемъ Ему свободы Иродъ не хотѣлъ, вѣроятно, раздражить первосвященниковъ; между тѣмъ взаимною учтивостію думалъ отплатить за учтивость Пилата и показать, что онъ перестаетъ быть его недругомъ. Ибо съ сего времени, по замѣчанію Ев. Луки, Иродъ и Пилатъ сдѣлались по прежнему друзьями. Законнымъ предлогомъ къ отсылкѣ Узника на судъ прокуратора іудейскаго, если нуженъ былъ предлогъ сей, могло служить то, что Иисусъ Христосъ, хотя провелъ большую часть своей жизни въ Галилѣи, по родился и записанъ былъ въ народную перепись въ Іудеѣ, управление коею принадлежало Пилату.

Солнце было уже высоко: три допроса и переходъ изъ одного судилища въ другое продолжались столько времени, что первосвященникамъ трудно было падѣяться въ сей же день окончить дѣло, ими начатое. Но отложить его до другаго времени, значило почти тоже, что вовсе оставить. Съ продолженіемъ времени обстоятельства еще болѣе могли расположиться въ пользу Узника, и безъ того покровительствуемаго прокураторомъ. Особенно могли опасаться народа, который, узнавъ объ участіи, уготовляемой великому Пророку, легко могъ возстать противъ синедріона. Посему старѣшины съ необычнымъ для нихъ терпѣніемъ опять следили за Иисусомъ Христомъ въ Пилатову преторію, получивъ одно утѣшеніе, что Иродъ поругался падъ Господомъ, но не имѣя въ виду ничего опредѣленнаго, кромѣ своего упорства.

ИИСУСЪ ХРИСТОСЪ ОСУЖДАЕТСЯ НА БИЧЕВАНИЕ И СМЕРТЬ ПИЛАТОМЪ.

(Прокураторъ снова провозглашаетъ Иисуса Христа невиннымъ, соглашаясь токмо на наказаніе исправительное.—Упорство первосвященниковъ.—Предложеніе народу на выборъ Иисуса и разбойника Вараввы.—Сонъ жены Пилатовой и ходатайство за Иисуса.—Первосвященники цащаются народъ.—Свобода Вараввѣ, крестъ Иисусу! — Пилатъ напрасно думалъ замѣнить казнь смертную бичевашемъ.—Лютость сего наказанія.—Вѣнецъ терновый.—Се человекъ! — Царя ли ожидаетъ распину? — Не имамъ царя, токмо кесаря.—Опасность и признаки народнаго возмущенія.—Устрашенный прокураторъ омываетъ руки и осуждаетъ на смерть неповиннаго).

Въ то время, какъ Иисусъ Христосъ находился во дворцѣ Иродовомъ, предъ домомъ Пилата часъ отъ часу болѣе собирался народъ (Лук. 23, 13), не столько для того, чтобы быть свидѣтелемъ суда надъ Пророкомъ Галилейскимъ (заключеніе Его въ узы еще не могло сдѣлаться извѣстнымъ всему городу), но чтобы участвовать въ подаваніи голосовъ на освобожденіе узника. Ибо въ это время у іудеевъ существовало обыкновеніе, чтобы въ честь праздника пасхи давать свободу одному изъ осужденныхъ на смерть преступниковъ *). Народу пре-

---

*) Откуда сіе обыкновеніе и когда оно началось? — Трудно опредѣлить. Производили его между прочимъ отъ римлянъ, кои въ извѣстные праздники снимали оковы съ своихъ преступниковъ.

доставлено было полное право выбирать, кого угодно. Это составляло остатокъ свободы, кою римляне любили льстить народамъ, ими побѣжденнымъ. Въ избраніи преступника, безъ сомнѣнія, сколько-нибудь соглашались предварительно. Поелику Пилатъ былъ правителемъ собственно Іудеи и Самаріи, то голоса тѣхъ, кои жили въ его областяхъ, особенно іерусалимлянъ, конечно, были слышнѣе прочихъ и болѣе имѣли силы. Фарисеи, по своему довѣрію въ народѣ, могли имѣть сильное вліяніе на такіе выборы.

По возвращеніи синедріона, Пилатъ, противъ воли, долженъ былъ снова начать судъ, для него столько непріятный. Извѣстіе о поруганіяхъ, коимъ Иисусъ Христосъ подверженъ былъ отъ Ирода и его царедворцевъ, насыщившее одѣяніе, въ коемъ Онъ препровожденъ назадъ, давали разумѣть Плату, что правитель галилейскій почитаетъ сего Узника за мечтателя, кого не довольно наказать однимъ осмѣяніемъ, но должно наказать чѣмъ-либо...

Итакъ, подозревавъ къ себѣ членовъ синедріона и народъ, прокураторъ началъ говорить къ нимъ такъ:

(Liv. 5, 18). Но слова (сυνηθεια брїу) «у васъ есть обычай» (Іоан. 18, 39) указываютъ на еврейское происхожденіе сего обычая; не говоря уже о томъ, что переходъ обыкновеній отъ римлянъ къ іудеямъ, истребившимъ иностранного, самъ по себѣ не вѣроятенъ. Вѣроятно, что іудеи сами ввели у себя обыкновеніе освобождать одного изъ преступниковъ на пасху, въ память своего освобожденія отъ рабства египетскаго, и начавшееся подъ спрѣскимъ правлѣніемъ обыкновеніе сіе утверждено потомъ Августомъ (Rosenmull. Grotius ad Matth. 27, 15. Wolfius. Kircherus ad Luc. 28, 15).

«Вотъ, вы привели ко мнѣ человѣка сего, какъ возмутителя народнаго спокойствія; но я при васъ самихъ разспрашивалъ Его и нашелъ совершенно невиннымъ въ томъ, въ чемъ вы его обвиняете. Иродъ, къ коему я посыпалъ Его, сколько вижу, тѣхъ же мыслей; по крайней мѣрѣ, онъ никаколько не нашелъ въ немъ преступленія, достойнаго смерти; итакъ, я не могу, по вашему желанію, осудить Его. Наказать *), если угодно, я накажу; но послѣ долженъ возвратить Ему свободу, какъ невинному (Лук. 23, 14—15).

Въ сихъ словахъ уже примѣтна нѣкоторая уступка со стороны Пилата. Прежде онъ утверждалъ, что Узникъ не достоинъ ни малѣйшаго наказанія; теперь соглашается употребить наказаніе исправительное. Уверенность его въ невинности Иисуса Христа не перемѣнилась, какъ увидимъ; перемѣнились только обстоятельства. Положить какое-либо наказаніе Узнику казалось пужнимъ и потому, чтобы показать вниманіе къ намеку новаго друга своего—Ирода на Его мечтательность, а болѣе—изъ снисхожденія къ синедріону, чтобы онъ имѣлъ возможность безъ особеннаго стыда прекратить преслѣдованіе невиннаго. Что такой оборотъ дѣла будетъ стоять Праведнику незаслуженныхъ страданій, о семъ Платье не заботился, почитая торжествомъ своего правосудія, если въ такихъ обстоятельствахъ усилѣть спасти, по крайней мѣрѣ, Его жизнь.

По первосвященники, впдя снисхожденіе къ себѣ, сдѣлались тѣмъ неуступчивѣе и объявили рѣшительно,

---

*) Παιδευτας απολυσω.

что они, кромъ смертной казни, не удовлетворятся никакимъ другимъ наказаниемъ. Господь находился предъ лиостротономъ въ одеждѣ Иродовой; спрашивать Его снова не было никакой нужды: ибо обвиненія были тѣ же самыя, что и прежде. Пилатъ былъ въ явной нерѣшности, что дѣлать...

Шумъ народа вывелъ его изъ недоумѣнія. Праздная толпа изъявляла неудовольствіе, что игемонъ, запавши въ судомъ надъ Иисусомъ Христомъ, медлить исполнить народный обычай—освободить ради праздника одного изъ преступниковъ. Дерзость сія, въ другое время обидная, теперь была пріятна для Пилата тѣмъ, что представила ему способъ выйти изъ затрудненія. Извѣстно было, что народъ намѣренъ просить Варавву *), преступника весьма важнаго, который произвелъ возмущеніе и убийства и теперь съ своими сообщниками сидѣлъ въ темницѣ, ожидая казни, вѣроятно, крестной. «Что думалъ Пилатъ, если я поставлю Иисусу на рѣду съ симъ

*) Въ трехъ древнихъ кодексахъ, переводѣ армянскомъ и сирійско-іерусалимскомъ, Варавва называется Иисусомъ Вараввою; и уже Оригенъ (tract. 35 in Matth.) находилъ это наименование во многихъ спискахъ. Такое сходство имёнъ, догадывались и некоторые, и было причиной того, что Пилатъ, назвавъ Иисуса по имени, для отличія отъ Вараввы, прибавилъ: «такъ называемаго Христа». Недостатокъ же слова: Иисусъ—при имени Варавва въ позднѣйшихъ кодексахъ производили изъ суевѣрія переписчиковъ, кои, почитая неприличнымъ, чтобы разбойникъ носилъ одно имя съ Господомъ, вынукали оно изъ текста (Schmidt, Biblioth. der Neuen Theolog. Litter B. 1 p. 237). Но по суду лучшихъ критиковъ чтеніе: *Варавву—Иисуса* есть плодъ неисправности переписчиковъ. Примѣрный образецъ таковой неисправности описанъ у Гриебаха. Сочш. ad Matth. 23, 17.

разбойникомъ, и предложу народу на выборъ?—Ужели іудеи предпочтутъ Іисусу возмутителя и убийцу?—Послѣднееказалось весьма невѣроятнымъ; ибо Пилатъ зналъ, что народъ не раздѣляетъ съ первосвященниками ненависти къ Іисусу, и что напротивъ народная любовь къ Нему виною ихъ зависти и недоброжелательства.

Сообразивъ мгновенно все это, пгемонъ обратился къ народу. «Хорошо, сказалъ онъ, я готовъ исполнить ваше требование; слышно, что вамъ хочется просить свободы Вараввѣ. Не препятствую. Впрочемъ предлагаю вмѣстѣ съ нимъ на выборъ другаго. Хотите ли, чтобы я отпустилъ вамъ Іисуса, такъ называемаго Христа, Царя іудейскаго» (Мат. 27, 17; Мар. 15, 9; Иоан. 18, 39)? Болѣе Пилатъ ничего не сказалъ въ одобрение Іисуса Христа. Изъ его устъ одобрение скорѣе могло имѣть иротивное дѣйствие и показаться посягательствомъ на произволъ избрания, коимъ столько дорожилъ народъ, воздыхавшій о древней свободѣ. Впрочемъ все, что онъ сказалъ бы въ одобрение, уже нѣкоторымъ образомъ заключалось въ наименованіи Узника Христомъ, Царемъ іудейскимъ, которое, кажется, употреблено Пилатомъ въ знакъ синесхожденія. Въ самомъ дѣлѣ, съ симъ наименованіемъ соединены были всѣ пріятныя воспоминанія, всѣ лестныя надежды народа іудейскаго, нѣкогда имѣвшаго собственныхъ царей и теперь съ нетерпѣніемъ ожидавшаго Мессію-Царя изъ потомковъ Давидовыхъ. Самая честь народная требовала дать свободу и жизнь тому человѣку, коего все преступлѣніе состояло въ наименованіи себя Царемъ іудейскимъ.

Только въ устахъ римскаго прокуратора название Іисуса Христа Царемъ іудейскимъ могло представиться

двусмысленнымъ и даже насмѣшливымъ. Если не самъ народъ, то враги Господа могли толковать ихъ такъ, какъ бы игемонъ издѣвался надъ ними, спрашивая свободы для Царя іудейскаго...

Во всякомъ отношеніи, предложеніе Пилата народу обѣ избраній Іисуса Христа было весьма необыкновенно. „Смотри, замѣчаетъ Златоустъ, какъ порядокъ превратился! Народъ долженъ просить у Пилата свободы преступнику; а теперь самъ прокураторъ просить ее у народа *).“

Первосвященники и народъ иѣсколько удалились для совѣщанія. Пилатъ оставался на судейскомъ мѣстѣ, посреди лѣостротона, для производства суда надъ прочими узниками.

Когда такимъ образомъ Іисусъ Христосъ былъ всѣми оставленъ, и самъ Пилатъ уже начинай, хотя противъ совѣсти, преклоняться къ строгимъ мѣрамъ, невинность Его обрѣла на время защиту тамъ, гдѣ менѣе всего можно было ожидать защитниковъ. Жена прокуратора прислала къ нему своего служителя съ тайною просьбою не осуждать необыкновеннаго Узника и, если можно, совершенно уклониться отъ судопроизводства надъ Нимъ **): „ибо, говорила она, въ прошедшую ночь я видѣла чудесный сонъ и много пострадала за сего святаго мужа“.

Не имѣя историческихъ указаний, бесполезно было бы догадываться, что именно видѣла во снѣ жена Пи-

*) In Matth. Hom. 86 al 87.

**) Выраженіе (μηδεν σοι καὶ δικαιος εκείνῳ) *ничтоже тобъ и Праведнику тому* — означаетъ болѣе, нежели: *ничего не дѣлай Праведнику сему*, или: *не осуждай Его*: Conf. Вупаеус.

латова: въ такомъ случаѣ надлежало бы обратиться къ догадкамъ совершенно произвольнымъ. Впрочемъ изъ всего видно, что Прокула *) убѣждена была спомъ своимъ не только въ невинности Иисуса Христа, но и въ томъ, что Онъ есть праведникъ: наименование, которое въ устахъ язычницы означало человѣка необыкновенной добродѣтели, любимца Божества. Должно также думать, что во снѣ открыто было Прокулѣ, болѣе или менѣе, и высокое достоинство лица Иисусова, и страшная участъ, ожидающая враговъ Его и судей неправедныхъ.

На Пилата предостереженіе жены тѣмъ сильнѣе должно было подѣйствовать, чѣмъ болѣе оно согласовалось съ убѣждениемъ его собственного сердца, и чѣмъ известнѣе было ему нравственное достоинство его супруги. Если бы онъ не сдѣлалъ предложенія пароду избрать Иисуса или Варавву: то, можетъ быть, нашелъ бы предлогъ тотчасъ прекратить, по совѣту жены, судопроизводство. Впрочемъ обстоятельства позволяли еще Пилату успокопть жену свою, касательно судьбы Праведника, тѣмъ, что въ его рукахъ находится еще довольно срѣдствъ спасти Его, если не отъ наказанія, то отъ смерти **).

Между тѣмъ (какъ Пилатъ разговаривалъ съ посланными отъ жены и производилъ судъ надъ другими

*) Такъ называется жена Пилата уже въ Никодимовомъ Евангелии.

**) Въ такъ называемомъ Никодимовомъ Евангелии есть не сколько свѣдѣній касательно сего случая, но не заслуживающихъ вѣроятія.

узипками) первосвященники и старѣйшины употребляли всѣ способы къ наущенію народа противъ Иисуса Христа. Успѣть въ семъ случаѣ для нихъ было тѣмъ удобнѣе, что іерусалимляне (имѣвшіе особенную силу въ избраніи) были приверженѣе другихъ къ фарисеямъ *), не любили галилеянъ, и вообще были развращенѣе и горделивѣе. Между прочимъ въ наущеніе могли говорить:

„Синедріонъ въ полномъ собраніи, два раза, со всѣмъ безпристрастіемъ, подъ клятвою допрашивалъ Иисуса; и, основываясь на собственныхъ словахъ Его, нашелъ въ Немъ человѣка нечестиваго, крайне опаснаго для благоденствія народа іудейскаго... Дѣла, Имъ совершенныя, странны; но кто не видѣтъ, что Ему помогали темныя силы, что Онъ посланикъ Вельзевула (Мат. 9, 34)?—Ибо когда Онъ совершалъ ихъ? въ субботу, вопреки закона Моисеева, къ поруганію нашей религіи (Мат. 12, 2. 8). А чѣму учитъ Онъ? разрушаетъ всѣ преданія (Мат. 15, 2), грозитъ разрушить самый храмъ (Мат. 26, 61), поносить все священное, не исключая и насть, первосвященниковъ. А какъ живетъ Онъ?—Ѣсть и пьетъ съ мытарями и грѣшниками (Мат. 9, 11; 11, 19); ведетъ дружбу съ самарянами (Іоан. 8, 48); всѣ презрѣнныя люди съ Нимъ въ единомысліи. И такой человѣкъ называетъ себя *Сыномъ Божиимъ!*—Если бы Онъ былъ дѣйствительно Мессія, то дошелъ

*) У Флавія (Antiq. 13, 28) самъ Александръ, царь іудейскій, предъ смертію признается, что фарисеи могутъ дѣлать изъ народа, что имъ угодно,—располагать его въ пользу своихъ друзей и во вредъ своихъ враговъ.

ли бы до теперешняго состоянія, позволилъ ли бы обходиться съ Собою, какъ съ рабомъ, согласился ли бы служить посмѣшищемъ для Иродовыхъ слугъ? Гдѣ пророки Монсей и Илія, кои должны возвѣстить всѣмъ приходъ Мессіи (Іоан. 1, 21)?—Напротивъ, этотъ человѣкъ преданъ собственнымъ ученикомъ: такъ мало цѣнятъ Его самыи друзья! Да и кто ожидаетъ Мессію изъ Назарета (Іоан. 1, 46), — изъ дома плотника?—Нѣтъ, не будетъ того, чтобы глупые и дерзкіе галилеи не могли дать намъ царя: Іерусалимъ не поклонится Назарету!—Что въ пришествіи Мессіи радостнаго? Не то ли, что Онъ освободить народъ іудейскій отъ враговъ Его, возстановить престолъ Давидовъ (Лук. 19, 11)?—Но посмотрите на сего человѣка: это ли побѣдоносный потомокъ Давида, который съ трепетомъ ожидаетъ милости и смерти отъ приговора римскаго всадника? Онъ, когда и былъ свободенъ, непрестанно твердилъ: давайте дань кесарю!—это Мессія—только не іудейскій, а развѣ римскій! Честь народа требуетъ испросить Ему самой поносной казни. Не примѣчаете ли, что Платъ, называя Его царемъ нашимъ и прося Ему свободы, издѣвается надъ нами? — О, если бы Господь не смирилъ насть за грѣхи отцевъ нашихъ, мы показали бы необрѣзанному, какъ поносить Израиля! — По крайней мѣрѣ, охраните честь синедриона, храма, имя Бога Израилева — вы, израильяне! Проклять, кто скажетъ хотя слово въ пользу сына Іосифова!“

Преступленія Вараввы также могли быть прикрываемы и уменьшаемы. Ничто не препятствовало фарисеямъ произведенное имъ возмущеніе изображать въ

видѣ ревности по отечественной независимости, по закону Моисееву и преданіямъ. Возмущенія въ Палестинѣ тогда не были дѣломъ необыкновеннымъ; и при всѣхъ несчастіяхъ, отъ нихъ происходящихъ, преданный политической мечтательности народъ смотрѣлъ на возмутителей, какъ на людей, въ коихъ дышетъ духъ свободы, а посему достойныхъ лучшей участіи. Напротивъ Мессія, не сдѣлавшій ни одного покушенія свергнуть иго римлянъ, казался уже потому самому для многихъ неистиннымъ.

Наущенная толпа приблизилась къ лиоостротону. „Итакъ, кого изъ двухъ хотите, чтобы я отпустилъ вамъ, спросилъ Пилатъ; хотите ли, чтобы я отпустилъ Царя іудейскаго?“ (Весьма не кстати употребляеть онъ опять сіе наименованіе, которое наущенному народу казалось язвительною насыщенною).

«Не Его, раздалось со всѣхъ сторонъ, не Его, а Варавву!»

Въ замѣшательствѣ мыслей, еще не успѣвъ придумать никакого оборота, Пилатъ, какъ бы не хотя, спросилъ народъ: «что же мнѣ дѣлать съ такъ называемымъ Царемъ іудейскимъ?»

«На крестъ Его, на крестъ!» кричала чернь, какъ бы въ самомъ дѣлѣ ей предоставлено было право решать всѣ дѣла.

(Единогласное указаніе на самый родъ казни обнаруживаетъ, что наущавшіе не забыли никакихъ подробностей).

«Но какое зло сдѣлалъ Онъ?»

«На крестъ, на крестъ!»—болѣе не слышно было ничего.

«Нѣтъ», отвѣчалъ Пилатъ, раздраженный неудачею и непривыкшій терпѣть подобныхъ наглостей: «что прежде я сказалъ, то и будетъ: наказать Его, я накажу, а потомъ отпущу».

Послѣ сего тотчасъ дано повелѣніе: Варавву освободить, а Иисуса Христа подвергнуть бичеванію. Симъ наказаніемъ пгемонъ, какъ увидимъ, надѣялся совершенно удовлетворить лютости враговъ Его.

Бичеваніе *) (flagellatio), коимъ Пилатъ думалъ замѣнить смертную казнь, было однимъ изъ самыхъ по-посныхъ и мучительныхъ наказаній **), опредѣляемыхъ у римлянъ за важныя преступленія болѣею частію для рабовъ и тѣхъ, кои не имѣли права римскаго гражданина ***). И въ іудейскихъ синагогахъ наказывали разгами: но опредѣленное число ударовъ было не

По сказанію Ев. Іоанна (19, 1) Иисусъ Христосъ претерпѣлъ бичеваніе прежде осужденія на смерть, а по другимъ Евангелистамъ — послѣ. Здѣсь событие излагается по сказанію Іоаннову. Ибо 1) прочие Евангелисты о послѣднихъ событияхъ на судѣ Пилата говорятъ весьма кратко; Іоаннъ гораздо подробнѣе, и въ болѣе хронологическомъ подрядкѣ. 2) Пилатъ, какъ мы видѣли, съ тѣмъ и рѣшился наказать І. Христа, дабы послѣ даровать Ему свободу. 3) Старанія Пилата, послѣ бичеванія, объ освобожденіи І. Христа и новый допросъ даютъ знать, что бичеваніе не было слѣдствіемъ осужденія на смерть: иначе первосвященники и народъ тотчасъ закричали бы, что прокураторъ противорѣчить самъ себѣ, защищая уже осужденнаго преступника. 4) Частица тое (тогда, Мат. 17, 27), на коей основываются противники мнѣніе, не противорѣчить сему: потому что у св. писателей опредѣленный нарѣчія времени часто полагаются вмѣсто неопределенныхъ. Также Bynaeus. Kuinol. Gratz.

**) Horribile flagellum—ужасный бичъ. Horat. Sat. 1. 3. 119.

**) Гражданъ наказывали разгами. Lipsius de Cruce. L. 2. c. 3.

велико *); наказанный не лишался даже чести гражданской. Римляне, напротивъ, подвергали бичеванію за важныя преступленія, большою частію предъ совершениемъ смертной казни **). Число ударовъ и прочія подробности не были опредѣлены закономъ, и предоставлялись человѣколюбію или безчеловѣчію воиновъ, кои у римлянъ совершали всѣ казни ***). Бичи дѣлались изъ веревокъ или ремней, въ кои по мѣстамъ вивались острыя костаны или металлическія палочки ****). Не рѣдко умирали подъ бичами *****). Такимъ-то наказаніемъ Пилатъ хотѣлъ показать происхожденіе и къ врагамъ Его и обвишителямъ!...

Вслѣдствіе привезанія, воины, находившіеся при Пилатѣ, взяли Иисуса Христа съ лиоостротона и отвели въ преторію — на дворъ прокураторскій, гдѣ производились подобныя наказанія; потомъ созвали большую часть военной спиры ил 1 когорты, заключавшей въ себѣ отъ 600 до 1000 человѣкъ *****); ибо бичеваніе составляло родъ увеселенія для сихъ грубыхъ людей.

*, 39 разъ. Втор. 25, 8; 2 Кор. II, 24. Joseph. Antiq. 4. 8.

**) Phil. in Flacc. p. 975. Jahn, Archaeologie B. II. § 207.

***) Liv. L. 32. c. 26. Val. Max. 1. 7.

****) v. Bynaeus de mort. Christ. tom. III.

*****) Ulpian. de poenis I. 8. Ministrorum immanitate multi sub eiusdem flagellis inferierunt.

******) Lipsius de milit. Rom. I. 4. Римскій гарнизонъ въ Іудеѣ составляли обыкновенно 6 когортъ, изъ коихъ 5 находились въ Кесаріи, а одна, большая, въ Іерусалимѣ. Посему выраженіе Евангелистовъ: созвали всю спири, не должно братъ въ строгомъ смыслѣ, чтобы созвана была вся спира; иначе въ это время крѣпость Антонія и другія мѣста оставались бы вовсе безъ стражи.

Евангелисты не упоминаютъ, чтобы пречистое тѣло Господа во время бичеванія было привязано къ столбу; по постоянное и всеобщее преданіе утверждается, что было *). Жестокоъ само по себѣ, бичеваніе теперь было еще жесточе: каждый изъ воиновъ хотѣлъ дать почувствовать силу руки минимому противнику кесаря—божества преторианцевъ.

Насытивъ свою жестокость, воины перешли отъ мученій къ пасмуркамъ — или по обыкновенному въ грубыхъ людяхъ сочетанію варварства съ увеселеніемъ, или по примѣру Ирода и его предворцевъ. Вздумали заставить Узника представить лице царя, возводимаго на царское достоинство. Для сего на обнаженное, покрытое ранами и кровью, тѣло Господа накинули червленную хламиду — родъ короткой почетной спани, закрывавшей только половину тѣла, которая застегивалась па правомъ плечѣ, и была въ употреблениіи между важными воинами людьми **). Само сѣбою разумѣется, что хламида сія была какая либо ветхая и негодная къ употреблению. Воинамъ одѣяніемъ хотѣли только означить минимое домогательство Иисуса Христа верховной власти надъ іudeями.

Потомъ изъ воиновъ для той же цѣли сдѣлали насокро вѣнокъ и надѣли его па голову Господа. На соплетеніе сего вѣнца употреблены были терпѣстия вѣтви; но какого именіо дерева или травы

*) Hieron. in Epitaphio Pavlae. S. Pavlin. Epist. 34. Prudent Diptich LXI.

**) Іои посему у Плавта (Rud. II. 2. 9) и называются *chlamidae*, одѣтые въ хламиду.

(ибо тернистыхъ породъ много) — сего, по одному значенію подлинныхъ словъ Евангелія, опредѣлить невозможно *); потому что греческое слово (*ἄκανθα*) означаетъ всякое колючее растеніе **). Отцы Церкви, начиная съ Климента Александрийскаго ***), разумѣютъ тернъ въ собственномъ смыслѣ сего слова. Въ самомъ дѣлѣ, хотя вѣнецъ придуманъ не столько для увеличенія муки, сколько въ насмѣшку; впрочемъ безчеловѣчная прихотливость воиновъ, безъ сомнѣнія, не усомнилась употребить самое колючее растеніе, какое только могло найтись на дворѣ прокураторскомъ. А посему название вѣнца Иисуса Христа терновымъ соотвѣтствуетъ и значенію слова, употребленнаго въ подлунникѣ, и по-стоянному всеобщему преданію.

Теперь недоставало только послѣдняго знака царской власти — скипетра: вмѣсто его одинъ изъ воиновъ вложилъ въ руку Иисуса Христа палку изъ тростника (*χαλαρός*) палестинскаго, который похожъ на нашъ тростникъ, только гораздо толще и тверже его ****).

Послѣ такого мнимо-царского облаченія, которое само по себѣ уже было посмѣяніемъ, начались ругатель-

*) Нѣкоторые, изъ путешествующихъ въ Палестинѣ, полагали, что эта должна быть, и теперь во множествѣ растущая въ Палестинѣ, трава, называемая отъ арабовъ *набскою*, по листьямъ и цвету похожая на цилющъ. (Hasselquist, Reise nach Palaestina N. 540). Другие судили иначе. V. Michael ad L. 1. Neue Orient. Biblioth. Th. 1. § 186. Bartholinus de corona spinea.

**) V. Lexicon in N. T. Schleisneri et Breitschneideri, sub hac voco.

***) Paedag. L. II, c. 8. Tertul. contra Iudaeos c. 13.

****) V. Levinus Lemnius de Herbis biblicis. Cap. 27.

ства самыя грубыя. На Востокѣ уваженіе къ царямъ обыкновенно изъявляютъ паденіемъ предъ ними на колѣна. То же дѣлали и теперь. Падая (поодиночкѣ) предъ Иисусомъ Христомъ на колѣна, говорили: «радуйся, Царь іудейскій *!» Съими словами каждый воинъ плевалъ Господу въ лицѣ, бралъ у Него изъ рукъ трость и ударялъ Его по головѣ.

Что такое безчеловѣчіе было произвольно и даже вопреки законовъ, объ этомъ воины имъ мало не думали. Царь-самозванецъ, галилейянинъ, презираемый самыми іудеями, для нихъ презрѣнными, казался имъ такимъ преступникомъ, коего нельзя довольно изму-
чить.

Иисусъ Христосъ среди сихъ поруганій являлся такимъ, какъ провидѣлъ Его еще за нѣсколько вѣковъ Пророкъ, когда въ Божественномъ вдохновеніи изрекъ: «яко аннецъ на заколеніе ведеся, тако не отверзаетъ устъ своихъ» (Исаи. 53, 7). Будучи злословимъ, по замѣчанію Апостола, Онъ не злословилъ взаимно; страдая, не угрожалъ, но предавалъ и Себя и мучителей своихъ своему Отцу Судіи праведному (1 Петр. 2, 23).

Между тѣмъ первосвященники и народъ, не смотря на объявленіе прокурора, что бичеваніемъ Иисуса Христа должно окончиться все дѣло, продолжали стоять у престоріи, съ явнымъ намѣреніемъ требовать Ему смерти. Снисхожденіе, имъ оказанное, увеличивающаяся толпа

*) У Філона (in Flacc.) находится описание подобныхъ насмѣшекъ надъ однимъ полоумнымъ человѣкомъ, котораго заставили представлять лицо цара, въ укоризну Ироду Агриппѣ, выросшему у Калигулы себѣ царское достоинство.

парода, который во время бичевания еще болѣе могъ быть наущенъ, ободряли къ новому упорству и дерзостямъ. Пилатъ видѣлъ сie. Какъ самовластный судія, онъ могъ сказать, что дѣло кончено: но его самовластіе было зыбко предъ многочисленною толпою мятежной черни, которая, бывъ одушевлена личнымъ присутствіемъ своихъ вождей, была въ состояніи отважиться на все. Надлежало выслушать синедріонъ и народъ и не раздражать ихъ явно.

Оставивъ лиеостротонъ, Пилатъ вошелъ въ преторію къ воинамъ, дабы видѣть, какъ исполнено его повелѣніе. Увы, сно исполнено было слишкомъ усердно!... Исполнено такт, какъ, по всей вѣроятности, не ожидалъ, неравнодушный къ положенію Узника, римлянинъ!... Взглядъ на жалостное положеніе Узника, безчеловѣчіе, надъ Нимъ оказанное, и кроткій Божественный видъ Страдальца еще болѣе убѣдили прокуратора въ той мысли, что если для подсудимаго, по обстоятельствамъ, неизбѣжно было какое либо наказаніе, то Онъ наказанъ уже слишкомъ много. Но какъ спасти Его?—Показать въ семъ самомъ видѣ народу?—Ужели, думалъ Пилатъ, и сей жалостный видъ не тронетъ враговъ Его, особенно тѣхъ изъ іудеевъ, кои не имѣютъ къ Нему личной венависти?

Въ сихъ мысляхъ прокураторъ оставляетъ преторію, повелѣвъ слѣдоватъ за собою Иисусу. «Вотъ, сказалъ онъ народу, я вывожу Его къ вамъ, дабы вы снова видѣли, что я не нахожу въ Немъ никакой вины» (Іоан. 19, 4).

Въ то же время и Господь вышелъ изъ преторіи, съ облитымъ кровію, полузакрытымъ багряницею, тѣломъ,

съ колючимъ вѣнкомъ на головѣ, которая также была изъязвлена и окровавлена...

«Се человѣкъ!» — воскликнулъ Пилатъ, повидимому, тронутый жалостнымъ видомъ Божественнаго Узника. — (Смотрите, есть ли въ Его лицѣ что-либо дерзкаго, мятежнаго, — въ Его положеніи что-либо опаснаго для правительства! — Смотрите, какъ Онъ въ угодность въ мѣ поруганъ, измученъ!)

Слова сіи и положеніе Господа дѣйствительно тронули многихъ изъ іудеевъ. Еще раздалось иѣсколько голосовъ: «распять, распять Его!» но уже не съ такимъ спирѣствомъ. Первосвященники, старѣйшины и клирики замѣтили это, и начали кричать самп вмѣстѣ съ народомъ (Іоан. 19, 6). Многочисленная толпа слугъ ихъ и приверженцевъ кричали тоже; минуты были самыя рѣшительныя...

И Пилатъ началъ терять равнодушіе судіи. «Ну, сказалъ онъ, если уже вы такъ упорны, то возьмите Его и сами распните (если можете); а я еще разъ скажу вамъ, что (по моему образу мыслей и законамъ римскимъ) не нахожу въ семъ человѣкѣ никакой вины.» — Суровый видъ прокуратора показывалъ, что онъ сдержитъ свое слово.

Первосвященники, при всемъ желаніи видѣть Господа осужденнымъ по римскимъ законамъ, принуждены были на время оставить сію надежду, и спова обратиться къ обвиненію Его въ преступлениі отечественныхъ постановленій. Въ послѣднемъ случаѣ, представлялась по крайней мѣрѣ та выгода, что Пилатъ, какъ язычникъ, не имѣющій права судить о священныхъ законахъ іудеевъ, а слѣдовательно, о ихъ преступленіи, по

необходимости долженъ полагаться на слова книжниковъ іудейскихъ, коиъ, при помощи фарисейскаго право-вѣдѣнія, не трудно было вывести, что Господь, по уложенію Моисея, достоинъ смерти.

«Что за пужда, отвѣчали первосвященники Пилату, что ты не находишь Его достойнымъ смерти, по твоимъ законамъ: у нацъ есть свой законъ, по коему Онъ долженъ быть казненъ; ибо выдавалъ Себя между прочимъ и за Сына Божія.»

По обвиненію сіе произвело въ Пилатѣ совершение другое впечатлѣніе, нежели какого надѣялись врачи Господа. Прокураторъ, по замѣчанію Ев. Іоанна, *услы-шаевъ сіе слово* (Іоан.19, 8), тѣ есть, что Иисусъ Христосъ называлъ Себя Сыномъ Божіимъ, еще болѣе испугался. Прежде сего онъ опасался осудить невиннаго человѣка, праведника, необыкновенаго мужа, можетъ быть, любимца боговъ; теперь страшился произнести приговоръ нацъ Сыномъ Божіимъ, за котораго Богъ-Отецъ Его: кто бы онъ ни былъ, долженъ жестоко отмстить ему; ибо Пилатъ, какъ язычникъ, несколько не чуждъ былъ той вѣры, что боги никогда въ видѣ человѣческомъ исходятъ на землю и рождаются полубоговъ *). Ничего невозможнаго не находилъ онъ и въ томъ, чтобы такой полубогъ явился въ Іудеи, подвергся узамъ и представать его судилищу: ибо языческая религія допускала, что и самые боги принимали иногда видъ бѣдныхъ страшнѣ-

*) Таковыми полубогами считались у язычниковъ: Геркулесъ, сынъ Юпитера и Алкмены, — Ромуль, сынъ Марса и Рен Сильвіи, — Эней, сынъ Венеры и Ахізіа. Conf. Вупасіс.

ковъ *), а полубоги подвергались иногда даже оскорблений и уничтожению. Напротивъ, догадкою, не полубогъ ли находится въ его судилищѣ, изъяснялось для Пилата многое, чего онъ прежде никакъ не могъ решить: и чудный сонъ жены его въ пользу Узника, ей непозвѣстнаго, иновѣрнаго; и необыкновенные поступки Господа: Его молчаніе, необыкновенное тѣрпѣніе, высота мыслей и чувствованій.

Разспрашивать обвинителей, какъ и за какого Сына Божія выдавалъ Себя Обвиняемый, казалось неумѣстнымъ. Раздраженные первосвященники прямо могли бы сказать Пилату, что онъ не имѣть право вмѣшиваться въ дѣла ихъ религіи, которая находилась подъ покровительствомъ самого кесаря. Лучшимъ представлялось обратиться къ самому Узнику, и отъ Него узнать тайну Его Божественнаго происхожденія.

Полный страха и сомнѣнія, Пилатъ входить немедленно въ преторію, давъ знакъ слѣдовать за собою І. Христу. «Откуда Ты?»—былъ первый вопросъ.—Не о мѣстѣ рожденія спрашивалось,—ибо Пилатъ слышалъ уже, что Господь родился въ Галилее,—но о томъ, какаго Онъ происхожденія, отъ людей ли рожденъ, или отъ боговъ? Требовалось, чтобы Господь открылъ свое происхожденіе естественное, или сверхъ-естественное. Если и прежде не трудно было Іисусу Христу преклонить на свою сторону судію, то теперь еще легче. Не

*) Таково странствованіе Юпитера у Овидія. Metam. I. 1. И въ книгѣ Дѣян. описывается, какъ ликаонцы, увидѣвъ чудо, произведенное Ап. Павломъ, почли его за Меркурія, а Варіаву, съ нимъ находившагося, за Юпитера. 14, 11, 12.

сматря на свой скептицизмъ, суевѣрный, испуганный язычникъ какъ будто готовъ былъ вѣрить всему, что бы ни было сказано Узникомъ чудеснаго о своемъ происхожденіи. Но Иисусъ—*ответъ не даде ему* (Иоан. 19, 9!..

Достопр. ли былъ знать святѣйшую изъ тайнъ суевѣрный язычникъ, который спрашивалъ Господа не по любви къ истинѣ, а по страху, послѣ того какъ, совершенно вопреки своей совѣсти, подвергъ Его мучительному бичеванію?—Понѣтій даже не способенъ былъ понять тайну предвѣчнаго происхожденія лица Иисусова, которая, по высотѣ своей, не могла найти себѣ мѣста даже въ умѣ первосвященниковъ и книжниковъ, всегда почивавшихъ на законѣ Моисеевомъ. Все слышанное, или читавшое Шплатомъ о сынахъ божіихъ, коими наполнена мпѣологія грековъ и римлянъ, не помогло бы ему въ разумѣніи тайны лица Иисусова; на основаніи сихъ базенъ, Пилатъ всего скорѣе сравнялъ бы Его въ своемъ умѣ съ какимъ либо Геркулесомъ или Ромуломъ *). Притомъ избавить себя отъ смерти повѣствованіемъ о своемъ небесномъ происхожденіи было совершенно несообразно съ нравственнымъ достоинствомъ Иисуса Христа. Мы видѣли, что Онъ, рѣшившись положить душу свою за спасеніе міра, вмѣстѣ съ симъ отрекся отъ всѣхъ сверхъ-естественныхъ средствъ къ своему освобожденію; Ему угодно было, чтобы Его судили какъ человѣка, а не какъ Сына Божія.

Впрочемъ, если бы Господь,—какъ думаютъ, къ сожалѣнію, въ наше время нѣкоторые даже изъ ученыхъ

*) V. Lamp. Comment. in Iohan. 19.

тълкователей слова Божія *), — происходилъ отъ земныхъ родителей, а не произошелъ, какъ Онь Самъ говорилъ, съ *неба*, отъ *Отца*: то, можетъ быть, самая любовь къ истинѣ, для свидѣтельства коей Онь родился, побудила бы теперь вывести Пилата изъ заблужденія, сказавъ: «я, подобно всѣмъ людямъ, происхожу отъ смертныхъ родителей; я не Сынъ Божій въ собственномъ смыслѣ сего слова, и называлъ Себя такъ единственно въ томъ отношеніи, въ какомъ каждый добродѣтельный человѣкъ можетъ быть названъ сыномъ Божіимъ.» Пилатъ, можетъ быть, не былъ бы неспособенъ попытать, въ чёмъ состоить нравственное сыновство Божіе. Но какъ Иисусъ Христосъ былъ и есть дѣйствительный, естественный Сынъ Божій, то Ему и прилично было отвѣтчать — (какъ и поступлено) на вопросъ Пилата — молчаниемъ.

Поелику для Пилата причины, по коимъ онъ не получалъ теперь отвѣта, были не домыслимы; между тѣмъ для гордости римскаго всадника такое молчаніе казалось вовсе пеумѣстнымъ въ Узникѣ, который, сынъ ли Онь божовъ, или пѣтъ, близокъ ко кресту; то онъ, желая прервать молчаніе, съ надменіемъ спросилъ: «какъ Ты и миѣ не отвѣтствуешь? развѣ не знаешь, что я имѣю власть распять и отпустить Тебя?»

Не смотря на высокомѣріе словъ сихъ, въ нихъ все еще выражалась наклонность Пилата даовать Господу свободу: по куда дѣвался страхъ его? — Туда же, от-

*: V. Breitschneider. Handbuch der Dogmatik. 2 Band. 2 Ausg. 1822. S. 155—158, где указаны всѣ новѣйшіе писатели, допускающіе сіе ложное мнѣніе.

куда произошелъ. Легкомысле родило его, легкомысле и разсѣяло. Впрочемъ павычная хитрость римского вельможи и здѣсь могла дѣйствовать: онъ могъ, скрывая свой собственный страхъ, съ намѣреніемъ устрашать Иисуса Христа своею властію, дабы, судя по тому дѣйствію, какое произведетъ угроза на Узника, заключить: человѣкъ ли Онъ простой, или сынъ боговъ.

Между тѣмъ надменными словами: «я имѣю власть распять и отпустить Тебя»—Пилатъ невольно обнружилъ тайное свойство своего правосудія и своей совѣсти. «Смотри, замѣчаетъ св. Златоустъ, какъ онъ предварительно произносить судъ на самого себя!—Ибо, если все было въ твоей (Пилатъ) власти; то почему ты, не нашедъ въ Немъ никакой вины, осудилъ Его на крестъ?» *).

Самохвальство судія не осталось безъ обличенія, которое, безъ сомнѣнія, столько жеказалось необыкновеннымъ для Пилата, сколько было проплично Господу. «*Отвѣща Иисусъ: не имаши власти и неединаго на Мнъ, аще не бы ти дано свыше: сего ради предавый Мя тебѣ болій чињъ иматъ*» (Іоан. 19, 11).

Справедливо, замѣчаетъ при сихъ словахъ блаж. Августинъ, что Иисусъ Христосъ *коида молчалъ, молчалъ какъ агнецъ; а коида говорилъ, говорилъ какъ пастырь ***). Въ сихъ словахъ слышенъ истинный гласъ истиннаго Пастыря, который, рѣшившись *положить душу свою за овцы*, не оставляетъ безъ вразумленія и самыхъ вепрѣй, ищущихъ Его души. Пилатъ, желая

*) Hom. 83 al. 74 in Johan;

**) Tract. in Johan.

знатъ о томъ, чего ему нельзя было знать, — о небесномъ происхожденіи Иисуса Христа, совершенно забыть ту истину, которую ему прежде всего надлежало помнить, то есть, что суды земные, какъ и вся дѣянія человѣческія, находятся подъ невидимымъ управлѣніемъ Судіи небеснаго, который потребуетъ никогда строгаго отчета отъ неправедныхъ властителей. — И вотъ, Господь, не удовлетворивъ безвременному любопытству Пилата, подаетъ однакоже помочь его слабой совѣсти, — врпводить ему на память истину, что дѣло, коимъ онъ теперь занимается, подлежитъ, вромъ его либостротона, суду гораздо вышшему, Божественному, и что ему остается быть только орудіемъ сего суда на землѣ. — Словами: «болѣе грѣха на томъ, кто предалъ Меня тебѣ», освѣщена предъ Пилатомъ, сколько нужно было для его вразумленія, будущая судьба враговъ Иисусовыхъ и его собственная. Ему дается предварительно слышать будущій приговоръ на себя отъ небеснаго Судіи за то, что не спасъ отъ смерти Праведника, — слышать во всей точности, то есть, что его ожидаетъ неизбѣжное наказаніе, хотя меньшее въ сравненіи съ наказаніемъ личныхъ враговъ и предателей Иисусовыхъ.

Совѣсть римлянина и на сей разъ не была глуха. Смѣлое указаніе И. Христомъ на Судію небеснаго, явный намекъ на несчастную участъ, ожидающую Его гонителей, твердая рѣшимость исполнить свое великое предназначеніе, прозрѣніе въ тайну совѣсти Пилатовой, — кажется, совершенно устранили неблагонрѣтную перемѣну мыслей, могущую произойти въ послѣднемъ, по причинѣ молчанія Господа на его вопросы и

даже угрозы. Если судія не слышалъ отъ Подсудимаго признанія въ томъ, что Онъ Есть Сынъ Божій, то не слышалъ и отриданія. Между тѣмъ могъ полагать, что необыкновенный Узникъ имѣеть какія либо особенные причины не открывать тайны своего лица и происхожденія. Посему, по выходѣ изъ преторіи, Пилатъ, по замѣчанію св. Иоанна (Иоан. 19, 12), не только не премѣнилъ прежняго вида защитника невинности Иисусової, но еще началъ тѣмъ усерднѣе искать средства спасти Его отъ смерти. Молчаніе Евангелиста не позволяетъ сказать рѣшительно, къ чему именно обращался прокураторъ для достиженія сей цѣли, и что говорено имъ первосвященникамъ.

Прокуратору явно нельзя было утверждать, что обвиняемый не признаетъ Себя виновнымъ въ присвоеніи имени Сына Божія; ибо кромъ того, что Господь не отрекся предъ нимъ отъ своего наименованія, первосвященники могли вдругъ представить свидѣтелей, какъ Онъ называлъ Себя Сыномъ Божіимъ; нельзя было Пилату сказать и того, что обвиненіе Иисуса Христа въ наименованіи Себя Сыномъ Божіимъ не составляетъ преступленія, достойнаго смерти: ибо не его было дѣло судить о тяжести преступленій, касающихся іудейской религіи. Но тѣмъ съ большимъ правомъ Пилатъ могъ представлять первосвященникамъ, что подсудимый Узникъ, если въ чемъ либо и виновенъ, то уже наказанъ за то слишкомъ; и несправедливо было бы за одно и то же наказывать такъ жестоко дважды; могъ снова отклонять отъ себя окончательное рѣшеніе дѣла, подъ предлогомъ нужнаго сношенія съ Иродомъ, въ области коего принадлежалъ Иисусъ Христосъ; — могъ

даже, какъ представитель кесаря, явно принять Господа подъ защиту римского правосудія, какъ человѣка, гонимаго синедріономъ по личнымъ видамъ.

Какъ бы то ни было, защищепіе Пилата было такъ дѣйствительно, что первосвященники принуждены были оставить обвиненіе Господа въ парушеніи отечественныхъ законовъ, и почли за лучшее снова обратиться къ одному уголовному извѣту — въ измѣнѣ противъ кесаря. Во время послѣдняго Пилатова допроса Господа, фарисейскіе и саддукейскіе лжеполитики имѣли всю удобность согласиться между собою и найти средство, какъ усилить сей извѣтъ и сдѣлать его неотразимъ для прокуратора.

«Итакъ, ты хочешь, вскричали гордо первосвященники, Избавить Его отъ казни? Поступай, какъ угодно; но знай, что если ты Его отпустишь свободнымъ, то ты не другъ кесарю: всякий, кто называетъ себя царемъ, есть противникъ кесарю» (Иоан. 19, 12). Наущенная чернь кричала тоже самое, упрекая Пилата певѣрностію своему государю.

При сихъ неожиданныхъ словахъ, висевшіо исчезла вся твердость Пилата...

«Другъ кесаревъ» — было такое наименованіе, коимъ гордились первѣйшіе люди въ Римѣ, начальники обширнѣйшихъ провинцій. Самъ Иродъ Великій почталь себѣ за особенную честь именоваться и слыть въ народѣ другомъ Августа. Тѣмъ паче долженъ былъ дорожить симъ наименованіемъ римскій всадникъ, который еще весьма далекъ былъ отъ того, чтобы повелитель свѣта назвалъ его *своимъ другомъ*...

«Если освободишь Его, то ты врагъ кесарю» — сло-

ла сіи, сказанныя предъ всѣмъ народомъ, устами цѣлаго синедріона, были ужаснѣе грома. Изъ нихъ открывалось, что первосвященники готовы перенести дѣло на судъ кесаря, дабы тамъ обвинять вмѣстѣ съ Іисусомъ Христомъ и Пилата, какъ измѣника, который не радить о чести и выгодахъ своего владыки. Для Пилата сіи угрозы тѣмъ болѣе пмѣли силы, чѣмъ меньше онъ въ качествѣ правителя Іудеи, свободенъ былъ отъ проступковъ *), за кои по справедливости и съ успѣхомъ можно было обвинять его предъ кесаремъ, особенно такимъ врагамъ, кои дѣйствовали въ Римѣ и золотомъ и происками.

Еще бы не такъ ужасало обвиненіе предъ кесаремъ въ измѣнѣ, если бы на римскомъ престолѣ сидѣль тогда Августъ, или ему подобный. Можно было надѣяться, что полу богъ римскій, забывъ свою личность, разсмотрѣть дѣло въ истинномъ его видѣ, и не поставить Іисусу Христу въ вину одного наименования себя царемъ. Но Римъ стоялъ тогда подъ желѣзнымъ скипетромъ Тиверія-чудовища, которое, не имѣя довѣрія и жалости даже къ роднымъ, пытаясь сомнѣніями и притворствомъ, терзало всякаго по самимъ маловажнымъ подозрѣніямъ; у коего самые безстыдные пзвѣты всегда находили себѣ довѣріе и награду **).

Кромѣ будущей опасности со стороны кесаря, надлежало страшиться и настоящей со стороны народа. Ис-

*) Philo Legat. ad Caj. p. 1033. Joseph. Antiq. 18. 141. Bell. Jud. 1, 2. 8.

**) Majes'atis crimen, пишетъ Тацитъ, omnium accusationum complementum erat. Annal. 3. 8. Svet. in vit. Tiber. c. 58.

обузданная, наущенная фарисеями, толпа становилась часъ отъ часу наглѣе и матежиѣ. Свирѣпый крикъ ея уже предвѣщалъ, что она готова позволить себѣ всѣ роды насилия *). Горсть преторіанцевъ ничего не значила въ сравнениіи съ безчисленнымъ множествомъ іудеевъ, собравшихся со всего свѣта на праздникъ Пасхи. Кромѣ опасности отъ народнаго возмущенія, за него надлежало бы еще отвѣтить предъ кесаремъ. Что же, если бы Тиверій узналъ, что единственюю причину возмущенія былъ отказъ, сдѣланный римскими прокураторомъ народу іудейскому, требовавшему казни для личнаго врага Тиверіева, какимъ предполагался мнимый домогатель престола іудейскаго?!

Подобныя мысли могли смутить и не Пилата,—человѣка съ не вовсе заглушенной совѣстю, имѣющаго попытіе о справедливости и нѣкоторое расположение къ ней, но изъ дѣства привыкшаго, по примѣру вельмож римскихъ, ставить свою пользу выше нравственности, смотрѣть не столько на совѣсть, сколько на обстоятельства,—угожденіе кесарю почитать высшимъ закономъ своихъ дѣствій, казаться справедливымъ, гдѣ можно то дѣлать безъ вреда для себя, по крайней мѣрѣ, важнаго; — человѣка, незнакомаго съ истинною религіею, съ лучшими чувствованіями и надеждами рода человѣческаго, — тѣми чувствованіями, кои одни производятъ истинныхъ героевъ добродѣтели, — тѣми надеждами, безъ коихъ самая возвышенная нравственность зыбка и ненадежна.

---

*) Пилатъ, видя, что ничто не помогаетъ, по волненіе умножается (Мат. 27, 24).

Чтобы для защищения певшаго отказаться всенародно отъ дружества съ кесаремъ, презрѣть опасность собственной жизни, для такой высокой жертвы и въ язычествѣ необходиимъ бытъ твердый духъ Регула, безкорыстіе Цинцинатата: по духу Регуловъ и Цинцинатовъ давно оставилъ Капитолій, наполненный льстецами Августа и рабами Тиверія.

Присовокупимъ еще одну мысль. Если некоторые еще изъ древнихъ учителей Церкви *) предполагали, будто Иуда продалъ своего Учителя въ надеждѣ, что Онъ посредствомъ сверхъ-естественныхъ силъ освободить Себя изъ рукъ своихъ враговъ; то еще основательнѣе предположить, что Пилатъ, рѣшившись осудить Иисуса Христа на смерть, вѣроюто, надѣялся при семъ, что боги, если Онъ ихъ спасъ, не умѣдятъ спасти Его отъ казни, столь попосной для ихъ божескаго достоинства.

Сообразивъ все сіе, легко понять, какимъ образомъ *прикѣ парода и первосвященниковъ превозмогъ ослабѣвшее усиление судіи ***).

Рѣшившись уступить необхѣдимости, Пилатъ взошелъ на судейское мѣсто для окончанія суда. Господь, доселѣ остававшійся въ преторіи, былъ выведенъ на лиоостротонъ для выслушанія приговора. Обвинители также приблизились; мѣсто шума наступила тишина: всѣ ожидали, что скажетъ Пилатъ и чѣмъ закончится дѣло, столь необыкновенное.

«Се Царь вашъ!» воскликнулъ невольно Пилатъ,

*) Смѣтр. ѡсоеф. толк. на Мате.

**) Лук. 23, 23. Пилатъ самъ въ донесеніи своемъ къ Тиверію ссылается на сию же причину

Иннокентій. Сочиненія. II.

при взглядѣ на Того, котораго надлежало теперь, вопреки совѣсти и желанію, осудить на смерть.

«Распять, распять Его!» закричала буйная толпа, желая прекратить зрѣлище, и для нея не легкое.

«Какъ? Царя вашего распять?»....

«Распять, распять Его!»

«У насъ пѣть, присовокупили первосвященники, царя, кромѣ кесаря.»

Не такъ говорили они въ синагогахъ своихъ; тамъ всего чаще повторяли: «у насъ пѣть другаго Царя, кромѣ Бога *).» Притомъ всѣ ожидали Царя—Мессію, всѣ надѣялись, что онъ свергнетъ иго кесаря; о семъ молились въ храмахъ, въ домахъ и на путяхъ, старцы и дѣти, утромъ, въ полдень и вечеромъ. И между тѣмъ для погубленія Иисуса, цѣлый синедріонъ предъ всѣмъ народомъ не устыдился признать себя законнымъ рабомъ кесаря, коего ненавидѣлъ; отказаться отъ общественныхъ надеждъ и славы, даже пѣкоторымъ образомъ отъ самого Мессіи! — Нѣсколько десятилѣтій, протекшихъ отъ распятія Господа до разрушенія Іерусалима, показали, какъ первосвященники и фарисеи сохраняютъ вѣрность кесарю: нѣть ни одной измѣны, которая бы не была совершена тогда нѣсколько разъ, доколѣ въ Іерусалимѣ не остался камень на камени.

Теперь надлежало произнести приговоръ «на праведника, любимца, можетъ быть, сына божій.» Мысль сія все еще была слишкомъ тяжела для римлянина. Въ такомъ случаѣ ищутъ какой бы то ни было опоры своей совѣсти. Плакать, къ сожалѣнію, скоро нашелъ ее.

---

*, V. Grotius ad Joban 19, 15.

У іудеевъ было обыкновеніе, обратившееся даже въ законъ, что если находили гдѣ либо мертвое тѣло, то старѣйшины ближайшаго города должны были падь головою юницѣ омывать руки, говоря: «руки наши не проливали сей крови, и глаза наши не видали убийства (Втор. 21. 6).» Пилатъ, живъ не малое время въ Іудеи, зналъ о семъ обыкновеніи, подобное коему было и у язычниковъ, коп, въ знакъ своей невинности и для очищенія себя отъ грѣховъ, также употребляли омовеніе *). Бѣдный мужествомъ и слабый совѣстю, судія язычникъ рѣшился всенародно обратиться къ сему обряду, который, доставляя некоторое успокоеніе совѣсти, былъ полезенъ теперь и тѣмъ, что стоящіе въ отдаленіи іудеи, помъ за шумомъ не слышны были слова Пилата, могли изъ омовенія его руки заключить, что онъ осуждаетъ Іисуса Христа противъ воли. «Я не повиненъ, воскликнулъ Пилатъ, омывая руки, — не повиненъ въ грѣхѣ Праведника сего! Смотрите вы! вы припуждаете меня пролить ее: вамъ должно будетъ и отвѣтчать за нее!» —

Слова сіи не могли быть произнесены иначе, какъ сть самимъ глубокимъ и горькимъ чувствомъ. Это былъ единственный въ исторіи случай, что римскій судія выражалъ сть такою сплою увѣренность свою въ невинности осуждаемаго имъ на смерть узника. Если бы прокураторъ не былъ сильно растрогавъ, то однѣ любіе заставило бы его произнести приговоръ какъ можно короче, дабы не подать вида, что его къ тому принуждаютъ. Особенно долженъ былъ Понтий сожа-

*¹, Macrob. Satyr. 3. 1. Ovid. Fast. 2. 36. Scholiast. Soph. Ai. 663.

льть теперь и упрекать себя, если онъ въ то время, какъ получилъ предостереженіе отъ жены, могъ отклонить отъ себя осужденіе Господа, и не отклонилъ его потому, что надѣялся имѣть въ рукахъ своихъ еще довольно по средствъ для Его спасенія.

Буйный народъ, не смотря на разъяренность свою, попалъ, чего хотѣлось прокуратору, и каково состояніе души его; но, наущенный слѣпыми вождями своими, онъ зашелъ уже слишкомъ далеко, чтобы вдругъ возвратиться назадъ; опасеніе осудить невиннаго, дѣлающе столько чести язычнику, показалось маловажнымъ для почитателей Геговы, коимъ впушаемо было понятіе справедливости изъ дѣтства. Какъ бы желая пристыдить, или ободрить малодушіе прокуратора, всѣ закричали «кровь Его на насъ и на чадѣхъ нашихъ!»

(Слова сіи, ужасныя сами по себѣ, представляются еще ужаснѣе, когда вспомнимъ, что ихъ надобно разумѣть безъ всякаго ограниченія, во всей буквальной точности; потому что іудеи, сообразно ученію Пророковъ, твердо вѣрили, что Богъ, за преступленіе родоначальниковъ, наказываетъ все ихъ потомство *).

Наконецъ земный судія, видя, яко *ничтоже успысатъ, паче молва* (возмущеніе народное) *бываєтъ*, произнесъ смертный приговоръ на Судію живыхъ и мертвыхъ.

Приговоръ сей, по обыкновенію римскаго суда, состоялъ изъ краткихъ словъ, что *такой-то, за такое-то преступленіе, осуждается на такую-то казнь ***.

*) Подобное мнѣніе было и у многихъ древнихъ народовъ. Шад. 4. 160.

**) Въ Никодимовомъ Евангеліи пересказываются самыя съ вѣ

Въ дополненіе евангельской исторіи суда надъ Іисусомъ Христомъ, не излишне замѣтить, что Пилатъ отправилъ впослѣдствіи къ Тіверію донесеніе, въ коемъ описалъ жизнь Іисуса Христа, Его чудеса и святысть, свой судъ надъ Нимъ и причины, побудившія осудить Его на распятіе. Въ существованіи сего донесенія, въ подлинномъ видѣ его для насть давно потерянаго *), не позволяютъ сомнѣваться свидѣтельства Іустина Мученика **) и Тертулліана ***) , кои ссылались на него, какъ на несомнѣнное доказательство, въ своихъ апологіяхъ къ сенату и пароду римскому. Тіверій, по свидѣтельству сихъ же писателей, столько былъ пораженъ описаніемъ чудесъ и святости Іисуса Христа, что предложилъ сенату включить Его въ число римскихъ боговъ: но сенатъ, неизвѣстно по какимъ причинамъ, на сіе не согласился; и Тіверій удовольствовался тѣмъ, что, подъ опасеніемъ казни, запретилъ преслѣдованіе христіанъ.

Замѣтимъ еще, что Пилатъ беззаконнымъ осужденіемъ Іисуса Христа на смерть не избѣгъ опасности, ко-

---

сего приговора, коихъ вѣтъ у Евангелистоѣт; но въ сожалѣнію, они такъ запутаны и оразнообразены въ различныхъ спискахъ сего евангелія, что не имѣютъ никакой цѣны историической.

*) Отрыгокъ дѣяній Пилата, находящійся въ Фабриціевомъ собраніи Псевдепиграфовъ, давно признанъ подложнымъ. Въ III и V вѣкахъ существовали подъ симъ именемъ и другія сочиненія, составленныя еретиками и язычниками. V. Bible d'Avignon. t. 13 p. 513. Henke de actis Pilati. 1783. Alman. de Epist. Pilat.ad Tiber. 5517 t.

**) Apolog. 1. 76, 84.

***) Apolog. 5. 21. Euseb. 22. Еріп. Наер. 50. 1.

торой страшился. Черезъ четыре года послѣ сего, опѣ възванъ въ Римъ къ суду вслѣдствіе жалобъ, принесенныxъ іудеями, и не имѣя возможности оправдаться, заточенъ въ Вѣну, гдѣ погибъ отъ самоубійства *).

Участь другаго судіи Иисусова, Ирода Аптипи, была немнogo лучше Пиатовой. Подстрекаемый власіо-любивою Иродіею, онъ вмѣсто тетрархіи галилейской, началь домогаться въ Римѣ царскаго достоинства надъ всею Іудеєю, желая владѣть ею нераздѣльно, по примеру отца своего, Ирода Великаго. Но это домогательство приняло такой несчастный оборотъ, что Аптипа, вмѣсто вѣнца царскаго, сосланъ былъ въ ссылку въ Ліонъ, гдѣ окончилъ жизнь свою — въ нищетѣ и безвестности **).

---

*) Hermanson de Pontio Pil. 1624. Joseph. Antiq. 18 5. Tacit Annal. 15. 44. Philo Legat. ad. Cai. 589 — 49.

**) Joseph. Antiq. 18. 7. 5. Euseb. Hist. Eccl. 1. 4.

ВЗГЛЯДЪ НА ОБРАЗЪ СУДА НАДЪ ИСУСОМЪ ХРИСТОМЪ.

(Чрезвычайная необыкновенность сего суда.—Характеръ трехъ судильщъ.—Низость и виновность первосвященниковъ.—Нечистота Пилатовыхъ видовъ и его двоедушіе.—Благородство жены Пилатовой.—Откуда идя чѣдній сонъ ся?—Нравственное величіе Господа во время суда. Молчаніе Его нисколько не препятствовало правильности суда.—Свойство Его отвѣтовъ.—Трогательность Его виѣшняго положенія.—Дивное исполненіе путей Промысла.)

При самомъ легкомъ взглядѣ на образъ суда надъ Иисусомъ Христомъ тотчасъ открывается, что онъ во многомъ былъ отличенъ отъ обыкновенныхъ и даже необыкновенныхъ судовъ человѣческихъ. Въ продолженіе несколькихъ часовъ выдержать истязаніе отъ трехъ различныхъ властей: іудейской, галилейской и римской,—за такое дѣло, которое ни одна изъ нихъ не признавала своимъ;—быть упорно обвиняему іерусалимскимъ синедріономъ и народомъ за то, чего синедріонъ и весь народъ пете; илько ожидали; найти ревностнаго защитника своей невинности въ римскомъ прокураторѣ, котораго все, повидимому, не располагало въ пользу Подсудимаго: и Его бѣдность, и молчаніе, и сила враговъ, и опасность обвиненія; изъ усть судіи слышать неоднократно торжественное провозглашеніе невинности, и непосредственно за симъ отъ того же судіи выслушать приговоръ на смерть крестную, съ наименованіемъ Праведника; имѣть множество и естественныхъ

и сверхъ-естественныхъ средствъ для своего защищенія, и пользоваться ими не болѣе, сколько нужно для обпра-
руженія своей невинности: — это такія обстоятельства, кои находились только въ исторіи суда падъ Иисусомъ Христомъ!

Каждое судилище обнаруживало свой собственный ха-
рактеръ. Въ синедріонѣ Иисусъ Христосъ былъ судимъ
личными врагами своими, — какъ судить беззаконіе. Во
дворцѣ Ирода жребій Его находился въ рукахъ деспота,
который не знаетъ другаго закона для своихъ дѣйствій,
кромѣ прихоти, коего все правосудіе состоитъ въ томъ,
чтобъ не быть слишкомъ неправосуднымъ. Преторія
Пилатова могла служить убѣжищемъ невинности —
человѣческой: но не могла вмѣстить правды божествен-
ной. Здѣсь вмѣстѣ съ правосудіемъ засѣдалъ духъ
мірской, языческой власти, па судѣ коей голосъ невин-
ности или не былъ слышенъ, или долженъ былъ отзы-
ваться выгодою. Истина небесная въ лицѣ Сына Божія,
кажется, постыла теперь всѣ суды человѣческіе, дабы
видѣть, *аще есть разумъ ваяй или взыскай правду.* И те-
перь, какъ во время Давида, оказалось, что всѣ уклони-
лись и сдѣлались непотребными: *ильстъ творяй благое, ильстъ до единаго* (Псал. 13, 3).

Ослѣпленіе и буйство народа іудейскаго, особенно
вождей его, обнаружилось во всей силѣ. Еслибы Іоаннъ
Креститель воскресъ, то и теперь, когда вся Іудея напо-
лилась славою чудесъ Иисуса Христа, когда перво-
священники сами неоднократно слышали бесѣды Его,
разсматривали лице и дѣло Его и готовились возвести
Его на крестъ, — и теперь проповѣдники покаянія могъ
бы слова сказать всему народу іудейскому: «се стоитъ

посредъ васъ нѣкто, *Еюже вы не вѣсте* (Іоан.1,26)!»— Нельзя вѣроломнѣе отвергнуться Мессіи, какъ отвергаются Его теперь; нельзя жесточе преслѣдоватъ Его, какъ преслѣдуютъ теперь. Не будемъ предполагать, что враги Іисуса Христа дѣйствовали противъ Него вопреки яснаго и твердаго убѣжденія, что Онъ есть обѣтowanyй Мессія: это злачило бы приписывать природѣ человѣческой злобу и ожесточеніе діавола, который пенавидитъ истину, потому что она истина. Должно однакоже сказать, что со стороны вождей народа іудейскаго сдѣлало все, дабы имъ остаться нѣкогда безотвѣтными. Какъ недостойно и безчестно поступили они при самомъ взятіи Іисуса Христа подъ стражу! Какъ безразсудно и опрометчиво рѣшили въ своемъ соборѣ дѣло о Мессіи — лица, съ коимъ неразрывно соединено временное и вѣчное благо всего Израїля, въ которомъ они могли узнать своего Царя, Судію и Господа! Положимъ, что бѣдное состояніе Іисуса Христа соблазняло ихъ: но развѣ они не слыхали о чудесахъ Его? развѣ не предъ ихъ почти очами совершилось за нѣсколько дней воскресеніе Лазаря?—Если и это событие не могло убѣдить синедріонъ въ томъ, что Іисусъ Христосъ есть Мессія; то, покрайней мѣрѣ, должно было заставить его дѣйствовать осмотрительнѣе, не спѣшить умерщвленіемъ человѣка, который, по общему мнѣнію, имѣлъ въ себѣ столько признаковъ Мессіи. Самая медленность, съ кою производился судъ надъ Господомъ въ преторії, повидимому, допущена Промысломъ для того, чтобы враги Его имѣли время увидѣть свою ошибку и прийти въ чувство. Можно сказать, что Пилатъ былъ для нихъ въ семъ случаѣ проповѣдникомъ новаянія.—Между тѣмъ,

къ какимъ цыкимъ средствамъ не прибѣгаютъ старѣшины іудейскіе, дабы достигнуть цѣли, слѣпо принятой!

Подкупаютъ ученика; идутъ послѣ вечери пасхальной съ оружіемъ и дрекольми въ Геѳсиманію; собираются, подобно разбойникамъ, въ полночь для совѣщанія; влачатся изъ одного судилища въ другое; пащаются народъ; притворяются усердными слугами кесаря, угрожаютъ судіи клеветою, даже кричать вмѣстѣ съ черлію: —это ли стража дома израїлева, драгоценные камни святилища, преемники Моисея и пророковъ?... — Никогда верховный совѣтъ іудейскій не унизился до такой степени, докакой упизился теперь, чтобы собственнымъ посрамленіемъ купить безчестную казнь для своего Мессіи.

Нельзя думать, чтобы среди толпы народа, испросившей Господу смерть, не было людей, къ Нему приверженыхъ. Но ихъ собственная безопасность требовала не объявлять, по крайней мѣрѣ, въ слухъ первосвященниковъ своего миѳія. Въ противномъ случаѣ, они сдѣлались бы жертвою необузданности слугъ и клевретовъ фарисейскихъ, кои до того простерли свою дерзость, что начали угрожать самому прокуратору. А посему молчаніе Евангелистовъ о томъ, чтобы кто либо изъ іудеевъ вызвался защищать Иисуса Христа предъ Пилатомъ, надобно принимать за рѣшительное свидѣтельство, что таковыхъ защитниковъ не было; и такъ называемое Никодимово евангелие, въ коемъ Никодимъ, силоамскій разслабленный, жена кровоточивая и капернаумскій сотникъ повѣствуютъ предъ прокураторомъ о ученикѣ и чудесахъ Иисуса Христа, не стонѣтъ довѣрія историческаго. Испросившая смерть Господу, толпа, до очевидности, показала собою, что значитъ на-

родный голосъ и какъ легко злоупотреблять его дѣйствіемъ людямъ злонамѣреніемъ. Вмѣсто того, чтобы гласу народа быть звучнымъ, но миринымъ гласомъ Божіимъ, онъ сдѣлался теперь дикимъ воплемъ Веелезевула...

Пилатъ служить разительнымъ примѣромъ, чего должно ожидать отъ судіи съ слабымъ характеромъ, предоставленаго въ необходимости отказаться для истины отъ всѣхъ личныхъ выгодъ. Надъ имъ вполнѣ оправдались слова Господа: свѣтильникъ тѣлу есть око: «аще око твое просто, все тѣло твое съвѣтло будетъ, и аще око твое лукаво, все тѣло твое темно будетъ» (Мат. 6, 21—22).» Око души Пилатової—начало его дѣйствій—было лукаво: не вѣчный, непремѣняемый законъ правды лежалъ во глубинѣ его серца и составлялъ основаніе его поведенія; а чистая любовь къ самому себѣ, пристрастіе къ земнымъ выгодамъ, повинленное любовью къ справедливости; и вотъ, все тѣло Пилата является темнымъ, всѣ поступки его, не смотря на похвальную ихъ сторону, выражаютъ что-то достойное сожалѣнія и презрѣнія. Самое первое дѣйствіе прокуратора уже запечатлѣно измѣною истины: онъ хочетъ отклонить отъ себя осужденіе певишаго, предоставляя оное то іудеямъ, то Ироду: какъ будто позволить другимъ совершилъ злодѣяніе, имѣя право и долгъ остановить его, не то же значило, что и самому совершилъ оное!—Потомъ, единственный изъ угожденія именитымъ и сильнымъ обвинителямъ, Праведникъ подвергается мучительному бичеванію. Нѣтъ нужды, что Онъ можетъ умереть подъ бичами: для судіи довольно, что онъ хотѣлъ счасти Его отъ смерти. Таково правосудіе людей вѣка. Думаютъ, что все сдѣлано съ ихъ стороны

между тѣмъ какъ не хотять сдѣлать именно того, что должно. И все прочія усилія Пилата къ освобожденію Иисуса Христа представляютъ жалкую борьбу своекорыстія съ чувствомъ долга. Видишь человѣка, который мучить самъ себя, устремляется во все стороны, обращается съ распутія на распутіе, чтобы выйти изъ пропастей, въ конь зашелъ добровольно; но не хочетъ возвратиться на царскій путь правды, который лежитъ прямо предъ его очами и на который зоветъ совѣсть.

Наконецъ, страхъ и своекорыстіе превозмогли; но Пилатъ, поправъ сираведливость, хочетъ сохранить на себѣ ея личину: судія омываетъ руки,—и думаетъ быть чистымъ отъ крови Праведника!... При семъ зреющіе чувство сожалѣнія невольно превращается въ негодованіе...

Впрочемъ, мы не имѣемъ права простираТЬ сужденія своего о Пилатѣ далѣе приговора, который уже произнесенъ вслухъ его самимъ Господомъ. *Болье* (во всякомъ отношеніи болѣе) *грѣха на томѣ, кто предалъ ему Господа*—на Іудѣ, іудеяхъ, особенно старѣйшинахъ іудейскихъ. Тогда какъ первосвященники видимо приближались къ ужасной крайности (иѣкоторые, можетъ быть, и впали въ нес) грѣха на Духа Святаго, который, по слову самого Спасителя, не отпускается ни въ сей вѣкъ, ни будущій (Мат. 12, 32): Пилатъ явно грѣшилъ только противъ Сына человѣческаго, слѣд. принадлежалъ къ числу тѣхъ грѣшиковъ, за спасеніе которыхъ, осужденный имъ, Сынъ Божійшелъ теперь на крестъ.

Великодушнымъ поступкомъ жены Пилатовой иѣкоторымъ образомъ искушаются ииѣкія дѣйствія мужа ея.

Какая разительная противоположность между сею язычницею и оною іудеянкою, паложницею Ирода, которая такъ мало уважала Іоанна Крестителя (Мар. 6, 17)! Что Іоанпъ былъ праведникъ, даже пророкъ, достойный того, чтобы признавать его за Мессію—этому всѣ вѣрили; и не смотря на сie, Иродія не усомнилась принесть его въ жертву своей безстудной страсти. Прокула, напротивъ, бывъ язычницею, имѣла открытое чувство для всего истиннаго и доброго. Она видѣть знаменательный сонъ, принимастъ его за откровеніе небесное и спѣшишъ, даже вопреки отечественному закону, не позволявшему женамъ вмѣшиваться въ дѣла мужей правителей *), спасти Праведника отъ смерти. Различіе религіи, которое, къ несчастію, такъ много удаляетъ людей другъ отъ друга, не преяствуетъ ей искать спасенія іудейскому Узнику. Не напрасно почла она сопѣ свой за указаніе свыше. Если бы опъ былъ слѣдствіемъ одного воображенія, то почему опо именно въ сию ночь произвело сочетаніе мыслей, столь соотвѣтственное съ положеніемъ Пилата и Господа? Нѣть! Воображеніе скорѣе представило бы, что теперь для мужа ея удобный случай осужденіемъ па смерть бѣднаго Галилеянина пріобрѣсти дружбу синедріона, для мужа полезную. Но, видно, такая нечистая мечта была недостойна благородной души Прокулы **).

*) По сей причинѣ, во времена республики римской, правители областей запрещено было брать съ собою женъ. Svet. Vit. Aug. cap. 24. Tacit. Annal. 3. 33.

**) Conf. Hess. *Lebensgeschichte Jesu*, B. 3. 1823. Ausg. S. 316—322.

Невѣроятно, чтобы Клавдія Прокула принадлежала къ числу іудейскихъ прозелитокъ. Кѣмъ бы она была обращена къ іудейству? Такими ревнителями вѣры, какими Господь описывалъ фарисеевъ (Мат. 23, 15)? Но отъ сихъ наставниковъ она не получила бы выгоднаго понятія объ Иисусѣ Христѣ, и, извѣщеннай фарисеями, всего скорѣе согласилась бы вспомоществовать первосвященникамъ въ погублениі Праведника.

Вѣроятнѣе, что Прокула сама по себѣ имѣла благородный образъ мыслей и чувствованій *), — стопла того, чтобы Промыслъ открылъ ей волю свою, какъ никогда открывалъ ону и другимъ язычникамъ — Ави-мелеху (Быт. 20, 3), друзьямъ Іова (Іов. 20, 7), и проч.

«Но что вышло изъ сего спа, спросить кто иибудь, если онъ не былъ икрою фантазіи? Предостереженіе пришло слишкомъ поздно; оно не могло перемѣнить, но крайней мѣрѣ, не измѣнило хода дѣлъ».

Дѣйствительно, сонъ жены Пилатової не перемѣнилъ судьбы, ожидавшей Господа: и, можетъ быть, если бы онъ могъ перемѣнить ее, то не было бы и данъ; но тѣмъ не менѣе онъ былъ нуженъ и произвелъ дѣйствіе, ему приличное. Жена Пилата, конечно, не осталась равнодушною къ дальнѣйшей судьбѣ Праведника, который такъ много занялъ ея душу; приняла участіе въ послѣдующихъ событияхъ христіанства, вступила въ сионеніе съ учениками Иисуса, и увѣровала въ Его ученіе. Предавіе, весьма древнее, утверждаетъ, что Прокула, находящаяся въ числѣ святыхъ, по гѣ еческимъ

*) Посему-то, думалъ св. Златоустъ, и откровеніе дано было ей, а не Пилату. Nowil. in Matth. 86. al. 87.

спискамъ оныхъ, есть не кто другая, какъ жена Пилатова, обратившаяся въ христианство и потомъ претерпѣвшая мученіе за имя Праведника, коего не могла спасти отъ мученія.

Въ самомъ Пилатѣ предостереженіе жены его не осталось вовсе безъ дѣйствія, хотя онъ, къ собственному несчастію, не воспользовался ея совѣтомъ. Оно-то, вѣроятно, побудило его, предъ изреченіемъ смертнаго приговора, выразить увѣренность свою въ невинности Господа столь знаменательнымъ дѣйствіемъ, каково умовеніе рукъ; оно-то побудило его торжественно назвать Праведникомъ осуждаемаго на смерть Узника: ибо сіе наименование, очевидно, запято имъ отъ жены, которая такъ назвала Иисуса Христа. Такое свидѣтельство о невинности Иисуса Христа изъ устъ судіи и язычника служитъ къ чести христианской религіи, заграждающее уста враговъ Иисусовыхъ, и вносящее вѣдоміе могло имѣть дѣйствіе на сердце самыхъ иудеевъ. (

Кромѣ сего, Промыслъ посланіемъ чудеснаго спасенія Пилатовой показалъ, что онъ никогда не почукаетъ человѣку искушаться болѣе того, сколько онъ можетъ перенести (1 Кор. 10, 13). Пилату предстояло величайшее искушеніе: для защиты невиннаго Узника—отказать всенародно отъ наименования друга кесаря. Совѣсть его, сама по себѣ слабая, исподкрѣпленная истинною религіею, иеминуемо должна была пасть подъ тяжестію сего искушенія. Между тѣмъ Пилатъ доселе довольно вѣрно, повидимому, слѣдовалъ ся слабому мерцанію. И вотъ, Промыслъ посыпаетъ ей подкрѣпленіе свыше. Пилатъ не воспользовался небес-

пымъ вразумлениемъ; по Промыслу оправдалъ пути свои. Безъ сего некоторые изъ насъ, можетъ быть, пожалѣли бы, что Платъ, показывавшій столько расположенія быть правосуднымъ, въ такихъ крайнихъ обстоятельствахъ былъ предоставленъ самому себѣ.

Господь среди обвинителей и судей своихъ является въ неподражаемомъ величіи духа. Платонъ, можетъ быть, узналъ бы теперь своего праведника, изображеніемъ коего такъ полна была душа его, еслибъ былъ свидѣтелемъ суда надъ Иисусомъ *). Теперь уже совершило непримѣтно въ Немъ слѣдовъ той кровавой, изнурительной борьбы съ самимъ собою, которую Онъ испыталъ въ саду геѳсиманскомъ. Теперь видѣнъ *левъ отъ колѣна Іуды* (Апок. 5, 5), который, будучи связанъ невидимыми узами правосудія небеснаго, явился *апачемъ, неотверзающимъ устъ* (Исаі. 53, 7), когда ведутъ его на заклание. Между тѣмъ какъ судіи и обвинители все приписывали себѣ, Господь взираетъ на нихъ какъ на орудія, коими управляетъ высшая сила. Духомъ, невидимо Онъ стоялъ на другомъ судѣ—на судѣ Отца, который *освятилъ Его и послалъ въ міръ, дабы Онъ вознесъ тѣломъ своимъ грѣхи рода человѣческаго* (1 Петр. 2, 24). Невидимый судъ сей, происходившій въ событіи триумфастаснаго Божества, касался уже не одного лица Иисусова, а всего міра, коего искушение присягъ

*) Изображая, какая участъ можетъ постигнуть истиннаго праведника, сей философъ говоритъ, что его обременять оковами: подвергнуть бичеванію, будутъ издѣваться надъ нимъ, заушатъ его, будутъ плевать ему въ лицо, потомъ пригвоздятъ ко кресту. De Cep. L. 2.

на себя Сынъ Божій. Здѣсь врагомъ Господа быль князь тьмы, долженствовавшій потерять владычество надъ родомъ человѣческимъ (Іоан. 12, 31. 32), обвинителемъ—сама правда Божія, требовавшая удовлетворенія за грѣхи людей, искуплѣемыхъ отъ смерти вѣчной. Здѣсь—прежде сложенія міра произнесенъ приговоръ, коему надлежало исполниться теперь предъ лицемъ неба и земли. Съ сей божественной высоты, что значиль для Сына Божія Пилатъ, съ его преторіею, синедріонъ, съ его лжесвидѣтелями, Иродъ, съ его царедворцами?...

Зная, что чаша страданій не можетъ *мимо идти*, Господь спокойно взиралъ, какъ она предъ Его очами наполнялась до верха. Впрочемъ, святое молчаніе Его не имало не препятствовало правильности суда. Личнымъ врагамъ своимъ, первосвященникамъ и книжникамъ, Онъ двукратно сказалъ болѣе того, нежели сколько они желали звать, — что Онъ есть Мессія, и что отныне они сами увидятъ въ Немъ божественного Судію. Ихъ ослѣпленіе было виной, что они не обратили вниманія на сіе грозное предостереженіе. Убійца Іоанна требовалъ чудесъ, а не словъ, — хотя не стоило ни того, ни другаго. Предтеча сказалъ уже ему все, что могло поселить въ его сердцѣ любовь къ справедливости, и отсѣченная въ угощеніе Иродіады глава его засвидѣтельствовала, чего должно ожидать отъ сердца Ирода. Пилатъ не получалъ отвѣта только тогда, какъ спрашивалъ изъ любопытства, а не по долгу, и зная истину столько, что, даже осуждая Иисуса Христа на смерть, приужденъ быль своею совѣстю назвать Его праведникомъ. Римскій всадникъ

уступилъ бы необходимости осудить Праведника, хотя бы слышалъ не сколько самыхъ краснорѣчивыхъ рѣчей въ Его защищеніе. «*Уилье, да одинъ умретъ за люди*», было правиломъ еще болѣе римскаго, нежели іудейскаго правлѣнія. Чтобы не допустить пародъ до возмущенія, чтобы удержать титло друга кесарева, іудейскій прокураторъ не пощадилъ бы ни Демосѳена, ни Цицерона...

Отвѣты Иисуса Христа судіямъ, при всей краткости ихъ, постоянно выражаютъ высшую мудрость. Сердце-вѣдецъ видѣлъ состояніе ихъ совѣсти, и болѣе съ икою, нежели съ лицами и вопросами ихъ, соразмѣрялъ свои отвѣты. Посему-то иное въ словахъ Его можетъ быть для насъ не совсѣмъ понятно; иное даже, судя по обстоятельствамъ, въ коихъ они произнесены, можетъ показаться какъ бы несоответственнымъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ всѣ слова Господа были сильны и убѣдительны, какъ то напаче доказываетъ примѣръ Пилата.

Самый вѣшній видъ Господа, не смотря на мученія и попошленія, безъ сомнѣнія, отличался невыразимымъ величиемъ и трогательностью. Если толпа народная была къ Нему не столь чувствительна, какъ бы надлежало ожидать: то потому, что, наущенная книжниками, распаленная злобою, не видѣла, можно сказать, сама себя. Но, посмотрите на судью — язычника! Каждый разъ, какъ только онъ вступитъ въ личную бесѣду съ божественнымъ Узникомъ, даже не получивъ отвѣта на свои вопросы, даже оскорбившись Его молчаниемъ, всегда однакоже возвращается къ обвинителямъ съ новымъ убѣждѣніемъ въ невинности Подсудимаго. Что замѣняло для него въ такомъ случаѣ слова, бралио

верхъ надъ его самолюбіемъ, какъ не кроткое величіе певинно-ти и святости, сіявшее, не смотря па виѣшнее уничиженіе, въ лицѣ и взорахъ Богочеловѣка? — Не то же ли самое обуздало и удержжало отъ строгихъ мѣръ и тетрарха галилейскаго, коего самолюбіе такъ много страдало, не будучи удостоено ни однимъ словомъ въ отвѣтъ на столько вопросовъ?...

Вообще, образъ суда надъ Иисусомъ Христомъ со всею точностю выражаетъ, какъ премудро Промыслъ управляетъ дѣяніями человѣческими: какъ онъ, не нарушая свободы человѣческой, приводить въ исполненіе свои судьбы посредствомъ тѣхъ самыхъ лицъ, кои противятся сему исполненію. По видимому, все происходило случайно: каждый дѣйствовалъ по своей волѣ, даже по страстиамъ, самымъ противоположнымъ: сребролюбивый Іуда получаетъ сребрешики, честолюбивый синедріонъ отмщаетъ за оскорблѣнную гордость, прі хотливый Иродъ хочетъ видѣть чудо, человѣкоугодливый Плать страшится кесаря, грубые вонны предаются насыщикамъ; между тѣмъ запечатливаются виды и пророки, приводится правда въчная, истребляется помазаніе, градъ и святыни юдейское предобручаются разрушенію (Дан. 9, 24—26).

«Нѣтъ! — скажемъ и мы словами зи меншаго витіи-пастыря, — не человѣки здѣсь ругаются Божію величеству, Божій Промыслъ посмѣвается буйству человѣческому, безъ нарушенія свободы, заставляя его служить высочайшей своей премудрости. Не лукавые рабы прехитряютъ Господа: всеблагій Отецъ не щадить Сына, дабы не погубить рабовъ лукавыхъ. Не вражда земная уязвляетъ любовь небесную; небесная

122 ВЗГЛЯДЪ НА ОБРАЗЪ СУДА НАДЪ ИСУСОМЪ ХРИСТОМЪ.

любовь скрывается во вражду земную, дабы смертю любви убить вражду, и распространить свѣтъ и жизнь любви сквозь тьму и сѣль смертную. «Богъ возлюби миръ, и Сына своего единородного далъ есть, да всяко, вѣруя въ онь, не погибнетъ, но имать животъ вѣчный!»*)

---

*) Попу ч. сл. преосв. Филар. 1821. изд. 2, ст. 10.

РАСПЯТИЕ.

(Предварительные замѣчанія о крестной казни. — Крестный путь. — Плачъ жены іерусалимскихъ. — Слова къ нимъ Иисуса Христа. — Онъ изнемогаетъ подъ своимъ крестомъ. — Симонъ Киринейскій заставляется нести крестъ. — Мѣсто казни, издревле примѣчательное. — Смирна и уксусъ. — Господь отрекается отъ нихъ. — Распятіе. — Молитва за распинателей.)

Крестная казнь, на которую осужденъ былъ Иисусъ Христосъ, принадлежитъ къ изобрѣтѣямъ безчеловѣчія, копии прославились восточные деспоты *), и составляла послѣднюю въ ряду казней, самыхъ ужасныхъ **). Съ Востока она перешла въ Римъ, и слѣдовала за побѣдителями свѣта всюду, доколѣ не была уничтожена Константиномъ Великимъ ***). У евреевъ крестной казни не было; за иѣкоторыя преступленія законъ повелѣвалъ вѣшать на деревѣ преступниковъ, но ихъ не прибивали гвоздями, и трупы при наступлениі вечера надлежало снимать для погребенія ****).

---

*) Crudelissimum et teterimum supplicium. Cic. Verr. v. 64.

**) Herod. 3, 125. 6, 194. Ездр. 6, 11. Есѣ. 1, 9. Polyb. 86.

***) Sozom. 1, 8.

****) Втор. 21, 22. v. Bormitii Dissert. de cruce, num Hebræorum supplicio fuerit. 1644.

Въ самомъ Римѣ распинали только рабовъ, кои тамъ едва почитались за людей ¹⁾. Изъ жителей провинцій пригвождали ко кресту однихъ разбойниковъ и возмутителей общественнаго спокойствія ²⁾. Распятію большою частію предшествовало бичеваніе ³⁾. Производилось оно, какъ и всѣ прочія казни, въ городовъ и селеній ⁴⁾, на мѣстахъ болѣе видныхъ, какъ-то: на холмахъ, или при большихъ дорогахъ. Распинателями бывали воины, кои у римлянъ совершали всѣ казни ⁵⁾. Преступникъ самъ долженъ былъ нести свой крестъ до мѣста казни, подвергаясь въ сіе время насмѣшкамъ и побоямъ ⁶⁾. Крестъ ставили прежде ⁷⁾, а потомъ уже пригвождали къ нему преступника: отсюда выраженія *восходить, быть подняту, вознесену на крестъ* ⁸⁾. Съ распинаемаго снимали всю одежду ⁹⁾, которая поступала въ собственность воиновъ ¹⁰⁾. Погребенія для распятыхъ не было ¹¹⁾. Тѣла оста-

¹⁾ Joseph. Bell. Jud. 2. 14. 9. Petron. c. 3.

²⁾ Y. Wetsten. ad Matth. 27, 38.

³⁾ Liv. L. 32. c. 26.

⁴⁾ Plaut. Mit. Glor. act. II. sc. 4, 30. 6. Числ. 15, 35. 1 Цар. 21, 13; Tac. Annal. 2, 32.

⁵⁾ Tertul de coron. mil.

⁶⁾ Plut. de tart. Dei vind. t. II. opp. p. 544. Artemid. 2, 16.

⁷⁾ Joseph. Bel. Jud. 7, 10. Cic. Verr. 5.

⁸⁾ Ascendere, insilire, tolli, agi, levari in crucem.

⁹⁾ Augut. civ. Dei. 16. 2. Ambr. J. 10 in Luc. Artemid. oneirocr. II. 58.

¹⁰⁾ Senec. de tranquil. c. I. Meryl Not. in Pass. Dom. num. 31 in Johan.

¹¹⁾ Scio crucem mihi saturum. Plaut. Mil. Glor. II. 4. 19.

вались на крестахъ, пока не содѣлывались добычою и лосянныхъ птицъ и животныхъ *) и не погибали сами собою отъ перемѣнъ воздушныхъ. Иногда однокоже родственникамъ позволялось погребать ихъ **). Въ случаѣ нужды (при наступлѣніи праздника, торжества въ проч.) жизнь распятыхъ могла быть по закону сокращаема перебитіемъ у нихъ поясъ, дыхомъ и жаромъ отъ зачаленного подъ крестомъ хвороста ***), ударомъ въ голову или сердце и проч.

Самый видъ и составъ креста, сколько можно заключать изъ прилежнаго сличенія всѣхъ древнѣйшихъ свидѣтельствъ, были таковы: основаніемъ креста служили прямой (*ορθος*) столбъ или доска, которые укрѣплялись въ землѣ. На верхней части, для прибитія рукъ, дѣлалась перекладина, — иногда на самомъ верху столба, почему крестъ и походилъ на букву **Т** ****); по большему частію нѣсколько ниже верха, соразмѣрно рукамъ, къ ней прибиваемы; отъ чего верхній конецъ столба, по словамъ Густина мученика, представлялъ подобіе рога *****). Въ срединѣ (*in medio*) столба придѣлывалось, также похожее на рогъ, сѣдалище (*πηγη*, se-

*) *Pascet in cruce corvos.* Hor. Epist. I. 16, 48.

**) Флавій повѣствуетъ, что римскій полководецъ Титъ по усилной просьбѣ, позволилъ ему снять съ креста трехъ знакомыхъ людей, еще живыхъ, изъ коихъ двое потомъ умерли отъ ранъ, а третій исцѣлился. *Cont. App.* p. 1031.

***) *Cic. ad. Quint. conf. Salmas. de cruce.*

****) *Nostra τι species erucis.* *Tert. cont. Marc.* 3. 22. *Lucian. in judic. vocal.*

*****) *Dialog. cum Triph.* *ανατατον μερος κερας υπερημενον.*

dilec^o *), для поддержанія тѣла, дабы оно тяжестію своею не раздрало рукъ, и не оторвалось отъ креста **). Такимъ образомъ крестъ, по словамъ св. Иринея, имѣлъ пять концовъ, два въ длину, два въ ширину и одинъ по срединѣ ***). О подножіи древніе писатели, до 6-го вѣка, никогда не упоминаютъ; свидѣтельство позднѣйшихъ слабо ****), и оно сдѣлали не есть плодъ ихъ недоразумѣнія; ибо, говоря о подножіи, они не говорять уже о сѣдалющѣ: послѣднее, по ошибкѣ, могло быть принято ими за первое ****). Руки, а иногда и ноги, прибивались ко кресту гвоздями *****); кромѣ сего тѣло распятаго перѣдко

*) *To εν μερῳ πηγημένος οὐκέτας καὶ αὐτὸς εδεκον.* Iust.

**) *Ubi requiescit clavis offligitur.* Irinæus contr. Hær. 1. 40. *Ἐφεσιονογνῶται.*

***) *Ipse habitus crucis fines et summitates habet quinque duos in longitudine, et duos in latitudine, et unum in medio*

****) Первый о подножіи упоминаетъ Григорій Туровскій (de laud. Sanct. Martyr. c. 6), жившій въ 7-мъ вѣкѣ; но не сказывается, откуда онъ взялъ сіе извѣстіе, и самъ же измѣняетъ себѣ говоря, что на древнихъ изображеніяхъ креста, ноги Иисуса Христа представляются висящими, а не стоящими: *dependere viso sunt potius, quam stare.*

*****) Такого же мнѣнія о подножіи креста былъ св. Дмитрій Ростовскій. «Быше ли, пишетъ онъ въ Розыскѣ (ч. 2, гл. 24. стр. 154, 1755), на крестѣ подножіе, или ни, не извѣщааетъ того писаніе святое, ни толковники Божія Писанія. Видѣти же есть между сосудами пр. Антонія Римлянина: на св. потирѣ крестъ Христовъ изображенъ безъ подножія четвероконеченъ.... Не прекословимъ мы, продолжаетъ святитель, творимому и пишемому на крестѣ подножію, токмо то извѣщаемъ, яко въ древнихъ св. книгахъ нѣсть о томъ воспоминанія подлинной вѣдомости.»

*****) Conf. Arrian. Dissert. n. Epict. L. 4. 26. Paulus Memor. 4, 38. Johan. II. 366. Theolog. Nachr. 1803. 314. 1804. 46.

привязывали къ столбу веревками *). Вверху столба, надъ головою распятаго, прибивалась небольшая бѣлая дощечка (*λειχονα*), на которой черными буквами изображалось его имя и преступление. Дощечку сю ногда несли впереди преступника до мѣста казни; или онъ самъ несъ ее на своей шеѣ **). Иногда письменное объявление замѣнялось словеснымъ: для сего одинъ изъ воиновъ вслухъ всего народа долженъ былъ кричать: *такой то* распинается за *такое то* преступление. Кресты дѣлались не высокіе, такъ что ноги распятаго отстояли отъ земли не болѣе трехъ футовъ***).

Отцы Церкви сравниваютъ крестъ съ птицею, которая съ простертymi крылами летить по воздуху, — съ человѣкомъ, плывущимъ или молящимся съ распостертymi руками, — съ мачтою и реемъ корабля ****), и проч.

Поелику евангелисты не сказываютъ, чтобы крестъ Иисуса Христа былъ чѣмъ-либо отличенъ отъ обыкновенныхъ крестовъ, да и не было въ томъ никакой нужды: то, безъ всякаго сомнѣнія, должно полагать, что онъ имѣлъ видъ вышеописанный, то-есть, былъ четырехконеченъ, а считая и сѣдалище, пятиконеченъ *****).

*) Plin. Hist. N. 28. II. Lucan. 6.

**) Sveton. in Calig. c. 32

***) V. Salmas. de cruce. Посему императоръ Гальба для одного римскаго гражданина, который, почитая для себя крестъ безчестіемъ, на основаніи законовъ, требовалъ другой казни, — велѣлъ сдѣлать крестъ повыше и обѣлить его. Svet. in Calb. 9.

****) V. Lips. de cruce. L. 1. c. 9.

*****) Conf. Lipsius, Salmasius de cruce. Barthol. de cruce Christ. 1670. Jahn. Arch. 2. 11. 361.

Мученія распятыхъ были ужасны *). Надобно вообразить неестественное положеніе тѣла съ простертыми вверхъ пригвожденными руками, при чмъ малѣшее движеніе, необходимое для жизни, сопровождалось новою, нестерпимою болью. Тяжесть повисшаго тѣла отчусу болѣе раздирала язвы рукъ, коп помпутно становились острѣе и жгучѣе. Кровь, лишившись естественного круговорота, устремлялась къ головѣ и сердцу, производя въ первой круженіе, а въ послѣднемъ томленіе мучительнѣйшее самой смерти. Несчастный, проникнутый со всѣхъ сторонъ смертю, переживалъ

---

*; Вотъ одно изъ описаній сего предмета, сдѣланное рукою искуснаго и благочестиваго медика:

„Incredibilem molestiæ sensum in eo consistere, unum tot horis sustinere corporis situm, quis non videt? Cum vix naturalem diu sine crebra mutatione feras, ne dum tam violentum, imo vero tot clavis per loca, nervorum tendinumque plena, trajectis, in isto situ sine spe omnis mutationis, nisi quam mors promittit, tanto temporis intervallo persistere, nihil facile habet, quod fangi acerbius possit. Nequit tam diuturnæ extensionis iniuria, sine tardato vel sufflaminato humorum in istis locis circuitu concipi, cum tensa vasa sint extra potestatem actionis suæ incontenta. Nequeunt tot vulnera sub æris liberrime circumfusi attactu sine novis omni momento exacerbati doloris et crescendis corruptionis viribus animo obversari. Necesse est sugillata illa loca in cruciariis et sensim atra adparere; necesse est dolorem caloremque inflammatorum in mortem illarum partium lento quidem, at eo hinc særiori gradu tendere. Aorta inter illa in extremis obstacula fluxum magis ad caput et ventrem determinans, ibi pressis carotidibus rubores faciei doloresque capitatis parit, hic opportuniora ad stasim et corruptelam loca occupat. Illud autem longe atrocius est, aortam, quæ jam, ut olim æquali et placidiori rivo per patentia vasa se non liberat, omnem quem

самъ себя, и стональ въ мугахъ первѣдко до трехъ *), а ипогда до 6-ти и болѣе днѣй **). Чаша съ умериц-вляющимъ напиткомъ, поданная таюю рукою, та-кою подана была Сократу, была величайшимъ благодѣя-ниемъ въ сравненіи съ казнью крестно.

Съ мучепіемъ распятыхъ равнялось съ то только ихъ безчестіе. Название крестопосцевъ (сгис. *τ*, *cruciarius*) было послѣднимъ выраженіемъ гибъя и презрѣнія. Самые жестокіе господа, за тяжкія преступленія рабовъ своихъ, приказывали надѣвать на нихъ *крестообразное иго* (*furcam*), и въ семъ *срамномъ* видѣ водить ихъ по улицамъ ***). Это зачнило лишить несчастнаго имении человѣка, отдать въ жертву всесообщаю презрѣнію. Для іудеевъ казнь крестная особенно была отвѣтительна; потому что законъ Монсеевъ гласитъ: проѣгать всяко висящій на древѣ****)! Но сей-то причина самое слав-

---

sinister cordis sinus suggestit, sanguinem minime suscipere, nec igitur pulmonari sanguini liberum hue aditum esse, adeoque et dextri cordis sinus sub nisu expulsionis suæ in oppletum pulmo-nem horrenda anxietate, quæ omni dolore et ipsa morte intolera-bilior est, laborare. Arteriæ et venæ pulmonares, coronariæ, inter-costales, omnisque majora vasa atque cor ob copiam redeuntis hue et accumulati sanguinis angores illos animi, jam ante sub incu-bente peccatorum nostrorum molinato, etiam ex causa corporeo vehem-entissime intendunt.» (Richters Dissert. de morte Servator. in cruce. 1757).

*) Petr. Sat. 3, 59.

**) V. Richt. Dissert. de morte Servatoris.

***) V. Val. Max. 1. 7. Maer. Satur. 1, 2.

****) Втор. 12, 22. Conf. Henkii Comment. de eo, quod inpri-mis ignomin. est in supplic. Jesu Chr. 1785.

ное воскресение Господа и божественный чудеса, сопровождавшія проповѣдь о Немъ апостоловъ, не могли вознаградить въ глазахъ невѣрующихъ безславія креста Христова; и онъ, по замѣчанію ап. Павла, оставался для іудеевъ *соглашомъ*, а для еллиновъ *безуміемъ* (1Кор. 1, 23). Вообще, казнь крестная была столь жестока и поносна, что самъ Цицеронъ не находилъ словъ къ ея описанію, и именемъ отечества требовалъ, чтобы не только тѣло, но, если можно, зрѣніе и слухъ, самое воображеніе римскаго гражданина было свободно отъ креста *).

И сю-то казнь Отецъ небесный благоволилъ избрать для единороднаго, возлюбленнаго Сына своего!!! Христіанинъ, помни сіе и убѣгай грѣховъ, за коп Сынъ Божій претерпѣлъ крестъ, и копии Онъ, по увѣренію апостола, распинается паки (Евр. 6, 6).

Тайна печестія, надъ которою такъ дѣятельно трудился самъ князь тьмы (Іоан. 13, 2. 27; 12, 31), была уже совершена въ половицу: Святый Святыхъ вмѣненъ съ беззаконіями; оставалось только *вознести* Его на крестъ, дабы Онъ могъ *привлечь къ себѣ всяческая* ... (Іоан. 12, 32).

У евреевъ, если вѣрить Талмуду **), существовало обыкновеніе, чтобы осужденный на смерть преступникъ лишился былъ жизни не скоро послѣ *сужденія*. Гла-

---

*) Pro Rabyrrio.

**) Sanhedrin. c. 6, § 1. Maimonid. in tract. de Syned. eorumque poenis c. 13.

шатай иль сколько разъ всенародно объявлялъ его имя, вину, свидѣтелей преступлениѧ и родъ казни, ему назначенной, вызывая всякаго, кто можетъ, идти въ судъ и защищать несчастнаго. И у римлянъ былъ законъ *), изданный Тиверіемъ, вслѣдствіе коего смертная казнь совершилась не прежде 10 дній послѣ приговора. Но для Иисуса Христа, хотя Онъ судимъ былъ и по римскимъ и по іудейскимъ законамъ, ни то, ни другое обыкновеніе не оказалось никакого дѣйствія **). Отсрочка казни простиралась только на обыкновенныхъ преступниковъ; а возмутители общественаго спокойствія, враги Моисея и кесаря, каковымъ клевета представила Иисуса, не имѣли права на сию милость: ихъ казнь тѣмъ была законнѣе, чѣмъ скорѣе совершилась ***). Итакъ, Иисусъ Христосъ, послѣ осужденія Его, немедленно былъ преданъ воинамъ, кои у римлянъ совершили всѣ казни. Первымъ дѣломъ ихъ было спать съ Него багряницу и одѣть Его въ собственную Его одежду: сего требовалъ обычай и, можетъ быть, жалость. Молчаніе евангелистовъ не позволяетъ

*) Tacit. Annal. L. 3, c. 51. Dion. L. 57. Svet. in vita Tiber. cap. 75.

**) Сказаніе Талмуда, будто и надъ Иисусомъ Христомъ исполненъ приговоръ смертный, спустя 40 дній, въ продолженіе коихъ каждодневно объявляемо было народу о Его дѣлѣ и вызывались защитники,—есть сущая ложь, не стоящая опроверженія историческаго. Всѣ слова Талмуда: *vespera Paschatis suspenderunt Jesum et praeceo praeceudebat an'e ipsum quadraginta diebus. Exibat (clamans) illum lapitandum esse eo quod fascinasset, et seduxisset et impulisset Israelem.* *Quicunque autem novit pro ipso meritum, suspenderunt illum vespero Paschatis.* Sanh. 6.

***) Buphaus de mort. Christ. t. 3. c. 5.

сказать решительно: былъ ли спять при семъ и терновый вѣнецъ, или оставался на головѣ Господа до спятія Его самаго со креста. Впрочемъ древнее обыкновеніе изображать Иисуса Христа на крестѣ въ терновомъ вѣнцѣ, имѣть видъ исторического предавія. Въ подтвержденіе его можно сказать, что распинателъ имѣли достаточное побужденіе оставить вѣнецъ на головѣ Господа: такъ какъ, по ихъ образу мыслей о Немъ, онъ былъ весьма кстати, выражая тоже самое, о чёмъ говорила надпись.

Потомъ воины, слѣдя обыкновенію, возложили на Иисуса Христа крестъ, и повели Его за городъ, где производились казни. Для такого шествія обыкновенно избирались главнѣйшія улицы, и оно съ памѣреніемъ дѣлалось какъ можно продолжительнѣе; но теперь краткость времени не позволяла ни малѣйшей медленности; ибо до пасхального вечера, который былъ если не столь святъ, какъ предшествующій, въ который сидѣли пасху, то еще болѣе торжественъ и празднственъ, оставалось не много часовъ. Поэтому далѣе вечера, въ слѣдствіе закона, распятыхъ нельзя было оставлять на крестахъ; а крестъ, какъ мы видѣли, умерщвлялъ не скоро: то распятіе Иисуса Христа надлежало бы даже отложить до другого времени, если бы, какъ мы видѣли, не было обыкновенія, въ случаѣ нужды, сокращать жизнь распятыхъ насильственnoю смертю. Синедріонъ, при всемъ желаніи продлить, какъ можно болѣе, мученія личнаго врага своего, долженъ былъ рѣшиться на сіе средство: иначе, въ продолженіе праздника, онъ могъ опасаться возмущенія народнаго въ пользу Иисуса Христа.

Открылось необыкновенное зрелище! Тотъ, кого пародъ іерусалимскій всегда слушалъ съ восторгомъ бѣдующаго во храмѣ, который, казалось, повелѣвалъ всею природою, давая исцѣление слѣпопорожденымъ, изгоняя бесовъ, воскрешая мертвыхъ,— которому еще за пѣсколько дней оказываемо было уваженіе, какъ потомку Давида, какъ царю Израилеву,— проходилъ пространными стогнами іерусалимскими, посреди двухъ злѣвъ, влача за собою тяжелый крестъ! Теперь-то особенно должны были исполниться слова, сказанныя нѣкогда Іисусомъ Христомъ о своемъ упражненіи: *блаженъ есть, иже аще не соблазнится о Міль* (Мат. 11, 6)!

«Возможно ли (такъ могли думать многие даже изъ тѣхъ, кои доселѣ надѣялись увидѣть въ Іисусѣ Христѣ обѣтованного пророками Избавителя), возможно ли, чтобы Мессія подвергся такой участіи, какой подверженъ теперь Іисусъ? Кто самъ не въ состояніи избавить себя отъ попосной казни, тотъ можетъ ли доставить избавленіе бѣдному народу іудейскому? — Развѣ не обманываемся ли мы всѣ, ожидая возстановленія царства Израилева, надѣясь на пришествія Мессіи сильнаго и могущественнаго? — Но такъ учили наше отцы наши; такъ, говорить, писано въ законѣ и пророкахъ. И для чего бы всѣ пророки за пѣсколько вѣковъ въ такихъ величественныхъ выраженіяхъ предвозвѣщали пришествіе Мессіи, если Мессія долженъ быть такой человѣкъ, каковымъ является теперь Іисусъ, если ему суждено, ничего не сдѣлавъ въ пользу народа, стонущаго подъ игомъ бѣдствій, окончить жизнь свою попосною смертю? — И какая смерть? Крестная!... *O, проклятъ всякихъ, вислай на древѣ!* Нѣть! Что бы кто ни

говорилъ, а это знаменіе — не спасенія, а вѣяныя: вѣрно, самъ Богъ пашелъ что либо преступное въ семъ человѣкѣ.»

Такъ могли думать некоторые. Съ другой стороны, колеблющаяся вѣра послѣдователей Иисусовыхъ имѣла для себя не малую опору. Въ комъ было сердце, чувствительное къ истинѣ и добродѣтели, знакомое съ высокими чувствами вѣры и святой любви, тотъ не могъ согласиться съ фарисеями и книжниками, представлявшими Иисуса Христа въ видѣ обольстителя, имѣвшаго нечистые виды. «Нѣтъ! Онъ не обольщалъ насъ, когда говорилъ съ такой сладостію о любви къ Богу и ближнему; когда раскрывалъ предъ нами святые пути Промысла, воззывалъ насъ къ подражанію вѣрѣ и добродѣтелямъ нашихъ праотцевъ; когда сердце наше пламенѣло тѣмъ чистымъ восторгомъ, коего никогда не производили бесѣды фарисеевъ и книжниковъ. Поведеніе Его совершенно достойно Сына Давида. Если бы Онъ искалъ земной славы, то сколько представлялось Ему случаевъ дѣйствовать силою! Не смиреніе ли и кротость Его были причиною, что фарисеи съ такою легкостію овладѣли Имъ? Ему приписали мяtekъ и измѣну: но это явная клевета, изобрѣтенная первосвященниками за то, что Онъ обличалъ ихъ пороки, отъ коихъ мы страдаемъ. Не самъ ли Пилатъ объявлялъ Его исколько разъ невиннымъ, и, при самомъ осужденіи, назвалъ праведникомъ? — Его осудили на смерть крестную; — но Онъ, слышно, самъ давно предрекалъ сю смерть, говорилъ, что Ему отъ самаго Бога предопределено пострадать для спасенія Израиля. Мы, послѣдняе нашиимъ (слѣднимъ) учителямъ, не ожидали по-

добныхъ событій. Но развѣ памъ извѣстна вся судьба Мессіи? Кто постигъ весь смыслъ пророчествъ, изъ коихъ иѣхоторыя изображаютъ Его страждущимъ? — Не сами ли книжники противорѣчатъ между собою, когда описываютъ лицо Мессіи! — При томъ, еще не все окончится съ Его смертю. Онъ обѣщалъ, какъ сказано, чрезъ три дня воскреснуть. О, если бы сбылось сие обѣщаніе!»...

Поступокъ съ Іисусомъ Христомъ Ирода, конечно, привелъ многимъ на память Іоанна Крестителя, имъ умерщвленнаго; а воспоминаніе, всѣми уважаемаго и любимаго, Іоанна устранило соблазпъ, производимый крестомъ Іисуса; ибо всѣ знали, что Іоаннъ признавалъ Его за Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра, и такъ высоко ставилъ Его, что почиталъ себя недостойнымъ служить Ему вмѣсто раба (Іоан. 1, 27).

Съ Господомъ вели па казнь двухъ преступниковъ (Лук. 23, 32), кои также осуждены были па распятіе, и безъ сомнѣнія, сами несли кресты. Древнєе преданіе говоритъ, что одинъ изъ сихъ преступниковъ назывался Гестасъ, а другой Диемасть *). Касательно преступленія ихъ иѣть вѣрныхъ свѣдѣній; кажется однакоже, что они принадлежали къ обществу Варавви, и участвовали въ мяtekъ и убійствахъ, имъ произведенныхъ, ибо съ Вараввою, по замѣчанію ев. Марка (15, 7), находились въ темницѣ и его сообщники, коихъ участъ должна была рѣшиться предъ правдникомъ и, судя по роду преступленія, — крестною казнью.

*) In Evang. Nicodemi.

За осуждепыми слѣдовало великое множество парода (Лук. 23, 27). Казнь среди праздниковъ для набожныхъ іудеевъ, каковыми дѣлались на сей случай весьма многіе, были дѣло непріятное и отвратительное. Но казнь Пророка галилейскаго, въ коемъ многіе надѣялись увидѣть Мессію, невольно привлекала всякаго. Между тѣмъ опа сдѣлалась теперь извѣстною всему Іерусалиму, вмѣщавшему во время пасхи не сколько сотъ тысячъ жителей.

Съ народомъ Господь не бесѣдовалъ. Было время для имѣющихъ уши слышать; теперь оставалось имѣющимъ очи видѣть. Самое иссечение креста и изнеможеніе препятствовало Ему говорить, тѣмъ паче — быть слышиму отъ шумной толпы народа.

Жалостные крики и вопли нѣкоторыхъ женщинъ вывели однакоже Господа изъ безмолвія. То были не ближайшія ученицы Его, коихъ мы увидимъ на Голгоѳѣ, и коимъ не могло быть сказано то, что теперь будетъ сказано, а частію жены іерусалимскія, можетъ быть, матери дѣтей, кои пѣли Ему осанна, частію другія изъ пришедшихъ со всей Іудеи на праздникъ. Ипчто не могло удержать ихъ отъ слезъ при видѣ Иисуса, изнемогающаго подъ тяжестію креста: ни присутствіе первѣйшихъ лицъ синедріона, кои ишлали непавицтвію на Господа и на всякаго, кто былъ къ Нему приверженъ, ни опасеніе прослыть въ народѣ участівцами въ преступленіяхъ, приписанныхъ Пророку галилейскому: о旣и небоязнино предавались всей горести, къ какой только способны сердца чувствительныя и безутѣшныя...

Для Господа, который обѣщался не забыть чаши студеной воды, поданной во имя Его (Мате. 10, 42),

сострадаліе жесть не могло быть противнымъ. Но смерть, на которую шелъ Онъ, была ~~предыдущие~~ обыкновенныхъ слезъ состраданія: надлежало плакать и сокрушаться всѣмъ колѣнамъ Израилевымъ, только не о томъ, о чёмъ плакали жены.

«Дщери іерусалимскія! сказалъ Господь, обратясь къ нимъ, — не плачитеся о Міи; обаче себе плачите и чадъ вашихъ.»

(Такое дивное запрещеніе плакать о Немъ, когда Онъ, изнемогая подъ крестомъ, шелъ на очевидную и мучительную смерть, могло быть совершенно попято не прежде воскресенія Иисуса Христа; но совѣтъ плакать о себѣ и чадахъ своихъ и теперь даваль разумѣть женамъ и каждому, какое великое различіе между чувствами Иисуса Христа, въ такомъ положеніи, не оставляющаго мысли и заботы не только о настоящей, но и будущей судьбѣ чадъ Іерусалима, — и безчувствіемъ первосвященниковъ, кои предъ Пилатомъ съ такими безразсудствомъ призывали на всѣхъ чадъ Іерусалима кровь Праведника).

«Ико се, продолжалъ Господь, дніе грядутъ, въ илже рекутъ: блаженны неплоды и утробы, лже не родиша, и сосцы, иже не доиша. Тогда начнутъ глаголати горамъ: падите на ны, и холмомъ: покрыйтъ ны. Затѣ, аще въ суровъ (зеленѣющемъ) древъ сіл творятъ, въ сусъ (древѣ) что будетъ» (Лук. 23, 29 — 31.)?

Нельзя было сильнѣе изобразить бѣдствій, угрожавшихъ Іерусалиму. Безчадство почиталось у іудеевъ самимъ тяжкимъ несчастіемъ и наказаніемъ Божіимъ: а посему дойти до того, чтобы завидовать безчаднымъ, значило прийти въ состояніе отчаяніе. Такъ выражались и

пророки (Осії 10, 8; Ісаї. 2, 10 — 19; Апок. 6, 16), когда отъ имени Бога Израилева угрожали Израилю за его преступлени. Но сія угроза произнесена Сыномъ человѣческимъ безъ всякаго чувства личнаго негодованія на неблагодарныхъ соотечественниковъ. Онъ не говоритъ, что наступаютъ дни, когда вы, испросивши Меня на казнь, *скажете*, а говоритъ просто: *скажутъ*, ии мало не касалось личныхъ враговъ своихъ. Высочайшее чувство самоотверженія заставляетъ Его забыть всѣ собственныя страданія, и Онъ запрещаетъ плакать о Себѣ: но истинное чувство любви къ бѣдному отечеству побуждаетъ не скрывать ужасныхъ золъ, сго окружающихъ, въ предостереженіе тѣмъ, кои еще могли внимать истинѣ. Это была послѣдняя проповѣдь покаянія, которую народъ іудейскій слышалъ изъ устъ своего Мессія, произнесенная съ самыи пѣжимъ чувствомъ любви къ ближнимъ. Войны, гладъ, язвы и прочія бѣдствія, имѣвшія предшествовать разрушенію Іерусалима, дѣйствительно, должны были оказать всю свою свирѣпость особенно надъ женами непраздными и матерями, имѣющими грудныхъ младенцевъ. Такъ и прежде, изображая ученикамъ своимъ сіи бѣдствія, Господь представилъ особенно участъ женъ непраздныхъ: *горе же долящимъ вѣ тыя дни* (Лук. 21, 23; Мар. 13, 17; Мат. 24, 19)!

Слова: «если съ зеленѣющими деревомъ (со Мною) сіе дѣлаются; то что будетъ съ сухимъ» — (съ народомъ іудейскимъ), — выражаютъ много, очень много ужаснаго для народа іудейскаго. Но и въ сихъ словахъ нѣть никакого личнаго негодованія. Это присло-

віе, непрестанно переходившее изъ устъ въ уста *); и когда же приличіе было употребить его, какъ не теперь, для вразумленія всѣхъ и каждого? — Если вожди народа іудейскаго, первосвященники, фарисеи и книжники сравниваются здѣсь съ сухимъ деревомъ (обыкновенный у пророковъ символъ людей нечестивыхъ **), то сіе сравненіе еще съ большею выразительностью было уже слышимо изъ устъ Иоанна Крестителя, въ то время, когда торжественное посольство отъ лица синедріона спрашивало его, не онъ ли Мессія (Мат. 3, 10).

Въ то время, когда Іисусъ Христосъ въ послѣдній разъ предостерегъ таинъ образомъ своихъ соотечественниковъ, слова Его, вѣроятно, были приняты съ любовью кемногими. Но, во время разрушенія Іерусалима, послѣдовавшаго спустя нѣсколько лѣтъ, самые упорные враги Господа должны были привести ихъ себѣ на память. Нельзя безъ содроганія читать описанія тогдашнихъ бѣдствій народа іудейскаго ***). Состояніе матерей было таково, что нѣкоторыя изъ нихъ рѣшались завалить собственныхъ дѣтей для спасенія... Тогда скалы и пещеры палестинскія, служившія во время войнъ обыкновеннымъ убѣжищемъ іудеевъ, содѣлались, какъ предрекалъ теперь Господь, гробами для многихъ тысячъ несчастныхъ, кои дѣйствительно призывали сами на себя смерть, какъ послѣднюю отраду.

---

*) V. Schlegel *Lebensgeschichte Jesu*, 1774. p. 352.

**) Исаі. 1, 3; Езек. 20, 47; 21, 3; Суп. 6, 6. Sanhedr. fol 96.

***) Joseph. de Bell. Jud.

Когда приблизились къ городскимъ воротамъ, Иисусъ Христосъ изнемогъ до того, что не въ силахъ былъ далъе нести своего креста, и, какъ говоритъ древнее преданіе, преклонился подъ пимъ. Человѣколюбіе ли римскаго сотника, распоряжавшагося казнью, или безчеловѣчіе іудеевъ, опасавшихся, что жертва ихъ злобы можетъ умереть до казни, были причиною: только воины рѣшились облегчить Иисуса и, вопреки обыкновенію, возложить Его крестъ на другаго. Провидѣніе не умѣли послать для сего человѣка, пѣкого Симона, родомъ или прозваніемъ Киринейскаго *), который, возвращаясь съ села, срѣтилъ стражу, ведущую Иисуса, при самомъ выходѣ ея изъ города**). Воины тотчасъ захватили***) его и вѣстали ****) нести крестъ Иисусовъ: порученіе тягостное и, при настоящихъ обстоятельствахъ, чрезвычайно безчестное; а посему весьма вѣроятна догадка пѣкоторыхъ *****), что Симонъ былъ изъ числа послѣдователей Иисуса Христа, и при встрѣчѣ съ Имъ обнаружилъ какой либо знакъ состраданія, вслѣдствіе чего воины сами, или по внушенію іудеевъ рѣшились возложить на него крестъ. Но крайней мѣрѣ,

*) Кирены, городъ, находившійся въ той части Ливіи, которая называлась Пентопольскою, или Киринейскою. Роман. Mel. 1. 4. Что въ сей странѣ было много іудеевъ, о семъ свидѣтельствуетъ Флавій. Bel. Jud. 38. А что іудеевъ киринейскихъ было весьма много въ Іерусалимѣ, гдѣ они имѣли свою особенную синагогу, видно изъ Дян. 2, 10; 6, 9.

**) *Ἐξερχομένος δε.* Мате. 27, 32.

***) *Ἐπιλαβομένος.* Лук. 23, 26.

****) *αγγαρευσθε.* Мар. 15, 21.

*****) Grotius de Luc. Schlegel. Hess in Lebensgeschichte Jesu.

три евангелиста (Мат. 27, 32; Мар. 15, 21; Лук. 23, 26) — не безъ причины почли нужнымъ предать потомству имя и родъ человѣка, который несъ крестъ Господа, и сей причины должно искать въ томъ, что Симонъ несъ крестъ не по одному принужденію, а и съ любовью къ Распятому на немъ; или въ томъ, что онъ, впослѣдствіи по крайней мѣрѣ, совершиенно узналъ цѣлу креста Иисусова, и посилъ его уже до конца своей жизни. Св. Маркъ упоминаетъ еще, что Симонъ былъ отцемъ Александра и Руфа: два человѣка, которые, по крайней мѣрѣ во время написанія Маркова евангелія, принадлежали къ числу христіанъ и были всѣмъ известны по своимъ добродѣтямъ: иначе упоминаніе о нихъ не имѣло бы никакой цѣли. Руфъ сей, должно думать, есть тотъ самый, коего ап. Павелъ въ посланіи къ Римлянамъ (16, 13), называется *избраннымъ въ Господь*, и кого память онъ столько уважалъ, что матерь его именовала своею матерью. Такого семейства былъ главою Симонъ, удостоенный Прорицаніемъ высочайшей и единственной чести — раздѣлить съ Господомъ тяжесть Его собственнаго креста!...

Чтобы кто либо, видя Симона, несущаго крестъ, не подумалъ, что онъ самъ осужденъ на распятіе *), для

*) Это самое, безъ сомнія, а не что другое означаютъ слова св. Луки: *чтобы несъ крестъ за Иисусомъ* (*γεφειν ὅπερθεν τον Ἰησον*). Между тѣмъ слова сіи издавна послужили для нѣкоторыхъ поводомъ къ ложному мнѣнію, будто Симонъ поддерживалъ только заднюю часть креста, между тѣмъ какъ переднюю продолжалъ нести самъ Господь, какимъ образомъ изображается несение креста и на нѣкоторыхъ картинахъ. Погрѣшность сія обличается и ясны-

сего воины, возложивъ на него крестъ, заставили Іисуса Христа идти прямо впереди его. — Новое положеніе сіе, отзываясь нѣкоторымъ облегченіемъ, въ тоже время могло служить для враговъ Господа случаемъ къ новымъ клеветамъ и насмѣшкамъ. Казалось, Провидѣніе съ намѣреніемъ совокупляю у креста Іисусова все, что могло быть мучительнѣйшаго и болѣе попоснаго, дабы Началовождь спасенія человѣческаго собственнымъ опытомъ узналъ все.

Наконецъ достигли Голгоѳы, или лобнаго мѣста *). Такъ называлась одна изъ горныхъ сѣверозападныхъ возвышеностей, окружающихъ Іерусалимъ, па коей производились казни **), и которая съ сихъ поръ должна была содѣлаться самымъ священнымъ мѣстомъ на земномъ шарѣ. Древнее преданіе юдейской Церкви утверждало, что на сей горѣ погребена была глава Адама ***);

ми словами другихъ свангелистовъ (сего заставили нести крестъ Его. Мат. 27, 32; и заставили нести крестъ Его. Мар. 15, 21), и самымъ существомъ дѣла; потому что облегченіе было бы весьма незначительно, если бы передняя, тяжелѣйшая часть креста оставалась на Іисусѣ Христѣ. Слова ев. Луки ни мало не защищаютъ сего мнѣнія; ибо нести крестъ за Іисусомъ, или позади Іисуса, не тоже значитъ, что нести его вмѣстѣ съ Іисусомъ. Посему-то мнѣніе сіе постоянно отвергалось еще отцами Церкви. Hieron. Comment. in Matth. August. de consens. Evang. Orig. in Matth.

*) По еврейски Gulgoleth, по халдейски Gulgatha. Изъ послѣднаго по закону благозвучія, составилось: Голгоѳа. Слово сіе означаетъ: лобъ, черепъ (4 Цар. 9, 35) и голову (1 Парал. 13, 3. 24).

**) Relandus in Palæstina. Piessing über Golgatha und Ch. Grab. 1789 Michall. in Orient. Bib. 7, 45.

***) L. SVicer Thesaurus Eccl. sub voce: Голгоѳа. Cornel. a Lap.

и вотъ, надъ сею главою должна была пролиться теперь очистительная кровь Адама втораго. Здѣсь же Авраамъ поднялъ жертвенный ножъ на своего единороднаго Исаака; и вотъ, теперь надъ Единороднымъ Сыномъ Божиимъ имѣло на самомъ дѣлѣ совершиться то, что въ Исаакѣ послужило токмо къ прообразованію будущаго.

Междѣ тѣмъ какъ воины ставили и укрѣпляли кресты, Іисусу Христу дано было, по древнему обычаю *), питье, состоящее изъ вина, смѣшаннаго съ смирою **). Такое смѣшеніе, производя омраченіе разсудка, дѣлало не тѣкъ чувствительными страданія распятыхъ ***). Судя по тому, что въ числѣ послѣдователей Іисуса Христа было довольно людей весьма богатыхъ и усердныхъ, надлежало ожидать, что питье, Ему поднесенное, будетъ пріятно, по крайней мѣрѣ неотвратительно: между тѣмъ оно было горько,—какъ желчь, и кисло—какъ уксусъ. Обстоятельство сіе заставляетъ думать, что симъ питьемъ распоряжались враги Іисуса Христа, и что мирра и вино употреблены были самыя худыя.

Не была ли даже употреблена при семъ случаѣ на-

---

in Matth. 27, 33, Отсюда и обыкновеніе изображать подъ крестомъ Іисуса Христа черенъ человѣческій.

*) Еврѣйскіе писатели находятъ основаніе сего обычая въ одной изъ притчей Соломона. Прит. 21, 6. Sanhed. c. 6.

**) И давали Ему пить вино со смирою. Мар. 15, 23.

***) Galen. de Simplic. med. L. 15, c. 19. Апулей раговоряетъ объ одномъ жрецѣ сирской богини, что онъ, употребивъ не сколько приемовъ мирры, равнодушно переносилъ сильные удары сженинъ огнемъ. V. Glatz. in Comment. in Matth.

стоящая желчь и уксусъ? Безчеловѣчіе враговъ Іисусо-
выхъ дѣлаетъ сіе вѣроятнымъ, а слова ев. Матея весь-
ма благопріятствуютъ сей мысли (Мат. 27, 34). Въ такомъ
случаѣ, для соглашенія евангелистовъ надобно пред-
положить, что одни подносили Господу вино, смѣшан-
ное со смирою, какъ то упоминается у ев. Марка, а
другіе—враги Его—давали Ему пить уксусъ съ желчю,
какъ повѣствуетъ Матея. Впрочемъ нѣть особенной
нужды допускать, что евангелисты говорятъ не объ од-
номъ и томъ же чинѣ: ибо слово *αξος*, употребленное
св. Матеемъ, означаетъ не одинъ уксусъ, а всякую кис-
лоту, и въ частности вино худое, окислое, какое, безъ
сомнѣнія, и давалось преступникамъ *). Равнымъ обра-
зомъ *χολη*, кроме желчи означаетъ всякую горечь, осо-
бенно смирны, которая по тому самому у евреевъ и на-
зывалась **) горечь. А посему, говоря словами ѡеофилак-
та, уксусъ съ желчю есть тоже у св. Матея, что у св.
Марка вино со смирою: ибо и вино могло быть наз-
вано уксусомъ, по сильной его кислотѣ, и мирра жел-
чю, потому что она весьма горька. Также точно со-
глашалъ сказанія евангелистовъ въ свое время и блаж.
Августинъ ***), основываясь между прочимъ на древ-
нѣйшемъ сирскомъ переводѣ евангелія Матеева, гдѣ
вместо желчи стоитъ слово, означающее вообще го-
речь. Ев. Матея, замѣняя смиру желчю и вино ук-
сусомъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ въ виду выраженіе

*) Macrob 5, 6. Meryll. Not. in Pass. Dom. pag. 41.

**) In consens. Evang. I. 3. c. 2.

***) Толков. на Мат. и Марка.

исалма Давидова (по переводу Седмидесяти): *даша въ силь мою желчь и въ жажду напоиша мя оица* (Псал. 89, 22).

Господь принялъ въ руки чашу съ питіемъ, по отвѣдавъ, отдалъ пазадъ. Чаша холодной воды, можетъ быть, была бы Имъ выпита: потому что продолжительное изнеможеніе спѣлъ, въ коемъ Онъ находился, раждало жажду; но питье, омрачающее чувства, было недостойно Того, Кто однѣмъ за всѣхъ пилъ чашу гиѣва Божія. Не смотря на жестокость мучепій, ожидающихъ Его на крестѣ, Сынъ человѣческій хотѣлъ претерпѣть ихъ всѣ съ полнымъ сознаніемъ. Другаго прохладжающаго питья безъ смѣрии или не было, или враги Господа не позволили дать.

Первосвященники и старѣйшины, не смотря на великий день праздника, всѣ находились на Голгоѳѣ. Могли опасаться, что безъ ихъ личнаго присутствія, не постоянный народъ перемѣнитъ мысли объ Иисусѣ Христѣ; или послѣдователи Его отважатся воспрепятствовать совершенію надъ Нимъ казни. Но, главнымъ об разомъ, привело ихъ на Голгоѳу, вѣроятно, желаніе—быть свидѣтелями безчестія и мучепій умирающаго Иисуса,—отравить послѣднія минуты Его клеветою и насмѣшками,—не допуститьказать Ему какое либо облегченіе, видѣть образъ мыслей стекнагося во множествѣ народа и настроить по своему произволу его мнѣніе.

Ахъ, природа человѣческая обнаружилась уже въ продолженіе суда надъ Иисусомъ Христомъ съ такой мрачной и низкой стороны, что отъ пея, не выходя изъ предѣловъ исторіи, можно ожидать теперь всего!...

Приступая теперь къ изображению самого распятія и смерти Богочеловѣка, охотно признаемся, что мы не безъ трепета душевнаго приступаемъ къ сему дѣлу: надобно повѣствовать о томъ, что служить предметомъ благоговѣйнаго удивленія для самыхъ ангеловъ (1 Петр. 1, 12)... Творецъ видимыхъ и невидимыхъ (Иоан. 1, 3; Евр. 1, 3; Кол. 1, 16), который могъ привзвать, даже сотворить легіоны ангеловъ (Мат. 26, 53), для исполненія воли своей, возносится на бресть, подобно преступнику, и подвергается ужаснымъ мукамъ!... Единородный Сынъ Божій оставляется среди мучевій смертныхъ Отцемъ, у коего Онъ имѣлъ славу, прежде міръ не бысть (Иоан. 17, 5), съ коимъ Онъ есть едино (Иоан. 10, 30. 5, 23), по существу и славѣ! Господь всяческихъ, имѣющій жизнь въ самомъ Себѣ (Иоан. 5. 26) и дающій бытіе всякой твари, истаевается отъ жажды, умираетъ подобно послѣднему изъ сыновъ человѣческихъ! Это — такія понятія, коихъ никогда не совокупило бы самое пламенное воображеніе, если они не были преподаны вѣрою; это премудрость Божія тайная, сокровенная, которая будучи отъ вѣкъ предпазначена въ славу нашу, никакъ однакожъ не была познана, доколѣ Богъ не благоволилъ открыть ее святымъ своимъ (1 Кор. 2, 7. 8). Здѣсь по необходимости теряется всякое соотвѣтствіе слова съ изображаемымъ предметомъ, и повѣствованіе, само по себѣ слабое, становится еще болѣе поверхностнымъ и кощунственнымъ. Самые евангелисты при семъ случаѣ изображаютъ Иисуса Христа, такъ сказать, только *по плоти* (1 Кор. 2, 7. 8), — какъ Онъ представлялся чувствамъ зрителей, не раскрывая того, что происходило

въ Его духъ, не изъясня тайны внутреннихъ страданій Богочеловѣка. Кто хочетъ знать сю тайну (а не участвя въ ней живою вѣрою и живою дѣятельностью, нельзя быть птиціи христіанишъ), тогъ долженъ обратитъ съ молитвою къ самому Духу Божію (1 Кор. 2, 10), который одинъ предвозвѣщалъ Христовы страданія до совершенія ихъ (1 Петр. 1, 13), одинъ и возвѣщаетъ тайну сихъ страданій по совершеніи ихъ. Слово Божіе объявляетъ только, что для разумѣнія всей силы страданій Христовыхъ надобно распяться со Христомъ и спогребстись Ему (Рим. 6, 4). А одинъ изъ уразумѣвшихъ свидѣтельствуетъ, что послѣ сего разумѣнія весь міръ покажется *ничимъ* (Фил. 2, 8).

Когда кресты были утверждены въ землѣ, воины, слѣдя обыкновенію, сняли съ Іисуса Христа всю одежду *), взяли пречистое тѣло Его, приподняли на крестъ, распостерли руки, и начали прибивать ихъ къ дереву гвоздями. Потоки крови полились на землю...

Вмѣсто стоповъ и волней, обыкновенныхъ и непозѣнныхъ въ такомъ случаѣ, изъ устъ распинаемаго Господа услышалось другое: въ ту минуту, когда, по всей вѣроятности, ожесточенные враги Его съ злобою радостію слѣдовали взорами за каждою чертою Его лица, ожидая видѣть выраженіе муки,—Господь кротко возвель очи къ небу и сказалъ: «*Отиче, прости имъ! Не вѣдатъ бо, что творятъ.*»

Таково послушаніе *даже до смерти, и смерти крестной!* —Того, который предалъ Его въ руки враговъ,

---

*) Такъ полагали и отцы Церкви. Амвросій L. 10 in Luc. Августинъ Civ. Dei 16. 2. Conf. Lossii Harm. Evang. 2. 7. § 3.

попустилъ осудить на мученія и смерть, Божественный Страдалецъ называетъ своимъ Отцемъ, точно также, какъ называлъ Его при гробѣ Лазаря (Иоан. 11, 41), или когда гласъ съ неба вслухъ всего народа свидѣтельствовалъ о Его Божественномъ достоинствѣ (Иоан. 12, 28). Заповѣдавъ послѣдователямъ своимъ молиться за враговъ, Богочеловѣкъ подаетъ теперь примѣръ сей высокой молитвы, подаетъ въ минуту ужасѣйшихъ страданій отъ враговъ своихъ. Ближайшимъ образомъ слова сей молитвы, конечно, относились къ распинавшимъ воинамъ (кои виновны были не тѣмъ, что исполняли дѣло своего званія, но что, слѣдя впушепію іудеевъ, обнаруживали излишнюю жестокость); но въ самой вещи ходатайственная молитва Господа обнимала собою всѣхъ враговъ Его: изъ нея не исключался ни Каїаѳ, ни Пилатъ, ни Иродъ. Ибо всѣ они, при своей злобѣ, или лукавствѣ, дѣйствительно не знали сами, что дѣлали. Ибо, если бы знали, говорить св. Павелъ, то не распяли бы Господа славы *).

Впрочемъ, сіе не значитъ того, чтобы не было виновныхъ въ смерти Господа. Кто бы не могъ разумѣть, если бы захотѣлъ, того, что уразумѣлъ и съ такою силою исповѣдалъ даже отчаянныій Іуда? По сему-то и Господь говоритъ: «прости имъ!»

Безъ молитвы Господа, можетъ быть, природа не перенесла бы поруганія Творцу своему, и враги Его, подобно врагамъ Моисея и Аарона (Числ. 16, 32), были бы пожерты землею, которая съ трепетомъ держалана себѣ Его крестъ.

*) 1 Кир. 2, 6—8. Тоже самое повторяли и апостолы, проповѣдя своимъ соотечественникамъ Христа, ими распятаго: «я знаю, что вы, такъ какъ и начальники ваши, сдѣлали сіе по неѣдѣнію (Дѣян. 3, 17).

ИСУСЬ НА КРЕСТЬ.

(Распятіе двухъ разбойниковъ.—Особая надпись на крестѣ Иисусовомъ и неудовольствіе на нее первосвященниковъ.—Раздѣлъ одежды между воинами.—Насмѣшки надъ Иисусомъ черни, первосвященниковъ, воиновъ, разбойника.—Покаянная молитва разбойника благоразумнаго.—Отвѣтъ на нее.—Помраченіе солнца.—Усыновленіе Иоанна Богоматери.—Послѣднія страданія и послѣднія слова Иисуса Христа на крестѣ.—Его смерть.—Она не была ускорена сверхъ-естественно.)

Послѣ Иисуса Христа распяли и двухъ преступниковъ, одного по правую, а другаго по лѣвую сторону. Такое положеніе дано имъ съ намѣреніемъ, дабы Святый Святыхъ и на крестѣ представился какъ бы преступнѣйшимъ изъ злодѣевъ. Діаволъ, по замѣчанію св. Златоуста, хотѣлъ чрезъ сіе помрачить славу Господа: по самъ не зналъ, увеличилъ онуу; потому, что чрезъ сіе самое исполнилось одно изъ пророчествъ, о томъ, что Иисусъ Христосъ будеть *вмѣненіемъ съ беззаконными* (Исаи. 53, 12).

По совершенніи казни, надъ главами распятыхъ, по обыкновенію, прибиты были выбѣленныя дощечки, на коихъ изображалось ихъ имя и преступленіе. Въ надписяхъ разбойниковъ не было никакого отступленія отъ обыкновенной формы. Но надъ главою Господа вмѣсто изъясненія вины, сверхъ чаянія, увидѣли слѣдующія двусмысленные слова: «Иисусъ Назорянинъ,

царь іудейскій*) При томъ надпись сія была не на одномъ латинскомъ или иноземномъ языкѣ, какъ обыкновенно дѣлалось: а на всѣхъ, употребительнѣйшихъ тогда, языкахъ, то есть, латинскомъ, греческомъ и іудейскомъ. Такъ поступлено было съ особеннымъ памѣреніемъ, по приказанію самого Пилата. Слова надписи выражали тоже самое обвиненіе, по которому Иисусъ Христосъ осужденъ на смерть: присвоеніе достоинства царя іудейскаго; только оставалось перѣшепнымъ: законно или незаконно присвоилъ Онъ себѣ сіе достоинство, признали Его іудеи своимъ царемъ, или не признавали? Судя по надписи, каждый гораздо скорѣе могъ подумать, что это дѣйствительный царь іудейскій, коего подданные не могли защитить отъ римлянъ, или который измѣннически оставленъ имп. Три языка въ надписи употреблены Пилатомъ потому, что чужестранцы и многіе изъ іудеевъ, пришедшихъ на праздникъ изъ отдаленныхъ странъ, худо разумѣли тогдашній языкъ еврейскій. Притомъ, такая торжественность еще болѣе располагала думать, что Распятый есть важное политическое лицо **); а сіѣд. подвергала

*) Иоан. 19, 19. По Матѳю: *сей есть Иисусъ царь іудейскій*, по Марку: *царь іудейскій*, по Лукѣ: *сей есть царь іудейскій*. Первые три евангелиста, вѣроятно, означали только сущность надписи; а Иоанъ, какъ очевидецъ, передалъ самыя слова: или можетъ быть, не одни и тѣ же слова употреблены были на латинскомъ, греческомъ и еврейскомъ; и одинъ евангелистъ взять ихъ съ одного, другой съ другаго языка. V. Reycheri Dissert. de titulis Christi, сине affixi; in Thesauro Dissert. tom. 2 p. 241.

**) Такъ римскіе воины, по свидѣтельству Юлія Капитолина, на гробницѣ Гордіана, погребеннаго на границахъ Персіи, сдѣлали

гордый сипедріонъ еще большему осмѣялію. «Вотъ какъ, могли говоритьъ, поступаютъ съ царями іудейскими! вотъ какого Мессію ожидаютъ іудеи! — Какъ они безразсудны, слѣпы!»...

Первосвященники тотчасъ проникли цѣль надписи, и поспѣшили къ Пилату съ просьбою, чтобы онъ перемѣнилъ ее. «Не надобно, говорили они, писать: *царь іудейский*, а написать, какъ Онъ говоритъ: *Я царь іудейский*. Пусть, то есть, каждый знаетъ, что мы не призывали Его царемъ, а только Онъ самъ выдавалъ себя за Мессію».

«Что я написалъ, то написалъ», былъ отвѣтъ прокуратора; и первосвященники со стыдомъ и досадою возвратились на Голгоѳу, чтобы вознаградить свое безчестіе клеветою и насмѣшками.

Явно, что Пилатъ составленіемъ надписи, тѣмъ паче отказомъ въ перемѣнѣ ея, желалъ досадить и отмстить первосвященникамъ. Между тѣмъ, по замѣчанію отцевъ Церкви, судія римскій, и въ семъ случаѣ, самъ не зная, служилъ орудіемъ распоряженій высшихъ. Пилатъ, разсуждаетъ блаженный Августинъ, что написалъ, то написалъ; поелику Господь, что сказалъ, то сказалъ. Онъ сказалъ: «Я царь, поставленный надъ Сіономъ — горою святою» (Псал. 2, 3), сказалъ, что Ему должно пострадать, дабы *войти въ славу свою*; и вотъ, пригвоздивши Его ко кресту симъ самимъ, такъ сказать, возвели Его на престолъ; оставалось провозгласить новаго Царя; и Пилатъ-язычникъ посредствомъ трехъ-язычной надписи торжественно провозглашаетъ Его, вопреки властямъ іудейскимъ, въ слухъ всѣхъ народовъ: пророческій символъ событій, имѣвшихъ вско-

рѣ послѣдовати! Народъ іудейскій, продолжая отвергать иго царства Христова, видѣль и дссель — къ посрамлению своему — видѣть, какъ народы языческіе, однѣ за другимъ, признаютъ распятаго Иисуса своимъ Царемъ, Спасителемъ и Господомъ».

Особенная надпись, сдѣланная па крестъ Иисуса Христа, по замѣчанію Златоуста, послужила впослѣдствіи и къ отлучкѣ его отъ другихъ крестовъ, съ коими онъ былъ зарытъ въ землю, — когда матерь Константина Великаго, св. Елена, рѣшилась обрѣсти живопосное древо *).

Окончивъ распятіе, воины тотчасъ занялись раздѣломъ между собою одѣжды распятыхъ, которая, по закону, становилась ихъ собственностью **). Верхнюю одѣжду и прочее одѣяніе Иисуса Христа они раздѣлили между собою па четыре доли (Іоан. 19, 23), раздирая по частямъ то, что не могло принадлежать одному: по хитона, или нижней одѣжды, пельзя было раздѣлить, нельзя было даже разодрать; потому что онъ не былъ сшитъ, а весь тканый, сверху до пизу ***). Видя это, равно какъ и доброту хитона, воины рѣшились, не раздирая, бросить о немъ жребій, кому достанется.

Обстоятельство сие, по видимому, не такъ важное, становится весьма значительнымъ, когда узнаемъ, что

*) Hom. in Johan. 82. al. 83.

**) Senec. de tranquil. L. 1. Wetstenius. ad Matth. 27, 36.

***) Тканіемъ такихъ хитоновъ особенно славились египтяне. П. род. L. 2. Раличныя инѣнія о составѣ хитона Христова можно видѣть у Свицера in Thesauro Eccles. tom. 2 р. 1521. Wofius in curia.

чрезъ сіе исполнилось также одно изъ древнѣйшихъ пророчествъ о Мессіи. Св. Давидъ, какъ прообразъ своего великаго Потомка по плоти, описывая свои бѣдствія, говоритьъ, что одежды его были раздѣлены врагами, и о хитонѣ его метали жребій (Псал. 21 19). Что къ состоянію Давида могло идти только въ несобственномъ смыслѣ, какъ прообразъ будущаго, потому что о хитонѣ Давида никогда и никому не доставалось метать жребія, — то самое падѣ Иисусомъ Христомъ совершилось теперь во всей дѣйствительности. Съ такою точностью Промыслъ благоволилъ изобразить за нѣсколько вѣковъ самыя малыя черты страданій Христовыхъ! И если когда, то напаче при крестѣ, должно имѣть въ виду всѣ ветхозавѣтныя пророчества; ибо въ немъ, какъ средоточіи, сами собою сходятся всѣ разсѣянные лучи созерцаній пророческихъ; между тѣмъ сіеніе сего свѣта совершенно разгоняетъ мракъ, окружающій крестъ Иисусовъ, показывая, что онъ во всѣхъ подробностяхъ своихъ былъ дѣломъ не буйства человѣческаго, а премудрости Божіей.

Изъ раздѣла одежды Иисуса Христа между прочимъ видно, что она была полна и пурпурна, и что между вещами, Ему принадлежавшими, не было ни одной, которая бы не стоила чего либо. Тканый хитонъ показываетъ даже избыточъ и изящество и, какъ повѣствуетъ преданіе, былъ плодъ трудовъ Его Матери. Если сравнить одѣяніе Иисуса Христа съ сурою, пустынническою одеждой Иоанна Крестителя, то усматривается значительная противоположность, которая простиралась и на весь виѣшній образъ жизни Иисуса и Его Предтечи.

По окончании раздѣла одежды, воины оставались у креста для стражи, которая *) приставлялась къ распятymъ, дабы тѣла ихъ не были преждевременно сняты родственниками или знакомыми для погребенія; и теперь была тѣмъ нужнѣе, что отъ толпы стекавшагося народа могли происходить беспорядки.

Когда распинали Господа, враги Его, повидимому, не издѣвались надъ Нимъ. Народъ также стоялъ только и смотрѣлъ (Лук. 23, 35). Появленіе надписи надъ главою Его послужило какъ бы знакомъ къ всеобщимъ насмѣшкамъ.

Толпа народа, всегда буйная, читая надпись, кивала головою и кричала: «уа, тридневный возстановитель храма! Уа, царь Израилевъ! — Что же Ты медлишь спасти себя? Вотъ какой Ты Сынъ Божій, что не можешь сойти со креста (Мар. 15, 29)!»

Первосвященники и старѣйшины не только не препятствовали черни издѣваться падъ умирающимъ Господомъ, но и сами всячески попосили и злословили Его. Насмѣшки и поруганія оставались единственнымъ средствомъ, которое имъ можно было противопоставить хитрости Пилата, хотѣвшаго осмѣять ихъ посредствомъ надписей. Между тѣмъ у первосвященниковъ лежало на сердцѣ еще нечто, гораздо важнѣе надписи, что побуждало ихъ участвовать въ самыхъ низкихъ насмѣшкахъ. Теперь всѣмъ сдѣлалось известнымъ, что они — единственою причиной столь ужасной казни для Иису-

---

*) Petron. Satyr. 389. Adest miles, qui cruces servabat, ne quis ad sepulturam corpora detraheret. Lipsius de cruce. 2. 16.

са и что Пилатъ долго не хотѣлъ осуждать Его. И такъ надлежало дать предъ народомъ какъ бы отчетъ въ своемъ злодѣяпіи и настроить общественное мнѣніе такъ, чтобы чужеземные іудеи, стекшіеся со всего свѣта на праздникъ, не разнесли потомъ всюду извѣстія, что синедріонъ, удовлетворяя своему честолюбію, предалъ попосной смерти праведника, едва ли даже не Мессію. Для такой цѣли поруганія и насмѣшки казались самымъ лучшимъ средствомъ: ибо опытъ доказываетъ, что самые лучшіе люди теряютъ весьма много уваженія, когда по какому либо случаю подвергаются осмѣянію.

Лицемѣры, по обыкновенію, прияли видъ усерднѣйшихъ служителей Бога Израилева, строжайшихъ ревнителей закона, и обращаясь къ пароду, говорили:

«Смотрите, другихъ спасать, а себя не можетъ спасти! Напрасно ли мы увѣряли васъ, что отъ сего человѣка нельзя ожидать ничего доброго? Что другъ мытарей и грѣшниковъ, рано или поздно, займетъ мѣсто посреди злодѣевъ? — Что оскверненіе субботы не останется бѣзъ небеснаго мѣщепія? Намъ не вѣрпли; думали, что Онъ святъ; вотъ теперь самое дѣло показало, мы ли говорили правду, или Онъ! — Кто не ожидаетъ Мессіи? Мы жизнь свою отдали бы за Его пришествіе. Но ужели мы обязаны вѣровать въ Мессію на крестѣ? И много ли нужно доказательствъ? Если Онъ дѣйствительно царь Израилевъ, пусть сойдетъ сейчасъ со креста, и мы сей же часъ увѣруемъ въ Него (Мар. 15, 32).»

«Въ самомъ дѣлѣ,—издѣвались прочіе старѣшины,—это совсѣмъ не царскій престолъ. Теперь видно,

каковъ Онъ Сынъ Божій и каковы Его чудеса. Оставилъ ли бы Отецъ собственаго Сына въ такомъ положеніи? Онъ уповалъ на Бога, пусть же теперь избавить Его Богъ, если Онъ угоденъ Ему (Мат. 27, 39 — 43; Мар. 15, 29 — 32; Лук. 23, 35)».

Послѣднія насмѣшки суть тѣ же самыя, которыя Давидъ въ вышеприведенномъ псалмѣ влагаетъ въ уста враговъ праведника, имъ описываемаго. Такъ вѣю по исполнялись пророчества, въ собственныхъ дѣйствіяхъ, — хотя и безъ сознанія, — тѣхъ самыхъ людей, кои исполняли оныя.

При насмѣшкахъ, безстыдно повторяяшихъ самыми властями іудейскими, не удивительно, что и грубые воины, стоявшіе на стражѣ, говорили Иисусу Христу: «если Ты царь іудейскій, то зачѣмъ не спасешь себя?» Такая насмѣшка въ устахъ римскихъ воиновъ могла быть плодомъ только самаго слѣпаго подражанія. Когда іудей кричалъ такимъ образомъ, то выраженіе: *царь Израилевъ, и для чего не спасешь себя* — у него имѣли всю связь и силу: ибо Мессія, по его мнѣнію, долженъ быть чудотворецъ, слѣдственно имѣть возможность помогать себѣ во всѣхъ случаяхъ; язычникъ, напротивъ, подъ царемъ іудейскимъ разумѣть обыкновеннаго человѣка, — изъ чего никакъ не слѣдовало, чтобы онъ могъ сойти самъ собою со креста. Но грубые воины ни мало не заботились о смыслѣ словъ своихъ, довольствуясь тѣмъ, чтобы повторять слышанное отъ другихъ.

Св. Лука упоминаетъ еще (Лук. 23, 36), что воины подносили Иисусу Христу кислое питье, безъ сомнѣнія, то самое, которымъ они имѣли обыкновеніе утѣшать свою жажду, находясь подъ открытымъ небомъ,

среди жаркаго полдня. Значитъ, между насмѣшками они не забывали и сострадательности къ распятymъ, кои отъ мученій еще болѣе ихъ должны были чувствовать жажду: обыкновенное сочетаніе въ грубыхъ людяхъ доброго съ худымъ, человѣчества съ звѣрствомъ.

Молчанія по крайней мѣрѣ надлежало ожидать отъ тѣхъ несчастныхъ, кои сами висѣли на крестахъ. Но и изъ цихъ одинъ, по свидѣтельству евангелистовъ, злословилъ Иисуса, требуя, чтобы Онъ, какъ Мессія, спасъ и себя и ихъ. Хотѣлъ ли сей несчастный въ омраченіи разсудка, произведенномъ смирою,—только развеселить себя, участвуя въ общихъ насмѣшкахъ? Или дѣйствительно, по цевѣдѣшю, почиталъ Иисуса Христа виновнымъ и достойнымъ казни? Или даже вмѣнялъ себѣ въ честь, что участвовалъ въ возмущеніи за свободу, и думалъ пизко о томъ, кто, называя себя Мессіею, не произвелъ никакого переворота?—Во всякомъ случаѣ, видно развращенное сердце, видѣніе грѣшникъ, который хочетъ перейти пераскяяннымъ и въ другой міръ (Лук. 23, 39—43).

Тѣмъ возвышенійшій образъ мыслей обнаружился въ другомъ распятомъ *). Хула на Иисуса Христа бы-

*) Многіе, особенно изъ древнихъ (Svicer Thesaur. sub vocе *Ἄρτης*, Вупнѣ Christus Crucifixus 18, § 8), основываясь на словахъ Ев. Матея (27, 44) и Марка (15, 32), полагали, что вначалѣ оба распятые поносили Иисуса Христа, а потомъ одинъ изъ нихъ покаялся. Но такой мгновенный переходъ отъ ожесточенія къ покаянію невѣроятенъ. Съ другой стороны, всякому, занимавшемуся древнею физиологіею, известно, что у евреевъ, гр. ковъ и

ла для него пестернимъе креста. «Ужели въ тебѣ, сказаъ онъ хулившему, совершенно пѣть страха Божія, что ты издѣваешься надъ тѣмъ, что самъ терпѣши? И мы осуждены нраведно, терпимъ по дѣламъ; а Онъ, Онъ не сдѣлалъ никакого зла!»...

Слова сіи какъ бы дали ему смѣлость изъявить предъ самимъ Господомъ чувство вѣры и уваженія, таиншееся въ его сердцѣ. *«Помяни мя, Господи, егда приидешъ во царствіи Твоемъ!»*

«Аминь, глаголю тебѣ, отвѣчалъ Господь, днесъ со Мною будешъ въ раи.»

Нѣть сомнія, что понятіе кающагося разбойника о царствѣ Иисуса Христа еще не было свободно отъ всѣхъ мнѣній, съ коими оно обыкновенно соединялось въ умѣ іудея. Разбойникъ не могъ быть выше Апостоловъ, кои представляли себѣ, какъ мы видѣли, царство Иисуса Христа еще земнымъ и чувственнымъ. Посему въ словахъ разбойника надоѣно предполагать смыслъ, не превышающій его понятія. Я вѣрю, какъ

латинянъ, также, какъ и у насъ, имена нарицательныя часто полагались во множественномъ числѣ, между тѣмъ какъ ихъ надлежало разумѣть въ единственномъ (V. Gloss. phil. Sacr. p. 60, Grotius ad h. 1). «Такъ, замѣчаетъ Августинъ, и въ посланіи къ Ереямъ говорится во множественномъ. заградили уста львовъ, между тѣмъ какъ это разумѣется обѣ одномъ Давіїлѣ; или: претрпнъ быша, между тѣмъ какъ сію казнь, по предавію, претерпѣлъ одинъ Исаія.» Евангелисты тѣль паче могли въ настоящемъ случаѣ употребить множественное число вместо единственнаго, что исчислили лица, хулившія Иисуса Христа, какъ бы такъ говоря: «Его хулили мимоходящіе (Мат. 27, 39), архіереи, книжники, старцы, фарисеи (41), даже самые разбойники (44).

бы такъ опъ говорилъ Господу, что крестъ не воспрепятствуетъ Тебѣ восторжествовать надъ своими врагами: Ты воскреснешь и воскресивъ съ собою всѣхъ, ожидавшихъ Твоего пришествія, утвердишъ потомъ на землѣ царство Израилево. Не забудь тогда и о мнѣ недостойномъ; воскреси вмѣсть съ другими, и дай мѣсто въ царствѣ твоемъ!

А принимая, по необходимости, въ такомъ смыслѣ слова кающагося разбойника, нельзя не видѣть въ отвѣтѣ Господа мудраго снисхожденія къ слабымъ понятіямъ человѣческимъ. Раемъ іудеи называли одно изъ отдѣленій Шеола *), служившее, по ихъ мнѣнію, мѣстопребываніемъ душъ праведныхъ. И вотъ, Господь обѣщаетъ кающемуся пребываніе въ раю, то есть, обѣщаетъ блаженное по смерти состояніе: по не говорить ни слова о царствѣ своемъ, ибо сказать: «иши ты будешь со Мною въ царствѣ моемъ» значило-бы возвѣдти въ умѣ разбойника мысль, что въ сей же са-мый день будетъ учреждено видимое царство Мессіи.

Такимъ образомъ Божественный Учитель истины и на крестѣ продолжалъ щадить слабость людскихъ понятій, открывать истину, сколько могли вмѣщать слышащіе, взирать не только на иправильность мыслей, но и особенно на чистоту сердца и его расположеніе къ добру. Прежде, во время служенія своего, окру-

*) Мѣсто, въ коемъ, по мнѣнію древнихъ іудеевъ, находятся души людей умершихъ. Во время Иисуса Христа въ сенѣ Шеолѣ предполагалось два отдѣленія: одно для праведныхъ, называвшееся раемъ, лономъ Авраамовомъ и проч., другое для грѣшныхъ, которос называли адомъ, геенною и пр. (Лук. 16, 23).

желный чудесами, — Онъ именовалъ Себя Господомъ субботы, храма: со креста является Господомъ рабъ и ада, коему принадлежитъ всякая власть не только на землѣ, но и на небѣ. Первосвященники требовали, чтобы Онъ, оставилъ спасать другихъ, спасъ Себя самого: Господъ продолжаетъ спасать другихъ, пренебрегая собственное посрамленіе. Справедливо св. Фулленцій отвѣтъ Иисуса Христа къ кающемуся разбойнику называетъ послѣднимъ завѣщаніемъ Его ко всѣмъ кающимся грѣшникамъ, которое начертано не тростью, а крестомъ.

Торжество злорѣчія и клеветы не было продолжительно: вскорѣ, по распятіи Господа, Промыслъ начальствуетъ, что Онъ не даетъ Преподобному своему увидѣть истильніе (Дѣян. 2, 27). Среди яснаго полдня небо вдругъ покрылось мракомъ (Мат. 27, 45; Мар. 15, 36; Лук. 23, 44), какъ бы во свидѣтельство, что великое дѣло тьмы приближалось уже къ своей полуночи. Мракъ сей походилъ на солнечное затмѣніе; впрочемъ нисколько не былъ его слѣдствіемъ *),

*) Есть письмо подъ именемъ Діонисія Ареопагита, въ коемъ онъ пересказываетъ св. Поликарпу о помраченіи воздуха, бывшемъ во время распятія, и производить его отъ сверхъ-естественнаго затмѣнія солнца, утверждан, что самъ былъ свидѣтелемъ сего затмѣнія. Но письмо сіе носить на себѣ несомнѣвныя признаки своего неподлиннаго происхожденія, и не принимается многими даже изъ тѣхъ, кои стоятъ за подлинность прочихъ сочиненій, извѣстныхъ подъ именемъ Ареопагита. Оригенъ замѣчаетъ, что въ его время даже въ иѣкоторыхъ спискахъ евангелія вмѣсто *εβικοτιθη* о *ηλιος* (помрачилось солнце) читалось: *του ηλιου εκλειπουτος* (послѣдовало затмѣніе солнца). На такую первомѣну словъ

потому что пасха іудейская всегда совершалась во время полполуния, когда луна не можетъ находиться между землею и солнцемъ, отъ чего происходятъ солнечные затмѣнія. По мнѣнію Златоуста, Феофилакта и Евпімія, мракъ во время распятія Иисуса Христа происходилъ отъ сгущенія облаковъ между собою и солнцемъ, произведенного сверхъестественною силою *).

Ев. Матеѣй говоритъ, что *тьма бысть по всей земли*. Хотя выраженія сего не должно брать безъ ограничія, какъ справедливо замѣчено еще древними учителями Церкви **), потому что земля у св. писателей часто означаетъ одну какую либо страну, особенно

евангельскихъ, по его мнѣнію, отважился кто либо, полагая придать чрезъ то болѣе ясности тексту, и воображая, что тьма могла произойти единственно отъ затмѣнія солнца. (Comment in Matth. Opp. Th. 12, P. 269. Edit. Wirceb.).

*) Поелику землетрясніямъ, какъ известно, предшествуетъ не рѣдко необыкновенное помраченіе воздуха, происходящее отъ той же причины, отъ коей происходятъ землетряснія (Widerburg de obscuratione solis in passione Domini); то можно думать, что и мракъ, произшедший во время распятія Иисуса Христа, находился въ связи съ землетрясніемъ, за нимъ послѣдовавшимъ,—и что всемогущество Божіе, для достиженія своей цѣли, премудро употребило въ сеѧ случаѣ естественные силы природы. (Hartmar. Beobachtung über Orient. Th. 2 P. 197).

**) Arbitror, sicut cetera signa, quæ facta sunt in passionem ipsius, in Jeruzalem tantummodo facta sunt, sic et tenebrae tantummodo super omnem terram Judæam sunt factæ... Sic ergo qui intelligit, sine culpa intelligit, ut non magnitudinem miraculi ostendere volens, incidat in risum sapientium huius saeculi, et magis infidelitatem in hominibus operetur, quam fidem.—Orig. Comment. in Matth.

іудейскую, даже одинъ городъ *); впрочемъ нѣтъ никакой причины ограничивать помраченія воздуха одною Палестиною. Оно, сеъ сомнѣнія, простиравлось, въ большей или меньшей мѣрѣ, столь же далеко, какъ и землетрясеніе, за нимъ послѣдовавшее, которое, какъ видно изъ современныхъ свидѣтельствъ, чувствуемо было въ большей части Азіи, Африки и Европы.

Замѣчательно, что древніе іудейскіе писатели, кои въ своихъ сочиненіяхъ обыкновенно или отвергаютъ или превращаютъ чудеса евангельскія, ничего не говорятьъ вопреки повѣствованію о помраченіи солнца во время страданій Христовыхъ **). Замѣчательно также, что языческій историкъ Флегонть, коего слова приводятся Евсевіемъ, Оригеномъ и Юліемъ Африканскимъ ***), такъ согласенъ съ евангелістами въ описаніи одного необыкновенного помраченія солнца, случившагося въ царствованіе Тиверія, что назначаетъ для него тотъ же самый часъ (шестой, или по нашему 3-й пополудни ****). Вообще надобно полагать, что собыtie сie, равно какъ и прочія чудеса, за нимъ послѣ-

*) Scheusner. Lex. N. T. sub voce: *γη. Bynæus de mort. Chr. 1. 3. c. 5. sec. 2.*

**) Hess. in *Lebensgeschichte Jesu.*

***) Euseb. Chronic. Partic. 2. Orig. contra Cels. 50. 3. 33 и 59. Julius in Octavio.

****) Флегонть жилъ въ царствованіе Адріана и былъ его отпущенникъ. Онъ написалъ много историческихъ книгъ, до насъ не дошедшихъ. Въ одной изъ нихъ, по свидѣтельству Евсевія, читалось: *quarto anno biscentesimæ et tertiae Olimpiadis magna solis detectio est facta, qua superiorem ullam nemo cognoverat, atque ita nox (hora) sexta facta est, ut stellae in cœlo visae sint.*

довавши, были тогда известны всѣмъ: паче Тертулліанъ, приводя ихъ въ доказательство божественности христіанской религіи, не ссыпался бы предъ лицемъ сената и народа римскаго на публичные архивы, гдѣ хранились описанія подобныхъ явлений *).

Необыкновенное помраченіе воздуха, послѣдовавшее за распятіемъ Господа, должно было заключить хульны уста враговъ Его и произвести въ нихъ впечатлѣніе самое мрачное. Если они не почитали сего явленія слѣдствіемъ Геевълѣчія, оказаннаго Праведнику, то, сообразно господствовавшимъ понятіямъ, не могли не видѣть въ Немъ предвѣстія общественныхъ бѣдствій, тѣмъ болѣе печальнаго и ужаснаго, что оно случилось въ день праздника, самаго свѣтлаго. Тогдашніе народы вообще вѣрили, что необыкновенныя воздушныя явленія, особенно помраченіе солица, предвѣщаютъ худое **); а іудеи тѣмъ паче держались сего мнѣнія, что пророки, предсказывая народныя бѣдствія, также нерѣдко соединяли съ пими помраченіе солица ***). Особенно тьма могла проскѣтить многихъ изъ іудеевъ, когда увидѣли, что, начавшись съ распятіемъ Иисуса Христа, она окончилась съ Его жизнью; потому что обстоятельство сіе яснѣйшимъ обра-

*) Eum mundi casum relatum in archivis vestris habetis. Apol. c. 21.

**) Plin. St. N. 2. 20. Fiunt nonnumquam prodigiosi et longiores solis defectus, quales occiso Dictatore Caesarѣ et Antoniano bello, totius anni pallore continuo. Virg. Georg. 1, 463. Sol tibi signa dabit: solem quis dicere falsum audeat? Ille enim cæcos instare tumultos, et caeter.

***) Іоил. 3, 34; Іезек. 32, 7; Амос. 8, 9; Мих. 3, 67; Исаі. 3, 10; 24, 23, 34, 4: 50, 3; 60, 19. 20.

зомъ показывало, что естественнымъ, по видимому, событіемъ управляетъ сила сверхъ-естественная, Божія, и что свѣтъ міра стихійнаго померкъ потому, что на крестъ угасалъ Свѣтъ міра духовнаго.

Для почитателей Иисуса Христа помраченіе воздуха и произведенія имъ тишина въ природѣ,—были благопріятнымъ случаемъ приблизиться ко кресту, гдѣ въ сіе время сдѣлалось покойнѣе. Таковы были, по свидѣтельству Евангелистовъ:

Всѣ знакомые Господу *). Въ частности:

Многія жены галилейскія, пришедшія на праздникъ, которыя, по замѣчанію Марка, и тогда, какъ Иисусъ былъ въ Галилѣи, ходили за Нимъ (Мар. 15, 41) и помогали Ему отъ своего имущества (Мат. 27, 55).

Саломія, жена Заведея, мать Іакова и Іоанна (Марк. 15, 40; Мат. 27, 56).

Марія Магдалина **).

*) *Παντες οι γυναικες αυτον.* Лук. 23, 49.

**) Магдала былъ небольшой городъ при Галилейскомъ морѣ, недалеко отъ Тиверіады (Lightfoot. in chorogr. Matth. praemis 76). Марія называется постоянно Магдалиною потому, что родилась, и жила въ ссѣмъ городѣ. Господь изгналъ изъ нея ссѣмъ бесовъ (Мар. 16, 9; Лук 8, 3). Признателнная къ ссѣму благодѣянію, она часто сопровождала Его, слушая бесѣды и доставляя Ему пособіе въ содержаніи (Лук. 8, 3, 4). Многіе принимали Магдалину за великую грѣшницу, которая описывается въ 7 главѣ св. Луки (V. Deyling. obser. sacr. P. 3. р. 291), или за Марію, сестру Лазареву (V. Schlegel. Lebensg. S. 394). И первое мнѣніе не основательно, а послѣднее еще болѣе (См. Синак-сарь Вел. Среды).

Марія, сестра Богоматери, матерь Клеопы (Иоан. 19, 25), Іакова и Іоссія *).

Іоаннъ, ученикъ и другъ Іисусовъ.

Матерь Господа.

Іосифъ, обрученника Богоматери, пе было, вѣроятно, не только на Голгоѳѣ, но и на землѣ. Съ того самаго времени, какъ Іисусъ Христосъ, будучи 12 лѣтъ, приходилъ съ родителями своими въ Іерусалимъ на празднинъ пасхи (Лук. 2, 58), объ Іосифѣ вовсе не упоминается въ евангеліи, хотя при иѣкоторыхъ случаяхъ весьма прилично было упомянуть о немъ, если бы онъ былъ въ живыхъ.

Учениковъ Іисусовыхъ, кромъ Іоанна, также не видно у креста: такъ, по крайней мѣрѣ, заставляетъ думать молчаніе евангелистовъ. Отсутствіе ихъ тѣмъ извинительнѣе, что самъ Господь и Учитель ихъ запретилъ имъ предаваться опасности. У Петра былъ свой крестъ: онъ плакалъ въ уединеніи...

И Лазарь не могъ явиться между врагами Іисуса, безъ явной опасности жизни. Древнєе преданіе говорить, что онъ вскорѣ по воскресніи своемъ, избѣгая преслѣдованія спіедріона, удалился въ Іудеи **).

*) Мат. 27, 56. Іакова малаго, Марк. 15, 40. Ев. Іоаннъ именуетъ Марію Клеоповою, не упоминая о томъ, чтобы она была матерью Іакова и Іоссія; Матей и Маркъ напротивъ даютъ ей послѣднее название, не упоминая о Клеопѣ. Одно ли и тоже лице имѣли въ виду евангелисты, или два? — решить трудно по причинѣ множества различныхъ показаній, кои должны вести къ разрѣшенію сего. (Conf. Schlegel. 1, с.)

**) Смот. Синаксарь Суббот. Лазар.

Съ Матерю Господа неразлучнѣе всѣхъ былъ Іоаннъ: пхъ соединяли и равная скорбь и равная любовь къ Распятому. Ученикъ по чувству сердца уже занималъ мѣсто сына для безутѣшной Матери.

Прочіе почитатели Господа все еще оставались въ пѣкоторомъ отдаленіи отъ креста (Мар. 15, 40), можетъ быть, на одной изъ возвышеностей, окружавшихъ Голгоу. Но Богоматерь, св. Іоаннъ, Марія Клеопова и Марія Магдалина, презирая страхъ и опасность, подошли такъ близко, что Господь не только могъ видѣть ихъ, но и говорить съ ними (Іоан. 19, 25). Ужасный видъ для сердца матери, какова была св. Марія! — Оружіе, предсказанное Симеономъ въ минуты Ея радости и величія (Лук. 2, 35), проникло теперь всю душу Ея. Дружелюбное сердце Іоанново также терзалось печалію. Видя своего возлюбленнаго Учителя и Друга, висящаго на крестѣ, посреди разбойниковъ, — онъ неизольно долженъ былъ вспомнить о своемъ безразсудномъ прошеніи. Теперь ясно было, что онъ совершиенно не зналъ, чего просилъ у Иисуса, когда желалъ занять мѣсто по правую Его сторону, и какъ горька чаша, которую онъ обѣщался тогда испить съ такою рѣшительностію (Мат. 20, 22).

Впрочемъ евангелисты не говорятъ, чтобы Матерь Господа и друзья Его рыдали, подобно *женамъ іерусалимскимъ*. Ихъ рыданія возмутили бы послѣднія минуты лица, нѣжно любимаго. Самая горесть ихъ была выше слезъ: кто можетъ плакать, тотъ еще не проникнутъ силою всей скорби, къ какой способно сердце человѣческое.

И для Иисуса Христа взглядъ на Матерь былъ новыи мучениемъ. Переходя непрестанно изъ одной страны въ другую для проповѣди, Онъ не могъ исполнить домашнихъ обязанностей сына: продолжалъ однакоже быть надеждою и утѣшениемъ своей Матери даже въ земномъ отишепіи. Теперь Марія оставалась Матерію уже не Иисуса, всѣми любимаго, уважаемаго, Коего страшился самъ спіедріонъ, который составлять предметъ надеждъ для всего Израиля,—а Иисуса, всѣми оставленнаго, поруганнаго, окончившаго жизнь на Голгоѳѣ, вмѣстѣ съ злодѣями...

Надлежало преподать какое либо утѣшепіе,—преподать однакоже такъ, чтобы оно, служа отрадою на всю жизнь, не подвергало теперь утѣшаемой насмѣшкамъ и преслѣдованію враговъ, изъ коихъ многіе находились еще у креста. Какихъ бы не позволили очи себѣ дерзостей, если бы узнали, что между ними находится Матерь Иисуса? Господь не употребилъ сего панименованія.

«Жено, сказалъ Онъ Матери, *се сынъ твой.*» Взглядъ на Иоанна объяснилъ сіи слова.

Потомъ, указуя взоромъ на Матерь, сказалъ Иоанну: *«се мата твоя»* (Іоан. 19, 26. 27).

Это значило, что послѣдняя воля Божественнаго Страдальца состоять въ томъ, чтобы Матерь и ученикъ не разлучались между собою и послѣ Его смерти, какъ соединились теперь у Его креста; чтобы Иоанъ принялъ на себя обязанность сына, а св. Марія оказывала ему любовь матерью. Ученикъ во всей точности исполнилъ волю умирающаго Учителя и друга; и *съ сего самаго часа*, какъ свидѣтельствуетъ въ сво-

емъ евангелии, принялъ Богоматерь въ домъ свой, доставлялъ Ей все нужное для жизни и до самой кончины Ея, какъ говорить предаціе, оставался въ отношеніи къ ней, какъ сынъ. Для св. Иоанна тѣмъ удобнѣе было принять въ свое семейство Богоматерь, что домъ его былъ богатъ и благоустроенъ *). Между тѣмъ ученики Иисусовы, оставивъ всѣ стяжанія, дабы послѣдовать за Нимъ, не теряли чрезъ сіе правъ собственности и, когда можно было, возвращались въ свои дома, дабы заниматься ихъ благоустройствомъ. И для Саломіи, матери Иоанновой, усыновленіе сына ея Матери Иисусовой не могло не быть весьма пріятнымъ. Ибо, хотя она имѣла предразсудки въ разсужденіи земнаго царства Мессіи (кто не имѣть ихъ?) и получила отъ Иисуса Христа, какъ мы видѣли, отказъ и упрекъ за прошеніе о невозможномъ (Мат. 20, 20. 22): впрочемъ и сама не перемѣнилась въ своемъ расположеніи къ Нему, и теперь, презрѣвъ опасность, стояла на Голгоѳѣ, желая быть свидѣтельницей послѣднихъ минутъ Его.

Усыновленіе св. Иоанна служить новымъ доказательствомъ, что св. Іосифа не было уже въ живыхъ, и что братья Иисусовы, о коихъ упоминается въ евангелии (Іоан. 7, 5), не были Его родные братья, какъ думали иѣкоторые еретики.

При снятіи со креста и погребеніи Иисуса о Богоматери евангелисты уже не упоминаютъ, хотя слова говорить о прочихъ женахъ, нами исчисленныхъ. Огюста

*; Мар. 1, 20; Мат. 27. 58. 56. Слич. Мар. 15, 41; Лук. 8, 3. Іоан. 18, 15.

заключаютъ, что Богоматерь удалилась съ Голгоѳы еще до смерти Господа, вскорѣ послѣ того, какъ послѣдовало усыновленіе Іоанна. Можетъ быть, самъ Господь далъ знакъ ученику удалить Матерь. При всей крѣности духа и преданности Ея въ волю Промысла, кондовольно засвидѣтельствованы присутствiемъ Ея на Голготѣ и приближенiемъ ко кресту, материне сердце могло не перенести послѣдней борьбы жизни со смертю, которая предстояла Богочеловѣку. Съ Богоматерью должна была быть удалиться и Іоаннъ, коего присутствiе для Ней было такъ нужно. Впрочемъ опять опять явится на Голготѣ и, кажется, предъ самою смертю своего Божественнаго друга; ибо, описывая въ своемъ евангелии послѣднiя минуты Его, какъ очевидецъ, и пополняя въ семъ отношенiи прочихъ евангелистовъ, онъ за усыновленiемъ непосредственно повѣствуетъ о жаждѣ Господа.

Преподавая утѣш піе другимъ, Господь самъ имѣлъ велчайшую нужду въ утѣшени. Со времени распятiя протекло около трехъ часовъ (Мат. 27, 46): боль стѣрапъ, тягость въ головѣ, томление въ сердцѣ, пламень во всей внутренности усилились до высочайшей степени. Никогда пророчества не исполнялись съ такою силою, какъ теперь исполнялись на Немъ слова св. Давида о Мессии: «излихся, яко вода, и разсыпашася вся кости мои, сердце мое бысть яко воскъ, таїй посрѣдъ чрева моего; изсне яко скудель крѣпость мои, и языки мои прилип гортани моему, и сѣ перстъ смерти свѣль ми. Ископаша руцъ мои и позъ мои; исчистоша вси кости мои. Обыдоша мя пси мнози; смотряша и презрьша мя» (Псал. 21, 15).

Божественный Страдалецъ, въроатно, самъ остановилъ мыслю на семъ пророчествѣ... Чувство спы пстоща-лось вмѣстѣ съ жизнью... Угасающій взоръ все еще стремился къ и бу; но опо было мрачно, — ни одного луча свѣта, ни одного утѣшенія. . Правосудный Отецъ какъ будто оставилъ Сына, страждущаго за грѣхи людей... Мысль сія довершила мѣру страданій, и безъ того ужасныхъ: человѣческая природа изнемогла...

«*Елоі, Елоі, **»—воскликнулъ Божественный Страдалецъ,—*лама савахвани!*» (Боже мой, Боже мой, вскую Мя еси оставилъ!)

Отвѣта не было... Онъ заключался въ нашихъ грѣхахъ: Господь, по замѣчанію св. Кирилла, для того вопросилъ Отца, дабы мы вопросили самихъ себя и познали свои грѣхи. «Ибо, продолжаетъ священномученикъ, для чего съставленъ Господь? Дабы намъ не быть оставленными Богомъ; оставленъ для искупленія насть отъ грѣховъ и вѣчной смерти; оставленъ для показанія величайшей любви къ роду человѣческому; оставленъ для доказательства правосудія и милосердія Божія, для привлечепія нашего сердца къ Нему, для примѣра всѣмъ страдальцамъ» **).

*) Мар. 15, 34. По Матею: *Илі, Илі*; но Марково произно-шеніе ближе подходитъ къ галилейскому нарѣчію. *Елоі*, образовалось изъ халдейскаго *Елоді*. Чисто на древнемъ еврейскомъ надлежало бы сказать Ели. Равнымъ образомъ *Савахвани* произошло изъ халдейскаго *шебактани*, а по еврейски было бы *азабтани*. Изъ сего видно, что языкъ, коимъ говорилъ Иисусъ Христосъ, былъ тотъ же самый, коимъ говорили юдеи, т. е. соединеніе древняго еврейскаго съ сиро-халдейскимъ.

**) *Tract. de Passione.*

Это единственное толкование жалобной молитвы Иисуса, которое надобно знать и всегда памятовать Его послѣдователямъ *). Полный смыслъ сей молитвы есть и долженъ быть для насъ тайною... Впрочемъ въ ней не видно никакого сомнѣнія, или огорченія **). Уже повтореніе словъ: *Боже мой, Боже мой*,—оказываетъ противное. Видна только жалоба на тяжесть мученій и внѣшнихъ, а еще болѣе внутреннихъ, а особенно на видимое какъ бы затменіе Божественного единства Его со Отцемъ, которое замѣяло доселѣ всѣ утѣшенія, и теперь, сокрывшись, составило послѣдній предѣлъ внутреннихъ страданій и верхъ креста; то есть, видно такое чувство, которое столь же свойственно человѣчеству, сколько Божеству прилично безстрастіе.

Молитвенное восклицаніе Господа для враговъ Его послужило новымъ поводомъ къ насмѣшкамъ. Изверги притворились ненон явшими Его словъ, и, основываясь на нѣкоторомъ сходствѣ звуковъ Елоагъ съ напменованіемъ Иліи ***), давали имъ такой смыслъ, какъ бы они обращены были къ сему пророку: „смотрите, кричали одинъ другому, Онъ зоветъ Илію на помощь“, то есть смотрите, какъ Онъ, и умирая, продолжаетъ представ-

*) Lettre sur la Plainte du Sauveur sur la croix; въ Journ. littéraire d'Allemagne. t. I. p. 2. Так же Lettres sur l'explication de la Plainte de J. C. sur la croix въ Bibliothèque Raisonnée t. 80. lp. 1. Art. 2.

**) Нѣкоторые (Calvin et al.) допускали, что Иисусъ Христосъ долженъ быть испытать и сіи душевные недуги, какъ съѣдствіе грѣховъ, Имъ на себя принятыхъ.

***) Илія на древнемъ еврейскомъ: *Еліау*.

лять лице Мессіи: ибо всѣ вѣрихи, что Илія вмѣстѣ съ другими пророками долженъ явиться предъ появлениемъ Мессіи и быть Его предтечою *) и слугою; вѣрили также, что сей пророкъ является иногда для по-дашія помощи тѣмъ, кои его призываютъ **).

Къ прочимъ мученіямъ Господа присоединилась та-перь еще смертельная жажда, слѣдствіе великой потери крови,— предвѣстница въ распятыхъ близкой смерти ***). Изнемогая отъ сего новаго мученія, Божествен-пій Страдалецъ воскликнулъ: «жажду!».

Жалобный вопль сей, прорицанный и предсказанный также пророкомъ (Исал. 69, 22), тронулъ одного изъ воиновъ. Онь тотчасъ напоилъ уксусомъ губку и, воткнувъ на иссоповую трость, приложилъ се къ устамъ Иисуса... Сотникъ не препятствовалъ человѣко-любію подчиненнаго, будучи готовъ позволить и болѣе, потому что распятый Праведникъ часть отъ часу болѣе возбуждалъ его вниманіе и уваженіе.

Но враги Иисуса и здѣсь показали безчеловѣчіе. «Ост-ставь Его, кричали съ досадою воину, Онь надѣется на Илію; такъ посмотримъ, придетъ ли Илія снять Его со креста.» Даже самъ воинъ, нацаявшій Иисуса Христа, какъ бы опасаясь показаться слишкомъ человѣко-любивымъ, говорилъ: «что за нужда; можетъ быть, Илія замедлитъ прийти.»

Вкусивъ нѣсколько прохладительнаго питія, Господь

*) Мат. 16, 14. Conf. Berthold. Christologia Judaeorum § 15.

**) Rosenmull et Lightfoot ad Matth. 27, 45—49.

***) «Solent, qui crucis supplicio moriuntur, siti vehementer iscruciari.» Gruner in dissert. de morte Jesu Christi.

паки воскликнуль громко: „*совершишиася!*“ Это быль послѣдній предѣль и судебъ Божіихъ, кои исполнялись теперь надъ Ходатаемъ Бога и человѣковъ, и самыхъ страданій Его; ибо пречистое тѣло Его, для коего страданія, по самому совершенству его, были несказанно мучительны, уже готово было разлучиться съ душою. Возведши взоръ къ небу, Іисусъ сказалъ: „Огче, въ руки твои предаю духъ Мой!“... При сихъ божественныхъ словахъ глава Его преклонилась (какъ обыкновенно бываетъ съ умпрающими), и Онъ *иступтиль духъ* (Іоан. 19, 30; Лук. 23, 46)...

Такъ окончилась жизнь, коей подобной другой не было и не будетъ на землѣ!

Все, сказанное Господомъ предъ своею смертію, показываетъ, что мысль Его въ сіи рѣшительныя минуты была заключена въ словѣ Божіемъ. При первой борьбѣ, которую Онъ, какъ второй Адамъ, долженъ быль выдержать въ пустынѣ, при началѣ служенія своего, слово Божіе было для Него единственнымъ щитомъ противъ разжегшихъ стрѣль сатаны (Мат. 4, 1—10). И теперь, въ послѣдней борьбѣ съ немощами природы человѣческой, съ болѣзнями тѣла и духа, Господь обращается за утѣшениемъ къ тому же слову Божію. Въ немъ, какъ на чертежѣ своей жизни и служенія, видѣть настоящее, прошедшее и будущее; видѣть, что осталось еще претерпѣть для блага человѣчества, видѣть наконецъ исполненіе всѣхъ великихъ судебъ Божіихъ, и какъ побѣдитель, который *истопталъ точило яности Божіей* (Ісаі. 63, 2) восклицаетъ: „*совершишиася!*“ Нужно ли напоминать о томъ, какъ многозначительно сіе восклицаніе!—Цѣлая исторія рода человѣ-

ческаго должна служить его изъясненіемъ; по одва-
только вѣчность раскроетъ вполнѣ то, что соверши-
лось теперь на маломъ холмѣ Голгѣскомъ. Ап. Па-
велъ говоритъ, что на крестѣ расторгнуто рукопи-
аніе грѣховъ человѣческихъ (Кол. 2, 13. 14): оно рас-
торгнуто въ ту самую минуту, какъ Господь изрѣкъ:
«совершишася!»

При всей лютости страданій, при всемъ униже-
ніи, Сынъ человѣческій до самой послѣдней минуты
является съ полнымъ сознаніемъ своего Божественнаго
достоинства и великаго предназначенія. Послѣдній
взоръ Его устремленъ къ небу, послѣдній гласъ Его
обращенъ къ Отцу!—Мы видимъ всемогущаго Послан-
ника Божія, у котораго, такъ Онъ самъ сказалъ, ни-
кто не можетъ взять жизни противъ Его воли (Іоан. 10, 18). Посему, если Онъ предаетъ ее теперь, то
предаетъ самъ добровольно,—не прежде, какъ по ис-
полненіи своего великаго дѣла, — предаетъ не ангелу
смерти, а *Отцу*, который далъ Ему *имьть животъ въ*
самомъ Себѣ (Іоан. 5, 26)...

Впрочемъ, мнѣніе *), что смерть Богочеловѣка на
крестѣ ускорена сверхъестественнымъ дѣйствіемъ бо-
жественнымъ, дабы тѣло Его, имѣющее воскреснуть,
не подверглось перебіенію голепей, не можетъ быть
принято, хотя оно предположено еще древними учите-
лями Церкви **) и подтверждается, по видимому, не-

*) Kiesling. *de causis acceleratae J. C. in cruce mortis non more humanis, sed potius divinis.* 1767.

**) Cypr. *ad Demetr. cruci affixus, praevento carnisicis officio, spiritum sponte dimisit.*—Aug. L. 4 de Trinit. c. 13. Christ. Nie-

которыми обстоятельствами самой исторіи евангельской (непродолжительнымъ пребываніемъ Господа на крестѣ, удивленіемъ Пилата, что Онъ скоро умеръ, и сотника, что смерть Его послѣдовала вдругъ за громкими восклицаніями и проч.). Достойно ли это мыѣніе Божественнаго Страдальца? Мы видѣли, какъ Онь решительно отрекся всѣхъ сверхъ-естественныхъ средствъ къ своему защищенію: можно ли послѣ сего думать, что Имъ употреблено было сверхъ-естественное средство для сокращенія своихъ страданій? Чтобы вытѣреній крестъ Его остался, такъ сказать, недоконченнымъ? Нѣтъ! Кто училъ другихъ, что *претерпѣвши до конца спасеніе будетъ*, Тотъ самъ, безъ сомнѣнія, терпѣвъ до конца: подвигоположникъ не можетъ быть ниже подвижниковъ. Всѣдь спасенія нашего явился совершеннымъ посредствомъ страданій (Евр. 2, 10): посему, сокращая страданія, мы какъ бы сократимъ Его совершенства.

И не довольно ли естественныхъ причинъ, кои могли ускорить на крестѣ смерть Богочеловѣка? Бичеваніе одно, какъ мы замѣтили, нерѣдко оканчивало смертію бичуемаго. Удивительно ли, что не продолжалась жизнь Того, Кто, кроме бичеванія, претерпѣвъ столь много другихъ мученій, Кто еще въ саду Гефсиманскомъ былъ изнуренъ кровавымъ потомъ до того, что имѣлъ нужду въ апгелѣ укрѣпляющемъ, а на пу-

ти въ Голгоѳѣ, подъ тяжестю креста, ослабѣль столько, что самые безчеловѣчные враги примѣтили опасность, въ коей находились Его жизнѣ?—Если крестъ ни гдѣ не скроетъ умерщвляль, то должно помнить, кого опять не скоро умерщвляль, и кто были люди, коихъ распинали на крестахъ. Громкія восклицанія распятыхъ не только не показываютъ избытка жизнепылыхъ силъ, но, по замѣчанію искусѣйшихъ физіологовъ *), суть несомнѣнныя признаки наступающей смерти.

Распятые вмѣстѣ съ Господомъ должны бы и оставаться въ живыхъ долѣе, кромѣ малыхъ другихъ причинъ, уже потому, что не были подвергнуты бичеванію.

---

*) Grunerus, filius, in *Dissert. de J. morte vera, non syncopatica.* 1805 p. 34. *Quibus cor ex nimia sanguinis conjectione* *anxietate ac palpitatione pressum, quibus suffocatio in propinquuo* *est, prae dolore summo, hand raro, magna voce clamitare solent.* Grun. p. 37.

ВЗГЛЯДЪ НА ПОКАЯВШАГОСЯ НА КРЕСТЬ РАЗБОЙНИКА.

На трогательномъ поступкѣ разбойника, кающагося и проповѣдующаго со креста покаяніе, охотно останавливается взоръ и успокаивается сердце, страждущее отъ печального зрѣлища страстей и буйнаго перазумія безчеловѣчныхъ враговъ Іисусовыхъ. Ипостась Христосъ—въ глубочайшемъ уничиженіи: Онъ поруганъ, оклеветанъ, пригвожденъ ко кресту, оставленъ даже тѣмъ, кои были свидѣтелями великихъ дѣлъ Его—самые ученики и сродники съ тѣшетомъ взираютъ на крестъ Его—знаменіе проклятія и гнѣва Божія; и вотъ, въ сіи ужасныя мишути, распятый одесную Его преступникъ возносится мыслю превыше всѣхъ соблазновъ, окружающихъ крестъ Іисусовъ, находитъ болѣе величія въ уничиженіи Праведника, нежели въ постыдномъ торжествѣ первосвященниковъ; въ слухъ всѣхъ исправѣдуетъ Его невинность и свое окаянство. Мало сего: вѣра кающагося проникаетъ за предѣлы всего видимаго: Того, который, подобно ему, терпитъ мученія, находится близъ смерти, онъ признаетъ Господомъ неба и земли, Владыкою рая и ада; не впадить болѣе креста Іисусова; зритъ одно Его вѣчное царство и молитъ даровать себѣ въ немъ мѣсто!... Такая вѣра есть подлинно вѣра въ распятаго Іисуса!...

Какъ не спросить при семъ: откуда такое величіе духа и такое достоинство въ характерѣ *разбойника*? Кто былъ для него проповѣдникомъ и учителемъ такой мудрости *)?

Обыкновенно предполагаютъ **), что покаявшійся былъ до креста своего разбойникомъ и убійцею, въ собственномъ смыслѣ сихъ словъ: но и въ семъ случаѣ пѣтъ еще необходимости представлять характеръ его совершенію испорченіемъ. Знаемъ ли мы первый по-водѣ къ преступлѣніямъ, имъ совершеніемъ, — число ихъ и обстоятельства, при коихъ они совершиены? Какъ легко человѣку, и при нехудомъ сердцѣ, впасть иногда въ величайшіе проступки! Чего не можетъ произвести напр. въ одно мгновеніе сильный гибъ? Какихъ ужасныхъ явленій principio не бываютъ другія бурныя страсти, которая однажды совмѣщаются иногда съ похвальнымъ въ другихъ отношеніяхъ образомъ мыслей и чувствъ? До чего не въ состояніи были довести покаявшагося, между прочимъ, одни худые сообщники, каковымъ представляется другой распятый, злословившій Господа? Могло статься, что все сіи причины не имѣли вліянія на проступки распятаго: но сколько могло быть другихъ причинъ, коихъ мы не

*) Св. Кириллъ Іерусалимскій спрашиває: «какая сила прѣвѣтила тебя, о разбойникъ? Кто научилъ тебя воздать поклоненіе всѣми презрѣнному и ко кресту пригвожденному?»... Catech. 13. Такжѣ св. Левъ: «отъ какого наставника родилась сія вѣра? Какое ученіе произвело ес? Какой проповѣдникъ возвбудилъ ону въ сердцѣ?» — Serm. 2. de Passione.

**) Henckelius Dissert. de Latrone converso. 1679.

представляемъ, но конъ изъяснили бы, какъ онъ подвергся кресту, будучи способнымъ заслужить рай *)!

Впрочемъ, мы сказали уже, что покаявшійся, по всей вѣроятности, не былъ разбойникомъ въ собственномъ смыслѣ сего слова, а принадлежалъ къ числу сообщниковъ Вараввы, который не задолго предъ тѣмъ произвелъ народное возмущеніе; а посему нѣть причинъ предполагать его низкимъ грабителемъ и убійцю. «Тѣмъ хуже, скажетъ кто либо; возмутитель общественаго спокойствія стонть всякаго грабителя и убійцы». — Такъ! Но должно помнить, что власть римлянъ надъ Іудею была власть завоевателей, и при томъ беззаконныхъ, конъ дѣйствовали не оружіемъ и побѣдами, а обманомъ и хитростю. При такомъ положеніи вещей, когда притомъ секта зилотовъ и самы фарисеи проповѣдывали, что народъ Божій не долженъ находиться въ рабствѣ у язычниковъ, легко было и доброму человѣку соблазниться истиинною или ложною патріотическою ихъ ревностію, и произвестъ возмущеніе во имя самаго Моисея и Бога Израилева. Исторія іудейская, — особенно предъ разрушеніемъ Іерусалима, представляетъ не мало подобныхъ примѣровъ. Вообще, если судить о зилотахъ и сикаріяхъ, не терпѣвшихъ римскаго владычества, даже по одному описанію Флавія, то надобно предполагать въ иѣврѣйскихъ изъ нихъ весьма много похвальныхъ качествъ. Самъ ап. Павель, до обращенія въ христіанство, находился въ тѣсномъ сношениі съ зилотами; и, несмотря на чистоту своихъ намѣреній и нрава, участвовалъ сть ними въ убийствѣ

*) Niemeyer Charakteristik der Bibel.

первомуученника Стефана (Дъян. 7, 58). Примѣръ сей уже достаточно ясно показываетъ, какъ можно быть добрымъ по сердцу и, между тѣмъ, злымъ по дѣламъ! Почему же не предположить подобнаго и въ преступничь?...

Сознаніе распятаго, что онъ осужденъ справедливо, не ослабляетъ сего предположенія. Возмутивъ общество спокойствіе, сдѣлавшись виною убийствъ, онъ дѣйствительно заслужилъ казнь; но сердце его было свободно отъ паѣка ко злу, отъ того ожесточенія, которое бываетъ удѣломъ людей, долго жившихъ явными злодѣйствами, привыкшихъ не только попирать права человѣчества, но и поставлять въ томъ свое удовольствіе и честь. Напротивъ, обличеніе, сдѣланное покаявшимся своему сообщнику, обнаруживаетъ въ обличающемъ совѣсть чувствительную, сердце не чуждое страха Божія, твердо вѣрящее въ будущія по смерти награды праведныхъ и наказаніе нечестивыхъ.

Для такого человѣка пребываніе въ темницѣ не могло не имѣть полезныхъ слѣдствій. Мечты разсѣялись, совѣсть пробудилась, разсудокъ принялъ свои права; и то, что прежде казалось плодомъ благоразумія или необходимости, представилось слѣдствіемъ страсти и буйства. Зная духъ римскаго нравлѣнія, противнику римлянъ нельзя было ожидать помилованія; посему дни заключенія были вмѣстѣ днями приготовленія къ смерти: новое побужденіе къ покаянію! Одна мысль о смерти останавливаетъ многихъ на пути беззаконія: чего не можетъ произвести надъ сердцемъ грѣшника самое приближеніе смерти!— Въ сіи минуты и каменистые сердца смягчаются: удивительно ли если сердце

чувствительное сдѣлалось особенно способнымъ къ покаянію?

Съ другой стороны, съ увѣренностью можно утверждать, что покаявшійся, до своего заключенія въ темницу, былъ свидѣтелемъ иѣкоторыхъ чудесъ Иисуса Христа, можетъ быть, даже слушателемъ Его, и раздѣлять вмѣстѣ съ другими увѣренность, что человѣкъ, такъ учащій и такъ чудодѣйствующій, долженъ быть Посланникъ Божій (это первая мысль, которая сама собою рождается въ умѣ, при слышаніи словъ, произнесенныхъ имъ со креста *). Темничное уединеніе посему еще болѣе привело на память бесѣды Иисуса Христа, столь трогательныя для кающихся грѣшниковъ. «Иисусъ проповѣдувалъ свободу; но не одобрялъ возмущеній: Его свобода есть свобода истины и добродѣтели. Ахъ! если бы возможно было теперь слѣдовать сему ученію. Но крайней мѣрѣ, еще разъ услышать Божественнаго Учителя! Получить отъ Него прощеніе во грѣхахъ!» Наступаетъ часъ казни,—и раскаявшійся преступникъ внезапно видитъ себя съ Иисусомъ, узнаетъ, что ему и Пророку Галилейскому надлежитъ престерпѣть одну и ту же смерть!... Зрѣлище печальное—видѣть праведника, осужденнаго па поносную казнь, по для кающагося грѣшника иѣкоторымъ образомъ отрадное!—Для бого не отрадно умереть вмѣстѣ съ праведникомъ,

*. Иѣкоторые изъ отцевъ (Hieron in 27 Matth. Chrysost. Hom 2 de сгнсе et latrone) предполагали даже, что покаяніе разбойника было между прочимъ, слѣдствіемъ того, что онъ увидѣлъ чудесныя знаменія, какъ-то: землетрясеніе, расторжніе камней, и пр. Но знаменія сіи послѣдовали за смертью Иисуса Христа, а покаявшійся принесъ исповѣданіе прежде.

вмѣстѣ съ нимъ пройти мракъ гроба и явиться къ Судіи небесному?—И кающееся сердце еще прочное утверждается въ святыхъ чувствахъ, еще сильнѣе расположается къ Іисусу. И какъ не расположиться!—Его прокное спокойствіе и позлобіе, разительныя слова Его къ женамъ и дщерямъ іерусалимскимъ, великолѣпіе, съ коимъ отвергнуто питье, омрачающее чувства, чистѣйшія молитвы за своихъ распинателей, могли тронуть всякаго, кто имѣлъ слухъ и сердце *).

Оставалось препобѣдить одну трудность—признать за Мессію человѣка распятаго, приближающагося къ смерти. Но, поелику она препобѣждена, то мы смѣло можемъ предполагать, что покаявшійся былъ и прежде свободнѣе другихъ отъ всеобщаго предразсудка о безсмертии Мессіи, и имѣлъ какое либо понятіе о Его страданіяхъ. И почему бы нельзя было сдѣлать такого предположенія? Если исторія не слишкомъ благопріятствуетъ ему, то и не исключаетъ его совершенно **). Вскорѣ послѣ временъ Іисуса Христа, уже находимъ у іудеевъ миѣніе о двухъ Мессіяхъ, славномъ и страждущемъ, раскрытое во всѣхъ подробностяхъ ***). Законъ исторической постепенности требуетъ, чтобы начало такого образа мыслей предполагаемо было во временахъ предшествующихъ. И не имѣли ли іудеи предъ глазами множества пророчествъ, въ коихъ Мессія описывается страждущимъ и умирающимъ? ****) Что сіи

*, Феоф. и Евс. толк. на 27 Мат.

**) Kuinol Comment. in Johan. I, 29.

***) Schötgenii Hor. Hebr. et Talmud.

****) Cruger Comment. de verisimiliima oraculi Jes. 56 interpre
tandi ratione. 1809.

пророчества начали быть прилагаемы къ Мессии еще до Иисуса Христа, за сие ручается уже весь новый за- вѣтъ. Неоспоримо притомъ, что лучшіе изъ іудеевъ ожидали отъ Мессии очищенія грѣховъ народа Божія (Лук. 1, 7; 2, 30); вѣрили, что по сему самому явле- ліе Его сопряжено будетъ со многими бѣдствіями *), что даже Онъ самъ многими будетъ отвергнутъ (Лук. 2, 34). Но отъ такого образа мыслей далекъ ли переходъ бѣ мнѣнію, что Мессія для искупленія грѣховъ под- вергнется страданіямъ и смерти? Если бы даже сове- шенно никто изъ іудеевъ не ожидалъ Мессіи стражду- щаго; то одинъ Іоаннъ Креститель, изображавшій Иисуса Христа Мессіею и вмѣстѣ *Ангеломъ Божіимъ, вземлющимъ прахи мира*, могъ поселить во многихъ іудеяхъ вѣру въ Мессію страждущаго. Сія же вѣра могла возбудиться во многихъ собственными словами Иисуса Христа, который не разъ всенародно свидѣтель- ствовалъ, что Сыну человѣческому надлежитъ пострадать, *дабы войти въ славу свою*. Вообще надобно предположить, что проповѣдю Іоанна Крестителя и Иисуса Христа, предразсудокъ о земномъ царствѣ Мессіи былъ весьма ослабленъ: иначе крестъ Иисусовъ про- извелъ бы въ послѣдователяхъ Его гораздо болѣе ужаса и перемѣны, нежели сколько видимъ.

Сообразивъ все сие, не трудно представить, какимъ образомъ одинъ изъ распятыхъ съ Иисусомъ Христомъ преступниковъ вдругъ содѣлывается, по выражению от- цовъ Церкви, мученикомъ **), евангелистомъ ***)

*) Schötgenius in l. c.

**) Cyprian Epistol. ad Fabian.

***) Athanasius in Serm. in Parasceve.

и пророкомъ *). Живо чувствуя собственное недостоинство и готовясь къ смерти, онъ зритъ предъ собою вѣчность и Судію живыхъ и мертвыхъ. Видъ ужасный!—«О, если бы Праведникъ, вмѣстѣ со мною страждущій, былъ Мессія? Такъ, это точно Опъ!— Во смиреніи судъ Его взялся; Онъ, какъ овча, ведень былъ на заболеніе, какъ агнецъ, не отверзалъ усть своихъ,—Опъ, который однимъ словомъ воскрешалъ мертвыхъ!—Напрасно враги вмѣняютъ Его быть *въ трудѣ, въ язвѣ отъ Бога и въ озлобленіи*. Опъ грѣхъ наши поситъ и о пашь болѣзниуетъ; Онъ мучится за беззаконія наши: *«наказаніе мира нашего на Немъ»* (Исаі. 53, 1—40). Мысль—утѣшительная для совѣсти, уязвленной раскаяніемъ; и кающійся грѣшникъ, въ порывѣ святаго чувства, спѣшить облобызать вѣрою крестъ Того, въ коемъ опъ видѣть Искунителя и Судію: *«помяни мя, Господи, егда приидеши во царствіи Твоемъ!»*

Впрочемъ вѣра покаявшагося, во всякомъ случаѣ, достойна удивленія; и кто имѣлъ ее, тотъ достоинъ былъ войти въ рай, вмѣстѣ съ Начальникомъ и Сoverшителемъ вѣры. Пусть опъ зналъ объ учени и чудесахъ Іисуса Христа: кто же не зналъ сего изъ тѣхъ людей, кои теперь издѣваются надъ Нимъ? Пусть обстоятельства содѣйствовали его обращенію: но другой распятый развѣ не въ подобныхъ находился обстоятельствахъ? Однако же мы видимъ въ немъ человѣка нераскаянаго. Покаявшійся сдѣлалъ то, чего на его

*.) Chrysost. sermon in Parasceve.

мѣстѣ, можетъ быть, не сдѣлали бы многіе и многіе... «У него, разсуждаетъ Григорій Волынскій *), оставались только сердце и уста свободны; и онъ принесъ Богу въ даръ все, что имѣлъ: *сердцемъ упробалъ въ правду, а устами исповѣдалъ во спасеніе.*» — «Не злаю, признается блаж. Августинъ **), чего бы не доставало сей вѣрѣ: подлинно, Иисусъ Христосъ не пашель подобной въ цѣломъ народѣ іудейскомъ, даже въ цѣломъ мірѣ.» Св. Златоустъ замѣтилъ еще въ покаявшемся высокую черту любви къ ближнимъ, которая побудила его прежде пещись о спасеніи своего сообщника, а потомъ уже просить Господа и о себѣ.

Тѣмъ непростительнѣе, когда грѣшники, злоупотребляя примѣромъ покаявшагося на крестѣ разбойника, воображаютъ, что, проведши всю жизнь во грѣхахъ, они предъ самою смертію успѣютъ исправиться, и минутнымъ покаяніемъ заслужить цѣлую вѣчность блаженства. Не отвергая той утѣшительной, вытекающей изъ сущности христіанства, истины, что самое позднѣе раскаяніе, по силѣ вѣры въ заслуги Иисуспителя, можетъ быть дѣйствительно, не отвергая, говорю, сей истины, которая впрочемъ, по самому духу христіанской религіи, требуетъ многихъ ограниченій, и коє дѣйствительное событие надъ грѣшниками известно только одному Богу, — должно сказать, что примѣръ разбойника, покаявшагося на крестѣ, по самому существу своему, не менѣе способенъ возбудить страхъ, какъ и надежду. Чтобы прилагать къ себѣ сей при-

*) Moral. cap. 13.

**), Serm. de feria 3. Paschat. также L. 1 de anima et eius origine. cap. 9.

мѣръ, надобно вообразить себя находящимся въ ужасномъ положеніи покаявшагося, и между тѣмъ имѣющимъ такую вѣру, какой, по словамъ Августина, не пашлось въ цѣломъ мірѣ. Послѣ сего каждый почуетъ, чего стоитъ рай, даруемый, повидимому, за одно слово!

Подобнымъ образомъ разсуждалъ о покаявшемся на крестѣ разбойнику и св. Димитрій Ростовскій, предполагая, что онъ помилованъ, между прочимъ, за прежнія нѣкоторыя добрыя качества и дѣла его, и что посему грѣшники не должны злоупотреблять прімѣромъ сего разбойника, отлагая свое покаяніе до смерти. «*Не вси, пишетъ святитель, то (прощеніе грѣховъ) получаютъ, и не мнози, но мало и никто, ильции токмо развѣ тыи, иже въ житіи своемъ, аще и грѣшномъ, имъяху илькая добрая дѣла, достойная отъ Господа воспоминовенія и милосердія, яко же и о разбойникахъ повѣствуется: еїда бо прещистая Мати Божія съ Сыномъ своимъ и со св. Іосифомъ обручникомъ, бѣжавши отъ Прода, прѣдлѣше въ Египетъ, ильдъ въ пустынѣхъ мѣстахъ нападоша на нихъ разбойницы и хотяху отнять осла, на немъ же малая илькая своя потребная неслыху, иногда же Мати со Отрою вѣзяшеся: единъ убо отъ разбойникъ тѣхъ, видѣвъ Отрока зъло красное, и удивившися красотѣ необычной, рече: аще бы Богъ принялъ на сѧ тѣло человѣческое, не бы былъ краснѣйшій паче Отрочате сего: то рекъ, воспрети другомъ своимъ озлобити сихъ путниковъ. Той разбойникъ потомъ распяты съ Господомъ нашимъ. Се слыши ты, каковымъ подается при кончинѣ покаяніе и прощеніе!» (Соч. св. Димит. част. 2. 1818, стр. 421—2).*

ЧУДЕСНЫЯ ЗНАМЕНИЯ СЪ ИХЪ ПОСЛѢДСТВИЯМИ.

(Землетрясение и его обширность.—Раздрание завѣсы въ храмѣ и его знаменование.—Воскресение мертвыхъ.—Кто возвстали и когда?—Вырази гельность знаменій и ихъ нравственное значеніе.—Перемѣна образа мыслей объ Иисусѣ Христѣ въ неблагорасположенныхъ дотолѣ іудеяхъ.—Вѣра и исповѣданіе сотника.—Ожесточеніе первосвященниковъ.—Откуда оно и до чего простирилось?)

Доколѣ Богочеловѣкъ оставался въ живыхъ, пришла какъ бы не хотѣла возмущать послѣднихъ минутъ Его необыкновенными явленіями и страдала съ Господомъ своимъ бѣзмолвно: одно только солице, по выражению Златоуста *), не могло освѣщать позорища безчеловѣчія. Но едва Господь предалъ духъ свой въ руки Отца, открылся рядъ знаменій, которые всему миру показали, что одинъ изъ крестовъ, стоящихъ теперь на Голгоѳѣ, несравненно святѣе храма іерусалимскаго.

Первымъ знаменіемъ было **) землетрасеніе, столь

---

*) Homil. in Pass. Domini.

**) Ев. Лука слѣдуетъ другому порядку при повѣствованіи о сихъ событияхъ. Онъ говоритъ о нихъ пріѣде, нежели о смерти Иисуса Христа, и не раздѣляетъ по времени землетрясенія и прочихъ знаменій отъ помраченія солнца. Здѣсь исторія излагается по сказанію Матея и Марка, потому что а) они говорятъ раз-

сильное, что многія изъ каменныхъ скаль, коими наполнена Іудея *), разсѣлись и гробницы, въ нихъ заключавшіяся, открылись, какъ бы для принятія силы Того, Коего не могъ ограничивать его собственный гробъ... Явленія сего, пѣкоторымъ образомъ, надлежало уже ожидать послѣ необыкновеннаго помраченія воздуха, съ коимъ оно состояло, по видимому, въ связи; тѣмъ не менѣе оно служило разительнымъ свидѣтельствомъ самаго неба о невинности и божественномъ достоинствѣ распятаго Іисуса. Если Господь творить ангелами и слугами своими естественныя силы природы, то онъ, при всей ограниченности своей, суть тогда непосредственные провозвѣстники воли и славы Божіей, и смертные должны внимать вѣщанію ихъ, какъ гласу самого Бога. Только великий Правитель міра, повелѣвающій земль тягостися, могъ повелѣть ей сотрястись въ ту самую минуту, когда Іисусъ Христосъ предавалъ духъ свой.

Страшное, само по себѣ, землетрясеніе было еще страшнѣе, если подземные удары (какъ должно предполагать) послѣдовали вдругъ за смертію Іисуса Христа. Заколебавшіеся отъ землетрясенія кресты должны представлять въ это время самое разительное зрѣлище: падали могло казаться, что распятые силятся сойти съ крестовъ.

Кириллъ Іерусалимскій, спустя три вѣка, въ слухъ

дѣланіе о семъ предметѣ, b) ев. Лука часто совокупляетъ въ одно время события разновременные. August. de consens Evang. 1. 3. с. 13.

*) Strabo 4 р. 751 Michaël. in Anmerkung. ad Matth. 27. 60.

всѣхъ христіанъ іерусалимскихъ говорилъ, что на скалахъ, окружающихъ Голгоѳу, сохранились еще раз-
сѣлины, произведенные землетрясеніемъ во время страда-
ній Христовыхъ *). И Флавій разсказываетъ **) объ
одномъ землетрясеніи въ Іудеи, совпадающемъ по вре-
мени съ описываемымъ пами, которое, по словамъ его,
произвело великія опустошенія.

Непобѣдимая сила креста не остановилась на тре-
пещущей землѣ, проинкала въ храмъ іерусалимскій, и
произвела явленіе, изъ коего для имѣющихъ очи видѣть
весьма ясно открывалось, что Мессія, ожидаемый на-
родомъ іудейскимъ, уже пришелъ. Внутренняя завѣса
храма ***), отдѣлявшая святое-святыхъ отъ святилища,
внезапно расторглась теперь съ верхняго края до са-
мого низу (такъ что ковчегъ завѣта, херувимы и про-
чія св. вещи, хранившіяся во святомъ-святыхъ, коихъ
никому не позволено было видѣть подъ опасеніемъ
смерти, теперь, по необходимости, были видимы для
каждаго, находившагося въ храмѣ, священника).

*. Kathech. 13.

** De Bell. I. c. 19. § 3. 4.

***) Въ храмѣ было дѣлъ завѣсы: одна, здѣсь упоминаемая; другая, отдѣлявшая вѣнчнюю часть, или преддверіе отъ святаго. Евангелистъ не означаетъ, какая именно завѣса расторглась. Но, поелику у Моисея внутренняя завѣса постоянно называется *парохетъ*, а вѣнчная *масахъ*, и 70 толковниковъ первое слово постоянно переводили *хатапетабма*, а послѣднее *холимма*, — какое различіе въ сихъ словахъ наблюдалось и писателями іудейскими (Phil. de vit. Mos. 2. р. 667. Ioseph. Antiq. 5. 5. 4.): то нѣть сомнінія, что и у евангелиста *хатапетабма* означаетъ завѣсу внутреннюю (Conf. Bynaeus).

Чтобы вполнѣ понять внутреннее отношение сего события къ смерти Мессии, и то дѣйствіе, которое оно могло имѣть на умы іудеевъ, должно привести на память составъ храма іерусалимскаго, образъ мыслей іудеевъ о храмѣ и Мессии, и вообще духъ религіи Моисеевой.

Святое-святыхъ было послѣднею изъ трехъ частей храма, неприступною для самыхъ священниковъ, коимъ позволялось входить только во *святое* (вторую часть) и, въ миїнніи іудеевъ, означало небо, гдѣ обитаетъ самъ Богъ. Завѣса, отдѣлявшая Святое Святыхъ, состояла изъ ткани всѣхъ возможныхъ цветовъ, по сказанію Флавія *), изображала собою весь міръ, и поднималась для одного первосвященника не болѣе какъ однажды въ годъ, въ *день очищенія*, когда онъ съ кровью тельца, заклашпаго за грѣхъ всего народа, являлся самому лицу Божію (Евр. 9, 7). Надъ ковчегомъ завѣта предполагалось невидимое обитаніе Іеговы, который, какъ Царь народа еврейскаго, избранного Имъ въ особенное достояніе, открывалъ иногда съ сего мѣста волю свою. Въ семъ отдѣленіи храма вовсе не было свѣта: символъ непостижимости Іеговы, который еще Моиссю сказалъ, что человѣкъ не можетъ видѣть лица Его, не подвергаясь смерти (Исх. 33, 20). Посему-то входъ во святое-святыхъ, исключая первосвященниковъ, возвращенъ былъ всякому, подъ опасеніемъ смертной казни **).

*) Flav. Antiq. L. 3. с. 5 и 8.

**) Вообще можно полагать, что таинственное знаменование скиніи, изображенное ап. Павломъ въ посланіи къ евреямъ, предварительно было известно евреямъ хотя не вполнѣ.

Съ другой стороны, іудеи ожидали, что Мессія искупитъ народъ израильскій отъ всѣхъ грѣховъ, такъ что не нужно болѣе будеть никакихъ жертвъ (Лук. 1, 76. 77), почему, кромѣ другихъ именъ, и называли Его великимъ первосвященникомъ *). Вѣрили также, что Мессія *откроетъ лицо Іеговы*: объяснить всѣ сомнѣнія касательно религіи, установить новое, лучшее богослуженіе; что устроеніе храма при семъ или перемѣнится, или вовсе уничтожится; ибо Онъ самъ будеть *вмѣсто храма, а плоть Его вмѣсто завѣсы*.

Итакъ, раздрапная рукою самого Бога завѣса и открытое, Его невидимою силою, святосвятыхъ, являли всѣмъ, особенно священникамъ, что Богъ не благоволить болѣе *обитать во міль* (Евр. 8, 5. 6), не хочетъ уже быть читымъ такъ, какъ Его чтили до толѣ—кровью козловъ и тельцовъ (Евр. 10, 4. 5. 7), что истина, едина жертва—Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра, принесена уже на Голгоѳѣ за всій міръ; вслѣдствіе чего неприступный престолъ страшнаго Іеговы долженъ сдѣлаться престоломъ благодати, приступнымъ для всякаго (Евр. 10, 29; 7, 19. 20).

Священники, находившіеся тогда въ храмѣ на чредѣ служенія, должны были придти виѣ себя при семъ безпримѣрномъ для нихъ явленіи. Развѣтная завѣса, безъ сомнѣнія, была вскорѣ замѣнена новою, и народъ не видалъ сего явленія: по слуху о немъ не могъ остататься въ кругу однихъ служителей храма, распро-

*) Такъ называется Мессія у Філона. V. Berthold, *Christologia judaeorum, Jesu Apostolorumque aetate*. Eisenmenger.

стрился, безъ сомнінія, въ народѣ, производя благопріятное расположение въ пользу христіанства.

Что касается до способа, коимъ раздралась завѣса, то нѣть нужды допускать здѣсь особаго чуда. Когда, дѣйствіемъ всемогущества Божія, тряслась вся земля и расторгались каменныя скалы; то вмѣстѣ съ симъ тѣмъ удобиѣе могла раздраться завѣса, которая, вслѣдствіе строгаго закона о неприступности святаго-святыхъ, со всѣхъ сторонъ была плотно прикрѣплена ко входу, ею закрываемому. По свидѣтельству Іеронима *), въ евангеліи къ евреямъ (до нась подошедшемъ), было написано, что самый сводъ святаго-святыхъ, къ коему привѣшивалась завѣса, разѣлся на двѣ части. Сказаніе сіе, весьма сообразное съ обстоятельствами землетрясенія, еще болѣе объясняетъ, какъ разорвалась завѣса.

Наконецъ, дѣйствіе естественнаго, по видимому, землетрясенія простишло далѣе предѣловъ естества, какъ бы для того, чтобы иеврѣе, — іудейское ли оно или христіанское, — лишено было всѣхъ возможныхъ принципъ предполагать, что необыкновенныя знаменія сами собою стеклись и окружили крестъ Іисуса. Мы разумѣемъ воскресеніе мертвыхъ, коимъ, по свидѣтельству ев. Матея, заключился рядъ чудесныхъ знаменій голгоѳскихъ. Чѣмъ необыкновеннѣе сіе событіе, тѣмъ болѣе хотѣлось бы иѣкоторымъ знатъ его во всѣхъ подробностяхъ: но откровеніе, какъ во многихъ другихъ

---

*¹) Comment. ad Matth. 27, 51. „In Evangelio, cuius saepius mentionem fecimus, superliminare templi, infinitae magnitudinis, fractum atque divisum esse legimus.»

случаахъ, такъ и здѣсь, не удовлетворяетъ любопытству. Посему намъ остается только привести нѣсколько сказаний о семъ событии древнихъ учителей Церкви, Но прежде повторимъ слова самого евангелиста:

«П троби отверзоша сѧ, и много тѣлеса усопшихъ святыхъ воссташа: и изшедшіе изъ гробъ, по воскресеніи Его (Иисуса Христа), внидоша во святый градъ и лвиша сѧ мноозъмъ (Мат. 27, 52. 53).

Кто сіи воскресшіе, и сколько ихъ?

Изъ словъ св. Матея видно только, что ихъ было много, и что все они были—святые: а кто именно и сколько—не видно. Посему один изъ древнихъ учителей полагали, что въ сіе время воскресли многіе патріархи и пророки; особенно тѣ, кои находились въ родственномъ союзѣ съ Иисусомъ Христомъ, какъ: Авраамъ, Давидъ; или служили ирообразовашемъ Его лица, какъ Іовъ, Мелхиседекъ *) и другіе. Другіе, имѣя въ виду, что давно умершимъ (трудно быть узанными, думали **), что воскресшіе теперь святые принадлежали къ числу недавно умершихъ, каковы были Сумеонъ Богопріимецъ, Анна пророчица, Іосифъ обрученнаго и проч. Можно присовокупить къ сему, что воскресли одни тѣ, кои погребены были въ окрестностяхъ Іерусалима; ибо древнѣйшее и постаршее преданіе говоритъ ***) что скалы (въ коихъ находились гробы) распались только около Іерусалима. Такъ

*) Conf. Cornel. a lapide in Math. 27, 53.

**) Epiphani. in Anchor. c. 102.

***) Сиріл. Hier Catech. 13. Orig. in Math. 27.

называемое евангелие Никодимово рѣшительно указуетъ въ семъ случаѣ на воскресеніе двухъ сыновъ Симеона Богопріимца.

Когда послѣдовало воскресеніе святыхъ?

И здѣсь одинъ изъ древнихъ вѣрили *), что они воскресли вмѣстѣ съ Иисусомъ Христомъ, который, по смерти своей, сошелъ во адъ, извѣль ихъ оттуда съ собою. Главною основою сего вѣрованія, кромѣ ихъ образа мыслей о сошествіи Иисуса Христа во адъ и самомъ адѣ, служили слова апостола: «иже (Христосъ) есть начатокъ, перворожденъ изъ мертвыхъ, яко да будетъ во всѣхъ Той первенствуя» (Кол. 1, 18). Но большая часть отцевъ Церкви всегда принимала **), что воскресеніе святыхъ послѣдовало непосредственно за смертію Иисуса Христа. Такое мнѣніе гораздо согласнѣе съ словами евангелиста, который никако не отдаляетъ по времени сего события отъ землетрясенія и расторженія завѣсы. Вышеприведенныя слова апостола не противорѣчатъ ему: иначе они противорѣчили бы воскресенію всѣхъ людей, кои чудеснымъ образомъ востали изъ мертвыхъ до воскресенія Христова, или взяты на небо, подобно Иліи и Еноху ***).

Прочіе вопросы: касательно явленія святыхъ во Іеру-

*) Hiern. in Math. 27 Quanquam in obitu Christi monumenta patuerint, tamen non ante surrexerunt, quam Dominus surgeret, ut esset primogenitus resurrectionis ex mortuis. Orig. in Matth. 27.

**) Chrys. Theoph. Euthym. in Math. 27.

**) Calmeti Dissert. de Resurrectione Patrum, qui temp. Chr. redierunt ad vitam. Conf. Berthold de Christologia judaeorum, Iesu Apostolorumque actate. 1811. § 35 p. 176.

салими, лицъ, копмъ они являлись, пхъ послѣдующей жизни и проч. — срѣтать пась въ исторіи воскресенія Іисуса Христа, въ которой они существенно и принадлежатъ. Вмѣсто того, чтобы предаваться любопытству, гораздо полезнѣе обратить вниманіе на то, какъ величественны знаменія, возвѣстившія смерть Богочеловѣка, какъ сообразны они съ достоинствомъ Сына Божія, съ цѣллю Его пришествія въ міръ, съ духомъ религіи, Имъ проповѣданной.

Всѣми оставленный, поруганный, изъязвленный, умирающій на крестѣ посреди злодѣевъ, Страдалецъ есть единородный Сынъ Отца, Слово, которымъ все сотворено и все содержится, Богъ неба и земли, видимыхъ и невидимыхъ: и вотъ, умирающій гласъ Его сотрясаетъ себо и землю, вся природа свидѣтельствуетъ Ему покорность, яко Владыкъ, призвасть торжественно Господомъ своимъ и на крестѣ!...

Умирающій среди попошеній и мукъ, Страдалецъ есть великий Ходатай Бога и человѣковъ, который, принявъ на себя грѣхи всего рода человѣческаго, долженъ не съ кровію (Евр. 9, 8—12) козловъ и тельцовъ, но съ своею собственою единожды войти во святилище, дабы предстать лицу Божію (Евр. 10, 24), и потомъ, упразднивъ своимъ жертвоприношениемъ всѣ жертвы, оставить послѣ себя отверстымъ для всякаго пеприступнаго дотолѣ путь къ престолу благодати (Евр. 10, 19): и вотъ, когда пропесена жертва Голгоѳская, — храмъ іерусалимскій — скінія ветхаго завѣта, долженствовавшаго стоять, доколѣ не придетъ Ходатай завѣта новаго (Евр. 9, 10), колеблется теперь въ своемъ основаніи, *означая премыненіе колеблемаго, такъ какъ уже совер*

шившагося (Евр. 12, 27); завѣса, скрывающая святоесвятыхъ, расторгается съ верху до низу; престолъ Іеговы выходитъ изъ мрака, его окружавшаго,—да вѣдаютъ *священники по чину Ааронову*, да вѣдаеть весь народъ израильскій, что *Первосвященникъ по чину Мелхиседекову* уже пришелъ и принесъ свою жертву, что наступило время новаго завѣта сыномъ Израилевымъ, который долженъ быть начертанъ не на скрижалахъ, а на сердцахъ (Евр. 8, 9, 10; 10, 16).

Умирающій на крестѣ Страдалецъ есть воскресеніе и животъ всѣхъ, вѣрующихъ во имя Его; Онъ для того и вкусили смерть, дабы смертію своею разрушить *державу смерти и избавить тѣхъ, кои изъ страха смерти, чрезъ всю жизнь были подвержены рабству* (Евр. 2, 14. 15): и вотъ, едва Иисусъ Христосъ вступилъ въ область смерти, держава ея начинаетъ разрушаться, гробы отворзаются, тѣла усопшихъ встаютъ, и востаіемъ своимъ увѣряютъ, что Иисусу Христу дана всякая власть не только на землѣ, но и на небѣ (Мат. 28, 18), что Онъ имѣетъ *ключи ада и смерти* (Апок. 1, 18), и что непремѣнно наступить нѣкогда тотъ день, когда всѣ, находящіеся во гробахъ, услышатъ гласъ Сына Божія и, услышавъ, оживутъ (Іоан. 5, 25). Явленіе воскресшихъ во Іерусалимѣ должноствовало убѣдить каждого, что саддукѣи, кои тогда весьма усилились съ своимъ безотраднымъ учешіемъ, прельщаются и прельщаются, *лагомюще не быти воскресенію* (Дѣян. 23, 8).

Умирающій Иисусъ есть Основатель и Глава новаго завѣта благодати, въ коемъ иѣтъ уже грѣха, побѣждающаго человѣколюбіе, въ коемъ гдѣ умножается *трихъ, тамъ преизбыточествуетъ благодать* (Рим. 5, 20),

въ коемъ Сынъ Божій является не Судією только міра, но и его Спасителемъ: и какъ кротки знаменія, стекшіся вкругъ креста Іисуса-Спасителя! Небо помрачается, но не дождитъ огня и жуиела на Іерусалимъ невѣрный, какъ одождило нѣкогда на грады, преогорчившіе Бога; земля сотрясается, но убійцы Іисуса стоять па ней съ такою же безопасностію, какъ и плачущіе друзья Его. Самые гробы отверзаются не для того, чтобы поглотить живыми гонителей Сына Божія, достойныхъ смерти вѣчной; изъ нихъ востають сонмы праведныхъ, дабы своимъ явленіемъ проповѣдать Іерусалиму покаяніе п вѣру въ Мессію, имъ отверженаго.

Не таковы были знаменія ветхаго завѣта. Тамъ моля дѣти посмѣваются надъ естественнымъ недостаткомъ престарѣлого пророка: и впезапно выходитъ изъ пустыни львица и растерзываетъ проклятыхъ пророкомъ дѣтей на части (4 Цар. 2, 24). Тамъ два сына Аароновы приносятъ, вместо святоплищаго, чуждый огнь на жертвенникъ: и сами немедленно погибаютъ огнемъ небеснымъ, и родителю воспрещается даже скорбѣть о нихъ казни (Числ. 3, 25). Тамъ презрители лица Моисея, по выражению апостола, только вѣрнаго раба въ дому Божіемъ (Евр. 3, 5), писходятъ живые во адъ (Числ. 16, 35): здѣсь презрители, убійцы единороднаго Сына Божія остаются живы.

Таковы знаменія Бога-Искупителя! Таковъ благотворный духъ религії Іисуса, непознанный до времени еще самыми апостолами (Мат. 12, 4)! Такова жертва любви, предъ кою не воспоминаются неправды человѣческія (Іерем. 31, 31—34; Евр. 8, 12)!

Примѣръ трепещущихъ тварей не остался совершенно безъ дѣйствія и для разумныхъ существъ. Многіе изъ удеевъ, бывшихъ на Голгоѳѣ, видя страшныя знаменія, поражены были недоумѣніемъ и ужасомъ. Вместо глаголія и клеветы, вокругъ креста почившаго Иисуса гоцарились безмолвіе и тишина. Тамъ и здѣсь видны были люди, съ поникшими главами возвращающіеся въ городъ. Болѣе чувствительные плакали и били себя въ перси (Лук. 23, 48). Миѳіе, что распятый Иисусъ есть Сынъ Божій, снова начало пробуждаться во всей спѣѣ. Теперь отъ сердца многіе, даже изъ злословившихъ, сказали бы: «споди со креста; мы вѣруемъ въ Тебя,» во левѣ отъ *Иуды* уже почилъ; и кто возбудить его?...

И римскіе воины увидѣли теперь, что Тотъ, коего они охраняютъ мертвое тѣло, едва ли не выше всѣхъ божествъ ихъ. Они не знали Бога Израилева; но Богъ всея природы, по манію поего колебалась земля, извѣстенъ всякому. Стоя на трепещущей Голгоѳѣ и сознавая себя виновными предъ умершимъ Праведникомъ, стражи отъ спѣнаго страха не знали, что предпринять: во единодушии говорили, что распятый Страдалецъ долженъ быть *Сынъ Божій* (Мат. 17, 54).

Особенно пораженъ былъ благоговѣніемъ и удивлѣніемъ римскій сотникъ, начальствовавшій надъ стражею. Вниманіе къ Иисусу Христу возбудилось въ немъ еще прежде (Мар. 15, 39) страшныхъ знаменій, вѣроятно, отзывомъ прокуратора о Его невинности и разительными словами, сказанными Господомъ на пути къ Голгоѳѣ и со креста. Если онъ не воспретилъ своимъ воинамъ глумиться вмѣстѣ съ первосвященниками, то самъ не участвовалъ въ насмѣшкахъ. По замѣчанію

ев. Марка (Мар. 15, 39), сотникъ стоялъ прямо противъ креста, когда Иисусъ Христосъ предалъ духъ, наблюдая, вѣроятно, не только за послѣдними словами, но и выраженіями лица Богочеловѣка. Уже громкія восклицанія Иисуса предъ смертію казались ему весьма удивительными. Завлючая пзъ нихъ обѣ избыткѣ въ Немъ тѣлесныхъ силъ, онъ не иначе изъяснялъ себѣ скорую, за тѣмъ послѣдовавшую, смерть Его, какъ слѣдствіемъ благоволенія боговъ, восхотѣвшихъ прекратить страданія своего любимца. Наконецъ, страшное землетрясеніе, разсыпавъ остающіяся въ душѣ сотника сомнѣнія, обнаружило вѣру его во всей полнотѣ и силѣ. Признавъ вмѣстѣ съ прочими воинами, что Иисусъ есть дѣйствительно *Сынъ Божій*, онъ не остановился на семъ хладномъ признаніи, но въ слухъ всѣхъ *прославилъ* Бога (Мар. 15, 39), который такъ грозно являлъ теперь смертнымъ, что рано или поздно Онъ награждаетъ добродѣтель и наказуетъ зло, попускаетъ иногда страданія на праведныхъ, даже смерть, но и въ самой смерти показываетъ, что *упованіе ихъ исполнено безсмертия* (Прим. 3, 4).

Непосредственный переходъ сей отъ страха и удивленія къ прославленію Бога служитъ доказательствомъ, что характеръ сотника и прежде отличался набожностью, и что онъ, по образу мыслей своихъ, достоинъ былъ чести стоять на стражѣ у креста Христова. Нѣть сомнѣнія, что слова: «Сынъ Божій» — въ устахъ его, теперь имѣли значение не выше того, какое давалъ имъ Пилатъ *): но древнее преданіе утверждаетъ, что

*) «Нѣкоторые повѣствуютъ, что сотникъ сей, утвердившись Иинокентій. Сочиненія. II.

Лонгинъ (имя сотника) узналъ впослѣдствіи въ Іисусѣ истиннаго Сына Божія и своею бровію засвидѣтельствовалъ твердость исповѣданія, произнесеннаго имъ на Голгоѳѣ. Церковь ублажасть страданія его 16 октября *).

Исповѣданіемъ сотника окопчилось видимое дѣйствіе страшныхъ знаменій на сердца людей, окружающихъ крестъ Іисуса.

Но не ужелъ сіи чудесныя явленія не произвели никакого дѣйствія въ умѣ первосвященниковъ и старѣйшинъ юдейскихъ, — тѣхъ людей, кои, можно сказать, были ихъ главноючию причиной, вознесши, въ безуміи своеемъ, на крестъ Господа славы?

Къ сожалѣнію, на сей важный вопросъ нельзя не отвѣтить отрицательно. Въ то время, какъ помрачалось небо, тряслась земля, распадались каменные скалы, отверзались гробы и воставали мертвые, въ то самое время первосвященники помышляли о проплѣчиѣ праздника, требовавшемъ, чтобы тѣла распятыхъ не оставались долго предъ лицемъ торжествующаго Іерусалима! — о средствахъ, какъ сократить жизнь несчастныхъ! — о новомъ посрамлѣніи Іисуса, намѣреваясь предать тѣло Его землѣ вмѣстѣ съ тѣлами злодѣевъ! — Явленіе ужасное для сердца, любящаго человѣчество, нежелающаго видѣть между людьми изверговъ, достойныхъ ада!

въ вѣрѣ, претерпѣль, впослѣдствіи, мученія за Христа». Злат.-
Бесѣд. на Мат. 27.

*) Tillemont. Memoires et c. t. I. p. 81 и 251. Чет. Мин. на 16 окт. Cornel. a lap. in Matth. 27, 54, гдѣ можно видѣть и другое мнѣніе.

«Такова, восклицаетъ при семъ св. Златоустъ, — сила зависти! Враги Иисуса Христа единожды и павсегда обрекли себя на всѣ злодѣянія» *). Но не одна зависть обладала сердцами первосвященниковъ и книжниковъ: обладала и суевѣрная приверженность къ преданіямъ старцевъ, къ своимъ миѳамъ, кои, какъ зловредныя, постоянно были отвергаемы Иисусомъ Христомъ; обладало алчное корыстолюбіе, соединенное съ притѣспеніемъ ближнихъ, Имъ насрѣдѣ обличаемое; обладали личная непависть и злоба, столько разъ раздражаемыя; обладалъ наконецъ стыдъ — явиться предъ всѣмъ народомъ іудейскимъ убийцами Мессіи или, покрайней мѣрѣ, пророка. Столько демоновъ (пбо такъ по справедливости называются страсти отъ св. отцевъ) — до какой слѣпоты и ожесточенія не могли довести сердца, и безъ того давно ожестѣлія, хладныя къ истинѣ и добродѣтели, преданныя фанатизму, или чувственности, привыкшія самую релігію употреблять въ орудіе страстей, самыхъ низкихъ! Фараонъ, Даѳанъ и Авиронъ уже давно представили собою примѣръ ослаѣнія и упорства, видимыхъ теперь въ старѣйшинахъ іудейскихъ. — Злое сердце всегда велосточимо въ возраженіяхъ противъ самыхъ очевидныхъ истинъ, когда онъ для него нестерпимы. А что могло быть нестерпимѣ для гонителей Иисусовыхъ Его Божественнаго достоинства? — Въ умѣ книжниковъ и фарисеевъ былъ уже гибельный запасъ возраженій противъ чудесъ Иисуса Христа; син же самыя возраженія могли они употреб-

*), Hom. in Matth.

бить и противъ чудесъ, бывшихъ ради Іисуса Христа. Ничто не препятствовало грубымъ изувѣрамъ думать и говорить, что настоящія знаменія суть если не приключенія естественныя, то дѣйствіе темныхъ силъ, кои огорчены потерю своего наперсника, какимъ злоба ихъ давно изображала Іисуса (Мар. 3, 22; Мат. 9, 34; Лук. 11, 15). На саддукеевъ, опровергавшихъ бытіе духовъ и бессмертіе, настоящія знаменія могли не оказывать особенного дѣйствія уже потому, что Іисусъ Христосъ умеръ: ибо, по ихъ ученію, смертю человѣка все оканчивалось.—Знаменія не произвели никакой видимой перемѣны въ судьбѣ Іисуса Христа: Его тѣло оставалось спокойно на крестѣ, язвы были открыты; оно предоставлено было всѣмъ поруганіямъ. «Явный знакъ, могли толковать книжники, что помраченіе солнца и землетрясеніе не имѣютъ отношенія къ смерти Іисуса.» При томъ, между знаменіями не было ни одного, которое причинило бы гибель кому либо изъ враговъ Іисусовыхъ: они все оставались живы, невредимы, неприкосновенны,—еще явившій признакъ для сердца грубыхъ, что это знаменія не божественныя, не ради Іисуса; потому что, приводя на память события своей исторіи, они видѣли, что люди, раздражавшие Бога, немедленно были поражаемы смертію. Что всемогущество Божіе щадить ихъ теперь, оставляя имъ время покаянія, что Мессін-Искупителю не свойственно отмщать личнымъ врагамъ своимъ казнью: мысли сіи были выше Каїаѳы, который могъ сребренниками вупить достопнство первосвященника, но не могъ стяжать куплею истиннаго познанія о Богѣ и Его совершенствахъ, о Мессіи и великой цѣли Его пришествія въ

міръ. Не должно забывать и того, что самое разительное изъ знаменій, послѣдовавшихъ за смертію Иисуса Христа — воскресеніе мертвыхъ теперь еще не было вѣдѣніемъ.

Если бы, не смотря на высказанное, ожесточеніе первосвященниковъ показалось кому либо неизъяснимъ, то должно вспомнить, что исторія, не имѣя возможности проникать въ сердце, судить о человѣкѣ по дѣяніямъ; а дѣянія не всегда бываютъ согласны съ сердцемъ, по крайней мѣрѣ, часто не выражаютъ съ точностью состоянія сердца человѣка дѣйствующаго. Многіе изъ враговъ Иисуса уничиженаго останутся до времени врагами Иисуса прославленнаго; въ ихъ открытыхъ дѣйствіяхъ не произойдетъ еще видимой перемѣны: но изъ сего нельзя заключать, чтобы не произошло никакой перемѣны въ ихъ сердцѣ. Положимъ, что сердце самого Каїаѳы сильно тронулось мыслю: не отъ Бога ли знаменія, бывшія на Голгоѳѣ? — Если не произошло совершенной перемѣны въ образѣ его мыслей: то одна хитрость заставитъ надменнаго, предавшаго плотоугодію саддукея (Дѣян. 5, 17), не обнаруживать своихъ сомнѣній, продолжать, хотя съ насилиемъ совѣсти, дѣло, однажды съ такою торжественностью принятое, слѣдовательно, волею или неволею, теченью обстоятельствъ. По вознесеніи Господа на небо, сама исторія представляетъ значительную перемѣну въ поступкахъ первосвященниковъ въ отношеніи къ христианству: они являются уже менѣе жестокими къ Апостоламъ, не такъ рѣшительны въ мѣрахъ въ преслѣдованію христианъ. Весьма вѣроятно, что таковой перемѣнѣ въ поступкахъ (хотя все еще двусмысленной)

давно предгествовала иѣкоторая перемѣна въ мысляхъ. Вскорѣ также по вознесеніи Господа находимъ, что весьма многіе изъ самыхъ священниковъ іудейскихъ обращаются къ христіанству (Дѣян. 6, 7); между тѣмъ какъ извѣстно, что сословіе священниковъ особенно преслѣдовало Иисуса Христа: что застагло сихъ людей увѣровать въ Распятаго? Вѣроятно, не одно извѣстіе о воскресеніи Иисуса, а и страшныя знаменія, коихъ они были свидѣтелями.

ПОСЛѢДНІЯ СОБЫТИЯ ПРИ КРЕСТЬ ИСУСОВЪ.

(Первосвященники просятъ Пилата о сокращеніи жизни распятыхъ по причинѣ наступающей субботы. — Перебитіе голеней распятыхъ. — Иисусу Христу не перебиваются голени по причинѣ Его смерти. — Одинъ изъ воиновъ прободаетъ Его ребро. — Истеченіе крови и воды. — Свидѣтельство о семъ Иоанна. — Для чего оно особенно выразительно. — Исполненіе въ семъ событии двухъ пророчествъ.)

Междутѣмъ какъ одни болѣе или менѣе раскаявались, другіе упорствовали, — страшный день приближался къ вечеру, который, будучи важенъ уже потому, что былъ окончаніемъ первого дня пасхи, дѣлался еще священнѣе отъ того, что имъ предначиналась суббота, по выраженію евреевъ, царица праздниковъ (Иоан. 19, 31). Для многочисленнаго, празднующаго народа, который имѣлъ обыкновеніе прохаживаться по стѣнамъ города и собираться на холмахъ, его окружающихъ, было бы весьма непріятное зрѣлище, если бы распятые продолжали и на другой день оставаться на крестахъ, посреди Голгоѳы, весьма близкой къ вратамъ Іерусалима. Притомъ оставленіемъ ихъ на дрѣвѣ былъ бы нарушенъ законъ, повелѣвавшій до захожденія солнца предавать погребенію казненныхъ преступниковъ *). Первосвященники чувствовали это

*) Втор. 21, 23. Флавій пишетъ, что сей законъ распространялся и на распятыхъ. Bell. Iud. 4. 5. 2.

неприличіе, и рѣшились сократить жизнь распятыхъ съ тѣмъ, чтобы тѣла ихъ предать землѣ до наступленія субботы. Поелику казнь, теперь совершенная, во всемъ зависѣла отъ прокуратора; то и для сокращенія жизни распятыхъ необходимо было его согласіе. Первосвященники не устыдились спова про ить Пилата о семъ дѣлѣ, которое приличествовало болѣе всенароднымъ исполнителямъ казней, нежели первымъ служителямъ Бога Израилева. Стыдъ сей вознаграждался злобнымъ удовольствіемъ причинить распятому Іисусу новыя мученія (первосвященники отправились къ Пилату прежде Его смерти) и имѣть въ своихъ рукахъ Его мертвое тѣло. Нѣть сомнѣнія, что они погребли бы Его вмѣстѣ съ злодѣями, на какомъ либо отвратительномъ мѣстѣ, а можетъ быть, и совершенно лишили бы погребенія, дабы сдѣлать предметомъ всеобщаго презрѣнія: потому что іудеи ничего столько не гнушались, какъ мертвца непогребенаго.

Пилатъ безъ всякаго преисловія согласился на просьбу первосвященниковъ, которая и по іудейскимъ и по римскимъ обыкновеніямъ была совершенно справедлива. Для исполненія приказанія отправлены новые воины. Св. Іоаннъ находился еще у креста Іисусова, когда они пришли на Голгоѳу. Его-то сказаніе будетъ служить теперь единственнымъ источникомъ нашего повѣствованія.

Оба преступника, распятые съ Іисусомъ, показывали еще вѣрные признаки жизни: посему воины немедленно перебили имъ голени. Другое представилось имъ, когда они обратились за тѣмъ же къ Іисусу Христу: совершенное отсутствіе движенія и дыханія, закрытые

глаза, висящая глава—свидѣтельствовали, что Онъ уже умеръ. Римскіе воины це рѣшились мучить бездушное тѣло и умерщвлять мертваго. Только одинъ изъ нихъ, желая, вѣроятно, прекратить всякое сомнѣніе о смерти, или, по одной наглости, ударилъ Иисуса Христа копіемъ въ бокъ. Поелику при семъ ударѣ не послѣдовало никакого движенія и никакой раздражительности въ первахъ, и поелику самый ударъ былъ (вѣроятно) силенъ и смертельный: то не осталось уже никакого сомнѣнія ни для враговъ, ни для друзей Иисуса, что Онъ дѣйствительно умеръ. Изъ язвы однакоже немедленно истекла кровь и вода, или похожая на воду влага *), которая обыкновенно бываетъ въ тѣлѣ человѣческомъ. Такое истеченіе крови и слова, сказанныя Иисусомъ Христомъ по воскресеніи Фомѣ: «принеси руку твою и вложи въ бокъ Мой» (Иоан. 20, 27),—показываютъ, что рана была глубока; а истеченіе похожей на воду влаги позволяетъ думать, что Иисусъ Христосъ былъ пропленъ въ лѣвый бокъ, въ предсердіе *περικαρδіон* **). (Поелику мертвое тѣло, сколько бы ему ни причиняли ранъ, никогда не источаетъ крови ***): то пѣкоторые изъ отцевъ Церкви богомудро полагали,

*) *Удаг* означаетъ не только воду, но и всякую влагу. V. Schleusn. Lexic. sub. h. v.

**) *Tale profluvium vix fieri potuit, nisi a latere sinistro, sub quo practer pulmonem est et pericardium, aquae plenum, si quis post anxietatem summam mortuus est, et cor cum arcu aortae copulatum.* Grun. p. 80.

***) *Εξ τεχνου γαρ ανθρωπου, καν μυριακις νηξη τις, οκ εξελευθατας αιμα.* Евѳим. въ толк. на 19, 37. Иоан.

что кровь и вода истекли изъ тѣла Іисуса Христа дѣйствіемъ непосредственной силы Божіей *) въ означенніе таинства Евхаристії **).

Св. Іоаннъ, пересказывая сіе событіе, какъ очевидецъ, выражается съ особеною силою и останавливаетъ предварительное вниманіе читателя слѣдующими словами: *«и видѣвши (Іоаннъ) свидѣтельства, и истинно есть свидѣтельство его; и той вѣсть, яко истину язюлетъ, да вы вѣру имате.*

Что за цѣль сего замѣчанія? Въ чёмъ Евангелистъ хочетъ увѣрить своихъ читателей? Почему прободеніе тѣла Іисусова па крестѣ коніемъ и истеченіе изъ него крови и воды должноствовало быть указаннымъ съ такою выразительностью?

Для изъясненія сего, еще въ древности полагали, что мысль и замѣчаніе Евангелиста направлены противъ докетовъ-еретиковъ, кои, почитая тѣло человѣческое произведеніемъ злого начала, утверждали, что Іисусъ Христосъ (по ихъ мнѣнію, одинъ изъ эоновъ) принялъ на себя не истинное тѣло человѣческое, а только одинъ (эонрій) призракъ его, который хотя быль

*) Вышеприведенный медикъ говоритъ о семъ предметѣ такъ: «*Ex vulnere profluxit cum impetu, ut videtur, sanguis et aqua simul, neque loc mortui, sed viventis est; ergo Christus dum a milite sodiebatur, vivebat quidem vitam aliquam, sed praedebilem proximeque casuram, at vero, vulnere pectoris illato, e vita subito et vere excessisse putandus est. Ex hoc enim vitalem fontem exhaustiri, atque vim vitae per exiguum omnino tolli oportuit.*» Grun. p. 89.

**) Cornel. a lapid.

пригвождепъ ко кресту, но не терпѣль никакихъ страданій. Посему Іоаннъ, какъ очевидецъ, хотѣль внушиТЬ своимъ читателямъ, въ предостереженіе отъ докетовъ, что тѣло Іисуса Христа, какъ во время Его жизни, такъ и по смерти, было совершенно сходно съ дѣйствительнымъ тѣломъ человѣческимъ, состоящимъ изъ плоти и крови. Мнѣнію сему благопріятствуетъ не только исторія (ибо ересь докетовъ появилась съ первого вѣка и существовала именно въ Малой Азіи, гдѣ написано Евангеліе Іоанново) *), но и иѣкоторыя мѣста въ посланіяхъ Іоанновыхъ, кон также весьма примѣтно направлены противъ добетизма (1 Іоан. 4, 1—3). Могло также статься, какъ предполагаютъ иѣкоторые, что во время написанія Евангелія Іоаннова, были люди, сомнѣвавшіеся въ дѣйствительности смерти Іисуса Христа: или потому, что Онъ не долго оставался на крестѣ и не претерпѣль перебитія голеней; или по занятому отъ іудеевъ предразсудку, что смерть не сообразна съ достоинствомъ Мессіи. Для выведенія таковыхъ людей изъ заблужденія, весьма сильнымъ средствомъ служило повѣствованіе Іоанна о прободеніи ребра Іисусова копіемъ, которое самыхъ маловѣрныхъ должноствовало увѣрить, что Сынъ Божій изъ послушанія Отцу, смирилъ себя не до креста только, но и до смерти крестныя.

Но, независимо отъ сихъ побужденій и цѣлей, св. Іоаннъ не могъ не остановить своего и всего міра

---

*) Въ посланіи св. Игнатія къ смирянамъ (гл. 2.) уже опровергаются докеты.

вниманія на событії, нами рассматриваемомъ, уже по-тому, что въ немъ, какъ опъ самъ замѣчаетъ, исполнились два важныя предсказанія ветхаго завѣта о Мессії. Первое изъ нихъ гласило: *кость да не сокрушится отъ него*; другое: *возрятъ панъ, еоже прободоша* *).

Первое изъ сихъ предсказаний, датное Монсіемъ (Ісх. 12, 10), относилось собственно къ агнцу пасхальному, котораго израильяне должны были печь цѣлымъ, не раздробляя и не сокрушая въ немъ ни одной кости. По разумѣнію св. Іоанна, пасхальний агнецъ былъ въ семъ отношеніи свыше предустановленымъ прообразованіемъ истиннаго Агнца Божія, закланнаго теперь на Голгоѳѣ, у коего также не сокрушено ни одной кости. Не углубляясь въ свойство ветхозавѣтныхъ прообразований **), изъ коихъ многія исполнились падъ Іисусомъ Христомъ во время Его страданій, и кои около временъ пришествія Христова начали быть замѣчаемы самими іудейскими раввинами ***), замѣтимъ только, что несокрушеніе костей, совершиенно не нужное въ агнцѣ пасхальному, было не только весьма прилично, но и необходимо нужно для истиннаго Агнца Божія—Іисуса Христа. Св. Іоаннъ тѣмъ болѣе долженъ былъ остановиться на семъ прообразованіи, что онъ слышалъ, какъ Іоаннъ Креститель называлъ Его Агнцемъ Божіимъ, и что смерть Іисуса Христа послѣдовала въ день пасхи, когда закалался агнецъ пасхальный.

*) Rosenmühl. et Kuinöl ad Iohan. 19, 35.

**) Conf. Ravius Freimuthige Untersuchung über die Typologie Erlang. 1784.

**) Conf. Schotigenii Hor. Hebr. et Talmud.

Второе предсказание взято изъ пророческаго видѣнія Захаріи (Зах. 12, 10), который, описывая будущее избавление народа еврейскаго отъ бѣдствій, его окружающихъ, говоритъ, что въ то время покаявшіеся изрѣпльяще будуть взирать съ плачемъ на того, котораго они прежде сего непавидѣли, оскорбляли и *пропизили*. Изъ пророчества Захаріи не видно *), кто именно былъ или будетъ произенъ невѣрными іудеями, предъ коимъ они принесутъ потомъ покаяніе. Но все описание таково, что при чтеніи его, мысли невольно останавливаются на Иисусѣ Христѣ, прободенномъ на крестѣ,—тѣмъ паче, что исторія еврейскаго народа не представляетъ лица, къ коему хотя съ малою удобностію можно было бы относить слова пророка.

---

*) Conf. Bayerus ad. h. t. Eckermann in Theolog. Beiträgen.
Stück. 2. p. 82.

СНЯТИЕ СО КРЕСТА И ПОГРЕБЕНИЕ.

(Иосифъ Аримаѳейскій просить у Пилата позволенія погребсти тѣло Іисусово.—Характеръ просителя. — Участіе въ погребеніи Никодима — Мѣсто гроба. — Погребеніе. — Душевное состояніе учениковъ и почитателей Іисусовыхъ.)

Едва только первосвященники вышли изъ преторіи, съ жалкимъ позволеніемъ сократить жизнь распятыхъ новымъ мучительнымъ средствомъ,—предъ Пилатомъ явился проситель другаго рода и свойства, желавшій имѣть позволеніе снять со креста и предать погребенію тѣло Іисусово. То былъ Иосифъ Аримаѳейскій. Не покажется излишнимъ, если мы предварительно скажемъ нѣсколько словъ о семъ св. мужѣ, кому Прорицаніе предоставило единственную честь—оказать самому Сыну Божію послѣднее благодѣяніе въ Его земной жизни.

Аrimaѳeй, отечество Иосифа, есть древній Гараматапъ (1 Цар. 1, 1), мѣсто рожденія Самуила пророка; или, что вѣрнѣе, Рама (по спиро-халдейски Аримаѳа), городъ въ колѣнѣ Вениаминономъ, упоминаемый св. Матеемъ (Мат. 2, 18). Большое богатство (Мат. 27, 57) дѣлало Иосифа уже лицемъ значительнымъ въ то время, когда въ Іерусалимѣ все можно было купить за деньги, начиная отъ должности послѣдняго

мытаря до сана первосвященника. Кромъ сего Іосифъ принадлежать къ числу первѣйшихъ членовъ синедріона (Мар. 15, 43; Лук. 23, 50), п вмѣстѣ съ другими благомыслящими совѣтниками, вѣроюто, составлять въ синедріонѣ общество, противное приверженцамъ Каїаѳы, искренно искашееся о благѣ народа іудейскаго,—то общество, когдѣ благородныя усилія къ поддержанію падающаго отечества во время послѣднихъ междоусобій, предшествовавшихъ разрушенію Іерусалима, съ такою благодарностію воспоминаются іудейскимъ историкомъ Іосифомъ Флавіемъ *). Ни почести, ни богатства, заставлявшія многихъ саддукеевъ вовсе оставить надежду на промышленіе Іеговы о народѣ еврейскомъ, исколько не препятствовали Іосифу ожидать пришествія Мессіи и воздыхать со многими истинными израильянами о Его святомъ царствѣ (Лук. 23, 51; Мар. 10, 43). Если онъ, подобно прочимъ, имѣлъ касательно сего царства пѣкоторые предразсудки, представляя его земнымъ и чувственнымъ: то не былъ однакоже, подобно прочимъ, упоренъ въ своихъ мнѣніяхъ; съ ревностию искалъ наставлениія и всегда готовъ былъ слушать тѣхъ, комъ могли открыть ему истиину. Сія-то ревность сблизила его съ Іисусомъ Христомъ. Не смотря на то, что Пророкъ Галилейскій былъ генавидимъ и преслѣдуемъ синедріономъ, что небесное царство, Имъ проповѣдуемое, было совершенно противоположно земному царству, ожидаемому народомъ іудейскимъ, что во всѣхъ бесѣдахъ Его внушиаема была духовная пищета, столько противная людямъ,

*) De Bell. Jud. 5, 1

обладающимъ благами вѣка сего,—Иосифъ сдѣлался искреннимъ послѣдователемъ и ученикомъ Иисусовыемъ (Мат. 27, 57). Весь недостатокъ сего ученика состоялъ въ томъ, что онъ, опасаясь преслѣдованія первосвященниковъ, сохранялъ втайне свою расположность къ Учителю и свои отношенія съ Нимъ (Иоан. 19, 38),—недостатокъ тѣмъ болѣе извинительный, что Господь, щадя слабость человѣческую и предвидя худыя послѣдствія для Иосифа, не требовалъ отъ него и ему подобныхъ, чтобы они признали Его всенародно Мессіею тѣмъ менѣе вступались за Него въ спіедріонѣ. Въ послѣднихъ покушеніяхъ спіедріона противъ Иисуса Христа, а равно и въ судѣ надъ Нимъ, Иосифъ не участвовалъ (Лук. 23, 51)—или потому, что, не вѣя никакихъ средствъ спасти невиннаго, не хотѣлъ быть свидѣтелемъ Его осужденія; или потому, что хитрость первосвященниковъ нашла средство совершенно устранить его отъ сего дѣла. Впрочемъ бездѣйствіе въ то время, когда столь ужаснымъ образомъ рѣшилась судьба Иисуса, безъ сомнѣнія, было весьма тяжко для сердца благороднаго, которое стыдится малодушія — оставить безъ защиты невиннаго даже и тогда, когда знаетъ, что защищеніе не могло бы спасти его.

Къ числу необыкновенныхъ событій, послѣдовавшихъ за смертію Иисуса Христа, должно отнести и то, что тайные ученики Его вдругъ одушились чрезвычайнымъ мужествомъ. Презирая стыдъ объявить себя предъ цѣлымъ іудейскимъ народомъ послѣдователемъ Иисуса, уже умерщвленнаго, Иосифъ твердо рѣшился оказать Ему послѣдній долгъ дружбы и уваженія—

спасти отъ посрамлениі, по крайней мѣрѣ, смертные остатки своего Наставника.

Рѣшимость сія была сопряжена съ немалою опасностію—не со стороны Пилата, отъ коего надлежало ожидать благосклоннаго рѣшенія просьбы въ пользу Іисуса, призываемаго имъ за праведника; а со стороны первосвященниковъ, кои въ малѣйшемъ звакѣ уваженія къ Іисусу Христу видѣли измѣну своимъ замысламъ, а па покушеніе погребсти Его съ честію не иначе могли взирать, какъ на возмущеніе противъ синедріона, тѣмъ болѣе опасное, что его предирияль теперь заменитъ членъ синедріона, коего примѣръ былъ весьма опасенъ для народа, и безъ того приверженнаго къ памяти Іисуса.

Однакоже Іосифъ, однажды и навсегда презрѣвъ страхъ, явился въ преторіи римской съ дерзновеніемъ *) свойственнымъ великодушію. Прошеніе его было для Пилата первымъ извѣстіемъ, что Іисусъ Христосъ уже умеръ. Игемонъ весьма удивился такой скорой смерти: потому что изъ многихъ опытовъ зналъ, что распятые остаются въ живыхъ гораздо долѣе. Не имѣя никакой причины сомнѣваться въ справедливости свидѣтельства Іосифова о смерти Іисуса, онъ желалъ однакоже знать ея подробности. Для сей цѣли немедленно призвалъ сотника, стоявшій на стражѣ у креста Іисусова. «Давно ли Онъ умеръ?»—спросилъ Пилатъ. И получивъ надлежащій отвѣтъ, повелѣлъ отдать Іосифу тѣло Іисусово для погребенія.

Едва ли при семъ случайѣ въ душѣ Пилата спала

*) Мар. 15, 43. Τολμησας εισηλθεν.

не возбудилась мысль касательно сверхъ-естественного союза Иисуса Христа съ Божествомъ. Скорая смерть Его на крестѣ могла служить для язычника признакомъ благоволенія къ Нему боговъ. Еще яснѣйшимъ признакомъ могли служить чудесныя знаменія, если только Пилатъ быль внимателенъ къ пимъ. Во всякомъ случаѣ, пзвѣстіе о скорой смерти Господа облегчало совѣсть судіи, которая должна была страдать, представляя страданія на крестѣ Праведника, имъ не ипо осужденнаго. Подобное облегченіе доставляло и прощеніе Іосифа. Соглашаясь на погребеніе Иисуса, отдавая тѣло Его друзьямъ, Пилатъ таили снисхожденіемъ къ мертвому какъ бы вознаграждалъ несправедливость, оказанную живому. Самое невниманіе къ враждѣ первосвященниковъ, которые позволеніе, данное Іосифу, почитали, безъ сомнѣнія, новымъ для себя посрамленіемъ, было какъ бы жертва, которую Пилатъ принесъ памяти Праведника.

Едва только вонцы успѣли вапести тѣлу Иисуса Христа послѣдній знакъ своего безчеловѣчія, Іосифъ явился на Голгоѳу для спятія его со креста. Вмѣстѣ съ нимъ и для той же цѣли пришелъ Никодимъ (Іоан. 19, 39), тотъ самый, который приходилъ иѣкогда къ Иисусу Христу ночью и слушалъ Его высокую бесѣду о духовномъ возрожденіи, необходимомъ для людей, желающихъ войти въ царство Мессіи (Іоан. 3, 1—21), тотъ самый, который однажды въ слухъ всего спидріона, осуждавшаго Иисуса, сказалъ: «судить ли законъ пашъ человѣка, если прѣжде не выслушаютъ его и не узнаютъ, что онъ дѣлаетъ?» (Іоан. 7, 51).— Подобно Іосифу, Никодимъ быль богатъ и засѣдалъ

въ верховномъ совѣтѣ іудейскомъ (Іоан. 3, 1); подобно ему, принадлежалъ тайно къ числу послѣдователей Іисуса Христа, и не открывалъ всѣхъ своихъ мыслей о Немъ, изъ опасенія первосвященниковъ (Іоан. 19, 39); и подобно ему, хотѣлъ теперь благороднымъ самоотверженiemъ загладить прежнее малодушіе, иногда почти неизбѣжное, по всегда тѣгостное для сердцъ велиководушныхъ. Если Ніпподимъ не раздѣлилъ съ Іосифомъ дерзиовенія явитѣся въ преторію Пилата съ просьбою о погребеніи, то не по недостатку усердія, а по нуждѣ: онъ употребилъ это время на приготовленіе вещей, необходимыхъ для погребенія.

Итакъ, тѣло Іисуса Христа немедленно было снято со креста. Изъ евангельской исторіи не видно, чтобы при семъ случаѣ произошло что либо примѣчательное: тутъ слышны были одни вздоханія, видны—одиѣ слезы. Господь снова вступилъ въ мірный кругъ дружества и любви, изъ коего исторгla Его рука предателя.

Въ тоже время, конечно, были сняты и тѣла распятыхъ съ Іисусомъ. Если у нихъ были родственники и друзья: то и они имѣли право плакать надъ ими, хотя не имѣли права погребсти ихъ безъ особенного позволенія прокуратора.

Въ рукахъ враговъ Іисусовыхъ оставался теперь одинъ крестъ Его. Еще не пришло время, чтобы сему священному древу воздаваемо было уваженіе, приличное жертвенному, на коемъ заклана всемірная жертва. Древнее предавіе говорить, что іудеи зарыли потомъ крестъ Іисусовъ въ землю въ такомъ мѣстѣ, котораго никто не зналъ кромѣ ихъ, и откуда опять извлеченъ, впо-

слѣдствіи, усердіемъ равноапостольной Елены, матери Константина великаго *).

Поелку до субботняго вечера оставалось вѣсъма не-много времени: то друзья Иисусовы, снявъ пречистое тѣло Его со креста, немедленно занялись погребеніемъ, въ коемъ краткость времени должна была спорить съ усердіемъ и уваженіемъ къ Погребаемому.

Прежде всего падлежало найти приличное мѣсто для погребенія. У Іосифа близъ Голгоѳы былъ садъ, въ коемъ, такъ какъ и во всей окружности, находились каменные скалы. Въ одной изъ нихъ, по обыкновенію іудеевъ, изсѣчена была пещера для погребенія. Никто еще не былъ погребенъ въ сей пещерѣ, и Іосифъ пред назначалъ опую, вѣроятно, для себя и своего семейства (Іоан. 19, 41). Обладаніе мѣстомъ симъ, не совсѣмъ пріятное, по причинѣ смежности его съ Голгоѳою, было на сей случай очень кстати для Іосифа и прочихъ друзей Иисусовыхъ, представляя всю удобность не только погребсти Божественнаго Мертвѣда безъ отлагательства времени, по и невозбранно приходить на гробъ Его, дабы изливать горесть свою слезами.

Посему пречистое тѣло Господа немедленно перенесено было въ садъ Іосифовъ. Провидѣніе и въ семь случаѣ явило слѣды своего особеннаго смотрѣнія. Если бы въ пещерѣ, гдѣ рѣшились положить тѣло Иисусово, были уже прежде погребены тѣла другихъ людей; то злоба враговъ Иисусовыхъ могла бы впослѣд-

*) Rufin. Hist. Eccles. 50, 1. c. 7.

ствіі говорить, что воскресъ не Опъ, а другой, или что Опъ воскресъ не своею силою, а отъ прибосновенія въ костямъ какого либо праведника, какъ то случилось однажды во время царей израильскихъ *). При всей нелѣпости такихъ клеветъ, онъ могли бы смущать и соблазнять легковѣрныхъ.

Тотчасъ занялись и погребальными приготовленіями. Іудеи вообще почитали погребеніе дѣломъ важнымъ, даже ставили его въ число добродѣтелей для погребающихъ (Товпт. 1, 20). Любили также, подобно прочимъ народамъ, и погребальное великолѣпіе, состоявшее большою частію въ драгоцѣнныхъ ароматахъ **). Посему, погребенію Іисуса Христа, совершающему двумя знаменитыми и богатыми людьми, кои своимъ усердіемъ хотѣли вознаградить безчестіе, Ему нанесенное, надлежало быть весьма великолѣпцу. Такъ дѣйствительно и было, сколько могла позволить краткость времени.

Погребальные полотенцы, доставленные Іосифомъ, были самыя тонкія и высокой цѣны, какія получались обыкновенно изъ Египта, славившагося сими издѣліями ***). А Никодимъ припѣсъ столько ароматовъ, что ихъ достаточно было бы на погребеніе самого первосвященника. Это было смышеніе изъ смѣрны (смолы благовонной изъ одного дерева, растущаго въ Аравіи) ****) и алоя (благовоннаго растенія, коего низшая по-

*) Іеофил. толк. на Мате.

**) Seierus de luctu Hebr. Harmar. Beobachtungen über den Orient. Th. 2, 184. 157.

***) Chiffletius de fasciis sepulcrabilis Christi. c. 28.

****) Dioscorides 1. 60. Plin H. N. 13. 15.

рода была и въ Иудеи, по лучшая получалась изъ Индіи *): то и другое употреблялось при погребеніи, никогда въ порошкахъ, никогда въ видѣ масти. Если вѣсъ ароматовъ, замѣчанный евангелистомъ (около ста фунтовъ) и не соотвѣтствуетъ въ точности нашему вѣсу **): то, по крайней мѣрѣ, заставляетъ предполагать, что ихъ принесено значительное количество. Остатокъ ароматовъ могъ быть употребленъ на усыпаніе гробницы. Нѣкоторая часть, вѣроятно, была сожжена, по окончаніи погребенія, на что также есть примѣры въ исторіи погребальныхъ іудейскихъ обрядовъ ***).

По окончаніи приготовленій, тѣло Господа, по обыкновенію (Іоан. 19, 40), было омыто чистою водою; потомъ осыпано благовоніями и вмѣстѣ съ ними обвито четвероугольнымъ широкимъ платомъ (плащаницею). Голова и лице были обвиты узкимъ головнымъ полотенцемъ (сударь). То и другое завязано спурками. Такимъ образомъ Іисусъ Христосъ положенъ былъ въ гробѣ, въ видѣ подобномъ тому, въ какомъ Лазарь былъ воскрешенъ Имъ изъ гроба (Іоан. 11, 44). Но ароматы не спасли Лазаря отъ тлѣнія; а въ Іисусѣ Христѣ, источникѣ нетлѣнія, они служили только признакомъ несовершенства вѣры Его почитателей, кои, при всемъ уваженіи къ Нему, какъ замѣчаетъ

*) Celsii Hierodot. p. 1. p. 135. Rosenmüll. Schol ad Num. 24, 6.

**) Слово *λιτρα*, употребленное евангелистомъ, означаетъ и вѣсъ и малую монету. Здѣсь, очевидно, надо бно принимать его въ значеніи вѣса, который, по свидѣтельству Галена, равнялся нашимъ 12 унціямъ. Conf. Bupnaeus. 1. c.

***. Mussachet Semachot. c. 8.

св. Златоустъ *), нимало не думали, что они погребаютъ теперь Господа жизни и смерти.

Краткость времени не позволила соблюсти всѣхъ прочихъ погребальныхъ обрядовъ. Недостатокъ ихъ надѣялись восполнить по прошествіи субботы, когда законъ ветхаго завѣта не могъ уже препятствовать усердію къ Законодателю завѣта новаго.

Входъ въ пещеру, гдѣ положено тѣло Иисусово, былъ плотно заваленъ огромнымъ камнемъ (Мат. 27, 61): предосторожность, необходиная въ Гуден, гдѣ водилось весьма много хищныхъ звѣрей и птицъ **), во излишняя для Того, Кто и во гробѣ не преставалъ быть Господомъ земли и неба.

Какъ при снятіи со креста, такъ и при погребеніи, присутствовали иѣкоторыя изъ жерь, приверженыхъ къ Господу, коихъ мы видѣли стоящихъ при крестѣ Его, — именно: Марія Магдалина и Марія Іосифова (Мат. 17, 61). Усердіе Іосифа и Никодима не давали теперь мѣста ихъ усердію: онѣ смотрѣли только, какъ и гдѣ погребали Господа (Мат. 15, 47). Однакоже отъ нѣжной любви ихъ къ Иисусу не скрылось, что драгоцѣнныи останкы Его еще можно оказать иѣкоторые знаки уваженія; — и опѣ рѣшились запастись снога благовонными мастиами, дабы по окончаніи субботы прийти и помазать тѣло своего Учителя. Такое намѣреніе принято ими, конечно, съ согласія Іосифа, который имѣлъ столько достатка и любви къ

*) Они, говоритъ Злат., еще почитали Его за простаго человѣка. Hom. in Joh. 85.

**) Nicolaus de sepulcr. Hebr. 3. 10. 11.

Иисусу, чтобы всю пещеру наполнить ароматами; но не хотѣлъ препятствовать иѣжному усердію людей, гораздо менѣе его богатыхъ, по столько же великодушныхъ и признательныхъ къ памяти Иисуса.

По окончаніи погребенія всѣ, участвовавшіе въ опомъ, немедленно удалились, каждый въ свое мѣсто, для празднованія навечерія субботы, которая, сходася съ пасхой, по тому самому была величайшимъ праздникомъ *).

Какъ мрачепъ, нерадостенъ былъ теперь день сей для учениковъ и друзей Иисуса,—особенно для Его Матери,—для Петра, который долженъ былъ скорбѣть и о потерѣ Учителя и о свсемъ паденіи! — Мысль сія наполняла всю душу, подавляла всѣ прочія мысли, не позволяла прийти въ себя, дабы составить какое либо понятіе о семъ неожиданномъ, страшномъ событии. Быдущее покрыто было непроницаемымъ мракомъ: прошедшее болѣе смущало, нежели утѣшало. Воспоминаніе о чудесахъ Иисусовыхъ, о Его прѣжнемъ величіи, дѣлало еще страшнѣе крестъ и гробъ Его. Доселѣ ученики Его шли неровнымъ, тѣснымъ, часто тернистымъ путемъ; но шли по слѣдамъ Учителя, облеченнаго могуществомъ Сына Божія, обращая на себя всеобщее вниманіе, раздѣляя съ Нимъ Его славу, утѣшая себя величественными надеждами въ будущемъ: и вотъ, путь сей внезапно приводить ихъ къ Голгоѳѣ,

*) И въ іудейской книгѣ: *Толдотъ Іешуя*, хотя она написана противъ христианства, упоминается о погребеніи Иисуса Христа Іосифомъ; только послѣдній называется другимъ именемъ —Іудою: «и взялъ Іуда тѣло Иисуса съ дрѣва и положилъ его въ свое саду.» Р. 87. Edit. Haldric.

пресъкается крестомъ Учителя, совершенно оканчивается Его гробомъ! Положеніе печальное, безутешное!

Еще бы скорбь учениковъ Иисуса была не такъ чрезъмѣрна, если бы они менѣе увѣрены были въ Его достоинствѣ. Тогда она скоро могла бы превратиться въ охлажденіе къ Тому, который такъ внезапно измѣнилъ ихъ надеждамъ, подвергнувъ Себя смерти, а ихъ посрамлению. Тогда скорбѣло бы обманутое самолюбіе.

Но любовь и уваженіе къ Иисусу нисколько не умалились въ сердцахъ признательныхъ. Души учениковъ Его были соединены съ Нимъ вѣчнымъ, небеснымъ союзомъ. Гробъ Его содѣлался для нихъ святилищемъ, въ коемъ заключены были всѣ ихъ святые помыслы, всѣ чистыя желанія, вся вѣра ихъ. :

И съ сею-то святою любовію непрестанно встрѣчалась ужасная мысль Онъ умеръ! Онъ не то, чѣмъ былъ, чѣмъ мы почитали Его! Онъ не Мессія! Онъ, который былъ и есть для насть все!

Предсказанія Иисуса Христа о своей смерти и воскресеніи должны были разсѣять сомнѣнія, облегчить горесть учениковъ Его. Но сіи предсказанія, какъ мы видѣли, не обращали на себя вполнѣ вниманія, или казались имъ непонятными. Не умѣя представить, какъ Мессія можетъ умереть, они не думали о Его воскресеніи. И многократныя обѣщанія Иисуса, при прощаніи съ ними на вечери, что они вскорѣ опять увидятъ Его,—и сіи обѣщанія были теперь забыты, или превратно изъясняемы. Если бы кто сказалъ: «Онъ воскреснетъ, мы увидимъ Его,»—растерзанное печалію, подавляемое сомнѣніями, сердце могло отвѣтить такъ же, какъ отвѣчала нѣкогда Мароа:

«знаю, что воскреснетъ—въ воскресеніе мертвыхъ, въ послѣдній день: тогда мы всѣ увидимъ Его.» — Ужѣ по воскресеніи Господа, ученики Его привели себѣ на память тѣ случаи, когда Онъ предсказывалъ имъ свое воскресеніе.

КУСТОДІЯ.

(Дальшее ожесточение первосвященниковъ. — Ихъ мнимое опасение подлога со стороны учениковъ Иисусовыхъ. — Просьба и дозволение употребить для вѣрности стражу и печать. — Кустодія. — Мысли у гроба Иисусова.)

Предписанный закономъ, строгій покой величаго для субботы нахальной связалъ, какъ мы видѣли, бездѣйствіемъ самыхъ пламенныхъ почитателей Иисусовыхъ; но не могъ прекратить несчастной дѣятельности ожесточенныхъ враговъ Его. Злоба въ семъ случаѣ показала, что она бываетъ иногда памятливѣ любви: тогда какъ въ умѣ учениковъ Иисусовыхъ, какъ будто какимъ либо чудомъ, приведены были въ забвение Его многократныя предсказанія о своемъ воскресеніи изъ мертвыхъ, фарисеи и книжники не замедлили привести это себѣ на память и взять мѣры противъ того, чтобы предсказаніе сіе не сбылось на самомъ дѣлѣ. Привыкли сами дѣйствовать нечисто, по внушению страстей и выгодъ, Каїаѳа и клевреты его воображали, что ученики Иисусовы, въ отмщеніе за смерть Учителя, не преминутъ воспользоваться подобнымъ предсказаніемъ, то есть, унесутъ тайно тѣло Учителя изъ гроба, скажутъ народу, что Онъ воскресъ изъ мертвыхъ, и такимъ образомъ произведутъ опасное для синедріона волненіе.

Погребеніе Его членомъ спінедріона, въ собственномъ саду и гробѣ, казалось, открывало всю удобность къ такому покушенію. Посему, въ тайномъ совѣтѣ Кліаениомъ, немедленно рѣшено — взять всѣ необходимыя мѣры, и для сего окружить гробъ Іисусовъ въ продолженіе трехъ дней стражею. Въ подобной стражѣ у первосвященниковъ не было педостатка; между тѣмъ они не рѣшились дѣйствовать въ семъ случаѣ сами, и почли за лучшее снова ввести въ участіе прокуратора, какъ новая встрѣча съ нимъ, послѣ событий предшествующаго дня, ни казалась тяжкою. Кромѣ того, что спімъ отклопялась отвѣтственность за послѣдствія по-вой мѣры, римская стража могла казаться гораздо надежнѣе іудейской, по ея привычкѣ къ строгому исполненію своего долга и неучастію въ народномъ расположеніи къ Іисусу. Явясь къ Пилату, первосвященники и книжники признали, по прежнему, видъ ревностныхъ блюстителей общественнаго покоя и выгодъ римскаго правительства: «мы вспомнили, такъ говорили лицемѣры, что этотъ лъстецъ, еще будучи въ живыхъ, сказа-
лъ: послѣ трехъ дней Я воскресну изъ мертвыхъ. Итакъ, прикажи охранять гробъ до третьяго дня, чтобы ученики Его, пришедши ночью, не украли Его и не сказали народу, что Онъ возсталъ изъ мертвыхъ. Въ такомъ случаѣ, послѣдній обманъ можетъ быть хуже перваго.»

Гордый всадникъ римскій, еще не давно такъ жестоко униженный сими самыми людьми предъ цѣлымъ народомъ, всего менѣе быть расположень вѣрить ихъ усердію къ благу общественному: но противиться явно предложенію, которое казалось плодомъ дальновидной осто-

рожности и неутомимаго поиске пія о спокойствїи народомъ, было не въ духѣ римской власти. Посему Пилатъ немедленно согласился па предлагаемую мѣру, выразивъ впрочемъ свое недовѣріе къ чистосердечю спиедріона—тѣмъ, что самъ нисколько не принялъ въ цей непосредственнаго участія.

«У васть есть кустодія, отвѣчалъ Пилатъ (такъ называлась военная стража при храмѣ): подите, возьмите изъ неї, сколько угодно, и стерегите гробъ, какъ знаете.»

Противъ такого мимаго довѣрія нельзя было сказать ничего; и первосвященники, взявъ пужное число воиновъ, отправились въ вертоградъ Іосифовъ. Тутъ, безъ сомнѣнія, не преминули осмотрѣть всю внутренность погребальной пещеры, увѣриться въ цѣлости тѣла Іисусова, равно какъ и въ томъ, что изъ пещеры шѣть другаго выхода, кроме того, который заваленъ былъ огромнымъ камнемъ. По освидѣтельствованіи, камень сей опять былъ приваленъ ко входу, и для большей безопасности отъ всякаго покушенія войти въ пещеру, запечатанъ печатю спиедріона. Поставленая стража также, безъ сомнѣнія, снабжена была всѣми нужными наставленіями, тѣмъ паче приказаниемъ стреци неуспоко падъ тѣмъ, отъ чего зависѣло, какъ говорили первосвященники, спокойствіе цѣлой Іудеи, Пилатовой преторіи и самого кесаря.

Такимъ образомъ, злоба враговъ Іисусовыхъ сдѣлала съ своей стороны все, что нужно было для засвидѣтельствованія предъ цѣлымъ свѣтомъ истины воскресенія Христова!... Провидѣніе и въ семъ случаѣ показало, какъ оно, не нарушая нисколько свободы чело-

вѣческой, премудро употребляетъ для достиженія цѣлѣй своихъ тѣхъ самыхъ людей, кои идутъ нагло вопреки его святыхъ опредѣленій.

Ученики и почитатели Іисусовы, — кромѣ, можетъ быть, Іосифа, коему принадлежалъ вѣртоградъ, — вовсе не знали о кустодіи, поставленной спіедріономъ у гроба Іисусова: иначе, по прошествіи дня субботняго, они не собирались бы идти на сей гробъ, чтобы помазать тѣло Его благовонными мастиами, — для чего теперь уже не было возможности.

Время дѣйствовать Богу: ибо разоренъ закризъ твой (Псал. 118, 126)! Такъ отъ избытка горести, восклицалъ нѣкогда Давидъ, видя, какъ переполнялась чаша беззаконія въ рукахъ нѣкоторыхъ людей. Стоялъ надлежало повторить сіе восклицаніе тому, кто былъ у гроба Іисусова. Если когда, то тутъ время было дѣйствовать Богу, самому Богу, ибо — разоренъ былъ не законъ только, а поруганъ и самыи Законодатели! Человѣчество никогда не видало столько великаго, прекраснаго, божественнаго, сколько видѣло въ краткое время служенія Іисусова. И все великое, прекрасное, божественное — было заключено теперь въ гробѣ, запечатано печатю Каїаѳы! Что было бы съ человѣчествомъ, если бы печать сія не растаяла отъ огня правды Божіей, — если бы плоть Праведника увидѣла истилѣніе (Дѣян. 2, 31)? Миръ божественный, раскрывшися на время, опять закрылся бы навсегда. Царство Божіе, низведеніе

поеша землю, опять воспарило бы на небо. Послѣ божественнаго озаренія наступила бы еще мрачнѣйшая ночь.

Частныя дѣйствія добра—могли остаться. Закхей не престалъ бы, вѣроятно, быть милостивымъ, помилованная грѣшница—цѣломудреннаю, Іосифъ и Никодимъ—могли бы сохранить увѣренность, что *Учителъ отъ Бога пришелъ* (Іоан. 3, 2). Но великое дѣло спасенія человѣческаго осталось бы погребеннымъ вмѣстѣ съ Іисусомъ. Безотрадны были слова учениковъ: *надѣ вспоми сими третій день есть, отиелъже сія быша* (Лук. 24, 21). Но, какъ ужасны были бы слова сіи, когда бы надлежало говорить: *надѣ вспоми сими третій годъ, третій вѣкъ, третіе тыгичелѣtie есть, отиелъже сія быша!*

Безъ Іисусова: *радуйтесь!* (Мат. 28, 5)—не было бы радости въ сердцѣ апостоловъ; безъ Іисусова — *миръ вамъ!* (Іоан. 22, 20) не распространился бы миръ по лицу земли. Надобно было прежде сказать воскресшему Учителю: Господь и Богъ мой! (Іоан. 22, 28)—и потомъ уже умирать за Господа и Бога своего. Воскресеніе утвердило учениковъ въ вѣрѣ, *породивъ ихъ*, какъ выражается св. Павелъ, *въ упованіе живо*. А безъ сего—не раздался бы гласъ проповѣди апостольской, и міръ остался бы безъ креста — съ своими идолами, Аѳени и Римъ — съ ихъ *невѣdomымъ Богомъ* (Дѣян. 27, 23).

Итакъ, *время было дѣйствовать Богу, самому Богу!* Это была самая рѣшительная минута не только для всего человѣчества, но и для самого міроправленія божественнаго, — минута, въ которую надлежало предъ лицемъ всего міра, ангеловъ и человѣковъ, показать

торжественно, что не одинъ конецъ благому и злому, праведному и нечестивому,—что есть Богъ, судяй земли!

Итакъ, воскресни Боже! Суди земли! Яко Ты,—единъ Ты,—наслыдиши во вспахъ языцехъ!

БОНЕЦЪ.

ЖИЗНЬ
СВЯТОГО АПОСТОЛА ПАВЛА

ЖИЗНЬ ВЪ ІУДЕЙСТВѢ.

Павель (*παῦλος, pavlus, менший*), до обращенія въ христіанство Савль (*שׁאול, вожделенный*), одинъ изъ величайшихъ учителей христіанской религії, который послѣ прочихъ апостоловъ обратился къ вѣрѣ въ Іисуса Христа, но болѣе каждого изъ нихъ содѣствовалъ къ покоренію державѣ Его всего міра, произошелъ отъ іудейскихъ родителей, изъ колѣна Вениаминова (Фил. 3, 5). Многіе изъ отцевъ Церкви ¹), съ свойственною имъ духовною проницательностію, находили въ иѣкоторыхъ мѣстахъ ветхаго завѣта предсказанія о происхожденіи Павла отъ сего колѣна, особенно въ 28 стихѣ 68 псалма. Выраженіе: *евреинъ отъ сердцѣ*, употребленное Павломъ въ посланіи къ Филиппамъ (3, 6) для означенія своего происхожденія, показываетъ такого человѣка, между предками коего не было ни одного необрѣзанного ²), — преимущество,

¹) Амвросій, Іеронимъ, Августинъ, Феодоритъ и др.

²) Такъ и Ксенофонтъ въ похвальномъ словѣ Агезилаю, для показанія древности его царскаго происхожденія, говоритъ, что онъ произошелъ *οὐκ ἴδιώτης, ἀλλ ἐκ βασιλέων βασιλεύσας*.

стопвшее замѣчанія во времена апостола, когда многіе изъ іудеевъ происходили отъ язычниковъ, обратившихся въ іудейство, или даже самы бывали иѣкогда язычниками. Значительное образованіе, для коего Павелъ былъ нарочно посланъ въ Іерусалимъ, знакомство въ юныхъ лѣтахъ съ первыми лицами въ іудейской столицѣ, тонкая общежительная образованность, коя слѣды весьма часто встречаются въ его посланіяхъ¹⁾, заставляютъ думать, что онъ произошелъ не изъ низкаго, по крайней мѣрѣ не изъ бѣднаго состоянія. Время рожденія Павлова, при всѣхъ покушеніяхъ опредѣлить оное, доселѣ остается неопределеннымъ; вѣроятно только, что оно не далеко отстоитъ отъ времени Рождества Христова²⁾. Отечествомъ Павла былъ Тарсъ (Дѣян. 9, 11; 21, 39; 20, 3), главный городъ Киликіи, лежавшей при Средиземномъ морѣ и составлявшей одну изъ двѣтихъ областей римской имперіи³⁾. Іеронимъ сказываетъ⁴⁾, что родители Павлова переселились въ Тарсъ изъ іудейского города Гіскала, послѣ того какъ сей послѣдній былъ взятъ и опустошенъ римлянами.

Фамилія Павлова, какъ явствуетъ изъ 22, 28 Дѣяний, имѣла весьма важное въ тогдашнія времена право римского гражданства. Откуда сіе право?—По сказанію Діона Хризостома⁵⁾, городъ Тарсъ, за свою при-

¹⁾ Въ цѣломъ посланіи къ Филимону. Такжѣ 1 Кор. 10, 6; 2 Кор. 11, 1,—6; 12, 11.

²⁾ См. Pearson *Annales Pavlinas. Witsii Meletema a Leydensia.*

³⁾ Флав. Древ. книг. 1, гл. 6. *Diog. Sicil. in Hist.*

⁴⁾ *In Catal. illust. vir. sub voce: Pavlus.*

⁵⁾ *In Tarsica posteriori. Tom. 2, pag. 36. Edit. Reiske.*

верженность къ Юлію Кесарю, стопвшую жителямъ его великихъ бѣдствій отъ Кассія, получила въ царствованіе Августа многія права и преимущества: отсюда пѣ-которые писатели получили мысль, что всѣ жители Тарса ползовались правомъ римскихъ гражданъ. Но при исчислениіи сихъ преимуществъ¹⁾ не упоминается о правѣ гражданства римскаго. Напротивъ, латинскіе писатели называютъ Тарсъ только вольнымъ городомъ²⁾, каковая вольность гораздо ниже онаго права. Притомъ, если бы всѣ жители Тарса имѣли право римскаго гражданства, то римскій трибуpъ (какъ описывается въ 21, 39 Дѣяній), знаяшій о происхожденіи Павла изъ сего города, не осмѣлился бы подвергнуть его безъ суда тѣлесному наказанію, и Павлу не было бы нужно, для избѣжанія пытки, объявлять, что онъ гражданинъ римскій. Вѣроятнѣе, что кто-нибудь изъ предковъ Павла пріобрѣлъ своему потомству право римскаго гражданства, или посредствомъ услугъ, оказанныхъ кесарямъ во время междоусобій, или за деньги. По свидѣтельству Діона Кассія³⁾, Юлій Цезарь даровалъ сіе право весьма многимъ чужестранцамъ. А Флавій говоритъ⁴⁾, что іудеи очень охотно покупали его у корыстолюбивыхъ правителей римскихъ.

Гораздо важнѣе вопросъ: былъ ли Павелъ въ юныхъ лѣтахъ образованъ въ греческихъ наукахъ? — Большая часть писателей древнихъ и новыхъ отвѣчали на него

¹⁾ Вотъ онѣ: Χόραν (Августъ даровалъ тарсіянамъ) νομοὺς, τιμὴν ἔχουσιν τοῦ ποταμοῦ, τῆς Θαλάσσης, τῆς καθ ἀντὴν.

²⁾ Plin. Hist. lib. 5, cap. 27. Appian. Civilum. lib. V.

³⁾ Hist. lib. 43.

⁴⁾ De Bel. Iud. 2, 14.

утвердительно¹). Въ самомъ дѣлѣ, Тарсъ славился науками, такъ что жители его, по замѣчанію Страбона²), спорили въ просвѣщеніи съ жителями Аѳинъ и Александрии; а посему невѣроятнымъ кажется, чтобы родители Павла не воспользовались для образованія своего сына тѣми пособіями, кои находились у нихъ, такъ сказать, подъ руками. Самыя посланія Павловы, по-видимому, заставляютъ предполагать въ немъ познаніе греческихъ писателей: ибо онъ приводитъ въ нихъ стихи нѣкоторыхъ поэтовъ (Арата, Дѣян. 17, 28; Менандра, 1 Кор. 15, 32; Епименида, Тит. 1, 12). Несмотря на сіе, гораздоѣмѣнѣе, что образованіе, полученнное Павломъ въ Іерусалимѣ, не было предварено изученіемъ въ Тарсѣ греческой мудрости: ибо а) Савлъ отправленъ былъ въ Іерусалимъ въ самыхъ юныхъ лѣтахъ. «Жизнь мою», говоритъ онъ, «отъ юности моей, которую сначала проводилъ я среди народа моего въ Іерусалимѣ, знаютъ всѣ іудеи (Дѣян. 26, 4)». Тоже, безъ сомнѣнія, означаетъ и выраженіе: быть воспитаннымъ *при ногу Гамаліїла*, которое употребляется о себѣ Павелъ (Дѣян. 22, 3). б) Родители Павла принадлежали къ сектѣ фарисейской; а фарисеи, по словамъ Флавія³), гнушались не только науками, но и самыми языками необразованыхъ. с) При тщательномъ разсмотрѣваніи посланій ап. Павла, въ самомъ образѣ изложенія оныхъ открывается много доказательствъ на

¹) Феодоритъ называлъ Павла *Паучодон*. Сочиненія новѣйшихъ писателей, относящіяся къ сему предмету, исчислены у Витзія (Melet. Leyden.) и Бертолъда (Einleitung in Neues Testament).

²) Geog. Lib. 14, pag. 673, al. 991.

³) Antiq. Lib. 20, cap. 2.

то, что писатель ихъ не былъ знакомъ ни съ какимъ другимъ образованіемъ, кроме раввинскаго, бывшаго въ употреблении у тогданихъ палестинскихъ іудеевъ. Языкъ греческій; но изъ всего видно, что на немъ пишеть іудей, воспитанный въ Палестинѣ, привыкшій къ выраженіямъ и словосочиненію еврейскому¹). Мнѣнія греческихъ поэтовъ, приводимыя Шавломъ, такого рода, что могли быть извѣстны всякому сколько-нибудь образованному человѣку и безъ особеннаго упражненія въ греческой литературѣ; они походятъ на пословицы, каковыми часто дѣлаются иѣкоторые стихи любимыхъ писателей. Впрочемъ, апостолъ могъ весьма часто слышать ихъ во время своихъ путешествій по Греціи, гдѣ лучшіе стихотворцы многими перечитывались напузсть; самое обращеніе его съувѣровавшими язычниками доставляло ему много подобныхъ свѣдѣній. Кроме того, мы знаемъ, что апостолъ посвящалъ свободное отъ трудовъ время на чтеніе книгъ²). Можно думать, что между сими книгами были иѣкоторыя и греческія. Павелъ, какъ видно изъ 17, 23 Деяній, почиталъ за нужное узнавать предварительно духъ и правила тѣхъ людей, коимъ намѣревался проповѣдывать; но въ семъ отношеніи многіе поэты греческіе могли быть весьма полезны.

Желаніе дать сыну лучшее образованіе, впрочемъ

¹) Vid. Thaleman Dissert. de Eruditione Pavli Judaica, non Graeca.

²) 2 Тим. 4, 13. Выраженіе: *принсси книи, паче же кожаныя*, кажется, показываетъ уже, что апостолъ разумѣлъ подъ сими книгами не одинъ только ветхій завѣтъ, какъ думаютъ иѣкоторые.

въ духѣ отечественной религіи, примѣръ согражданъ, которые имѣли обыкновеніе посыпать своихъ дѣтей и путешествовать для усовершенствованія себя въ наукахъ¹), п, можетъ-быть, родственная связи, которая родители Савла имѣлъ съ жителями Иерусалима (Дѣян. 23, 16), расположили ихъ послать своего сына для обученія въ Иерусалимъ, который еще почитался тогда средоточіемъ иудейской мудрости. Какъ сынъ фарисея, Савлъ присоединился къ сектѣ фарисеевъ и сдѣлался ученикомъ Гамаліла, знаменитѣйшаго изъ тогдашнихъ еврейскихъ законоучителей²). Если онъ тотъ самый Гамалілъ, о коемъ упоминается въ 5 главѣ Дѣяній; то онъ стоялъ быть образователемъ такого ученика, каковъ Павелъ. Отзывъ его о христіанствѣ (Дѣян. 5, 35—39) показываетъ въ немъ человѣка здравомыслящаго, который отъ Промысла и времени ожидаетъ разрѣшенія недоумѣній, возбуждаемыхъ необыкновенными событиями, относящимися къ религіи,—въ твердой увѣренности, что изобрѣтеніе человѣческое, сколько бы ни прикрывалось лицемъ божественного происхожденія, не можетъ долго удерживать характеръ божественности, и съ продолженіемъ времени исчезаетъ само собою.

Юный Савлъ былъ тщательно наставленъ въ отеческомъ законѣ (Дѣян. 22, 3): чего и надлежало ожидать, судя по зданистости его наставника. Чрезвычайный

¹) Strab. Geog. Lib. 14, раз. 673. Edit. Cosatib. pag. 1587.

²) Гамалілъ былъ сынъ Симеона, внукъ Гиллела, прозванный за ученость, въ отличіе отъ обыкновенныхъ раввиновъ, *равваномъ*. Талмудъ усвоилъ ему главное начальство надъ фарисейскимъ училищемъ въ Иерусалимѣ. Vid. Schettg. *Horas Herb. et Talmud.*

дарованилъ вскорѣ отличилъ его между сверстниками, такъ что немногіе могли равняться съ нимъ въ разумѣніи фарисейскаго богословія (Гл. 1, 14). Природная доброта сердца, а можетъ-быть, и примѣръ наставника, были причиной того, что Савлъ, несмотря на юныя лѣта свои, въ кои обыкновенно любятъ болѣе знать, нежели исполнять познанное, старался вести жизнь непукиицненную (2 Тим. 1, 3), и былъ по правдѣ законной непороченъ (Филпп. 3, 6).

По обыкновенію тогдашнихъ іудеевъ¹⁾, обучать дѣтей своихъ какому-нибудь искусству, Савлъ съ упражненіемъ въ паукахъ соединялъ упражненіе и въ искусство. Евангелистъ Лука называетъ (Дѣян. 18, 3) его *σκηνοποιός*, по нашему славянскому переводу *скинотворцемъ*. Въ чемъ бы ни состояло сіе искусство (ибо мнѣнія о немъ несогласны²⁾), изъ исторіи путешествій апостола видно, что онъ могъ заниматься имъ всюду, куда

¹⁾ У древнихъ іудеевъ даже обратилось въ пословицу, что кто не обучаетъ сына своего какому-нибудь ремеслу или искусству, тотъ учить его красть. Schittg. in Disser. de Christo Rabbini. Summo.

²⁾ Одни (Michael in Einleit. in N. T.) разумѣютъ подъ нимъ дѣланіе инструментовъ; другіе (Luther) ковровъ; иные (Eichhorn. Hung. in Einleit. in N. T.) попонъ или войлоковъ, изъ коихъ составлялись палатки; многіе—просто дѣланіе палатокъ, которыхъ на Востокѣ, по причинѣ жаркаго климата и недостатка въ гостиницахъ, были въ великомъ употреблении у путешественниковъ. Послѣднее мнѣніе вѣроятнѣе: ибо Златоустъ, который копечио зналъ хорошо силу слова: *σκηνοποιός*, употреблялъ вмѣсто его *σχηνορράρος* (сшиватель палатокъ). Киликія, отечество Павла, славилась материалами для палатокъ. Vid. Svidas sub voce: Kilikia. Plin. Hist. Nat. 6, 28.

и приходилъ, и что платы за труды доставало на содержаніе его вмѣстѣ съ сотрудниками въ дѣлѣ проповѣди.

Апостолъ Павелъ самъ иѣкоторымъ образомъ характеризуетъ духъ образованія, полученнаго имъ отъ Гамаліила, когда ученіе фарисейское называется (Дѣян. 26, 5) строжайшимъ (*ακριβεστατην*) въ отеческомъ вѣроисповѣданіи. Нравственность фарисеевъ въ новомъ заѣтѣ является болѣею частію въ безобразномъ видѣ: они вездѣ изображаются лицемѣрами, конъ подъ личною строгой набожности скрывають сэрдца, исполненныя гордости и корыстолюбія — черты, безъ сомнѣнія взятыя съ натуры! Впрочемъ, основатели секты фарисейской могли имѣть чистые виды. Въ сочиненіяхъ раввиновъ, [конъ болѣею частію держались фарисейства, часто встречаются позитивные правила нравственности ¹). Въ твореніяхъ Іосифа Флавія, который также принадлежалъ къ фарисеямъ ²), болѣею частію господствуетъ здравый образъ мыслей и нерѣдко чистое чувство нравственное. Если между фарисеями многіе носили только личину благочестія, то иѣкоторые, вѣроятно, были тѣмъ, чѣмъ другіе хотѣли только казаться. По крайней мѣрѣ, нельзя думать, чтобы въ ихъ школахъ учили лицемѣрію. А посему образованіе Павла въ фарисейскомъ учрежденіи, при такомъ учительѣ, каковъ Гамаліиль, могло имѣть благотворное дѣйствіе на развитіе его нравственнаго характера, по крайней мѣрѣ не могло много вредить чистотѣ характера, какъ

¹) Vid. Berger. Moral. Einleit. in N. T. Pag. 478.

²) Joseph de vita sua § 2.

могутъ думать нѣкоторые, основываясь на худомъ понятіи о фарисеяхъ. Чтеніе книгъ ветхаго завѣта, коимъ постоянно занимались въ фарисейскихъ школахъ¹⁾), способствовало къ обогащению памяти Савловой лучшими правилами нравственности и высокими образцами благочестія; любимое имъ упражненіе — изъяснять многія мысльта и писанія въ иносказательномъ смыслѣ, пролагало въ умѣ его путь тому святому искусству — извлекать пзъ *мертвао письменіи духъ животворящій*, коимъ означенованы всѣ посланія его, особенно къ евреямъ и галатамъ. Даже то самое, что въ образованіи фарисейскомъ было предосудительного, какъ-то: чрезмѣрная привязанность къ человѣческимъ преданіямъ и миѳамъ учителей, страсть все подводить подъ правила, ничего не оставляя нравственному чувству, произведеніе нравственности изъ области духа въ кругъ виѣшнихъ, часто механическихъ дѣйствій²⁾), — вносядствіи, подъ благотворнымъ вліяніемъ христіанской релігіи, могло обратиться во благо. Люди съ умомъ спльнымъ и живымъ характеромъ, при душевныхъ перемѣнахъ, съ ими встрѣчающихся, обыкновенно уклоняются въ противоположную сторону, и уклоняются далеко. Это случилось и съ Павломъ. По обращеніи въ христіанство, онъ всздѣй обнаруживаетъ противоположный прежнему образъ мыслей даже тамъ, где говорятъ безъ непосредственного виушенія Духа Божія, по собственному чувству (наприм. 1 Кор. 7, 25—40). Въ самомъ началѣ своего апостольского служенія онъ не только отвергъ

¹⁾ Joseph Ant. Lib. 20, cap. 2, sub finem.

²⁾ V. Serarii Trihaeresi m.

иечистыя преданія человѣческія, кои были отвергаемы и прочими апостолами, вразумленными въ ихъ ничтожности ученіемъ и примѣромъ Иисуса Христа (Матея 15, 1—9), но и проповѣдывалъ свободу христіанъ отъ обрядового закона, — поступокъ, который долго подвергался едва не всеобщему нареканію, однако же былъ совершенно сообразенъ съ духомъ новозавѣтнаго учения.—Такимъ образомъ Промыслъ, избравшій Савла отъ чрева матери (Гал. 1, 4) на великое служеніе апостольства, обнаружилъ мудрое водительство свое и въ томъ, что попустилъ ему провести юность свою *при поцахъ Гамалила*.

Первое попытіе о христіанствѣ Павелъ, по всей вѣроятности, получилъ еще въ школѣ Гамалила: ибо нельзя думать, чтобы фарисейскіе наставники оставляли учениковъ своихъ въ невѣдѣніи о новой сектѣ, которая съ самаго начала своего сдѣлалась весьма значительною и угрожала всѣмъ преданіямъ фарисеевъ. Невѣроятно даже, кажется, чтобы Савлъ никогда не видалъ Иисуса Христа въ продолженіе Его земной жизни. Такъ однажды заставляютъ думать вся послѣдующая история и всѣ посланія его. Онь нигдѣ не упоминаетъ о томъ, чтобы онъ видѣлъ Иисуса Христа, хотя во многихъ случаяхъ было весьма прилично упомянуть о семъ (наприм. во 2 Кор. 4, 22; 12, 11; Гал. 1, 12 слич. послѣд. стихъ съ Деян. 1, 21 и друг.); на противъ, сказываетъ иногда иѣчто такое, изъ чего должно заключить, что Иисусъ Христосъ не былъ ему известенъ лично (наприм. Деян. 9, 5). Притомъ, если бы Павелъ находился когда-нибудь въ числѣ слушателей Иисуса Христа, то евангелисты, вѣроятно, замѣтили бы

сіе обстоятельство, тѣмъ паче, что онъ, судя по его характеру, не могъ быть безмолвнымъ слушателемъ или зрителемъ Мессіи. Странность сія, то-есть, что Савлъ не зналъ Іисуса Христа лично, позъясняется тѣмъ, что время открытаго служенія Іисуса Христа рѣду человѣческому было непродолжительно ¹⁾; что большая часть онаго проведена была въ путешествіяхъ по Іалястинѣ, особенно по той ея части, которая называлась Галілею; что Іисусъ Христосъ приходилъ въ Іерусалимъ только на праздники, и то па краткое время, всегда почти удалялся шумныхъ собраній народа и проповѣдывалъ большою частію не тамъ, где полагали враги его (Іоан. 11, 54—57). (Посему-то были такие люди, коп, при всемъ желаніи видѣть Его, не находили къ тому случая. Лук. 23, 8). Съ другой стороны, Гамаліилъ, сообразно своему характеру, вѣроятно старался держать учениковъ своихъ, особенно юныхъ, какъ Савлъ, въ удаленіи отъ всѣхъ народа и собраній, которыхъ въ то время рѣдко происходили безъ печальныхъ явлений. Но окончаніе своего образованія, Савлъ могъ отлучиться изъ Іерусалима въ Тарсъ къ своимъ родителямъ. И можно ли исчислить всѣ причины, которыхъ могли не допустить Павла знать Іисуса Христа лично?

Изъ училища Гамаліилова Савлъ вышелъ тѣмъ, чѣмъ надлежало выйтти ученику фарисея — жаркимъ ревнителемъ отеческихъ преданій (Гал. 1, 14). Шал-

¹⁾ Обыкновенно полагаютъ, что служеніе Іисуса Христа продолжалось около трехъ лѣтъ съ половиною. См. Церк. Библ. Истор. Преос. Филиарета.

кость характера и юность возраста его были причиною, что онъ не перенялъ у своего наставника самой лучшей, можетъ-быть, части его наставлений — искусства соединять съ ревностію по вѣрѣ хладнокровное разсуждение и благоразумную терпимость (Дѣян. 5, 33 — 39). Участіе въ убієніи Стефана, повидимому, было не первымъ опытомъ приверженности Савла къ отеческимъ преданіямъ: ибо оно не было столь значительно, чтобы первосвященники іудейскіе вслѣдствіе его рѣшились уполномочить (Дѣян. 26, 10) юнаго фарисея на произведеніе тѣхъ кровавыхъ явлений, которыя, какъ увидимъ, послѣдовали за смертію первомученика. Паклонность многихъ изъ тогдашихъ іудеевъ къ языческимъ обыкновеніямъ представляла весьма часто случаи къ обнаружению патріотической ревности. Едва ли даже Савлъ (завлеченный пылкостію характера) не состоялъ въ нѣкоторомъ спошениіи съ ужасною въ времена сектою зилотовъ¹). Написование ревнителя (Ζηλωτѣς), которое онъ даетъ самъ себѣ (Гал. 1, 14), довѣренность къ нему убійцѣ Стефановыхъ (Дѣян. 8, 58), которые по всей вѣроятности были зилоты²), дѣлаютъ сюю догадку правдоподобною.

Когда такимъ образомъ ученикъ Гамаліловъ, именемъ

¹) Зилотами назывались у іудеевъ пѣкоторые безразсудные ревнители отечественной религіи и свободы, которые, проповѣдуя, что пародъ Божій не долженъ платить дани кесарю, позволяли себѣ убивать тѣхъ, кои, будучи благоразумнѣ, имѣли твердость противиться ихъ возмутительнымъ замысламъ.

²) Ибо они только могли рѣшиться на убієніе Стефана вопреки узаконенію римлянъ, чтобы смертные приговоры исполнялись не прежде утвержденія ихъ прокураторомъ. Иоан. 8, 31.

реоность по Богу, но безъ разсуждения, и не разумѣя праведности Божией, усиливаясь поставить собственную свою праведность,—праведность по вѣрѣ (Рим. 10, 2, 3) въ Іисуса Христа уже оказывала благотворное дѣйствіе свое надъ многими изъ его братій по плоти. Несмотря на гнусную клевету первосвященниковъ о похищении тѣла Іисусова ученика Его и на строгія мѣры противъ провозвѣстниковъ Его воскресенія, весь Іерусалимъ исполнялся славою имени Распятаго; слово Божіе расло, число учениковъ непрестанно умножалось; изъ самыхъ священниковъ іудейскихъ очень многие покорялись вѣрѣ (Дѣян. 6, 7). Иудейству, и безъ того давно потрясаемому различными толками господствующихъ сектъ, угрожала новая величайшая опасность со стороны возникающаго христіанства. Что долженъ былъ мыслить и чувствовать въ спахъ обстоятельствахъ Савлъ — юноша съ искромъ характеромъ, патріотическимъ чувствомъ, съ умомъ сильнымъ, но помраченнымъ предразсудками, фарисеемъ, отъ всего сердца приверженныи къ отеческому закону и обычаямъ, свято чтившій не только Моисея и пророковъ, но и преданія старцевъ, несообразныя съ духомъ христіанства? — Могъ ли онъ обольстительную мечту о Мессіи, царь-законоучителѣ, промѣнять на почитаніе креста, который еще недавно былъ предметомъ посмѣянія для Іерусалима? Могъ ли обѣщать себѣ что-нибудь добра отъ той секты, коя Основатель столь строгого и часто вооружался противъ порочной жизни фарисеевъ—его наставниковъ и воспитателей? Савлъ видѣлъ только опасность со стороны христіанства, а посему питалъ къ нему одно отвращеніе. Чудеса Іисуса Христа и Его апостоловъ могли быть изъясняемы имъ такъ,

какъ ихъ вообще изъясняли фарисеи — содѣйствіемъ злыхъ духовъ, легковѣріемъ народа и тому подобное. Внутреннее превосходство ученія христіанского также не могло трогать его: для сего требовалось спокойное углубленіе въ духъ христіанской религіи и въ свою совѣсть, къ чему умъ, занятый предразсудками, не былъ способенъ; только опытные и разсудительные люди, какъ Гамаліилъ, могли ожидать отъ Промысла разрѣшенія недоумѣній, возбуждаемыхъ успѣхами христіанства. Павелъ думалъ, что ему нужно *сильно действовать противъ имени Иисуса Назорея* (Дѣян. 26, 9), — и дѣйствовалъ!

Первые опыты Савловой вражды на имя Христово, вѣроятно, состояли въ спорахъ съ провозглашниками онаго (Дѣян. 6, 9). Но школьная ученость фарисейская не долго могла стоять противъ устъ Стефана, исполненного Духа Божія (Дѣян. 6, 10); сила слова замѣнена была насилиемъ клеветы и оружія (Дѣян. 6, 13). Правота Павлова характера не позволяетъ думать, чтобы онъ участвовалъ въ соплеменіи клеветъ на Стефана; но однакоже несомнѣнно, что онъ одобрялъ убіеніе его (Дѣян. 8, 1), и стерегъ одѣжды безчеловѣчныхъ убійцъ Стефановыхъ (Дѣян. 7, 58). Онъ поступилъ въ семъ случаѣ по совѣсти, — только заблуждающей. На немъ, по замѣчанію Златоуста ¹), въ точности сбылись слова Спасителя: *иже убietetъ вы, возмните службу приносити Богу*. Ему казалось, что онъ приносить Богу отцовъ своихъ самую пріятную жертву, когда преслѣдуетъ распространителей новой ереси, которая, по его

¹) Homil. in Ac a Apost.

мнѣнію, имѣла цѣлію ниспроверженіе іудейской религії. Если бы онъ увидѣлъ, подобно Стефану, Иисуса, стоящаго одесную Бога, то вѣро, не опасаясь участіи Стефановой, въ ту же минуту исповѣдалъ бы Его Сыномъ Бога живого.

Неисповѣдимый Промыслъ попустилъ непавиши Савла къ христіанамъ открыться въ новыхъ разителѣнійшихъ явленіяхъ, дабы, какъ изъясняетъ самъ апостоль, въ немъ *первомъ оказалось все до лотерпніе Божіе, въ примирѣ тѣмъ, которые будуть впроватъ въ Иисуса Христа къ жизни вѣчной* (1 Тим. 1, 16). Разсѣяніе вѣрующихъ по смерти Стефана породило въ умѣ убийцъ его мысль, что усиленное гоненіе положитъ конецъ новой ереси; по крайней мѣрѣ, Савлъ въ ослѣпленіи дерзнулъ на новый жестокости. Получивъ отъ первосвященниковъ власть преслѣдоватъ христіанъ, онъ для сего ходилъ по всѣмъ синагогамъ; не довольствуясь симъ, входилъ въ дома ихъ, не щадилъ ни пола, ни возраста, мученіями приуждалъ ихъ хулить имя Иисуса, заключалъ въ темницы, и когда убивали ихъ, то подавалъ на то свой голосъ (Дѣян. 26, 10. 11). Такъ можетъ поступить человѣкъ съ самою набожною совѣстю, когда онъ не проникъ въ истинное свойство любви къ Богу и ближнему! — Успѣхи разсѣянныхъ христіанъ, которые всюду, гдѣ ни проходили, благовѣствовали имя Христово, подали Савлу случай простереть гоненіе на нихъ за предѣлы Палестини. Еще дыша угрозами и убийствомъ, онъ испросилъ у первосвященниковъ письма къ дамасскимъ синагогамъ ¹⁾), дабы, связавъ тамошнихъ

¹⁾ Дѣян. 9, 2. Справивается: какую власть имѣлъ первосвященник Иппокентій. Сочиненія. II.

христіанъ, препроводить ихъ въ Іерусалимъ для суда. Дамаскъ, наполненный іудеями ¹⁾, представлялъ воображенію Павла обширнѣйшее поле для дѣйствованія. Римская власть, которая не терпѣла такихъ явлений, каково было убиеніе Стефана, не имѣла тамъ силы: ибо онъ былъ завоеванъ незадолго предъ симъ АРЕТОЮ, царемъ аравійскимъ (2 Кор. 11, 32). Новый владѣтель его благопріятствовалъ іудеямъ ²⁾. Письма первосвященника, и безъ того уважаемыя въ иноземныхъ синагогахъ, въ дамасскихъ должны были имѣть силу закона и полный успѣхъ, который дѣйствительно послѣдовалъ, — только совсѣмъ въ другомъ видѣ!

и путь надъ синагогъ чужеземпою, какова дамасская? Изъ Joseph Ant. 14, 10, 16, 9 видно, что чужеземныя синагоги доброволы-
шовиновались верховному іерусалимскому синедріону, особенно въ дѣлахъ, касающихся религіи, какъ-то: въ распознаніи ложнаго ученія, лживыхъ пророковъ и проч., и что римскіе областеначальники не противились сему обыкновенію, которое имѣло видъ иѣкотораго національнаго закона у іудеевъ. Vitr. de Synag. Veter. Pag. 866. Wi sans Melet. Leyden. Pag. 23.

¹⁾ Какъ много было іудеевъ въ Дамаскѣ, можно заключить изъ того, что, по свидѣтельству Флавія (Bel. Jud. 2, 25), жители Дамаска въ царствованіе Нерона, захвативъ нечаянно 10,000 іудеевъ въ теплицахъ, предали смерти.

²⁾ Изъ того, что дочь АРЕТЫ была въ замужествѣ за Иродомъ АНТИПОЮ, иѣкоторые заключаютъ даже, что онъ былъ іудейскій прозелитъ. Basnac. Elegit. contra Baron. Pag. 163.

ОБРАЩЕНИЕ ВЪ ХРИСТИАНСТВО.

Путешествіе въ Дамаскъ было тѣмъ временемъ, которое Промыслъ избралъ для обращенія Савла. Чѣмъ необыкновеннѣе сіе происшествіе, чѣмъ разительнѣе открывается въ немъ божественность христіанской религіи, тѣмъ драгоцѣннѣе для насъ, что мы имѣемъ о немъ весьма обстоятельный и несомнѣнныя свѣдѣнія, сообщенные евангелистомъ Лукою (Дѣян. 9, 1 — 25) и двукратно самимъ Павломъ (Дѣян. 22, 5 — 16; 26, 12 — 19). Среди дня, повѣствуетъ онъ, на пути я увидѣлъ свѣтъ съ неба, превосходящій солнечное сіяние, который осіялъ меня и шедшихъ со мною. Всѣ мы пали на землю, и я слышалъ голосъ, говорящій ко миѣ на еврейскомъ языкѣ: «Савлъ, Савлъ! что ты Меня гонишь? — Трудно тебѣ идти противъ рожна (Дѣян. 26, 13. 14)!» Легко представить, сколь сильное впечатлѣніе должно было произвести сіе необыкновенное явленіе въ пылкой душѣ гонителя! Онъ былъ увѣренъ, что всѣ непріязненные дѣйствія его противъ христіанъ непосредственно относятся къ славѣ Божіей; что онъ подражаетъ въ семъ дѣлѣ Финеесу и Иліи,—и на семъ самомъ пути,

который свидѣтельствовалъ о его ревности по Богу, видѣть явленіе, котораго онъ не могъ не признать за божественное, слышитъ съ неба голосъ, жалующійся на преслѣдованіе. Въ сю минуту должны были возобновиться въ памяти его всѣ озлобленія, причиненныя имъ въ Іерусалимѣ вѣрнымъ;—должна была предстать воображенію смерть Стефана, безчеловѣчіе его убийцъ, кроткое спокойствіе и небесное незлобіе сего мученика. Совѣсть, конечно, уже внушила ему, предъ кѣмъ онъ виловенъ; но еще какъ бы не довѣряя несправедливости своего дѣла, какъ бы желая дать знать, что онъ никакого не гналъ съ злымъ намѣреніемъ, всегда дѣйствовалъ по закону, Савлъ въ трепетѣ дерзнулъ вопросить: *кто ты, Господи?* «*Я — Іисусъ, котораго ты ионишъ*», отвѣчалъ явившійся! Надлежитъ поставить тебя на мѣстѣ Павла, чтобы почувствовать всю силу сихъ словъ. Не было уже мѣста сомнѣнію въ божественности лица Іисусова; осталось только мѣсто для страха и ужаса. Савлъ не зналъ еще, что Іисусъ есть Богъ милосердія и щедротъ, что Онъ пришелъ взыскать и спасти погибшее, и для того взошелъ на крестъ, дабы привлечь къ себѣ всѣхъ обремененныхъ грѣхами: собственно земному понятію своему о Мессіи, онъ, безъ сомнѣнія, думалъ увидѣть въ Немъ строгаго мстителя за поруганіе имени своего, за мученіе рабовъ Его,—ожидалъ себѣ участіи Даѳана и Авиrona. Но Гонимый явился не для того, дабы наказать гонителя, но чтобы сдѣлать его своимъ апостоломъ. *Встань и стечь на иоии твои*, сказалъ Господь: ибо *Я для того явился тебѣ, чтобы поставить тебя служителемъ и свидѣтелемъ тому, что видѣлъ, и что Я открою тебѣ*,

избавляя тебя отъ народа іудейскаго и отъ язычниковъ, къ которыемъ нынъ посылаю тебя, открыть имъ глаза, дабы они обратились отъ тьмы къ святу и изъ подъ власти сатаны къ Богу, и впредъ въ Меня получили прощеніе во грехахъ и часть наследія съ освященными (Дѣян. 26, 15—18).

Ободренный симъ утѣшительными словами, Савлъ желалъ знать, что требуется отъ него, дабы соотвѣтствовать новому служенію, на него возлагаемому; и получивъ въ отвѣтъ, что ему будетъ открыто о семъ въ Дамаскѣ. Послѣ сего видѣніе кончилось, оставивъ глубокіе слѣды на очахъ Савловыхъ (онъ сдѣлался слѣпъ) и еще глубже въ его сердцѣ. Спутники его видѣли только свѣтъ и слышали звукъ голоса, но того, кто говорилъ съ нимъ, не видали и, что говорилъ, не разумѣли ¹).

¹) Въ повѣствованіи евангелиста Луки и апостола Павла о семъ случаѣ усматривается некоторое разногласіе. Первый говорить (Дѣян. 9, 7), что спутники Павловы голосъ слышали, но никого не видѣли; послѣдній сказываетъ (Дѣян. 22, 9), что они не слыхали словъ того, кто говорилъ съ нимъ. Нѣкоторые (Оесименій, Веза, Schmidius, Hermannus) думали согласить сіе, разумѣя въ первомъ случаѣ голосъ Павла, а въ послѣднемъ Иисуса Христа; но сего изъясненія не принимаетъ составъ рѣчи: ибо сказаннымъ словамъ въ первомъ случаѣ непосредственно предшествуютъ слова не Павловы, а Христовы; а посему, если бы св. Лука разумѣла голосъ первого, то не сказаль бы просто φωνὴ (голосъ), а присовокупилъ бы αὐτοῦ (его). Гораздо лучше изъясненіе тѣхъ, кои принимаютъ, что слово: *не слышали*, въ послѣднемъ случаѣ означается: *не разумѣли слышаннаго*: ибо ἀκούειν, подобно еврейскому *УДШ*, часто употребляется вмѣсто глагола: *разумѣть*. Такъ употребляетъ слово сіе самъ Павель въ другомъ мѣстѣ 1 Кор. 14, 2. Но какъ можно

Савлъ, ведомый спутниками, пришелъ въ Дамаскъ. Слѣпота его продолжалась три дня. проведенные имъ безъ пищи и питья. Состояніе духа его было въ сіе время самое мучительное для ветхаго человѣка, но тѣмъ благодѣтельнѣе для человѣка новаго: всѣ силы ума и сердца должны были какъ бы переродиться для новой жизни во Христѣ Иисусѣ¹⁾. Лишеній свѣта виѣшняго, онъ обратился ко внутреннему — молился — и получилъ видѣніе, въ коемъ представилось ему, что иѣкто изъ христіанъ, именемъ Ананія, возвратить ему зрѣніе (Дѣян. 9, 12). Въ то же время послѣдовало откровеніе и Ананію²⁾. Самъ Иисусъ Христосъ (такъ много заботился Онъ о своемъ гонитѣ!), явясь ему, повелѣлъ идти къ Савлу для возвращенія ему зрѣнія. Ананія ужаснулся, представляя лютость сего человѣка и его ненависть къ христіанамъ; но былъ успокоенъ тѣмъ, что прежній гонитель теперь есть уже избранное орудіе славы Христовой. Нашедъ Савла въ домѣ иѣкоего іудеянина, именемъ Іуды, онъ возложилъ на него руки

было слыша не разумѣть? — Можетъ-быть, спутники Павла не знали еврейскаго языка, на коемъ говорилъ съ нимъ Иисусъ Христосъ, или находились въ иѣкоторомъ отдаленіи отъ него, или Говорившему угодно было, чтобы слова Его разумѣлъ одинъ Савлъ.

¹⁾ Для чего, спрашиваетъ Златоустъ, Павелъ не ъѣлъ и не пилъ? — И отвѣчаетъ: осуждалъ въ совѣсти свои дѣянія, исповѣдывался въ нихъ предъ Богомъ, молился, просилъ о помилованіи. Ном. 19 in Act. Apost.

²⁾ По отзыву самого Павла, Ананія былъ мужъ благочестивый по закону, одобряемый всѣми іудеями, живущими въ Дамаскѣ. Дѣян. 22, 12. Древнее преданіе говоритъ, что онъ былъ изъ числа 70 Апостоловъ.

и сказалъ: *братъ Савль! Господь Иисусъ, явившійся тебе на пути, послалъ меня къ тебе, чтобы ты прозрѣлъ и исполнился Святого Духа.* За словами тотчасъ послѣдовало и дѣйствіе: съ глазъ Савловыхъ спала какъ бы пѣкоторая чешуя: онъ прозрѣлъ и немедленно принялъ крещеніе (Дѣян. 9, 10 — 18), безъ сомнѣнія отъ рукъ Ананія.

Обращеніе Павла есть одно изъ необыкновеннѣйшихъ событій, коими прославилась Церковь апостольская: посему-то св. отцы столь часто воспоминали о немъ и съ такимъ удовольствіемъ углублялись въ него размышеніемъ ¹⁾). Оно служить утѣшительнымъ примѣромъ для всѣхъ грѣшниковъ, особенно тѣхъ, кои имѣли несчастіе питать ревность по Богу безъ разсужденія, и въ то же время есть одно изъ самыхъ ощущительныхъ доказательствъ божественности христіанской религіи. Въ самомъ дѣлѣ, не кроткій по природѣ человѣкъ, который самъ по себѣ имѣлъ расположеніе къ благотворному ученію христіанъ, не слушатель Иисуса Христа, о коемъ можно бы сказать, что онъ увлеченъ сладостію словъ Его, не такой человѣкъ видѣть Иисуса, коего іудеи почитали мертвымъ, но упорнѣйшій защитникъ іудейства, непримиримый врагъ имени Христова, жестокій преслѣдователь почитателей Его, въ коемъ первосвященники видѣли надежный оплотъ противъ разливающагося потока новой ереси, коего одно имя приводило въ трепетъ и такихъ людей, каковъ былъ Ананія, коего прибытія въ Дамаскъ христіане ожидали

¹⁾ V. Sicer. Lex. sub voce Παῦλος. Buchall presumtive arguments Serm. 5. 6.

какъ гиѣва Божія, а іудеи какъ ангела-хранителя, однимъ словомъ, Савль видитъ Іисуса, признаетъ Его Мессіею, Сыномъ Божіимъ, и содѣлывается ревностнымъ провозвѣстникомъ имени Его, презирающимъ самую смерть за истину новаго ученія. Какое ободрение для гонимыхъ христіанъ! какой страхъ для іудеевъ! какой ужасъ для убійцъ Стефана, для убійцъ Іисуса!

Савль не могъ обѣщать себѣ отъ христіанъ никакихъ земныхъ выгодъ. Искалъ ли онъ чести? Она была оказана ему верховнымъ совѣтомъ іудейскимъ, который возложилъ на него самое важное порученіе: истребить возникающее христіанство. Исполненіе сего порученія покрыло бы его новою славою, вслѣдствіе коей онъ могъ имѣть право на самыя высокія достоинства между фарисеями; напротивъ, христіане какъ сами не искали почестей, такъ не могли и обѣщать ихъ, будучи гонимы и презираемы іудейскими властями. Искалъ ли онъ богатства? Христіане были бѣдны; многие изъ нихъ жили милосердіемъ своихъ братьевъ по вѣрѣ; ихъ послѣднія стяжанія подлежали расхищеніямъ, самая жизнь находилась въ непрестанной опасности. Напротивъ, секта фарисеевъ изобиловала всѣми временными благами и, пользуясь великимъ уваженіемъ въ народѣ, могла доставлять любицамъ своимъ все, имъ угодное. Надѣялся ли онъ быть важнымъ лицомъ между христіанами, начальникомъ ихъ ереси? Но что за слава быть главою общества, состоявшаго изъ людей низкаго происхожденія, бѣдныхъ, слабыхъ, незнакомыхъ съ мірскимъ просвѣщеніемъ, проповѣдующихъ произвольную нищету и самоотверженіе? Притомъ, могъ ли Савль надѣяться довѣренности къ себѣ христіанъ послѣ многихъ опы-

твъ своей жестокости къ ипмъ¹)?—Вся послѣдующая жизнь св. Павла служить яснѣйшимъ доказательствомъ, что онъ сдѣлался христіаниномъ не по какимъ-либо земнымъ побужденіямъ, но единствено потому, что совершилъ убѣдился въ божественности христіанства чудеснымъ явленіемъ Іисуса Христа. Онъ вездѣ показываетъ строжайшее безкорыстіе, имѣя полное право получать содержаніе отъ тѣхъ, кои обязаны ему своимъ спасеніемъ, пытается болѣею частію собственными трудами, собираетъ милостыню по Церквамъ, имъ пассажиерскимъ, но не для себя, а для бѣдныхъ христіанъ іерусалимскихъ; ищетъ славы, но единствено той, которая состоитъ въ вѣрномъ исполненіи высокихъ обязанностей апостольства; не терпитъ, чтобы кто-либо изъ обращенныхъ имъ назывался по его имени, *Павловъ*; называетъ себя послѣднимъ изъ Апостоловъ; хочетъ, чтобы его разумѣли не болѣе, какъ служителя Іисуса Христова; въ слухъ всѣхъ говоритъ, что онъ былъ гонитель и хульникъ и помилованъ единствено по милосердію Спасителя.

Но Савлъ не только не искалъ для себя у христіанъ никакихъ временныхъ пріобрѣтеній, но еще долженъ былъ при переходѣ въ христіанство отказатьться отъ тѣхъ, кои имѣлъ въ іудействѣ. Сдѣлавшись христіаниномъ, онъ долженъ былъ потерять славу первого ревнителя и защитника іудейства; долженъ былъ ниспроповѣрять отеческія преданія, къ коимъ онъ привыкъ поздѣства; долженъ былъ разорвать иѣжнѣйшія узы

¹) Conf. Bretschneider, Handbuch der Dogmatik der Evang.-Luther. Kirche. 2 Auf. 1822. I. B., S. 191—203.

родства и дружбы, ибо сродники и друзья его остались въ іудействѣ. Сего мало: за вѣру въ Иисуса Христа ему неминуемо надлежало содѣлаться предметомъ непависти всѣхъ фарисеевъ, всего синедріона, всего народа іудейскаго.

Савль не былъ мечтатель, который впущенія собственного чувства, мечты воображенія почитаетъ за вдохновенія божественныя ¹⁾). Энтузіастическая мечтательность происходит или отъ чрезмѣрнаго пристрастія къ любимымъ мнѣніямъ, или отъ меланхоліи, или отъ живаго, но необразованнаго воображенія, или отъ дѣтскаго легковѣрія. Савль имѣлъ сильное пристрастіе, но не къ христіанству, а къ преданіямъ фарисейскимъ; между тѣмъ, когда позналъ истину, то немедленно отвергъ ихъ единожды и навсегда. Онъ не былъ мрачнаго характера. Какимъ опасностямъ, скорбямъ, лишеніямъ ни подвергался онъ въ продолженіе своего апостольства, при всемъ томъ въ немъ не было ни малѣйшихъ признаковъ малодушія: онъ былъ совершенно доволенъ своею судьбою, радовался среди самыхъ страданій. Если онъ желалъ окончанія своей жизни, то потому, чтобы скорѣе соединиться съ возлюбленнымъ Спасителемъ. Въ семъ желаніи не было ничего нетерпѣливаго, энтузіастического: посему-то, когда онъ увидѣлъ, что для учениковъ его нужноѣ, чтобы онъ остался въ сей жизни, то употреблялъ всѣ справедливые способы къ отдаленію ея конца. Савль имѣлъ живое воображеніе; но какъ строго оно было подчинено раз-

¹⁾ Conf. Baier, Grundlehren der Religion. 2. Auf. 1814. S. 414—426.

судку!—Читая посланія его, мы находимъ сильные порывы чувствъ; но они никогда не выходятъ за предѣлы: это—невольное изліяніе сердца, преисполненного любовію къ Богу и ближнему. Тѣмъ менѣе можно предполагать въ немъ легковѣрія и неосмотрительности. Изъ одной исторіи его можно извлечь подробныя правила христіанскаго благоразумія. Онъ постоянно внушиалъ ученикамъ своимъ все испытывать, дабы принимать одно доброе; упрекалъ ихъ, когда они, подобно дѣтямъ, *влаялись всякимъ вытромъ ученія*; предостерегалъ ихъ отъ ложныхъ откровеній и пророчествъ; никогда не требовалъ себѣ слѣпой вѣры; напротивъ, хотѣль, чтобы они поступали по убѣжденію собственного своего ума. Такъ-ли поступаютъ люди съ мечтательнымъ характеромъ ¹⁾).

Тѣмъ прискорбнѣе для сердца христіанина, когда онъ находитъ, что въ наши времена некоторые изъ такъ называемыхъ христіанскихъ философовъ покушаются чудесное обращеніе апостола Павла изъяснить естественнымъ образомъ. И пусть изъясненія ихъ были бы дѣйствительно естественны; напротивъ, они столько принуждены, изысканы, нелѣны, что едва ли бы могли заслужить одобреніе отъ самихъ враговъ Павловыхъ—иудеевъ.

Весьма вѣроятно, такъ думаютъ тѣ, кои *мудрствуютъ паче, нежели подобаетъ мудрствовать* ²⁾), что

¹⁾ V. Lyttleton Observations on the conversion of St. Paul in a Letter to Gilbert West Esqvir. 1747. P. 110.

²⁾ Vid Kuinol Commen. Hist. in Acta Apost. Ammon. de repentina Savli ad doctrinam Chris. conversione. Eckerman. in Theolog. Beiträgen. Eichhorn über die Nachricht von der Bekehrung des A. Paulus in allgemein. Biblioth. der Biblisch.

Савлъ послѣ смерти Стефана началъ сомнѣваться въ справедливості гоненія, воздвигнутаго на христіанъ. На пути въ Дамаскъ сіе сомнѣніе еще болѣе усилилось. «Что», размышлялъ онъ, «если христіане невинны; если правда все то, что они повѣствуютъ о Іисусѣ Христѣ; если сей Іисусъ, именуемый гонимый, есть дѣйствительно Мессія? Чего должны ожидать враги Его, чего долженъ ожидать я? О, если бы Онъ явился мнѣ и увѣрилъ меня въ своей божественности! Я немедленно сдѣлался бы христіаниномъ». Когда душа Павлова была наполнена сими мыслями, вдругъ нашло облако, ударило громъ, и Савлъ, ослѣпленный молниєю, повергся на землю. Поелику-же іудеи почитали громъ за иѣкоторый видъ божественного откровенія, коего смыслъ изъясняли сообразно состоянію своего духа, то сіе естественное происшествіе было почтено Савломъ за божественное откровеніе. Ему показалось, что онъ видѣлъ самого Іисуса Христа и бесѣдуетъ съ Нимъ, между тѣмъ какъ сія бесѣда была не что иное, какъ разглагольствіе его съ собственною совѣстью. Рѣшившись вслѣдствіе сего явленія обратиться ко Христу, онъ достигаетъ Дамаска, вступаетъ въ сообщество съ христіанами и, узнавъ основательнѣе святость и чистоту ихъ ученія, принимаетъ крещеніе».

Изъясненіе сіе, сколько ни стараются придать ему видъ правдоподобія, никакъ не можетъ быть соглашено

Litter. B. 6. Greiling. Versuch über Plötzlichen Uebergang des Apost. Pavlus zum Chrisenthum in Henke Museum für Religion. Такжে Hezellius, Dindorfus, Rosemüllerus, Heinrichsius въ толков. на 9 главу Дѣяній.

съ историческими сказаниеми о Павловомъ обращеніи, основывается на недоказанныхъ предположеніяхъ и опровергаетъ само себя.

1. *Несогласно съ историческими сказаниеми.* а) Павель говоритъ (Дѣян. 26, 14), что онъ слышалъ голосъ, говорящій на языкѣ еврейскомъ: это неизрекаемая черта дѣйствительного разговора съ дѣйствительнымъ лицомъ; ибо громъ не можетъ говорить ни по-еврейски, ни на другомъ какомъ-либо языкѣ: это нелѣпость! Съ другой стороны нельзя сказать, чтобы *Павелъ размышилялъ* самъ съ собою на еврейскомъ языкѣ: это также нелѣпость! б) Павель сказываетъ, (Дѣян. 9, 7), что спутники его голосъ слышали, но никого не видали. Если подъ голосомъ разумѣется громъ, то слова: *никого не видали*, будутъ совершенно лишнія; ибо кто, слыша громъ, будетъ думать, что это говоритъ какое-либо лицо? Если-же голосъ, слышанный Павломъ, былъ такого свойства, что въ спутникахъ его долженъ былъ возбудить понятіе о лицѣ говорящемъ, то это вѣрный знакъ, что сей голосъ былъ членораздѣльный, сходный съ голосомъ человѣческимъ. в) Павель весьма подробно описываетъ явленіе Иисуса Христа, замѣчаетъ мѣсто и время, въ которыхъ оно случилось; какъ-бы не упомянуть ему и о томъ, что голосъ (Дѣян. 9, 3; 22, 6), говорящій съ нимъ, выходилъ изъ облака?—Напротивъ, онъ утверждаетъ, что это случилось внезапно (*εξατρυπε*) въ полуденное время, когда, то есть, небо было совершенно чисто и нельзя было ожидать подобного явленія съ неба. г) Когда удары громовые упадаютъ близко къ человѣку, то въ такомъ случаѣ звукъ слѣдуетъ непосредственно за свѣтомъ; но

Павелъ увидѣлъ сначала свѣтъ, потомъ уже, павши на землю, услышалъ голосъ. Если же ударъ цаѣль въ довольною разстояніи отъ Савла, то не могъ повредить его зрѣнія. д) Въ 9, 7 Деяний говорится, что спутники Павловы голосъ слышали; а въ 12, 9 написано, что они не слыхали словъ Того, кто говорилъ съ Савломъ. Таковое противорѣчіе останется неизѣяснимъ, если подъ голосомъ будемъ разумѣть громъ. Ибо въ такомъ случаѣ: *не слыхать*, значитъ, просто не слышать, не ощущать слухомъ; но можно-ли вмѣстѣ и слышать и не слышать? Но сіе противорѣчіе исчезаетъ само собою, когда голосъ, слышанный Цавломъ, принимаемъ за голосъ членораздѣльный; ибо спутники могли слышать звукъ словъ и не понимать ихъ значенія: такимъ образомъ о нихъ можно было сказать, что они и слышали голосъ и не слыхали.

2. *Основывается на недоказанныхъ предположеніяхъ.* Мысль, что Савлъ предъ путешествіемъ въ Дамаскъ началъ колебаться въ своей приверженности къ іудейству, раскаиваться въ жестокостяхъ, оказанныхъ христіанамъ, есть произвольная догадка, противорѣчащая исторіи ¹⁾). Ибо въ какомъ расположеніи духа онъ отправился въ Дамаскъ?—Дыша угрозами и убийствомъ на учениковъ Господнихъ (Дѣян. 9, 1). Это ли признакъ человека, начинающаго приходить въ раскаяніе? Въ продолженіе путешествія не было случая перемѣнить ему свой образъ мыслей. Изъ вопроса, сдѣланнаго имъ Іисусу Христу: *кто ты, Господи?* — видно, что онъ непосредственно, предъ симъ совсѣмъ не думалъ, какъ предполагается, о

¹⁾ Antiq. 3, 4.

Іисусъ Христъ. Иначе упрекъ Спасителя: *что ты Меня гонишь?* тотчасъ пробудилъ бы въ душѣ его мысль, что это Іисусъ, имъ гонимый.

Не болѣе силы имѣть и то предположеніе, что іудеи во времена Іисуса Христа почитали громъ за нѣкоторый видъ божественнаго откровенія. Изобрѣтатели и защитники его, вмѣсто убѣдительныхъ доказательствъ, ссылаются на 12, 26 Іоанна; но мѣсто сіе, безъ явнаго наслія составу рѣчи, не можетъ быть почитаемо за доказательство. Ссылаются еще на Флавія; но у него громы суть только признакъ присутствія Божія: мнѣніе, по всей вѣроятности, проишедшее отъ воспоминанія синайскаго законодательства, въ коемъ присутствіе Божіе обнаружилось громами.

3. *Оправдываетъ само себя.* Предполагается, что Савлъ былъ ослѣпленъ и поверженъ на землю молниєю, и въ то же время предполагается, что онъ, поверженный на землю, могъ спокойно размышлять самъ съ собою, давать вопросы, отвѣты, осуждать прежнія дѣянія свои, решиться на перемѣну своей вѣры. Не истребляютъ ли сами себя сіи два противоположенія? — Человѣкъ, пораженный молниєю, способенъ ли къ размышленіямъ? Итакъ надлежитъ утверждать, что разговоръ Павла съ своею совѣстю происходилъ не во время грома, а при дальнѣйшемъ продолженіи пути, или въ Дамаскѣ. Но если такъ, то могъ ли Павелъ представлять его въ видѣ разговора съ самимъ Іисусомъ Христомъ во время грома? — Это могъ сдѣлать стихотворецъ, а не Апостолъ.

Кромѣ сего, надобно замѣтить: а) что Павелъ неоднократно поставляетъ явленіе (1 Кор. 9, 1; 15, 8;

Гал. 1, 1—16) ему Иисуса Христа наряду съ дѣйствительнымъ явленіемъ Его прочимъ Апостоламъ и производить изъ него истину и божественность своего апостольства; но все сie не иначе можно согласить съ правотою Павлова характера, какъ подъ условиемъ, что ему дѣйствительно явился Иисусъ Христосъ. б) Прочие Апостолы и всѣ христіане безъ сомнѣнія не прежде приняли Савла въ сообщество, какъ по строгомъ изслѣдованіи всѣхъ обстоятельствъ его чудеснаго обращенія, совершенно увѣрившись, что онъ не былъ обманутъ собственнымъ воображеніемъ. Что они не были легковѣрны къ прежнему гонителю своему, ясно изъ апостольскихъ Дѣяній (Дѣян. 9, 27. 28).

ВРЕМЯ ОБРАЩЕНИЯ ПАВЛОВА.

По многимъ причинамъ полезно знать, въ какой именно годъ по вознесеніи Іисуса Христа случилось обращеніе апостола Павла. Но предпріятіе—опредѣлить въ точности сю эпоху, столь важную по отношенію къ хронологіи Дѣяній Апостольскихъ, — сопряжено съ великими неудобствами, не только по причинѣ недостатка ясныхъ свидѣтельствъ, но и по причинѣ разногласія приковеніиъ указаний, изъ коихъ посредствомъ соображеній надлежитъ вывести правдоподобнѣйшее мнѣніе. Сдѣлаетъ однакоже то, что можно, если нельзя сдѣлать всего.

Многіе изъ прежнихъ библейскихъ хронологовъ¹⁾ и недавно Зускиндъ²⁾ полагали, что Павелъ обратился ко Христу въ первый годъ по вознесенію. Но принявъ

---

¹⁾ Vid. Spanhemii Dissert. de tempore conversionis Pavlinae. Также Bengel, ordo temporum, и Pearson Annales Pavlinae.

²⁾ In neuem Versuch über chronologische Standpunkte für die Apostelgeschichte in Bengel Archiv für die Theologie. Bd. 1, Th. 2, pag. 303, sq. q.

сіє мнінніе, надобно утверждать, что происшествія, описаныя въ книгѣ Деяній до 9 главы, содержащей исторію обращенія Павлова, случились въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, что, судя по количеству и качеству ихъ, весьма невѣроятно; невѣроятно также и то, чтобы въ продолженіе столь незначительного времени христіане до того умножились въ Дамаскѣ, что для истребленія ихъ нужно было посыпать туда Савла. Притомъ Павелъ самъ сказываетъ, что во время его обращенія Дамаскъ находился подъ властію аравійскаго царя АРЕТЫ; но Сирія въ 33 и 34 годахъ принадлежала еще римлянамъ, и состояла подъ управліемъ Вителлія. Правда, защитники вышесказанныго мніннія догадываются, что АРЕТА въ самомъ началѣ войны съ Иродомъ Антиппою за Иродіаду (война сія началась въ 34 году) сдѣлалъ нападеніе па Дамаскъ, дабы такимъ образомъ предупредить римлянъ, въ пріязни и содѣйствіи коихъ Ироду, своему врагу, онъ не могъ сомнѣваться; но сія догадка весьма неосновательна, ибо АРЕТА конечно не былъ столько безразсуденъ, чтобы нападеніемъ на римскія области раздражать противу себя повелителей свѣта. Исторія напротивъ говоритъ, что Вителлій, правитель Сиріи, оставался спокойнымъ зрителемъ борьбы ИРОДА съ АРЕТОЮ, и требовалъ отъ кесаря повелѣнія, какъ ему должно поступать въ семъ случаѣ. Но если АРЕТА до полученнаго Вителліемъ приказанія отъ ТИВЕРІЯ — представить его живого или мертваго въ Римъ — завладѣть Дамаскомъ, то остается неизѣяснимымъ, почему славолюбивый и мужественный Вителлій, который принудилъ нѣкогда парескаго царя принести жертву ста-

тумъ Августа и Калигулы¹), не отразилъ тотчасъ силы сплою, какъ того требовала честь римскаго имени и собственная его слава? Таковое отраженіе онъ, безъ сомнѣнія, сдѣлалъ бы и въ томъ случаѣ, когда бы Арета только осмѣлился окружить своими войсками Дамаскъ, какъ весьма принужденно изъясняетъ слова Павловы (*ἐφρονεῖ τὴν Δαμασκοῦν πόλιν, στρέγασμες Δαμασκὸν πραδό*, 2 Кор. 11, 32) Зускиндъ. Еще менѣе можно предполагать въ Аретѣ рѣшности осаждать Дамаскъ, послѣ того, какъ Вителлій, вслѣдствіе Тиверіева повелѣнія—помогать всѣми сплами Ироду—собралъ свои войска для войны съ аравлянами.

Но не завоевалъ ли Арета Дамаска и слѣдственно не могло ли послѣдовать обращеніе Павла въ 39 году по Рождествѣ Христовѣ, когда Вителлій, получивъ извѣстіе о смерти Тиверія, возвратилъ свои войска на зимнія квартиры²)? Также невѣроятно: пбо римскій военачальникъ ип въ какомъ случаѣ не позволилъ бы аравійскому владѣльцу ненаказанно расхищать и присвоить себѣ области, находившіяся подъ его управлѣніемъ. Вообще, доколѣ Вителлій былъ проконсуломъ Сиріи (до 39 года), Дамаскъ не могъ быть отнятъ у римлянъ. Значитъ, обращеніе Павла могло послѣдовать по крайней мѣрѣ не прежде 39 года нашей эры, или 5 лѣтъ по воспесеніи.

По вѣроятнѣйшему соображенію, обращеніе Павла

¹) Dion. Cass. Hist. Lib. 59, pag. 661.

²) Такъ думали: Wolfius in Curis ad 2 Кор. 1, 1. Michaelis, Einleitung in N. T. Th. I, § 2, pag. 55, ed 3. Eichhorn in Einleitung. Th. 2, pag. 49.

должно послѣдовать въ 40 годъ по Рождествѣ Христо-
вомъ. Сирія не имѣла тогда побѣдоноснаго Вителлія; недѣятельность и безразсудство преемника Тіверіева Калигулы служили ободреніемъ для враговъ римскаго имени, а посему Арета, который за три года предъ-
тѣмъ разбилъ войска Иродовы¹), могъ, надменный успѣхомъ, отважиться на завоеваніе Дамаска. Съ симъ мнѣніемъ согласуются и важнѣйшія изъ хронологиче-
скихъ указаній на время обращенія Павлова, которыя находятся въ его посланіяхъ и въ Дѣяніяхъ апостоль-
скихъ. Изъ 1, 19 посланія къ Галатамъ видно, что первое путешествіе Павла въ Іерусалимъ послѣдовало спустя 3 года по его обращеніи. Поелику Павелъ на-
зываєтъ здѣсь Іакова младшаго, съ копыемъ онъ ви-
дѣлся, братомъ Господнимъ, конечно для того, чтобы отличить его отъ Іакова старшаго, то надобно думать,
что послѣдній былъ въ живыхъ, когда Апостолъ въ
первый разъ былъ въ Іерусалимѣ. Во время вторич-
наго посѣщенія Павломъ Іерусалима Іаковъ старшій
былъ умерщвленъ. Умерщвленіе его должно предва-
рить смерть царя Агриппы, его убийцы, только нѣ-
сколькими мѣсяцами: ибо евангелистъ Лука о послѣд-
ней повѣствуетъ непосредственно за первымъ. А смерть
Агриппы, какъ достовѣрно известно, случилась въ 4 годъ
царствованія Клавдіева, или въ 44 годъ нашей эры.
Итакъ, если обращеніе Павла, какъ мы видѣли, не
могло послѣдовать прежде 39 года, и если Іаковъ
старшій былъ въ живыхъ во время первого пребыва-
нія Павлова во Іерусалимѣ и мертвъ во время второго,

¹) Joseph. Ant. 18, 1, seq.

то-есть въ 44 годѣ, то значитъ, что первое путешествіе Павла въ Іерусалимъ послѣдовало въ 43 годѣ, и слѣдствіено обращеніе его должно быть отнесено къ 40 году по Рождествѣ Христовомъ, или къ 6 году по Вознесеніи. — То же подтверждаетъ и самая причина, по которой предпринято Апостоломъ второе путешествіе въ Іерусалимъ. Гладѣ, отъ коего страдала тогда Іудея и по причинѣ коего антіохійцы посылали чрезъ Павла милостыню въ Іерусалимъ, начался въ 4 годѣ Клавдіева правленія (въ 44 годѣ по Р. Х.) и продолжался, по свидѣтельству Флавія, около двухъ лѣтъ. Но Павелъ, вслѣдствіе пророчества Агава, долженъ былъ, по всей вѣроятности, въ самомъ началѣ бѣдствія отправиться въ Іерусалимъ для доставленія пособій тамошнимъ христіанамъ. А посему второе путешествіе его придется въ 44 годѣ, первое въ 43, слѣдовательно, обращеніе его должно послѣдовать въ 40 годѣ.

Сказанному нами, повидимому противорѣчить нѣсколько посланіе къ Галатамъ, гдѣ Апостолъ говоритъ, что второе путешествіе въ Іерусалимъ предпринято имъ, спустя не 4, а 14 лѣтъ по его обращеніи. „*По-тому-же по четырнадесяти лѣтъ паки взмодѣ въ Іерусалимъ*“. Но лучшіе изъ древнихъ и новѣйшихъ критиковъ полагаютъ, что въ показанномъ мѣстѣ надобно читать не *διὰ δεκατέσταρου* (14), а *διὰ τέσσαρου* (4) *ἔτου*¹.

1) Въ самомъ дѣлѣ, въ знаменитомъ древностію Времянникѣ (Chronicon) Пасхальному или Александрійскому (Chronicon Paschale pag. 186, edit. Venet. pag. 233. edit. Paris) читается *διὰ τέσσαρου* *ἔτου*. Притомъ весьма легко показать, какимъ образомъ могло произойти искаженіе чтеніе изъ древнаго. Переписчикъ вместо *Δ* (4) могъ написать *ΙΔ* (14), или вместо *δ* (4) по-

Впрочемъ, нѣтъ особенной нужды перемѣнить настоящее чтеніе: ибо наше мнѣніе можетъ быть соглашено съ нимъ удовлетворительно. Именно, Павелъ не говоритъ, чтобы путешествіе, о коемъ упоминаетъ онъ во 2, 1 Галат., было точно второе, а сказываетъ только, что спустя 14 лѣтъ по обращенію, онъ опять ходилъ въ Іерусалимъ. Судя по сему времени и по дѣламъ, коими онъ занимался въ Іерусалимѣ, весьма вѣроятно, что онъ разумѣлъ подъ симъ третіе свое путешествіе въ Іерусалимъ, описанное въ 15 главѣ Деяний. Причина, почему онъ упомянулъ непосредственно за первымъ о третьемъ путешествіи и прешелъ молчаніемъ второе, состояла въ томъ, что онъ при разсказѣ о своихъ путешествіяхъ имѣлъ цѣллю показать свое равенство съ прочими Апостолами, въ доказательство коего второе путешествіе ничего не представляло ¹⁾)

ставить *δικα* (10). Грамматикъ какой-нибудь, замѣтивъ сю ошЫбку, написалъ на полѣ страницы *τετταρων*, которое потомъ внесено въ текстъ. Могло также статься, что какой-нибудь грамматикъ, читая въ своемъ кодексѣ *δικ τετταρων*, вспомнилъ 2 Кор. 12, 2, гдѣ стоять *δεκατετταρων*, и не имѣя времени или охоты раскрыть и свѣрить послѣднее мѣсто, внесъ въ текстъ, или поставилъ на стоянѣ *δικа*, которое потомъ вошло въ текстъ.

¹⁾) Vid. Vogelius in Versuch über chronologische Standpunkte in der Lebensgeschichte Pavli in Gableri Journal für ausserles. Theol. Litter. B. I., pag. 249.

ПЕРВЫЕ ПОДВИГИ ПАВЛА ПО ОБРАЩЕНИИ.

По обыкновенному порядку вещей, надлежало думать, что Павелъ по своемъ обращеніи будетъ искать случая вступить въ сообщество съ Апостолами, дабы, научившись отъ нихъ таинствамъ новой вѣры, участвовать въ трудахъ апостольскихъ. Такъ, можетъ быть, поступилъ бы всякий другой, но — не Павелъ. Бывъ, призванъ къ христіанству и апостольству не *человѣкомъ, ни чрезъ человѣковъ*, но самимъ Иисусомъ Христомъ, онъ отъ Него единаго ожидалъ наставлений въ великой должности своей, не почитая нужнымъ съвѣтovаться о томъ *съ плотию и кровию*, съ кѣмъ-либо изъ людей, себѣ подобныхъ. Ананія, преподавшій ему крещеніе, могъ преподать и нѣкоторыя первыя понятія о предметахъ вѣры; но могъ ли онъ сообщить ему разумѣніе всѣхъ *тайнъ Христовыхъ*, кои впослѣдствіи раскрыты въ пославшіхъ Павловыхъ, и изъ коихъ нѣкоторыя (наприм. тайна обращенія ко Христу язычниковъ, Еф. 3, 4—8) были тогда запечатлены еще для самыхъ Апостоловъ?

Евангеліе къ евреямъ, изъ коего, по мнѣнію нѣко-

торыхъ критиковъ ¹⁾), Павелъ заимствовалъ свѣдѣнія о жизни и духѣ ученія Іисуса Христа, въ первые годы по обращеніи Павла еще не существовало. Изъ того, что въ семъ евангеліи упоминается ²⁾ о явленіи Іисуса Христа апостолу Іакову (случай, неупомянутый про- чими Евангелистами, но упомянутый Павломъ (1 Кор. 15, 7), не слѣдуетъ еще, чтобы оно было читано по- слѣднимъ. Павелъ упоминаетъ и о другихъ нѣкото- рыхъ происшествіяхъ, описанныхъ Евангелистами (на- прим. обѣ учрежденіи тайной вечери, 1 Кор. 11, 23—28); однако же утверждительно говоритъ, что онъ узналъ о нихъ не изъ евангелій, а изъ непосредствен- наго откровенія. Онъ неоднократно въ посланіяхъ сво- ихъ объявляетъ (и мы должны слушать его, оставя всѣ догадки), что все, чему онъ не поучалъ, открыто ему Духомъ Святымъ (1 Кор. 2). При семъ Учителъ не было нужды въ земныхъ наставникахъ.

Отъ жестокаго гонителя христіанства до ревно- стнаго проповѣдника евангелія, отъ фарисея, помра- ченнаго предразсудками, до великаго учителя языковъ, проповѣдующаго премудрость, сокровенную въ Богѣ, разстояніе великое! Но для Павла оно не существо- вало. Едва только получилъ онъ тѣлесное прозрѣніе отъ Ананіи, тотчасъ, сообразно предсказанію Іисуса Христа (Дѣян. 26, 18), началъ отверзать духовныя очи другимъ. Быть христіаниномъ и проповѣдывать имя Христово для него значило одно и то же. Онъ уже имѣть всѣ качества, потребныя для высокаго служенія

¹⁾ Echhorn in Einleitung in N. T. § 202. 1810

²⁾ Hieron. in Catal. Script. Eccl. voce: Iacobus.

апостольского. Апостолу надлежало быть самовидцемъ Иисуса Христа: Павелъ видѣлъ Его, и, что важнѣе, видѣлъ не въ состояніи уничоженія, но въ состояніи славы. Апостолъ долженъ быть избранъ самимъ Иисусомъ Христомъ: Павелъ пріялъ жребій служенія не отъ кого другого, какъ отъ самого Христа. Апостолъ долженъ былъ пріять Духа Святого: Павелъ былъ постоянно храмомъ Святого Духа.

Могли ли дамасскіе раввины стоять противъ усть новаго проповѣдника христіанства? Имъ оставалось одно средство, столь пріятное фанатизму, прибѣгнуть къ насилию. Оно немедленно употреблено было въ дѣло: положили умертвить Павла. Градоначальникъ дамасскій ¹⁾, благопріятствуя врагамъ его, окружилъ стражею всѣ выходы изъ города, дабы обреченнная на закланіе жертва не могла спастись бѣгствомъ. Но прозорливая попечительность новыхъ братій Павловыхъ по вѣрѣ была гораздо дѣятельнѣе злобной предусмотрительности враговъ его: въ продолженіе ночи онъ спущенъ былъ въ корзинѣ по городской стѣнѣ. Такъ въ самомъ началѣ апостольского служенія Павлова открылся неизмѣримый рядъ опасностей и скорбей, сквозь которыя онъ долженъ былъ проходить до са-

¹⁾ Св. Лука (Дѣян. 9, 24) повѣствуетъ, что сами іудеи стерегли ворота, а, по словамъ Павла, ихъ стерегъ дамасскій градоначальникъ (2 Кор. 11, 32). Или іудеямъ приписывается то, что они произвели своими просьбами, или иѣкоторые изъ нихъ присоединились къ аравійской стражѣ, дабы указать ей Павла, для нея неизвѣстнаго, или градоначальникъ разумѣется не языческій, а іудейскій; ибо іудеи въ иѣкоторыхъ городахъ имѣли своихъ градоначальниковъ. О. Kuinoel. *commen. in Act. Apos. ad h. I.*

маго конца своей жизни, добы получить тотъ пеувядаемый *вънецъ правды*, коимъ онъ хвалился впослѣдствіи (2 Тим. 10, 8).

Изъ Дамаска Павелъ удалился въ Аравію (Гал. 1, 9). Надлежитъ думать, что сіе путешествіе его, такъ какъ и другія, имѣло цѣлію проповѣдь евангелія: впрочемъ, подробности его для насъ неизвѣстны; св. Лука даже не упоминаетъ о немъ. Возвратившись изъ Аравіи, Павелъ снова посѣтилъ Дамаскъ, и несмотря на прошедшую опасность, снова проповѣдалъ въ немъ Христа. Отъ обращенія его къ христіанству протекло уже около трехъ лѣтъ, и онъ рѣшился побывать въ Іерусалимѣ, дабы видѣться съ Петромъ (Гал. 1, 18). Къ сему путешествію могло расположить его частію потребность опредѣлить кругъ своего апостольскаго дѣйствованія сообразно дѣйствованію прочихъ апостоловъ, частію желаніе видѣть матерь Церквей — Церковь іерусалимскую, и соутѣшиться съ самовидцами жизни Іисуса Христова преспѣяніемъ христіанства между іудеями, частію, наконецъ, ревность возвѣстить имя Христово въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ явился упорнымъ гонителемъ оного.

Іерусалимскіе христіане не могли не слышать о чудесномъ обращеніи Павла. Но трехлѣтнее пребываніе его въ Аравіи, съ кою іудеи палестинскіе, особенно въ то время, не имѣли никакого сообщенія, могло привести въ забвеніе его безпритворное усердіе къ новой вѣрѣ, оказанное имъ въ Дамаскѣ. Между тѣмъ весьма живо помнили смерть Стефана, узы и темнцы, въ кои вѣрующіе были повергаемы рукою Савла-гонителя. Посему-то іерусалимскіе христіане, несмотря на

то, что Павелъ, пришедши въ Іерусалимъ, всячески старался присоединиться къ нимъ, удалялись его, не вѣря, чтобы онъ былъ ученикъ Іисуса. Надлежало представить поручителя въ искренности своихъ намѣреній; Павелъ нашелъ его въ Варнавѣ, вѣроятно, познакомившемся съ нимъ въ Дамаскѣ. Сей, пользуясь довѣренностию всей іерусалимской Церкви, представилъ его апостоламъ, рассказалъ подробно какъ о чудесномъ обращеніи его, такъ и о ревности за имя Христово. Подозрѣнія кончились, уступивъ мѣсто братской любви, и Павелъ съ тѣхъ поръ началъ обращаться съ апостолами (Дѣян. 9, 28).

Пребываніе его въ Іерусалимѣ сопряжено было съ великою опасностію; три года отсутствія не могли привести въ забвеніе его измѣны (такъ, безъ сомнѣнія, называли обращеніе Павла ко Христу) предъ великимъ синедріономъ: причина, весьма достаточная для того, чтобы удержаться отъ проповѣданія евангелія въ Іерусалимѣ. Но Павелъ не зналъ страха въ дѣлѣ проповѣди, и безтрепетно возвѣщалъ въ слухъ всѣхъ и каждого, что распятый Назореянинъ, коего онъ прежде сего гналъ, есть истинный Мессія, Синъ Божій!—Іуденіерусалимскіе въ семъ отношеніи были ничѣмъ не лучшіе дамасскихъ: составился заговоръ на жизнь проповѣдника. Всѣ вѣрующіе увидѣли опасность; одинъ Павелъ не хотѣлъ видѣть оной. Напрасно братія соѣтствовали и просили его удалиться: душа его занята была одною мыслью, что Іерусалимъ, бывшій свидѣтелемъ его гоненія на христіанъ, должно быть свидѣтелемъ и его ревности по христіанской религіи (Дѣян. 22, 17). Уже онъ готовъ былъ омыть предъ лицемъ

снедріона своєю кровію позоръ соучастія въ убійствѣ Стефана; но Промислъ, Который предопредѣлилъ его къ большімъ подвигамъ, не принялъ сей жертвы.

По обыкновенію Павелъ вошелъ во храмъ для молитвы. Кажется, между предмечами его молитвъ было и то, чтобы Промислъ вразумилъ его, долженъ ли онъ остатися въ Іерусалимѣ, или, послѣдняя совѣту братій, удалиться. Среди молитвы онъ пришелъ въ восторгъ; ему явился Іисусъ Христосъ, и повелѣвалъ оставить Іерусалимъ, потому что іудеи не примутъ его свидѣтельства. Въ избыткѣ святой ревности, Павелъ представлялъ, что іерусалимляне, соблазненіе его прежнію жестокостію къ христіанамъ, ип отъ кого съ такою убѣдительностію не могутъ слышать проповѣдь евангелія, какъ отъ него, и что примѣръ его можетъ возвратить на путь правый тѣхъ, кои, подобно ему, имѣютъ ревность безъ разсужденія. По Господь сбъявилъ ему, что онъ предназначенъ быть Апостоломъ язычниковъ, а не іудеевъ (Дѣян. 22, 17—21); Павелъ повиновался, — и былъ препровождепъ вѣрующими сначала въ Кесарію, а потомъ въ Тарсъ, мѣсто его рожденія (Дѣян. 9, 30).—Это было въ началѣ 44 года по Рождествѣ Христовомъ. Между тѣмъ христіане, разсѣянные гоненіемъ Стефана, пропесли слово евангелія до Фінікії, Кипра и Антіохіи (Дѣян. 9, 1—19). Въ послѣдней проповѣдь евангельская оказала силу надъ столь многими душами, что христіане іерусалимскіе, услышавъ о семъ, почли за нужное отправить туда Варнаву, для подкрайленія ихъ въ вѣрѣ. Господь благословилъ труды сего добродѣтельного мужа; но жатва была такъ богата, что требовала не одного, а многихъ дѣлателей.

Зная отличия дарования и ревность Павла, а можетъ быть, и его предназначение въ учителя язычниковъ (изъ коихъ большею частію состояла Церковь антіохійская), Варнава отправился за нимъ въ Киликію, и нашедъ его въ Тарсѣ, привелъ съ собою въ Антіохію (Дѣян. 11, 25).

Здѣсь Павелъ вмѣстѣ съ Варнавою цѣлый годъ трудился надъ образованіемъ Церкви. Успѣхъ былъ столь великъ, что Церковь антіохійская вносклѣдствіи содѣлалась, какъ извѣстно, матерію восточныхъ Церквей. Св. Лука при семъ случаѣ замѣчаетъ, что ученики въ Антіохії первые начали называться именемъ христіанъ¹); поелику же они такъ названы, какъ полагаютъ, отъ частаго употребленія Христова имени, то черта сія даетъ разумѣть, что имя Христа было непрестанно не только въ сердцѣ, но и на языкахъ учениковъ Павловыхъ. Такъ вѣрило и постоянно исполнялось имъ свое намѣреніе, не казаться знающимъ что-либо, кроме Иисуса Христа и того распятаго! Предсказаніе пророка Агава о имѣющемъ послѣдовать гладѣ, который долженъ былъ отяготѣть особенно надъ христіанами іерусалимскими, потерпѣвшими отъ іудеевъ разграбленіе имуществъ, расположило антіохіянъ сдѣлать имъ братское пособіе. Павелъ по сему случаю снова восходилъ во Іерусалимъ для доставленія собранной милостыни.

¹) Что не сами христіане называли себя симъ именемъ, видно изъ того, что они и послѣ долго не употребляли онаго, довольствуясь прежними именами (учениковъ, вѣрующими, пазореевъ), и что самъ Павелъ ни однажды не употребилъ его въ своихъ посланіяхъ.

Если прописствія, описанныя въ 12 главѣ Дѣяній (убіеніе апостола Іакова Иродомъ, заключеніе и чудесное освобожденіе Петра, внезапная смерть Ирода, убійцы Іакова), случились, какъ надлежитъ думать, во время пребыванія Павлова въ Іерусалимѣ, то оно продолжалось около года; подробности его неизвѣстны (Дѣян. 11, 26—12 гл.).

ПЕРВОЕ АПОСТОЛЬСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ СВ. ПАВЛА.

По возвращеніи изъ Иерусалима Павелъ недолго оставался въ Антіохії; уже наступило время, въ которое ему надлежало явиться на великомъ почищѣ учителя язычниковъ. Онъ и прежде проповѣдывалъ имъ евангеліе; но его голосъ сливался съ голосами другихъ проповѣдниковъ: онъ назидалъ на основаніи, положенномъ другими; между тѣмъ какъ ревность къ распространенію истины побудила его проповѣдывать тамъ, где еще не было известно имя Христово.

Къ тель великому подвигу Павелъ приготовленъ былъ новымъ, чрезвычайнымъ откровеніемъ, о коемъ упоминается въ 12, 1—5 второго посланія къ Коринтіямъ, и которое, по вѣроятнѣйшему соображенію хронологическому ¹⁾), должно быть относимо къ сему вре-

---

¹⁾ Второе посланіе къ Коринтіямъ написано Павломъ, какъ достовѣрно полагаютъ историки (V. Berthold, *Einleitung in N. T.*), въ 58 годъ по Р. Хр.; поелику же откровеніе, о коемъ здѣсь говорится, послѣдовало, по словамъ самого Павла, за 14 лѣтъ

мени. Сущность и образъ сего откровенія описаны самимъ Павломъ въ слѣдующихъ чертахъ: «въмъ че-
ловѣка во Христѣ, прежде мнѣ четыренадесяти (аще
въ тѣмъ, не въмъ, аще ми кромъ тѣла, не въмъ; Богъ
впѣсть) восхищена бывша таковою до третія небесе.
И въмъ такова человѣка; аще въ тѣмъ, или кромъ
тѣла, не въмъ, Богъ впѣсть; яко восхищенъ бысть въ
рай, и смыша неизреченыя глаголы, ихъ же не мнѣ
есть человѣку глаголати» (которыхъ человѣкъ переска-
зать не можетъ). Хотя Апостолъ говоритъ здѣсь о себѣ
въ третьемъ лицѣ, впрочемъ нельзя сомнѣваться, что
онъ изображаетъ себя самого. Къ таковому заключенію
ведеть уже краткое вступленіе, коимъ начинается по-
вѣствованіе объ откровеніи: «похвамитися не поль-
зуетъ ми; прииду бо (однакожъ приступлю) въ виднія
и откровенія». Того же заключенія требуютъ и слѣдую-
щія за повѣствованіемъ слова: «и за премногая от-
кровенія, да не превозношуся, дадеся ми пакостникъ
плоти, ангель сатанинъ, да ми пакости дѣсть, да не
превозношуся», —которыя будутъ излишними, по крайней
мѣрѣ совершенно неожиданными, если предшествую-
щаго повѣствованія не разумѣть о самомъ Апостолѣ.
Самая цѣль, для которой упоминается объ откровеніи,
не позволяетъ относить словъ Павловыхъ къ кому-ни-
будь другому, кромѣ Павла. Ибо Апостолъ хотѣлъ до-
казать чрезъ сіе истину своего апостольского достопи-
ства, приводимую въ подозрѣніе лжеучителями; но въ

предъ тѣмъ, то оно приходится въ концѣ 44 или въ началѣ 45 года
по Р. Х.—въ то самое время, около которого начались апостольскія
путешествія Павловы.

семъ отношеній разсказъ о чужомъ опыте иначе не доказывалъ бы въ пользу Павла.—Касательно самого откровенія представляются вниманію слѣдующіе вопросы: что за состояніе, въ коемъ находился Павелъ? куда онъ былъ восхищенъ и что слышалъ? для чего дано такое откровеніе, коего человѣку невозможно пересказать?

Состояніе Павла въ продолженіе откровенія было таково, что онъ самъ не могъ дать въ немъ отчета. «Въ тѣлѣ ли», говоритъ онъ, «находился я тогда, было ли со мною тѣло, или въ тѣла, одна душа оставалась—не знаю; Богъ одинъ знаетъ». И прочіе св. мужи, когда получали откровенія, разрѣшались, болѣе или менѣе, отъ узъ тѣлесной природы, возносились въ область своего духа; но для Павла въ продолженіе откровенія сіи узы какъ бы вовсе не существовали: онъ весь былъ въ духѣ, а духъ весь въ Богѣ. Для всемогущества Божія, конечно, иначе не значило на время совершенно восхитить душу Павлову изъ тѣла; но трудно усмотрѣть необходимость въ таковомъ безпримѣрномъ для самыхъ святыхъ людей отлученіи въ живомъ человѣкѣ души отъ тѣла ¹). Миръ духовный, куда восхищенъ былъ Павелъ, какъ неподлежащей пространству, существуетъ вездѣ; а посему требуется только, чтобы въ духѣ человѣка раскрылась способность къ сообщенію съ нимъ, и онъ, оставаясь въ тѣлѣ, безъ всякой перемѣны мѣста, можетъ быть на небѣ—въ обществѣ Ангеловъ и блаженныхъ душъ. Раскрытие такой способности, по необходимости, сопряжено съ ослабленіемъ обыкновенного союза души съ тѣломъ, съ

¹) Злат. въ толк. на 2 посл. къ Кор.

иѣкоторымъ бездѣйствiемъ низшай, чувственнай природы: ибо тѣло тлѣнное, какъ замѣчаетъ Премудрый (Прим. 9, 16. 17), отягощаетъ душу и земное жилище обременяетъ умъ и не попускаетъ ему возноситься въ свойственную ему область духовъ.

Духовная область, въ коей находился Апостолъ, называется третьимъ небомъ и раемъ. Позднѣйшиe іudeи отличаютъ седьмь небесъ¹⁾; но ихъ третье небо низко для Павла. Въ св. писанiи, кромѣ воздушнаго и звѣзднаго неба, упоминается о небесахъ небесъ (Псал. 115, 8). Сiи небеса, вѣроятно, разумѣлъ и Апостолъ подъ третьимъ небомъ. Название рая, хотя также не совсѣмъ опредѣленное, опредѣляетъ однакоже понятiе третьяго неба. Основываясь на значенiи сего слова, должно полагать, что Павелъ былъ восхищенъ въ мiрѣ духовнаго, въ блаженное жилище небожителей: здѣсь-то слышалъ онъ такiя слова, кои невозможно пересказать. Но видимому, если можно было слышать, то можно и пересказать; по онъ слышалъ ихъ, находясь въ возвышенномъ, сверхъ-естественномъ состоянiи духа. Послѣ того, какъ онъ низшелъ съ сея высоты въ обыкновенное состоянiе, когда духъ его паки заключился въ темницѣ плоти: хотя осталось въ душѣ иѣкоторое представлениe о предметахъ небесныхъ, но для выраженiя ихъ уже не находилось словъ на языкѣ человѣческомъ.

Таковое откровенiе, несмотря на то, что его невозможно было пересказать другимъ, имѣло полезную

¹⁾ 1) Завѣса, 2) протяженiе или твердь, 3) облака, 4) обиталище, 5) обитанiе, 6) цостолишное жилище, 7) аработка. V. Westenius ad h. I.

цѣль какъ въ отношеніи къ самому Апостолу, такъ и въ отношеніи ко всѣмъ вѣрующимъ: оно показывало, какъ замѣчаетъ Златоустъ, что Павелъ ничѣмъ не ниже прочихъ Апостоловъ; кромѣ сего, могло служить къ утѣшенню и ободренію Апостола на его многотрудномъ поприщѣ. Подобнымъ образомъ изъ него могутъ почерпнуть назиданіе и утѣшеннія всѣ вѣрующіе. Въ апостолѣ Павлѣ, восхищенномъ въ рай, мы имѣемъ очевиднаго свидѣтеля будущаго блаженства праведныхъ.

Упомянувъ обѣ откровеніи, данномъ Павлу, нельзя прейти молчаніемъ и другого обстоятельства, о которомъ онъ упоминаетъ непосредственно за симъ откровеніемъ. За премногая откровенія, говоритъ онъ, да не превозношуся, дадеся ми пакостникъ плоти (*σχλοφ τῆς σαρκὸς*, жало въ плоть), ангелъ сатанинъ, да ми пакости дѣтъ, да не превозношуся. Нѣкоторые, въ сльдѣ за Златоустомъ, изъяснили сіе о противникахъ, съ коими надлежало бороться Павлу, каковъ быль, напр., Александръ Ковачъ, на коего онъ жаловался во второмъ посланіи къ Тимоѳею (4, 14). Въ самомъ дѣлѣ, ангеломъ, или посланикомъ сатаны, по утребленію спхъ словъ въ ветхомъ завѣтѣ, могъ быть названъ какой-нибудь упорный противникъ истины, поощряемый сатаною. Но выраженіе: *жало въ плоть* показываетъ, что источникъ страданій Апостола сокрывался въ его тѣлѣ — въ какомъ-либо недугѣ тѣлесномъ, который мучилъ Апостола особенно тѣмъ, что препятствовалъ его ревности въ дѣлѣ проповѣди. Съ симъ мнѣніемъ соглашается и древнѣйшее преданіе. Еще Тертулліанъ ¹⁾

¹⁾ In libro de Pudicitia.

разумѣль подъ жаломъ плоти болѣзнь въ ушахъ; а Иеронимъ¹⁾ вообще болѣзнь головы. Посланницею сатаны названа сія болѣзнь не потому, чтобы она была непосредственнымъ произведеніемъ духа злобы: ибо, говоря словами Златоуста, могъ ли діаволъ имѣть власть надъ тѣломъ Павла, когда самъ подлежалъ его власти, какъ рабъ? но или по своей лютости, или по ея дѣйствіямъ, которыеклонились во вредъ христіанству, и следственно въ пользу царства тьмы.

Само путешествіе Апостола для проповѣди язычникамъ было предпринято вслѣдствіе откровенія нѣкоторымъ изъ предстоятелей апостольской Церкви (Дѣян. 13, 2). Духъ Святый повелѣлъ, чтобы Савлъ и Варнава отдѣлены были на дѣло, для котораго Онъ ихъ призвалъ, то-есть, на проповѣдь язычникамъ. Вместо всѣхъ напутственныхъ приготовлений совершили постъ, и по молитвѣ, возложивъ руки на избранныхъ, отпустили ихъ въ путь. Вместѣ съ ними отправился и Иоаннъ Маркъ, сродникъ Варнавинъ. Но опытъ вскорѣ докажетъ, что онъ былъ еще неспособенъ раздѣлять съ Павломъ труды апостольства.

Кто, смотря на сихъ бѣдныхъ, безславныхъ путниковъ, могъ думать, что они вскорѣ низровергнутъ тѣхъ идоловъ, предъ коими, послѣ нѣкоторыхъ неудачныхъ опытовъ противоборства, съ благоговѣніемъ преклонилась вѣтійственная мудрость философовъ Греціи и Рима; что они, среди развращеннѣйшихъ городовъ Азіи и Европы, гдѣ нечестіе было уполномочено закономъ, гдѣ былъ самый престолъ сатаны, — изъ ихъ же

¹⁾ In Catal. illust. vir. sub v. Paulus.

развращенныхъ гражданъ образуютъ въ продолженіе иѣсколькихъ лѣтъ совершиенѣйшія общества людей, каковыхъ самые Платоны могли только желать, не имѣя надежды увидѣть на самомъ дѣлѣ? — Но гдѣ творится дѣло Божіе, тамъ все становится возможнымъ. Богъ положилъ бѣйствомъ и проповѣди спасти міръ, — и проповѣдь Павла должна была произвести чудеса.

Бывъ посланы Духомъ Святымъ, путешественники не имѣли и другого руководителя въ пути, кромѣ сего Духа. Сначала прибыли они въ Селевкію, приморскій городъ, лежащій противъ острова Кипра ¹⁾). Отсюда отишли въ Кипръ — отчество Варнавы (Дѣян. 4, 36). Сие послѣднее обстоятельство и, можетъ-быть, слухъ, что въ Кипрѣ находились уже и некоторые изъ христіанъ, были причиною того, что сей многолюдный островъ первый удостоился слышать благовѣстіе Павлово. Огласивъ саламинскія ²⁾ синагоги именемъ Иисуса Христа, проповѣдники прошли потомъ весь островъ до Пафса, славившагося служеніемъ Венерѣ ³⁾). Здѣсь чудодѣйственная спа Божія открылась (сколько известно) въ первый разъ въ Павлѣ. Тамошній проконсулъ Сергій Павелъ, коего искатель Дѣяній называетъ человѣкомъ разумнымъ, пожелалъ слышать слово Божіе. Но иѣкто іудеининъ, именемъ Варнава, который выдавалъ себя за волшебника и пользовался довѣренностью проконсула,

¹⁾ Plin. Hist. Nat. 5, 18. Strab. Lib. 14.

²⁾ Саламинъ лежитъ на восточной сторонѣ Кипра, а Пафъ на западной. Herod. 4, 162; Strab. 14, 682.

³⁾ Посему она и называлась: Paphia Venus (Венера Пафская), Paphi Regina (царица Пафская). Hor. Od. 1, 30.

всемърио старался отвратить его отъ вѣры. Павель, исполнись Святого Духа, устремилъ на него взоръ и сказалъ: «О, исполненный всякаго коварства и всякаго злодѣянія, сынъ діавола, врагъ всякой правды! перестанешь ли ты совращать съ прямыхъ путей Господнихъ?—Вотъ нынѣ на тебя рука Господня: ты будешь слѣпъ и не увидишь солнца до времени».—Волхвъ тотчасъ ослѣпъ; а изумленный спиѣ чудомъ проконсулъ немедленно принялъ крещеніе.

Огсѣль евангелистъ Лука въ своемъ повѣствовавшіи о путешествіяхъ Апостола постоянно называетъ его Павломъ, между тѣмъ какъ до сего времени всегда называлъ его Савломъ. Такая перемѣна заставляетъ думать, что Апостолъ около сего времени перемѣнилъ прежнее свое имя на новое. Иеронимъ рѣшительно полагалъ, что Савлъ называлъ себя Павломъ по случаю обращенія проконсула Павла, дабы въ новомъ имени своемъ имѣть какъ бы иѣкоторый знакъ столь славной побѣды надъ знаменитымъ римляниномъ, подобно какъ римскіе военачальники получали прозванія отъ имени городовъ и областей, ими покоренныхъ¹⁾). Но таковый знакъ очевидно несовмѣстенъ съ смиреніемъ Апостола, который весь успѣхъ своей проповѣди всегда приписывалъ не себѣ, а благодати. Посему многіе отцы Церкви (Златоустъ, Амвросій и друг.) держались мнѣнія, что Апостолъ перемѣнилъ свое имя еще при крещеніи. Въ подтвержденіе сего указываютъ на обыкновеніе іудеевъ означать важныя события въ своей жизни перемѣнью имени. Но если такъ, то почему св. Лука началъ упо-

¹⁾ In Catal. illust. vir. sub voce: Pavlus.

треблять имя Павла не прежде, какъ по обращеніи проконсула? — Нельзя не признать, что сіи два событія (обращеніе проконсула и перемѣна имени) находятся въ связи: итакъ, въ чёмъ состоитъ сія связь? — Вероятно, проконсулъ, изъ любви и уваженія къ Павлу, предложилъ ему свое имя, какъ то дѣлывали и другіе знаменитые римляне съ людьми, ими любимыми и уважаемыми; а Павелъ не отрекся принять предложеннаго имени, которое по своему значенію совершенно соотвѣтствовало его смиренію, вслѣдствіе коего онъ называлъ себя меньшимъ (*ελόχισος*) изъ Апостоловъ. Впрочемъ, обращеніе проконсула могло имѣть вліяніе на употребленіе имени Павла и въ томъ случаѣ, если Савлъ принялъ сіе имя еще при крещеніи. Доселѣ оно, какъ еще малоизвѣстное, оставалось безъ употребленія; но съ сего времени Апостолъ, изъ уваженія къ вѣрѣ проконсула и, можетъ-быть, по его просьбѣ, началъ постоянно употреблять оно: а такимъ образомъ прежнее имя Савла вышло изъ употребленія. — Всего невѣроятнѣе мнѣніе тѣхъ, кои догадываются, что Апостолъ перемѣнилъ имя для того, дабы не узнавали въ немъ прежняго гонителя христіанства. Съ симъ намѣреніемъ онъ не избралъ бы имени *Павла*, которое по сходству звуковъ невольно приводило на память *Савла*. Равнымъ образомъ неважно мнѣніе и тѣхъ, кои говорятъ, что Апостолъ еще при обрѣзаніи получилъ два имени. Іудеи давали иногда при обрѣзаніи по два имени; но всегда избирали несходныя по звуку.

Изъ Пафы проповѣдники отплыли на твердую землю, въ Малую Азію. Здѣсь Маркъ отсталъ отъ нихъ (Діян. 13, 13; сл. 15, 38) и возвратился въ Іерусалимъ во-

преки желанію Павла и Варнавы. Послѣдніе чрезъ Пергію Фамфілійскую достигли Писидійской Антіохіи ¹⁾). Въ слѣдующую субботу Апостолъ со своими спутниками явился въ тамошней синагогѣ. Послѣ обычновенного чтенія пѣзъ закона, начальникъ ея предложилъ посѣтителямъ сказать что-нибудь въ назиданіе и утѣшеніе братій. Нельзя было ожидать лучшаго случая для проповѣди. — Обшпрная книга представлялась сама собою, — и Павелъ началь щедрою рукою бросать съ мѣна благовѣстія. Напомнивъ о благодѣяніяхъ, коими Богъ ущедралъ народъ еврейскій, какъ Онъ извелъ его изъ Египта, питалъ чудеснымъ образомъ въ пустынѣ, даровалъ имъ судей для управлениія и защищениія, наконецъ, избралъ на царство прежде Саула, а потомъ Давида, мужа по сердцу своему, Павелъ утверждалъ, что обѣтованіе, данное Давиду о имѣющемъ произойти изъ потомства его Мессіи, сбылось на Іисусѣ, который предъ появлениемъ своимъ былъ возвѣщенъ Іоанномъ Крестителемъ; но, не узнавшій первосвященниками, осужденъ на смерть и распятъ сообразно предсказаніямъ о немъ пророковъ. Впрочемъ, Богъ воскресилъ Его изъ мертвыхъ, и Онъ явился по воскресеніи многимъ изъ учениковъ, что также предвозвѣщено было пророками и самимъ Давидомъ. Во имя сего-то воскресшаго Мессіи возвѣщается вѣрующимъ въ Него отпущеніе грѣховъ и оправданіе, коего не могъ доставить законъ. А посему іудеямъ должно быть осторожными, дабы, по прічищу первосвященниковъ, отвергнувъ Іисуса

¹⁾ Она лежала во Фригіи и названа таѣъ въ отличіе отъ Антіохіи Сирской. Plin. Hist. 5, 27.

Хреста, не подвергнуться ужасной казни, коею Богъ угрожаетъ презрителямъ Сына Своего (Дѣян. 13).

Рѣчъ сія произвела сплошное впечатлѣніе въ слушателяхъ. Многіе изъ іудеевъ и прозелитовъ¹⁾ послѣдовали за Апостоломъ, дабы получить отъ него обстоятельнѣйшее наставлѣніе въ вѣрѣ. Въ слѣдующую субботу почти *всѧ гороðь собралася слушать слово Божіе*. Но толь счастливому началу не соотвѣтствовалъ конецъ. Іудейскіе раввины не могли снести равнодушно видя, что бѣдные пришлецы сдѣлались предметомъ уваженія для всего города; можетъ быть, соблазняла ихъ и свобода, съ которойю Апостолы, вовремя обыкновенію іудеевъ, обращались съ язычниками: исполнившись зависти и злобы, они, вмѣсто того, чтобы примѣромъ своимъ располагать другихъ въ пользу новаго ученія, начали противорѣчить проповѣдникамъ и злословить. «Вамъ—отвѣчалъ при семъ случаѣ Павелъ со всею важностію божественнаго посланника,—вамъ, во-первыхъ, надлежало быть проповѣдану слову Божію; но какъ вы отвергаете оное и сами себя дѣлаете недостойными вѣчной жизни, то мы теперь обращаемся къ язычникамъ, ибо такъ намъ повелѣлъ Господь». Слова сіи тѣмъ болѣе расположили въ пользу евангелія язычниковъ, кои никогда не замѣчали подобнаго безпристрастія въ іудейскихъ раввинахъ; ибо послѣдніе всегда полагали великое различіе между іудеемъ и еллиномъ. Но тѣмъ болѣе возрастала и ненависть іудеевъ. Не имѣя возможности дѣйствовать противъ Апостоловъ

¹⁾ Прозелитами назывались язычники, обратившиеся къ іудейской религії.

собственными силами, они возбудили противъ нихъ нѣкоторыхъ женщинъ, славившихся набожностию и знаменитостю рода (любимое орудіе фанатизма!). Вліяніе послѣднихъ на городскихъ правителей сдѣлало то, что Павелъ и его спутники, отрясши прахъ отъ ногъ своихъ, оставили Антіохію (Дѣян. 13, 44—52).

Подобные плоды принесла проповѣдь Павла въ Иконіи. Большое число язычниковъ и іудеевъ признало надъ собою побѣду евангелія; но нѣкоторые изъ послѣднихъ были столь упорны, что отвращали отъ вѣры и другихъ. Постоянство Апостоловъ, которые, несмотря на опасность, продолжали трудиться надъ обращеніемъ заблудшихъ, дало время созрѣть злобѣ враговъ ихъ. Дошло до открытаго возмущенія: весь городъ раздѣлился на двѣ части, изъ коихъ одна почитала Павла и Варнаву за посланниковъ Божіихъ, другая обвиняла ихъ, какъ враговъ отечественной религіи. Уже неистовая толпа народа, предводимая своими слѣпыми вождями, текла для умерицвленія свидѣтелей истины; но они, бывъ заблаговременно предварены обѣ угрожающей имъ опасности, удалились въ ликаонскіе города Листру и Дервію (Дѣян. 14, 1—7).

Здѣсь чудодѣйственная спа Павлова оказала самое необыкновенное дѣйствіе на сердца жителей; доказательствомъ сему служитъ слѣдующій случай: между слушателями Павловыми находился одинъ нищий, который не владѣлъ ногами отъ самого рожденія. Сила слова, а можетъ-быть и слухъ о необыкновенныхъ дѣяніяхъ новыхъ проповѣдниковъ столько расположили его къ христіанству, что онъ въ духѣ живой вѣры ожидалъ отъ нихъ себѣ исцѣленія. Павелъ прочелъ его

сердце на его лицѣ и именемъ Иисуса Христа вѣлѣль встать на ноги и ходить; хромой вскочилъ, какъ бы никогда не былъ хромъ. Такое чудо должно было увѣрить всякаго въ непосредственномъ содѣйствіи Божіемъ тому человѣку, который произвелъ его; но въ глазахъ ликаонцевъ-идолопоклонниковъ оно казалось признакомъ непосредственного присутствія самыхъ боговъ. «Боги,—говорили они,—въ человѣческомъ образѣ сошли къ намъ». Варнава, какъ старшій лѣтами, почетѣ былъ за Юпитера, а Навель, отличавшійся даромъ слова, за Меркурія ¹⁾). Вѣсть о явленіи боговъ немедленно распространилась по всему городу. Жрецъ Юпитера сѣшилъ приготовить жертву и вывелъ за городъ (гдѣ было произведено чудо) воловъ, увѣнчанныхъ вѣнками, дабы вмѣстѣ съ народомъ совершилъ жертвоприношеніе.

Чудотворцы не менѣе ликаонцевъ поражены были изумленіемъ, когда узнали, что имъ приготавляется божеская почесть. Раздравъ одежды свои, они бросились въ средину народа (который, вѣроятно, нѣсколько

¹⁾ Почему ликаонцы почли Апостоловъ за Юпитера и Меркурія, а не за другихъ какихъ-либо боговъ? 1) Древніе языч. ики вѣрили, что боги посѣщаются иногда города, имъ посвященные, а въ Листрахъ былъ храмъ Юпитера (Дѣян. 14, 3). Вѣроятно также, что и Меркурій, какъ богъ торговли, уважаемый особенно всѣми жителями Малой Азіи, имѣлъ храмъ въ семъ городѣ. 2) Изъ міро-огій известно, что Меркурій имѣлъ обыкновеніе сопровождать Юпитера во время его низшествія на землю (Ovid. Metam. 8, 626; Fast. 5, 495; Plautus Amphit. 1, 1, 1. 3) Каждый ликаонецъ содержалъ въ свѣжей памяти басню о посѣщеніи Фитеона и Бавкиды Юпитеромъ и Меркуріемъ, что случилось во Фригіи, смежной съ Листрами (Ovid. Met. 8, 611).

удалпля отъ нихъ изъ благоговѣнія), восклицая: «Братія! что вы дѣлаете? Мы не боги, а люди, вамъ подобные. Мы проповѣдуемъ, чтобы вы оставили ложныхъ боговъ, вами почитаемыхъ, и обратились къ единому истинному Богу, который есть Творецъ неба и земли. Онъ попустилъ язычникамъ ходить до времении своими путями, слѣдоватъ своему нечистому образу мыслей о Богѣ; впрочемъ, никогда не оставляль ихъ безъ свидѣтельства о своемъ бытіи. Блага, коими вы наслаждаетесь, дожди, упадающіе съ неба, благораствореніе воздуха, плодоносіе полей и виноградовъ вашихъ, все есть даръ Его отеческой десницы». Сіи разительныя слова едва убѣдили суевѣрный народъ оставить свое безумное намѣреніе.

Ненмовѣрное уваженіе ликаонцевъ къ Павлу и Барнавѣ заставляло ожидать, что весь городъ ихъ обратится ко Христу. Такъ конечно и было бы; но іудеи превратили все дѣло. Воспрепятствовавъ успѣхамъ евангелія въ Антіохіи и Иконіи, они не могли равнодушно слышать объ успѣхахъ Апостоловъ между ликаонцами, пришли въ Листру и клеветами своими до того довели безсмысленный народъ, что онъ побилъ камнями того самого человѣка, который недавно почитаемъ былъ за Меркурий. Изнемогшій подъ ударами, Павелъ палъ на землю и, почитаемый за мертваго, былъ вытащенъ за городъ, какъ злодѣй, недостойный погребенія. Какое торжество для злобныхъ враговъ его! Но истина безсмертна. Тѣ изъ листрянъ, копъ осталпсь вѣрными Христу, собрались вокругъ своего полумертваго учителя: подкрепленный благодатю и чистою совѣстю, онъ собралъ силы свои, всталъ и въ сопрово-

жденій ихъ возвратился въ городъ. Поелику нельзя было ожидать успѣха проповѣди надъ ожесточеннымъ народомъ, то Павелъ удалился изъ Листры въ Дервію. Бѣдствіе, претерпѣвшое имъ въ первой, вознаграждено было духовнымъ утѣшениемъ въ послѣдней: здѣсь многие со всѣмъ усердіемъ присовокупились къ числу учениковъ Господа (Дѣян. 14).

Нельзя при семъ случаѣ не замѣтить, что между противниками христіанской религіи всегда почти первые и упориѣшіе были іудеи: замѣчаніе, оправдывающее не только исторію апостольского служенія Павлова, но и всею исторію христіанства первыхъ вѣковъ. Закоренѣлый предразсудокъ, что они один, вслѣдствіе завѣта Божія съ Авраамомъ, имѣютъ право на благо-дѣянія Божіи, ниспосланныя въ лицѣ Мессіи, ложное мнѣніе, что исполненія обрядового закона достаточно для оправданія себя предъ судомъ Божіимъ, и другіе предразсудки, питаемые гордостію и корыстолюбіемъ, преграждали путь къ сердцамъ іудеевъ благотворному ученію о вѣрѣ въ Иисуса Христа. Имъ нужна была не такая религія, которая сравнивала бы ихъ съ язычниками, ими презираемыми, а такая, которая еще болѣе возвышала бы ихъ мнимыя права и преимущества. Не таково было состояніе язычниковъ. Имъ не чѣмъ было хвалиться по плоти; они не считали между своими предками Авраамовъ и Давидовъ, не участвовали въ завѣтахъ обновленія, не имѣли надежды и были какъ бы безъ боя въ мірѣ (Ефес. 2, 12). Приверженность къ бездушнымъ идоламъ, ослабляемая философіею и здравымъ смысломъ, уже давно погасла во многихъ; потребность новой, лучшей религіи давно пробудилась и со-

дѣлалась почти всеобщею потребностию времени: посему-то многие изъ язычниковъ уже тайно или явно держались іудейства, которое, при всѣхъ несовершенствахъ своихъ, привлекало сердца служеніемъ единому Богу. Но іудеи, позволяя язычникамъ участвовать въ своихъ благочестивыхъ собранияхъ и раздѣляя съ ними надежду жизни вѣчной, не преставали однакоже выставлять предъ ними свое преимущество; не стыдились твердить, что язычникъ не иначе можетъ войти въ рай, какъ подъ ризою іудея. Итакъ могли ли язычники равнодушно слушать провозвѣстниковъ евангелія, которые отверзали для нихъ врата царствія небеснаго, затворляемыя раввинами; могли ли не прославлять благость Божію (Дѣян. 13, 48), которая простерла и на нихъ отеческій взоръ свой, даруя имъ религію, коей давно искало ихъ сердце?—Естественно, что они охотнѣе іудеевъ преклонялись подъ легкое пго евангелія и постояннѣе посили оное.

На возвратномъ пути въ Антіохію Павелъ снова посѣтилъ учениковъ въ Листрѣ, Иконіи и Антіохіи Писидійской. Въ его отсутствіе они должны были потерпѣть много озлобленій какъ отъ іудеевъ, такъ и отъ язычниковъ, остававшихся во тьмѣ идолопоклонства: а посему присутствіе его было для нихъ присутствіемъ апгела-утѣшителя. Земные утѣшнія не могли имѣть мѣста въ семъ случаѣ: вѣра питается не землею, а небомъ. Павелъ старался открыть для нихъ неисчерпаемый источникъ утѣшепія въ самомъ существѣ принятой ими религіи, вразумляя ихъ, что царствіе Божіе, внутреннее соединеніе съ Богомъ въ душѣ, не вначе можетъ быть достигаемо, какъ пу-

темъ скорбей и искушений. Для устроенія виѣшнаго порядка между новообращенными и для распространенія истинной вѣры и святой дѣятельности, онъ руко- положилъ къ каждой церкви пресвитеровъ и, препоручивъ ихъ Господу, отправился въ дальнѣйшій путь. Прощедъ чрезъ Нергію, въ коей проповѣдали слово Божіе, путешественники достигли Атталіи, изъ коей отплыли обратно въ Антіохію. По прибытии ихъ немедленно собрались всѣ вѣрующіе: каждый желалъ слышать объ успѣхахъ проповѣди. Повѣствованіе Павла исполнило сердца всѣхъ радостію и благодареніемъ Промыслу, который отверзъ дверь вѣры для язычниковъ.

Въ апостольскихъ Дѣяніяхъ не сказано, какъ долго продолжалось первое путешествіе Павлово для обращенія язычниковъ. Надобно полагать, что въ продолженіе его протекло около двухъ лѣтъ. Надлежало употреблять время и на путешествіе, и на проповѣдь, и на устроеніе новосозпдаемыхъ Церквей. О пребываніи Павла въ Иконіи именно сказано (Дѣян. 14, 3), что оно продолжалось довольно долго (*τικαῦδε χρόνος*). При томъ Апостолы, какъ можно заключать изъ 14, 6, проповѣдывали и въ иѣкоторыхъ другихъ городахъ, о коихъ не упоминаетъ св. Лука.

Пробывъ не малое время въ Антіохіи, Павелъ долженъ былъ въ третій разъ идти въ Іерусалимъ. Поводомъ къ сему путешествію было беспокойство, произшедшее въ антіохійской Церкви, коего виновниками были христіане іудействующіе. Принеѣдъ изъ Іерусалима, сіп беспокойные люди начали внушать братіямъ, что безъ соблюденія обрядового закона, особенно безъ

обрѣзанія, невозможно получить спасеніе. Павель съ Варнавою ревностно стали противъ сего заблужденія, столь несомнѣнаго съ свободою христіанскю: уваженіе, коимъ они пользовались за апостольскіе труды свои, дѣлало ихъ мнѣніе важнымъ; но палестинскіе выходцы могли ссылаться на примѣръ старѣйшихъ Апостоловъ, на обыкновеніе іерусалимской Церкви и тому подобное. Споры, держанные по сему случаю, остались безъ успѣха, и юная Церковь антіохійская, не имѣя возможности сама собою выдти изъ недоумѣнія, рѣшилась прибегнуть къ совѣту своей матери — Церкви іерусалимской. Павель и Варнава должны были отправиться по сему дѣлу въ Іерусалимъ. Для отвращенія подозрѣній въ пристрастіи, они взяли съ собою иѣкоторыхъ изъ братій, вѣроятно такихъ, кои держались противнаго мнѣнія.

Проходя Финикию и Самарію, путешественники имѣли утѣшеніе обрадовать тамошнихъ христіанъ повѣствованіемъ объ успѣхахъ ихъ проповѣди къ язычникамъ (Дѣян. 15, 3); съ такимъ же удовольствіемъ слушали ихъ о семъ предметѣ и въ Іерусалимѣ. Торжество вѣры христіанской было тогда торжествомъ каждого христіанина; между тогдашними учениками евангелія совсѣмъ не было того преступника равнодушія къ успѣхамъ своей религіи, которое наконецъ сдѣлалось едва не всеобщимъ, спустя 18 столѣтій.

Для разрѣшенія спорнаго вопроса, предложеннаго Павломъ, собралась вся Церковь іерусалимская. Голоса были несогласны и здѣсь такъ же, какъ и въ Антіохіи. Обращенные въ христіанство фарисеи упорно требовали, чтобы обращающіеся язычники были подвергаемы

обрѣзанію. Ожидали мнѣнія предсѣдателей собора — Апостоловъ. Петръ, вразумленный въ тайну спасенія язычниковъ откровеніемъ, первый предложилъ, что не должно возлагать на язычниковъ того ига (закона обрядового), котораго не могли понести самые іудеи. Послѣ сего началъ говорить Павелъ. Вместо разсужденій и доказательствъ, онъ рассказалъ собранію исторію своего апостольского путешествія, изъ коей самымъ очевиднымъ образомъ открывалось, что Духъ Святый въ изліяніи даровъ своихъ на учениковъ Павловыхъ не полагалъ никакого различія между обрѣзанными и необрѣзанными, и что слѣдовательно обрѣзаніе не составляетъ необходимой принадлежности новаго завѣта. Наконецъ, рѣчь Іакова, который сказанное Петромъ и Павломъ подкрѣпилъ пророчествами изъ ветхаго завѣта, утвердила торжество истины надъ предразсудкомъ. Во имя Святаго Духа положено даровать обращающимся язычникамъ свободу отъ обрядового закона, съ нѣкоторыми необходимыми ограниченіями ¹). Павлу и Варнавѣ врученъ былъ отвѣтъ, долженствовавшій успокоить Церковь антіохійскую.

Но Павелъ имѣлъ еще другое дѣло, съ коимъ тѣсно было соединено спокойствіе собственной его совѣсти. Необыкновенные успѣхи, копии Провидѣніе благословляло его проповѣдь, даръ чудесъ, сообщенный ему въ такомъ избыткѣ, служили для него порукою, что онъ вѣрно исполняетъ высокое званіе апостола, *не поддѣмая, подобно другимъ, слова Божія, но проповѣдуя*

¹) Ограничія сіи состояли въ томъ, чтобы язычники удерживались отъ оскверненнаго идолами, отъ блуда, удавлений и крови.

искренно (2 Кор. 2, 17). Но Павель всегда помнилъ, что онъ такъ, какъ и другіе апостолы (2 Кор. 4, 7), носитъ *сокровище благодати въ скудѣльномъ сосудѣ*, что даръ апостольства, подобно другимъ дарамъ духовнымъ, требуетъ отъ обладающаго имъ строгаго надзора за своими поступками, непрестанной повѣрки должностаго употребленія онаго, а посему желалъ повѣрить чистоту ученія, проповѣдуемаго имъ язычникамъ, мнѣніемъ прочихъ апостоловъ, дабы, какъ самъ говорить, убѣдиться, не напрасно ли онъ подвизался и подвизается (Гал. 2, 2) въ дѣлѣ проповѣди. Кромѣ спокойствія совѣсти, сего требовалъ и усилѣй проповѣди. Враги Павловы, то-есть враги креста Христова, какъ увидимъ, всюду будутъ разглашать, что онъ учитъ не тому, чему учатъ прочіе апостолы. Чтобы заградить имъ уста, надлежало имъ одобрительное свидѣтельство о своемъ ученіи отъ прочихъ апостоловъ. Итакъ, Павель, который почиталъ закономъ *старатъся о добромъ не только предъ Богомъ, но и предъ людьми* (2 Кор. 8, 21), и *представлять себя на судъ совѣсти всякаго человѣка* (2 Кор. 4, 2), наединѣ предложилъ Петру, Іакову и Іоанну благовѣствованіе, проповѣдуемое имъ язычникамъ. Они не нашли въ немъ ни излишества, ни недостатка, и единодушно признали его въ великомъ достоинствѣ учителя языковъ, прося обѣ одномъ, чтобы онъ располагалъ обращающіхся язычниковъ ко всепомоществованію палестинскимъ христіанамъ, которые претерпѣвали крайнюю бѣдность, — что Павель, говоря его словами, и *старался всегда исполнять въ точности* (Гал. 2, 10).

По возвращеніи изъ Іерусалима, Павель продол-

жалъ трудиться надъ устроеніемъ Церкви антіохійской, утверждая въ вѣрѣ и благочестії членовъ ея (Дѣян. 15, 35). Къ сему времени принадлежить обличеніе, сдѣланное имъ Петру, о коемъ упоминается во второй главѣ посланія къ Галатамъ. Петръ, по прибытіи въ Антіохію, сначала, подобно Павлу, свободно обращался съ обращенными язычниками и раздѣлялъ съ ними трапезу; но когда пришли нѣкоторые изъ іерусалимскихъ іудеевъ, то онъ, не желая обнаружить предъ ними свободы христіанской, началъ удаляться отъ трапезы обращенныхъ язычниковъ. Примѣръ его такъ сильно дѣйствовалъ, что къ сему лицемѣрству (такъ названъ Павломъ поступокъ Петра) присталъ даже Варнава, ревностный дотолѣ защитникъ свободы христіанской. Предупреждая соблазнъ нѣкоторыхъ іудеевъ, Петръ уже соблазнялъ всѣхъ язычниковъ, между тѣмъ какъ послѣдніе имѣли большее право на то, чтобы не быть соблазняемыми: ибо они водились истиною, а іудеи предразсудкомъ. Павелъ видѣлъ сю опасность и предъ лицемъ всѣхъ сказалъ Петру: «если ты, іудей, живешь по-язычески (не наблюдаешь различія яствъ, предписываемаго закономъ Моисеевымъ), а не по-іудейски, то для чего язычниковъ принуждаешь жить по-іудейски (Гал. 2, 12—15)»? Павель же упоминаетъ, какое дѣйствіе произвело въ Петрѣ его обличеніе; безъ сомнѣнія, послѣдній увидѣлъ и исправилъ свою ошибку.

ВТОРОЕ АПОСТОЛЬСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ СВ. ПАВЛА.

Церковь антиохийская была богата наставниками, притомъ довольно утверждена на краеугольномъ камени—Иисусъ Христъ. Труды Павла престали для нея быть необходимыми; между тѣмъ сердце его стремилось видѣть чадъ своихъ по вѣрѣ и породить новыхъ отъ нетлѣннаго сѣмени слова Божія. Въ сихъ чувствахъ онъ предложилъ Варнавѣ предпринять второе путешествіе апостольское. Сей вѣрный соучастникъ намѣреній и трудовъ Павловыхъ со всѣмъ усердіемъ готовился сопутствовать ему; но выборъ сотрудниковъ заставилъ ихъ разлучиться. Варнавѣ хотѣлось имѣть спутникомъ Марка, своего сродника; Павелъ почиталъ недостойнымъ сей чести такого человѣка, который въ предшествующемъ путешествіи оставилъ ихъ безъ всякой достаточной причины (Дѣян. 13, 13). Надлежало опасаться, что онъ, устрашенный опасностями и трудами, снова оставить ихъ: каковы поступокъ могъ послужить соблазномъ для новоопрошеннаго. Посему Павелъ

желалъ взять въ сотрудники Силу, пршедшаго съ нимъ изъ Иерусалима, въ способностяхъ и ревности коего онъ имѣлъ случай увѣриться изъ его проповѣданія слова Божія къ антіохійцамъ. Варнава не согласился; Павелъ еще менѣе способенъ былъ уступить въ истиинѣ: произошло *огорченіе*¹⁾. Апостолъ, взявъ съ собою Силу, отправился въ путь безъ Варнавы, который вмѣстѣ съ Маркомъ поплылъ въ Кипръ (Дѣян. 15, 35 — 41). Разногласіе сіе не погасило въ душѣ апостола христіанской любви къ Варнавѣ и самому Марку. Въ посланіяхъ, писанныхъ послѣ сего, онъ упоминаетъ о первомъ, и всегда съ похвалою (Галат. 2, 12; 1 Кор. 9, 6), не забываетъ и послѣдняго, свидѣтельствуя, что онъ былъ ему полезенъ (Колос. 4, 10): таково свойство чистой ревности по истинѣ! Она всегда предпочитается дѣло Божіе связямъ и разсчетамъ человѣческимъ; смило говоритъ истину вопреки тому, кого любить; готова, если не можетъ разувѣрить, удалиться отъ него, но никогда не измѣняетъ главному закону любви; съ радостю слышитъ обѣ успѣхахъ того, отъ кого удалилась; находитъ въ немъ похвальныи все то, что дѣйствительно заслуживаетъ похвалу; и паки охотно соединяется съ нимъ, колѣ скоро исчезаетъ причина раздѣленія. Таковая миролюбивая ревность есть плодъ зреющей мудрости и безкорыстнаго служенія Иисусу Христу.

Прошедъ Сирію и Киликію и увѣрившись въ твер-

¹⁾ Выраженіе подлинника (*παροξυσμός*) означаетъ сильную досаду. Такъ слабость поврежденной природы человѣческой обнаруживается иногда и въ такихъ чистыхъ душахъ, какова Павлова, дабы онѣ не превозносились.

дости тамошнихъ христіанъ, Павелъ достигъ Дервіп и Листры. Въ послѣднемъ городѣ онъ нашелъ себѣ юнаго, но неутомимаго сотрудника, который внослѣдствіи сдѣлался достойнымъ того, чтобы о немъ сказано было филиппійцамъ: «я икого не имѣю единомысленаго, кто бы столь искренно заботился о вашихъ обстоятельствахъ» (Фил. 2, 20). То былъ Тимоѳей, іудей по матери, по отцу язычникъ. Еще до пришествія апостола онъ уже зналъ Христа и своимъ поведеніемъ (вѣроятно, и проповѣдью) спаскаль себѣ всеобщее одобрение не только въ Листрѣ, но и въ Иконіи. Павелъ, обладая даромъ проникать въ души и сердца, тотчасъ замѣтилъ рѣдкія способности юнаго Тимоѳея и сдѣлалъ его своимъ спутникомъ. Поелику надлежало опасаться, что Тимоѳей, какъ необрѣзанный¹⁾, будетъ соблазномъ для христіанъ изъ іудеевъ, коимъ всѣмъ извѣстно было его происхожденіе, отъ язычника, то апостолъ совершилъ надъ нимъ обрядъ обрѣзанія. Онъ, бывши въ Іерусалимѣ, не согласился обрѣзать Тита (Гал. 2, 3), потому что сей и по отцу и по матери былъ язычникъ, а посему обрѣзаніе его было бы соблазнительнымъ нарушениемъ свободы христіанской; но Тимоѳей, происходя отъ матери іудеянки, могъ быть обрѣзанъ безъ нарушения сей свободы: ибо тогда еще всѣ почти вѣрили, что обрѣзаніе нужно для іудея и въ христіанствѣ. Учитель язычниковъ и здѣсь, какъ и въ другихъ слу-

¹⁾ Сынъ іудеянки отъ язычника не могъ быть обрѣзанъ безъ согласія отца, какъ видно изъ Талмуда; а отецъ Тимоѳея, вѣроятно, не хотѣлъ видѣть его обрѣзаннымъ. Теперь его не было въ живыхъ.

чаяхъ, смотрѣль на обрѣзаніе какъ на вещь безразличную, и поступилъ сообразно своему мнѣнію объ употреблениіи безразличныхъ вещей — употреблять ихъ такъ, чтобы изъ нихъ выходило какъ можно болѣе пользы. «Павелъ — говоритъ Златоустъ (толк. на Дѣян.) — обрѣзалъ Тимофея, дабы упразднить обрѣзаніе; ибо обрѣзанный будетъ проповѣдывать ученіе апостола о томъ, что не нужно обрѣзаніе». Таковый поступокъ, по замѣчанію того же отца Церкви, обнаруживаетъ, что Павелъ былъ совершенно свободенъ отъ предразсудковъ; что онъ, при всей ревности по свободѣ христіанской, не былъ однакоже предубѣжденъ противъ обрѣзанія, зналъ его цѣну и умѣлъ дѣлать изъ него употребленіе.

Взявъ Тимофея, Павелъ проходилъ прежніе города, извѣщая учениковъ объ опредѣленіи іерусалимской Церкви касательно свободы обращающихся язычниковъ отъ обрядового закона. Извѣщеніе сіе тѣмъ было нужно, что изъ Палестины уже готовились выйти безразсудные ревнители сѣни законной, дабы превращать труды и успѣхи апостола. Павелъ скоро проходилъ тѣ мѣста, въ коихъ проповѣдывалъ евангелие: конечно потому, что посѣянныя сѣмена жизни самъ собою давали вожделѣнныя плоды. Впрочемъ и краткое посѣщеніе прежняго учителя сопровождаемо было видимымъ умноженіемъ вѣрующихъ и утвержденіемъ въ вѣрѣ слабыхъ (Дѣян. 16, 4 — 6). Въ сіе время основана Павломъ Церковь галатская, которая сначала принесла весьма много духовной радости, а потомъ еще болѣе сердечной печали своему основателю. Несмотря на бѣдность вицѣнаго состоянія Павлова и на гоненія, коимъ онъ всюду подвергался, галаты приняли его со всѣмъ ува-

женіемъ, приличнымъ посланнику Божію, и слушали Его какъ ангела Божія, какъ самого Іисуса Христа. Любовь къ его ученію, преданность къ его лицу вскорѣ возрасли въ сердцахъ ихъ до того, что они, *если бы возможно было, исторгли бы свои очи, дабы отдать ему*. Толь благословенное съяніе, безъ сомнѣнія, прнесло бы богатѣйшую жатву, если бы плевели іудейства, посвященные руками ізраильскихъ выходцевъ, не прозябли на сей удобренной благодатю нивѣ, какъ увидимъ впослѣдствії (Гал. 2, 3).

Изъ Галатіи апостолъ хотѣлъ идти на проповѣдь въ Азію ¹⁾), но былъдержанъ Духомъ Святымъ. Подобнымъ образомъ Пророчество остановило его, когда онъ изъ Мисіи думалъ перейти въ Віеинію ²⁾). Очевиднѣйшее доказательство, какъ все великое дѣло распространенія христіанской религіи зависѣло отъ невидимаго управлѣнія Духа Божія! Одинъ только сей Водитель, испытующій сердца и утробы, могъ безошибочно видѣть, гдѣ труды проповѣдниковъ евангелія не останутся безъ плода. Азія и Віеинія, конечно, еще не были способны къ тому, чтобы для нихъ возсіялъ свѣтъ славнаго благовѣщованія о Христѣ.

Итакъ, вмѣсто Віеиніи Павелъ пошелъ въ Троаду, городъ, лежавшій недалеко отъ древней Трои, на во-

¹⁾ Поелику и прочіе города, чрезъ которые проходилъ апостолъ, и самая Галатія принадлежала къ Малой Азіи; то подъ Азію должно разумѣть здѣсь Іонію, которая въ древности извѣстна была подъ симъ именемъ. V. Kninoel. Comm. in acta Apost. ad 2, 19.

²⁾ Какимъ именно образомъ Павелъ былъ остановленъ Духомъ Святымъ, чтобы не идти въ Азію и Віеинію, нельзя опредѣлить при молчаніи св. писанія.

сточномъ берегу Эгейскаго моря ¹⁾). Здѣсь въ ночномъ видѣніи предсталъ ему иѣкоторый мужъ ²⁾ и молилъ его прийти къ нимъ въ Македонію для поданія духовной помощи. Апостолъ заключилъ изъ сего, что самъ Промыслъ призываетъ его проповѣдывать евангеліе македонцамъ. Вслѣдствіе сего проповѣдники отплыли на островъ Самоѳракію, а на другой день пристали въ Неаполѣ, одномъ изъ приморскихъ городовъ Македоніи. Не останавливаясь въ семъ городѣ, Павелъ поспѣшилъ въ Филиппы ³⁾. Здѣшніе іудеи за городомъ молитвенницу. Апостолъ, пришедъ къ ней въ слѣдующую субботу, вступилъ въ разговоръ съ женщинами, собравшимися на молитву. Слова его падали на добрую землю; особенно тронута была одна богатая и набожная женщина изъ Фіатира, торговавшая багряницею, именемъ Лидія. Окрестившись со всѣми своими домашними, она

¹⁾ Plin. His. Nat. 5,33; Cellar. Geogr. 3,3.

²⁾ Кто былъ сей мужъ? — Иѣкто въ образѣ македонца. Сей образъ могъ принять Ангелъ, или онъ могъ быть произведенъ въ воображеніи Павла высшою силою.

³⁾ Strab. 7. р. 511. Св. Лука называетъ Филиппы первымъ городомъ сей части Македоніи. Дѣян. 16, 12. Но главные города Македоніи, раздѣленной на 4 части, были: Амфиполь, Фессалоники, Пелла и Пафлагонія. Liv. 45, 29. Несогласіе сіе примиряется тѣмъ, что названіе πρώτη (первый), какъ явствуетъ изъ древнихъ монетъ, иногда давалось не однѣмъ главнымъ, но и знаменитѣйшимъ городамъ. V. Eckhili. doctr. vet. пис. Р. 1, vol. 4, с. 8. Поэлику св. Лука при повѣствованіи о путешествіяхъ Павла съ сихъ поръ третіе лице перемѣняетъ па первое (Дѣян. 16, 11); то вообще полагаютъ, что онъ іъ сіе время сдѣлался сопутникомъ Павловымъ; но гдѣ именно, и по какому случаю соединились сіи два великие мужа, не известно.

убѣдила проповѣдниковъ избрать домъ ея свопмъ жилищемъ.

Послѣ сей утѣшительной встрѣчи ожидала апостола новая, весьма непріятная. Въ городѣ одна служанка была одержима духомъ прорицанія. Вѣрили, что она можетъ предсказывать будущее, и сія вѣра доставляла господамъ ея большой доходъ. Принуждаемая духомъ злобы, или собственою совѣстю, сія несчастная сопровождала Павла всякий разъ, когда онъ шелъ на молитву, и кричала въ слухъ всѣхъ: «эти люди рабы Бога Всевышняго, которые возвѣщаютъ намъ путь спасенія». Павель, который, подобно велкому Учителю своему, Иисусу Христу, не хотѣлъ, чтобы божественность его ученія получила свидѣтельство изъ такихъ устъ, кои разверзались для пророчества по любостяжанію, имѣніемъ Господа Иисуса повелѣлъ нечистому духу выйти изъ нея. Прорицательная уста служанки сокнулись; вмѣстѣ съ нимъ исчезли и корыстолюбивые виды господъ ея. Нечистый духъ, вышедший изъ первой, какъ бы перешелъ въ послѣднихъ. Они напали на Павла и его спутниковъ и повлекли ихъ на судилще. Если не совѣсть, то благоприличіе не позволяло открыть истинную причину ихъ негодованія на добродѣтельныхъ и миролюбивыхъ странниковъ; и корыстолюбіе по обыкновенію прикрылось личиною любви къ отечеству и религіи. Говорили: «сіи люди, которые суть іудеи, возмущаютъ нашъ городъ, проповѣдуя богослуженіе, котораго намъ римлянамъ принимать и исполнять не слѣдуетъ». Обвиненіе подѣйствовало; мятежный народъ толпами бросился на невинныхъ проповѣдниковъ евангелія; самые судьи, забывъ свое достоинство, осыпали ихъ ударами.

Изъязвленные, они ввержены были въ темницу; стражѣ приказано было усугубить надзоръ; для большей безопасности, ноги узниковъ забиты были въ колоду.

Но для слова Божія нѣть узъ (2 Тим. 2, 9). Въ полночь, когда земные суды совершенно не думали объ узникахъ, Павелъ возвзвалъ къ Судіи небесному, — не для того, чтобы молить Его объ отмщеніи, но чтобы въ духѣ вѣры и святой преданности излить предъ Нимъ чувства хвалы и благодарности. Оглушаемая воплями ропота и отчаянія темница, можетъ-быть, въ первый разъ огласилась звуками чистой равноаппельной молитви: зрѣлище умилительное для всякаго, кто несовершенно закоснѣлъ во грѣхѣ, способное пробудить совѣсть самаго упорного грѣшника! Узники слушали апостоловъ съ безмолвнымъ вниманіемъ; слышалъ и Тотъ, предъ Коимъ не таптся ни одна слеза невинности, ни одинъ вздохъ правды. Землетрясеніе вдругъ съ такою силою поколебало основанія темницы, что всѣ двери ея растворились самп собою. Между прочимъ произошло то, чего обыкновенное явленіе въ семъ родѣ никогда произвести не можетъ, — съ заключенныхъ спали всѣ узы. За умилительнымъ явленіемъ неколебимой преданности Промыслу послѣдовало явленіе отчаяннаго малодушія. Отверстия двери темницы не позволяли сомнѣваться, что узники воспользуются симъ случаемъ для своего спасенія; тѣмъ болѣе надлежало опасаться за Павла и его спутниковъ, отданныхъ подъ особенное смотрѣніе. Посему темничный начальникъ извлекъ мечъ и хотѣлъ въ слѣдъ за мнимыми бѣглецами бѣжать — пѣзъ сего міра. Онъ не зналъ Бога Павлова, не зналъ, что на апостолахъ были другія узы, коихъ не могло расторгнуть

никакое потрясение не только земли, но и неба, что они были связаны Духомъ (Дъян. 20, 22). «Не дѣлай себѣ никакого зла», воскликнулъ Павель, «мы всѣ здѣсь». При сихъ словахъ гибельное смятеніе отчаянія уступило мѣсто новому смятенію чувствъ въ душѣ римлянина. Онъ съ трепетомъ входитъ въ темницу, не видя болѣе узъ на заключенныхъ, но видитъ, что никто изъ нихъ не помышлялъ о бѣгствѣ. Можно ли было не повергнуться съ благоговѣніемъ предъ симъ явленіемъ торжествующей непорочности? Римлянинъ палъ къ ногамъ Шавла и Силы и молилъ разрѣшить собственныя его узы — узы душевнаго ослѣпленія, въ коихъ содержало его идолослуженіе.—Такова сила добра надъ сердцемъ человѣческимъ! Когда ужасъ римскихъ законовъ и казней не могъ исправить сердца преступныхъ, одно молитвенное изліяніе сердечныхъ чувствъ, сдѣланное узникомъ, такъ сильно подѣйствовало на преступниковъ, что они явили примѣръ повиновенія законамъ, достойный временъ Регула! Но сей узникъ былъ — Павель! Проникнутый страхомъ Божіимъ, начальникъ темничныхъ стражей не думалъ болѣе о страхѣ человѣческомъ. Проповѣдники взяты были къ нему въ домъ, ихъ раны омыты; а ему преподано крещеніе.

Когда такимъ образомъ усердствовала къ Шавлу и его сотрудникамъ сердечная признательность новыхъ чадъ его по вѣрѣ, самая злоба враговъ должна была преклониться предъ ихъ кротостію и невинностію. Пораженные ужасомъ необыкновенного землетрясенія, которое могли представлять наказаніемъ за оказанную несправедливость, или безпристрастнѣе разсмотрѣвъ дѣло и свою опрометчивость, или наконецъ узпавъ о

случившемся въ темницѣ, градоправителл прислали къ темничному начальнику приказаніе отпустить апостоловъ. Начальникъ съ удовольствіемъ спѣшилъ исполнить оное; но напрасно. «Какъ?»—возразилъ Павелъ, «насъ, гражданъ римскихъ, безъ суда всенародно били и бросили въ темницу, а теперь тайно выпускаютъ? Нѣть! пусть придутъ сами (судіи) и освободятъ насъ». Въ самомъ дѣлѣ, наказать римского гражданина розгами и притомъ безъ суда (какъ былъ наказанъ Павелъ) значило оскорбить величіе Рима и кесаря ¹). Наказанный такимъ образомъ могъ подвергнуть судей своихъ строжайшей ответственности ²). Но не того хотѣлъ Павелъ. Онъ желалъ только отклонить соблазнъ, могшій произойти отъ того, если бы онъ тайно удалился пзъ Филиппъ: враги его не преминули бы разгласить, что проповѣдники евангелія спаслися постыднымъ бѣгствомъ, воспользовавшись землетрясеніемъ, разрушившимъ темницу. Посему, когда градоначальники явились ³) и, признавая свою несправедливость предъ Павломъ, смиренно молили его оставить городъ, онъ безпрекословно

¹) Cic. Verr. 5, 54, 56; Liv. 10, 9. Посему-то Марцелъ выразилъ неудовольствіе на кесаря тѣмъ, что приказалъ высѣчь розгами одного изъ новокоменщевъ, коимъ дано было право римского гражданства. Appian. de bell. civ. Lib. 2, р. 433.

²) Наказавшій тѣлесно римского гражданина подвергался лишению имущества и даже смерти. Dion. Halic. Ant. Rom. 2, р. 725. Родосцы лишили били свободы Клавдіемъ за то, что распяли пѣкоторыхъ римлянъ. Dio. Cas. Lib. 6, р. 785.

³) Они безъ всякихъ розысканій повѣрили Павлову праву римского гражданства потому, что ложно присвояющіе оное наказывались смертію; а посему нельзѧ было подозрѣвать въ подлогѣ. Svet. in vita Claudii.

повиновался ихъ желанию. Одно только могло еще удерживать проповѣдниковъ въ Филиппахъ—потребность утвердить въ вѣрѣ новообращенныхъ; но чудо землетрясения, какъ справедливо замѣчаетъ св. Златоустъ ¹⁾, еще сильнѣе должно было располагать въ пользу евангелія филиппийцевъ по отшествіи тѣхъ, для коихъ оно произведено Промысломъ; притомъ, вмѣсто проповѣдника оставался обращенный начальникъ темницы.—Изъ того, что апостолы не рѣшились, хотя имѣли полное право, вопреки просьбамъ градопачальниковъ, оставаться въ городѣ, видно, какъ тщательно избѣгали они всѣхъ случаевъ быть поводомъ къ народнымъ безпокойствамъ.

Чрезъ Амфиполь и Аполлонію Павелъ пришелъ въ Фессалонику, главный городъ второй области македонской ²⁾). По обыкновенію, проповѣдь его первоначально обращена была къ своимъ единоплеменникамъ. Въ продолженіе трехъ субботъ (дни обыкновенныхъ собраній въ синагогахъ) онъ доказывалъ имъ изъ книгъ пророческихъ, что Мессии надлежало пострадать и воскреснуть, и что проповѣдуемый имъ Іисусъ есть истинный Мессія. Множество іудеевъ, прозелитовъ и въ томъ числѣ знатныхъ женщинъ сдѣлались его учениками. Павелъ обходился съ ними, какъ мать обходится съ младенцемъ (1 Фессал. 2, 7); впрочемъ не скрывалъ отъ нихъ бѣдствій, коимъ они могутъ подвергнуться за искреннее исповѣданіе Христа (1 Фессал. 3, 4). Въ предостереженіе и утѣшеніе ихъ, онъ раскрылъ предъ

¹⁾ Hom. in Acta Apost.

²⁾ Strab. Hist. 7.

ними ученіе о послѣднихъ временахъ и послѣднемъ противникѣ христіанства — антихристъ, которое, какъ увидимъ, послужило для нихъ, по причинѣ суемудрія нѣкоторыхъ людей, поводомъ къ недоразумѣніямъ (2 Фессал. 2, 5). Несмотря на то, что проповѣдь не оставляла апостолу времени на другіе труды, онъ не хотѣлъ получать пропитанія отъ учениковъ своихъ и содержался собственными трудами, коими занимался по почамъ (1 Фессал. 2, 9), а частію милостынею, которую присыпали къ нему філіппійцы (Філіппи. 4, 16). Фессалонікійцы чувствовали его апостольское безкорыстіе и принимали слово его не какъ человѣческое, но какъ слово Божіе (1 Фессал. 2, 13). Не было недостатка и въ упорныхъ врагахъ истины, которые, подговоривъ нѣкоторыхъ негодныхъ людей, произвели возмущеніе. Неистовая толпа съ крикомъ устремилась къ дому Іасона, въ коемъ пребывалъ Павелъ съ своими спутниками, и, не найдя ихъ, повлекла Іасона на судилище. «Эти всесвѣтные возмутители», кричали возмутители, «пришли и сюда; Іасонъ принялъ ихъ; все они поступаютъ противъ кесаря, почитая царемъ не его, а другаго — Іисуса». Нельзя было клеветѣ избрать удачнѣе обвиненія. Отъ него пострадалъ божественный Основатель христіанства; отъ него преимущественно, какъ яствуетъ изъ исторіи гоненій на христіанъ, страдали и его распространители. — Градоначальники приведены были въ великое смущеніе: надлежало ожидать самыхъ печальныхъ слѣдствій. Но Іасонъ успокоилъ ихъ и себя, убѣдивъ, что нѣтъ ни малѣйшаго повода къ возмущенію, и, можетъ-быть, давъ обѣщаніе, что принятыхъ имъ странниковъ скоро не будетъ въ городѣ.

Въ слѣдующую ночь Павелъ и Сила дѣйсвительно препровождены были въ Верію, городъ, принадлежавшій къ третьей македонской области. Жители здѣшніе, какъ замѣчаетъ св. Лука, были гораздо благомысленнѣе (*εὐγενέστεροι*) єессалоникійцевъ. Выслушавъ проповѣдь о Мессіи, они поступили такъ, какъ надлежало поступить каждому здравомыслящему іудею — слѣчали слышанное съ тѣмъ, что находится въ книгахъ ветхаго завѣта, — черты возвѣщаемаго Мессіи съ чертами обѣтованнаго. Слѣдствіемъ столь благоразумнаго испытанія новой вѣры по необходимости было усердное принятіе ея. Но єессалоникскіе враги Павловы не дали продолжиться духовному торжеству его надъ сердцами благомыслящихъ веріантъ; пришедъ въ Вѣрію, они возмущили народъ, и подвижники евангелія снова должны были исполнить совѣтъ Спасителя: «если гонять васъ въ одномъ городѣ, бѣгите въ другой». Оставивъ Тимоѳея и Силу, съ повелѣніемъ скоро послѣдовать за нимъ, Павелъ удалился въ Аѳини (Дѣян. 17, 1—15).

Появлевіе его въ Аѳинахъ есть одно изъ занимательнѣйшихъ зрелицъ, представляемыхъ новымъ завѣтомъ и въ особенности исторію дѣяній апостольскихъ. Здѣсь великий учитель языковъ имѣлъ случай явить все величие своего духа, всю мудрость, приличную посланнику Божію. Доселѣ онъ имѣлъ дѣло или съ суевѣрными почитателями обрѣзанія и субботы, или съ язычниками, слѣпо кланяющимися бездушнымъ истуканамъ: надлежало возвѣстить слово крестное и мудрѣмъ вѣка сего, водрузить крестъ тамъ, гдѣ доселѣ видны были только портики философовъ. Аѳини были полны философами и — идолами! Мудрость грековъ еще имѣла здѣсь

свою столицу¹); но духъ Сократа, который почиталъ философію образовательницею благоденствія человѣческаго, давно исчезъ. Послѣдователи высокопреемника Платона были жалкіе мечтатели; ученики привлекательно-мудраго Епікура были низкіе плотоугодники; воспитанники суровой Стои были лицемѣрные самохвалы. Религія была для здѣшнихъ философовъ частію гражданскаго законоположенія, которое, немотря на всѣ нелѣпости свои, должно оставаться неприкосновеннымъ изъ уваженія къ народнымъ предразсудкамъ. Они смѣялись надъ богами внутри своихъ кабинетовъ, и съ благоговѣніемъ падали предъ ними на торжпицахъ. Образованнѣйшая часть народа раздѣляла съ философами внутреннее равнодушіе къ религіи; менѣе просвѣщенная погружена была въ суевѣріе самое грубое. Впрочемъ, духъ набожности, можетъ-быть, слѣдствіе прежней здравой философіи, продолжалъ быть характеромъ аѳинянъ²): городъ ихъ былъ наполненъ храмами и жертвениками, изъ коихъ нѣкоторые посвящены были *неизвѣстныи богамъ*³.

Среди сего-то народа, который изъ прежней мудрости сохранилъ только одно свойство ея—любознательность, и то въ превратномъ видѣ, Павелъ долженъ быть возвѣстить имъ распятаго Богочеловѣка. Онъ хо-

¹) Cic. de orat. 1, 4; Orat. pro Flac. 26.

²) Pausanias in Attic. 1, 24; Strab. 10, p. 472.

³) Аѳиняне, чтобы не оставить ни одного бога безъ своего знако-уваженія, ставили алтари съ сею надписью. Іеронимъ говорить, что на одномъ жертвеникѣ была слѣдующая надпись: Θεος; Αετος, και Ευρωπης, και Λιβυης, Θεος; Αγγελος, και ζευς. V. Comment. in Epist. ad Titum.

тѣль отложить начало своей проповѣди до прибытія Тимоѳея и Силы, дабы въ соединеніи съ ними тѣмъ слышнѣе былъ голосъ истины. Но сердце его раздиралось отъ жалости при видѣ множества истукановъ, коими просвѣщенные аѳиняне гордились, какъ нѣкою драгоцѣнностю; и онъ началъ проповѣдывать одинъ, сначала въ синагогѣ — іудеямъ, потомъ на площади всѣмъ жителямъ безъ разбора. Въ числѣ слушателей были стоики и епикурейцы; тѣ и другіе остались недовольны, ибо онъ проповѣдывалъ о Иисусѣ и воскресеніи, коему не вѣрили ни тѣ, ни другіе ¹⁾). Одни думали видѣть въ немъ пустослова, который хочетъ увѣрить людей въ томъ, чему нельзя вѣрить; другіе почитали его за проповѣдника новыхъ, неслыханныхъ боговъ. Однакоже проповѣдь Павла показалась достойною любопытства; его привели въ ареопагъ и просили повторить ону ²⁾). Это было случаемъ къ той рѣчи, которая въ полной мѣрѣ показала, что божественный Осно-

¹⁾ Послѣдователи Еликура не вѣрили Провидѣнію и бессмертію души и одобряли добродѣтель единственно за удовольствіе, ею доставляемое. Cic. de fin. bon. 2, 31; Tusc. 5, 31; Diog. Laërt. 9. Стоики и вѣрили и не вѣрили въ бессмертіе. Клеантъ утверждалъ, что души будутъ существовать до сожженія міра. Cic. Tusc. 1. 31.. 32; Laërt. 7. 156. Хризиппъ усвоивъ сіе преніущество только душамъ добродѣтельнымъ. Plut. de placit. Phil. 4. 7; Laërt. 7. 57. Другіе думали, что души по разрѣшеніи отъ тѣла возвращаются въ огненную природу Божества. V. Tiedemann. Geist. de Specul. Philosoph. 13. 2, pag. 453.

²⁾ Нѣкоторые думали, что Павелъ былъ представленъ въ ареопагъ на судъ. Но изъ всѣхъ обстоятельствъ, изъ всей рѣчи его видно, что онъ говорилъ въ ареопагѣ не какъ обвиняемый, а какъ разномыслящий, новый учитель религіи.

вателъ христіанства всегда вѣрно исполнялъ обѣщаніе свое подавать распространителямъ Его ученія, въ случаѣ нужды, *уста и премудрость*. Павелъ принялъ такой тонъ, какой долженъ принимать каждый защитникъ христіанства, имѣющій дѣло съ строптивою философию. Онъ забылъ на время всю историческую часть христіанской вѣры, началъ съ истинъ здраваго смысла, почерпнутыхъ изъ разсматриванія природы, общества человѣческаго и совѣсти, — тѣхъ высокихъ истинъ, кои составляютъ внутреннее основаніе христіанства. Какъ проповѣдуя іудеямъ, онъ находилъ приступъ для проповѣдуемаго христіанства въ самой іудейской религіи, такъ и здѣсь онъ открылъ въ мертвомъ деревѣ язычества мѣсто, гдѣ можно было привить живоносную отрасль новой религіи.

«Аенияне!» воскликнулъ Павелъ, «по всему вижу я, что вы очень набожны; ибо я, обходя и обозрѣвал ваши святыни, нашелъ и жертвенникъ, на которомъ написано: *неизвѣстному Богу*. Сего-то Бога, Котораго вы, не зная, почитаете, я проповѣдую вамъ». — Слова сіи должны были возбудить величайшее вниманіе въ аениянахъ. Многозначительная надпись: *неизвѣстному Богу*, вѣроятно, уже давно заставляла, хотя немногихъ изъ нихъ, погружаться въ размышленіе; впрочемъ, если они и не были доселѣ внимательны къ ней, то напоминаніе, сдѣланное Павломъ, должноствовало вдругъ возбудить въ душѣ ихъ всѣ мысли, кои заключались въ словахъ: *Божество неизвѣстное!* Павелъ вызывался быть Его провозвѣстникомъ: можно ли было не обратить на слова его вниманія? Впрочемъ, аенияне могли еще ожидать отъ него не болѣе, какъ повѣсти о ка-

комъ-нпбудь иноземномъ, для ихъ неслыханномъ, но обыкновенномъ, подобномъ ихъ истуканамъ, божествъ. Надлежало изобразить въ краткихъ чертахъ величие того Бога, коего онъ проповѣдывалъ, дабы, приведши въ забвение идоловъ, вознести ихъ умъ и сердце на высоту истиннаго боговѣданія.

«Богъ», вѣщалъ богоухновенный впія, «створившій міръ и все, что въ немъ, будучи Господь неба и земли, не живеть въ созданныхъ руками храмахъ и не требуетъ служенія рукъ человѣческихъ по какой-либо нуждѣ, но самъ даетъ всему жизнь, и дыханіе, и все».

Предъ сею безпредѣльною идею о всемогущемъ Творцѣ всяческихъ, сами собою исчезалъ всѣ неправильныя понятія о божествахъ, заключаемыхъ въ капища, и истуканахъ.

«Пропизведши», продолжалъ Павелъ, «отъ одной крови всѣхъ человѣковъ, Онъ разсеилъ народы по всему лицу земли, опредѣливъ жительству каждого изъ нихъ предназначенный времена и предѣли, дабы они искали Бога, не ощутить ли и не найдутъ ли Его; хотя, впрочемъ, Онъ недалекъ отъ каждого изъ насъ: ибо мы Имъ живемъ и движемся и существуемъ, такъ какъ нѣкоторые изъ вашихъ стихотворцевъ говорили: мы Его и родъ».

Изъ сихъ высокихъ понятій о намѣреніи Творца въ устроеніи міра и общества человѣческаго, какъ средствъ къ распространенію познанія о Немъ между тварями разумными, апостолъ заключалъ объ истинномъ почтаніи, которое прилично всесовершенному Существу.

«Итакъ мы, будучи, родъ Божій», говорилъ онъ, «не должны думать, что Божество подобно золоту, или

серебру, или камню, обдѣланному художествомъ и вымысломъ человѣческимъ».

Озаривъ такимъ образомъ свѣтомъ естественной религіи безобразіе идоловъ и безславіе ихъ почитателей, Павелъ начинаетъ приподнимать завѣсу, сокрывающую величественное зданіе откровенной религіи, имъ возвѣщаемой.

«Богъ, попустивъ быть временамъ невѣдѣнія, нынѣ всѣмъ человѣкамъ проповѣдуетъ покаяніе. Ибо Онъ назначилъ день, въ который будетъ праведно судить вселенную посредствомъ предопредѣленнаго Имъ Мужа: о чёмъ далъ Онъ доказательство всѣмъ, воскресивъ Его изъ мертвыхъ».

Услышавъ о воскресеніи мертвыхъ, многіе изъ мнимыхъ мудрецовъ не хотѣли болѣе слушать. Такъ самая утѣшительная истина здраваго смысла была нестерпима для гордынъ безумцевъ, кои, не обращая вниманія на то, чтобы имѣть Бога въ разумѣ, осутились умствованіями своими, и преданы были похотямъ сердцъ ихъ (Рим. 1, 21—28). Павелъ умолкъ. — Впрочемъ, слова его не всѣ пали на камень и въ терны: нѣкоторые изъ слушателей скрыли ихъ въ сердцѣ и увѣровали въ Иисуса Христа, въ томъ числѣ и членъ ареопага, знаменитый Діонисій (Дѣян. 17, 34).

Заботясь обѣ умноженіи новыхъ членовъ Церкви Христовой, Павелъ не оставлялъ попеченія и о прежнихъ чадахъ своихъ. Испытавъ тяжкое гоненіе отъ фессалоникскихъ іудеевъ, онъ по необходимости думалъ, что юная Церковь фессалоникская находится подъ тяжкимъ крестомъ. Посему два раза рѣшался возвратиться въ Фессалонику (1 Фессал. 2, 16); но,

бывъ удержанъ непредвидѣнными препятствіями, отправилъ туда Тимоѳея, для укрѣпленія въ вѣрѣ тамошнихъ христіанъ (1 Фессал. 3, 1, 2).

Между тѣмъ онъ недолго оставался въ Аеинахъ. Склонность къ новостямъ, по коей его слушали пытливые аеиняне, должна была скоро наскучить неизмѣнными истинами, кои возвѣщалъ проповѣдникъ креста Христова, и онъ удалился въ Коринѣ.

Здѣсь одинъ іудеянинъ, по имени Аквила, который незадолго предъ тѣмъ пришелъ изъ Рима (вслѣдствіе Клавдіева указа объ изгнаніи іудеевъ изъ римской столицы), принялъ его въ домъ свой. Поелику Аквила занимался тѣмъ же художествомъ, въ коемъ искусенъ былъ Павелъ, то послѣдній раздѣлялъ съ нимъ труды его. Впрочемъ, главный долгъ, лежавшій на немъ, не оставался безъ исполненія. Каждую субботу синагога была оглашена именемъ Іисуса Христа. Безушибѣнность проповѣди была нѣкоторымъ образомъ вознаграждена утѣшительнымъ извѣстіемъ, которое принесли Тимоѳею и Сила, возвратившись изъ Фессалоники.

Тамошніе христіане, при всѣхъ озлобленіяхъ со стороны іудеевъ и язычниковъ, оставались вѣрными, но колебались различными сомнѣніями касательно пришествія Іисуса Христа и весьма много скорбѣли о умершихъ (1 послан. къ Фессалон.). Могъ ли Павелъ оставить безъ ободренія и утѣшенія возлюбленныхъ чадъ своихъ? Онъ написалъ къ нимъ посланіе (первое по времени изъ посланій Павловыхъ), выполненное отеческой любви и заботливости. Възблагодаривъ ихъ за твердость въ вѣрѣ, онъ увѣщевалъ ихъ не скорбѣть о умершихъ, подобно неимѣющимъ упованія, представляя,

что наступитъ непремѣнно тотъ великийъ день, когда всѣ мертвые возстанутъ изъ гробовъ для наслажденія жизнью вѣчною. Касательно времени пришествія Христова поставлялъ на видъ одно обстоятельство—столь благотворное по своему вліянію на нравственность — его внезапность; умолялъ вести себя во всемъ неукоризненно, какъ надлежитъ святымъ, быть миролюбивымъ и удаляться лѣни. Нѣкоторыя недоразумѣнія, произошедшія за симъ въ умѣ єессалоникійцевъ, побудили апостола отправить къ нимъ другое письмо. єессалоникійцы, частію не выразивъ смысла апостольскаго ученія о будущемъ пришествіи Иисуса Христа, частію смущаемые нѣкоторыми подложными письмами, писанными яко бы Павломъ (2 єессал. 2, 2), получили мысль, что Иисусъ Христосъ долженъ прийти въ непродолжительномъ времени. Нѣкоторые изъ нихъ, вѣроятно, вслѣдствіе сей мысли, оставили свои работы и занимались единственными праздными сужденіями. Апостолъ во второмъ посланіи, опровергнувъ первый предразсудокъ и показавъ, что явленію Спасителя должно предшествовать еще явленіе антихриста и отступленіе отъ вѣры, снова заповѣдуетъ имъ, подражая его примеру, удаляться праздности, не вдаваться въ бесполезныя мечты и вести жизнь трудолюбивую. Въ предостереженіе отъ подложныхъ посланій онъ далъ имъ знакъ подлинныхъ своихъ писемъ, который состоялъ въ томъ, что онъ имѣлъ обыкновеніе приписывать въ концѣ посланія собственnoю рукою слѣдующее привѣтствіе: «благодать Господа нашего Иисуса Христа со всѣми вами» (2 посланіе къ єессал. послѣдній стихъ).

Поелику коринѳскіе іудеи оставались упорными, то

Павелъ, сказавъ имъ: «кровь ваша на главахъ вашихъ, я чистъ отъ нея, и съ сего времени пойду къ язычникамъ», перешелъ отъ Аквилы въ домъ нѣкоего язычника Густа. Близость новаго жилища его къ синагогѣ (ибо домъ Густовъ былъ подлъ нея) показывала, что онъ въ семъ случаѣ поступилъ сообразно мудрому правилу своему—минимумъ пристрастіемъ къ язычникамъ возбуждать ревность въ сродникахъ своихъ по плоти, для ихъ спасенія. Таковая заботливость его о своихъ единоплеменникахъ не осталась безъ усиѣха: вскорѣ крестился самъ начальникъ синагоги Криспъ со всѣмъ домомъ своимъ. Изъ язычниковъ также обратилось не малое число; но еще гораздо большее готовилось обратиться. Павелъ былъ извѣщенъ о семъ откровеніемъ. Кажется, угрожающія опасности возбудили было въ немъ намѣреніе оставить Коринѣ. Но сему Господь, явясь ему, сказалъ: не бойся, говори и не умолкай: ибо Я съ тобою, и никто не сдѣлаетъ тебѣ зла; потому что у Меня много людей въ семъ городѣ». Вслѣдствіе сего онъ проповѣдывалъ коринѣянамъ въ теченіе осьмнадцати мѣсяцевъ. Сими продолжительными трудами столько была утверждена и благоустроена Церковь коринѣская, что Павелъ впослѣдствіи называлъ онуу печатію своего апостольства (1 Кор. 9, 2). Не менѣе была дѣятельна и злоба враговъ Павловыхъ. Улучивъ удобное время, они напали на него и привели къ проконсулу. Обвиненіе было обыкновенное: этотъ человѣкъ, говорили, распространяетъ въ народѣ почитаніе, несогласное съ закономъ». Обвиняемый хотѣлъ было говорить въ свое оправданіе; по проконсулу, примѣтивъ, что дѣло идетъ о ученіи, именахъ и законѣ

иудейскомъ—предметахъ, совершенно чуждыхъ римской политикѣ, прогналъ обвинителей отъ судилища.

Пробывъ еще немалое время въ Коринтѣ, Павелъ въ сопровождении Аквилы и Прискиллы, отплылъ изъ Кенхрей (коринфской пристани на берегу Эгейскаго моря, что къ востоку) въ Сирію и остановился въ Ефесѣ. Тамошніе іудеи, услышавъ его проповѣдь, прошли его помедлить у нихъ; но онъ, давъ обѣщаніе возвратиться къ нимъ, спѣшилъ въ Іерусалимъ, дабы провести тамъ наступающій праздникъ (неизвѣстно, какой). Новые спутники его (Аквила и Прискилла) остались въ Ефесѣ. Въ Іерусалимѣ, повидимому, Павелъ былъ весьма недолго и возвратился въ Антіохію, которая, бывъ мѣстомъ его посвященія на проповѣдь, была нѣкоторымъ образомъ и мѣстомъ его отдохновенія. О дѣяніяхъ его въ Іерусалимѣ: евангелистъ Лука ничего не говоритъ. Вѣроятно, впрочемъ, что онъ доставилъ туда милостынн, собранныя въ Церквахъ, имъ основанныхъ. Такимъ образомъ закончилось второе апостольское путешествіе Павла.

ТРЕТЬЕ АПОСТОЛЬСКОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ СВ. ПАВЛА.

Спустя немного времени, Павелъ предпринялъ изъ Антіохіи третье путешествіе апостольское (Дѣян. 18, 22). Прошедъ Фригію и посѣтивъ галатійскую Церковь, онъ, по обѣщанію своему, прибылъ въ Ефесъ. Здѣсь нашелъ онъ вѣкоторыхъ учениковъ, но не нашелъ въ нихъ того, безъ чего въ первенствующей Церкви нельзя было называться вѣрующимъ — видимыхъ даровъ Святого Духа. На вопросъ: сообщенъ ли имъ Святый Духъ послѣ крещенія? отвѣчали: «мы даже и не слыхали, есть ли Духъ Святый». При дальнѣйшемъ розысканіи оказалось, что они крещены только Іоанновымъ крещеніемъ ¹⁾). Апостоль немедленно изъяснилъ имъ недостаточность

---

¹⁾ Кто крестилъ ихъ? — Аполлосъ? Но онъ, наученный Аквиллою и Прискиллою (Дѣян. 18, 25, 26) внушилъ бы имъ вѣру въ Іисуса Христа. Вѣроятно, это палестинскіе выходцы, которые, принявъ отъ Іоанна, или ученика его, крещеніе, оставили Іудею прежде, нежели тамъ распространілось христіанство.

сего крещенія, показавъ, что Іоанъ крестилъ въ по-
каяніе, заставляя вѣровать въ грядущаго Мессію, кото-
рый давно пришелъ, и есть Господь Іисусъ. Вслѣдствіе
сего, ученики Іоанна снова крестились во имя Іисуса
Христа. Павель возложилъ на нихъ руки; они исполни-
лись Святаго Духа, стали говорить иными языками и
пророчествовать.

Послѣ сего учитель язычниковъ занялся, по обыкно-
венню, проповѣдью въ синагогѣ. Іудеи спокойно слушали
его въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ; но потомъ всту-
пили съ нимъ въ неблагонамѣренные споры, не усты-
дились даже злословить его лицѣ и ученіе. Смирение
проповѣдника спокойно могло переносить подобныя
оскорблѣнія; но клеветы приводили въ соблазнъ ново-
обращенныхъ язычниковъ, которые, вслѣдствіе преж-
няго уваженія къ іудейскимъ учителямъ, еще продол-
жали смотрѣть на нихъ, какъ на образецъ. Павель
увидѣлъ опасность и, отдѣливъ послушныхъ учениковъ
отъ упорныхъ противниковъ истины, оставилъ синагогу
и избралъ мѣстомъ своей проповѣди училище одного
язычника, именемъ Тиранна ¹⁾, или уже христіанина,
или расположеннаго къ христіанству. Здѣсь, будучи
свободенъ отъ безполезнаго пренія съ іудеями, онъ
провелъ два года въ непрерывной проповѣди. Толь-
ко долговременное съяніе, совершающее руками Павла, кото-
рый не разъ съянное омочалъ собственными слезами
(Дѣян. 20, 31), должноствовало произрастить богатую

---

¹⁾ Это былъ какой-нибудь софистъ, или народный учитель, ка-
ковыхъ въ греческихъ городахъ было весьма много. Что онъ не
іудей, видно изъ того, что Павель отдѣлился отъ іудеевъ.

жатву. Такъ и было. Поелику въ Ефесъ непрестанно стекалось множество народа, частію для торговли, частію для поклоненія Діаніну образу ¹⁾; то вся Азія (какъ іудеи, такъ и еллины) услышала проповѣдь о Іисусѣ Христѣ.

Сила истины ученія, возвѣщаемаго апостоломъ, была подкрѣпляема силою чудесъ, которыхъ въ такомъ избыткѣ совершались руками Павла, что наконецъ самые платки и полотенца, бывшія на тѣлѣ его, начали употреблять для уврачеванія болѣзней и прогнанія духовъ нечистыхъ. Это послужило поводомъ къ самому странному происшествію, въ которомъ съ одной стороны обнаружилась вся гpusность корыстолюбія, съ другой достоинство и святость чудесъ Павловыхъ.

Въ Ефесѣ было семь сыновъ какого-то іудейскаго первосвященника ²⁾ Скевы, которые, выдавая себя за повелителей духовъ нечистыхъ, обманывали легковѣрный народъ ³⁾. Наслышавшись, какъ Павелъ именемъ Іисуса Христа совершалъ чудеса, они стали употреблять сіе имя при заклинаніяхъ надъ бѣсноватыми, говоря: «заклинаемъ васъ Іисусомъ, коего Павелъ проповѣдує». Усиѣхъ такового безстыдства естественно кло-

¹⁾ Strab. 14, pag. 948; Plin. His. Nat. 5, 29; Joseph. Ant. 14, 17.

²⁾ Скева не былъ собственно первосвященникомъ іудейскимъ, а только начальникомъ одного изъ отдѣленій, на которыхъ раздѣлялись священники. 2 Пар. 36, 14; 1 Пар. 24, 6; Мат. 3, 4; 26, 3.

³⁾ Флакій повѣствуетъ, что искусство заклинать нечистыхъ духовъ было въ великомъ употреблѣніи между его соотечественниками, и что его производили отъ Соломона. Смот. Ant. 8, 11, гдѣ описывается и способъ заклинанія.

нился бы ко вреду христіанства. Промыслъ употребилъ въ семъ случаѣ такого обличителя, какого только стоили обличаемые — злого духа. «Иисуса», отвѣчать онъ на заклпнанія, «я знаю, и Павелъ мнѣ извѣстенъ; но вы кто?» Къ сей укоризнѣ присоединились жестокіе удары отъ бѣсноватаго, — и низкіе корыстолюбцы принуждены были спасать жпзнь свою бѣгствомъ. Случай сей, вскорѣ сдѣлавшись извѣстнымъ въ цѣломъ Ефесѣ, усилилъ уваженіе къ христіанской религії. Всѣ увидѣли, что даръ чудотворенія, украшавшій проповѣдниковъ онай, не есть естественная какая-либо недовѣдомая сила, которая можетъ быть подчинена произволу человѣческому и обращена въ предметъ купли; но живая сила Божія, которая оказываетъ свое дѣйствіе только тамъ, гдѣ угодно Промыслу. Особенно обстоятельство сіе подѣйствовало на нѣкоторыхъ людей, занимавшихся тайными знаніями и волшебствомъ ¹): они снесли въ одно мѣсто всѣ книги свои, служившія ясточникомъ гибельнаго искусства, и, несмотря на великую цѣну ихъ ²), предали оныя огню.

Устроивъ такимъ образомъ Церковь ефесскую, Павелъ помышлялъ о новыхъ путешествіяхъ, гораздо об-

¹) Ефесъ такъ былъ богатъ сими людьми, что всюду были въ употреблешіи такъ называемыя ефесскія граматки (*ἐφεσικὲ γράμματα*), коимъ приписывали сверхъсущественное дѣйствіе. Онѣ не заключали въ себѣ почти никакого смысла. Вотъ одна для примѣра: *Ἵτις κατάσκη ἀις Γέτρας δαμαρενὲνς ἀλειον.* Diogenian. Cent. 4, prov. 78; Erasmus adagg. Cent. 2, p. 578.

²) Онѣ стоили 50,000 драхмъ серебра, что на наши деньги составить около 6,250 имперіаловъ. V. Kuinoel. Comm. in Act. Apost. ad. h. 1.

ширишішихъ въ сравненіи съ прежними. Именно, онъ намѣревался идти въ Коринеъ, потомъ въ Іерусалимъ (2 Кор. 1, 15, 16); изъ Іерусалима думалъ предпринять путешествіе въ Римъ, а отсюда пройти въ Испанію (Дѣян. 19, 21; Рим. 15, 24 — 28). Въ семъ предположеніи онъ послалъ предварительно въ Македонію двоихъ сотрудниковъ своихъ, Тимоѳея и Ераста, повидимому (1 Кор. 16, 8), для того, чтобы они собрали приношенія различныхъ Церквей, которыхъ онъ долженъ былъ доставить бѣднымъ христіанамъ іерусалимскимъ.

Въ сіе время пришелъ къ апостолу изъ Коринеа Аполлосъ (1 Кор. 16, 12), трудившійся, подобно ему, надъ обращеніемъ язычниковъ; съ нимъ пришли и нѣ-которые изъ братьевъ, чрезъ коихъ коринеянне писали къ апостолу, прося совѣта касательно супружескаго и безбрачнаго состоянія (1 Кор. 7, 1). Отъ нихъ узналь Павель о многихъ беспорядкахъ, вкравшихся въ коринескую Церковь, что было поводомъ къ написанію первого посланія къ коринеянамъ. Обличивъ въ немъ заблужденія коринеянъ, Павель обѣщался самъ, послѣ праздника пятидесятницы, прийти въ Коринеъ (1 Кор. 7, 18. 19; 11, 34; 16, 5—8). Посланіе отправлено было съ Стефаномъ, Фортунатомъ и Ахайкомъ: ибо Аполлосъ, съ коимъ Павлу хотѣлось послать его, не рѣшался такъ скоро возвратиться въ Коринеъ, конечно изъ опасенія, чтобы его присутствіе снова не послужило для коринеянъ поводомъ къ разногласіямъ касательно важности учителей, отъ коихъ каждый изъ нихъ получилъ крещеніе (1 Кор. 1, 11, 12).

Въ семъ посланіи апостолъ Павель упоминаетъ объ одномъ обстоятельствѣ своего пребыванія въ Ефесѣ,

опущенномъ св. Лукою, которое весьма замѣчательно и по своему свойству, и по тѣмъ разногласіямъ, въ кои толкователи св. писанія впали при изъясненіи его. Въ 15, 32 говорится, что онъ боролся со звѣрями въ Ефесѣ. Спрашивается: въ самомъ ли дѣлѣ апостолъ въ Ефесѣ былъ осужденъ на употребительную въ тѣ времена казнь сраженія съ звѣрями? Никифоръ, писатель XIV вѣка, такъ подробно описываетъ сіе сраженіе ¹⁾), какъ бы онъ самъ былъ его очевидцемъ; но его повѣствованія, въ коихъ онъ никогда не даетъ исторического отчета, давно уже потеряли довѣріе у тѣхъ, кои въ исторіи ищутъ строгой достовѣрности. Все, что можно привести въ оправданіе сказанія Никифорова о дѣйствительномъ сраженіи апостола Павла съ звѣрями въ Ефесѣ, состоитъ въ томъ, что жизнь его въ семъ городѣ подвергалась крайней опасности, какъ явствуетъ изъ 2 Кор. 1, 9. Но подъ сею опа-

¹⁾ Nicephorus lib. 2, cap. 25. Вотъ сущность сказанія: разъяренный народъ заключилъ апостола въ темницу, въ намѣреніи бросить его на пищу звѣрямъ. Во время ночи Павель чудесно выходитъ изъ темницы для преподанія крещенія двумъ женщинамъ, и паки возвращается, не бывъ никѣмъ примѣченъ. Левъ, пущенный на Павла, упадаетъ со смиреніемъ къ его ногамъ; тоже дѣлаютъ и другіе звѣри. Необыкновенный традъ убываетъ многихъ зрителей и звѣрей, исключая льва, который убѣгаеть въ лѣсъ; апостолъ освобождается. Очевидно, что Никифоръ, или кто другой, смѣшалъ два рода наказаній, совершенно различныхъ. *Θριαμβός* означаетъ борьбу со звѣрями, на которую осужденный выходилъ въ вооруженіи и первѣко оставался побѣдителемъ, а не поверженіе на съѣденіе звѣрямъ: это была другая казнь. Павель, если принять слова его: *боролся со звѣрями, въ собственномъ смыслѣ*, осужденъ былъ на первую.

сностію, сообразно обстоятельствамъ пребыванія его въ Ефесѣ, всего приличнѣе разумѣть ту опасность, коей подвергался онъ во время возмущенія, произведенаго Димитріемъ серебренникомъ, какъ увидимъ впослѣдствіи. Если бы Павелъ сражался въ Ефесѣ съ звѣрями: то 1) св. Лука не преминулъ бы, хотя кратко, упомянуть о семъ въ Деяніяхъ; 2) самъ Павелъ не пропустилъ бы сего обстоятельства при исчислениіи корицніанамъ всѣхъ видовъ бѣдствій, коимъ онъ подвергался за имя Христово (2 Кор. 11, 24—32). Притомъ древніе отцы Церкви, какъ-то: Златоустъ и Іеронимъ, коимъ исторія Павлова, безъ сомнѣнія, была известнѣе, нежели Никфору, призываютъ выраженіе Павлово: *сражался со звѣрями*, за метафору. Въ самомъ дѣлѣ, это — метафора. Греки, на языкѣ коихъ писалъ Павелъ, также какъ и мы, сравнивали людей свирѣпыхъ съ звѣрями. Игнатій Богоносецъ въ посланіи своемъ къ смирянамъ употребляетъ тоже самое слово, какое употреблено Павломъ (*θηριοιχῶ*), разумѣя подъ нимъ свое обхожденіе съ жестокими приставниками своими. Самъ Павелъ употребляетъ подобное выраженіе въ посланіи къ Тимоѳею, когда говоритъ о себѣ, что онъ былъ избавленъ изъ львиныхъ челюстей, то-есть, отъ гибели императора римскаго (2 Тим. 4, 17).

Въ сіе же время, то-есть въ концѣ трехлѣтняго пребыванія Павлова въ Ефесѣ, должно полагать, написаны имъ посланія къ Титу и галатамъ. Первое видно изъ того, что апостолъ повелѣваетъ Титу скороѣ прийти къ нему въ Никополь (Тит. 3, 12); а Титъ действительно является спутникомъ его вскорѣ по выходѣ изъ Ефеса (2 Кор. 7, 6. 7. 13), — и изъ того, что

заповѣдуетъ ему принять Аполлоса (Тит. 3, 13), который, какъ мы замѣтили, отказалвшись возвратиться въ Коринѳъ, пошелъ въ Критъ. Послѣднее открывается изъ жалобы писателя на галатовъ за то, что они такъ скоро измѣнились въ вѣрѣ (Гал. 1, 6), ибо апостолъ посѣтилъ, какъ мы видѣли, галатійскую Церковь на своемъ пути въ Ефесъ. Сущность посланія къ Титу состоитъ въ преодоленіи ему правилъ пастырскаго благочинія, а къ галатамъ — въ защищении своего апостольскаго достоинства отъ клеветъ іудействующихъ лжеучителей, которые старались унизить его предъ галатами, и въ защищении свободы христіанской отъ ига законнаго, которое первые хотѣли возложить на послѣднихъ.

Когда такимъ образомъ Павелъ сражался вездѣ за истину, по его выражению, *съ оружиемъ правды въ правой и левой руке* (2 Кор. 6, 7), сатана, коего онъ поразилъ въ самое сердце основаніемъ Церкви въ знаменитыхъ городахъ Азіи, приготовлялъ на него новую бурю. Ефесъ, какъ замѣчено, славился храмомъ Діаны, который, по своей огромности и несмѣтнымъ сокровищамъ, считался въ числѣ семи чудесъ свѣтла¹⁾). Корыстолюбіе художниковъ, ободряемое слѣпымъ суевѣріемъ почитателей Діаниныхъ, вымыслило искусственныя подобія храма ея, которыя покупались молельщиками, какъ иѣская святыня. Сею работою особенно славился и обогатился иѣкоторый серебренникъ Димитрій. Въ его-то сердце вошелъ сатана для исполненія своихъ злоумышленій на Павла. Собравъ подобныхъ себѣ ре-

¹⁾ Plin. Hist. Nat. 36, 14—16, 40.

месленниковъ, онъ описалъ имъ всю опасность, косою угрожающей прибыткамъ ихъ распространеніе христіанства. «Друзья!»—говорилъ онъ имъ,—«вамъ известно, что отъ сей прибыли зависѣть все содержаніе наше; между тѣмъ вы видите и слышите, что Павелъ не только въ Ефесѣ, но и почти во всей Азіи, не малое число людей переувѣрилъ, что боги, дѣлаемые руками, не суть боги. Что выйдетъ изъ сего? То, что не только ремесло наше придетъ въ презрѣніе, но и храмъ великия богини Діаны будетъ почитаемъ за ничто, и испровергнется величіе той, которую вся Азія и вселенная почитаетъ». Выслушавъ сіе, толпа корыстолюбивыхъ лицемѣровъ, исполнившись фанатического восторга, начала кричать: «велика Діана Ефесская!» Возмущеніе тотчасъ распространілось по всему городу. Двое изъ спутниковъ Павловыхъ (Гай и Аристархъ) были схвачены. Наступила минута рѣшительная и вмѣстѣ опасная. Явпѣся предъ разъяренною толпою возмутителей значило принести самого себя добровольно въ жертву ихъ лютости; искать спасенія въ бѣгствѣ значило измѣнить птицѣ, измѣнить своимъ спутникамъ, кои находились въ величайшей опасности. Павелъ избралъ первое; но вѣрующіе удержали его. Даже асіархи¹⁾ старались отклонить его отъ сей опасности. Между тѣмъ изъ возмутителей один кричали одно, другіе другое: большая часть собранія не знала, въ чемъ состоить дѣло.

¹⁾ Областные начальники надѣялись на играми народными и жертвооприношеніями, такъ называемые отъ провинціи, имъ подчиненой: подобно какъ таковые начальники въ Сиріи назывались сиріархами, въ Кипрѣ — кипріархами. V. Kuinol Comm. in Acta Apost. ad XIX, 31.

Поелику Павла почитали всѣ іудеи, то обвиненіе пало на іудеевъ (единственный случай, когда іудеи подверглись опасности за христіанъ, которые, по свидѣтельству исторіи, неоднократно терпѣли гоненіе за іудеевъ). Послѣдніе избрали нѣкого Александра, который долженъ былъ защитить ихъ предъ народомъ, сложивъ всю вину на Павла. Но Промыслъ разрушилъ ихъ памѣреніе. Узнавъ, что Александръ іудей, язычники прогнали его съ зѣлица и снова въ продолженіе двухъ часовъ кричали: «велика Діана Ефесская!» Честь утишить столь бурное волненіе народа и освободить проповѣдниковъ христіанства отъ опасности досталась одному книжнику, вѣроятно, благопріятствовавшему христіанамъ. «Граждане ефесскіе! -- сказалъ сей искусный витія, — какой же человѣкъ не знаетъ, что городъ Ефесъ есть служитель великия богини Діаны?... Когда же въ семъ нѣть спора, то надобно намъ оставаться въ покой и не поступать опрометчиво; ибо вы привели сихъ людей, незамѣченныхъ ни въ святотатствѣ, ни въ хуленіи богини вашей. И такъ, если Дмитрій и его товарищи имѣютъ причину жаловаться на кого-нибудь: на то есть судебныя собранія, есть проконсулы... Мы находимся въ опасности за прошедшее сегодня быть обвиненными въ возмущеніи, тогда какъ нѣть законной причины, кою мы могли бы оправдать сіе стеченіе народа».

Изъ словъ книжника видно, что проповѣдники евангелія, открывая язычникамъ ничтожность ихъ истукановъ, не хулили однакоже боговъ. Въ самомъ дѣлѣ, доколѣ ефесяне увѣрены были въ божествѣ Діаны, то безъ нарушенія закона совѣсти не могли спокойно слу-

шать хулы на оное. Насмѣшки вообще ведутъ ие къ убѣждению, а къ досадѣ и ненависти. Когда истина ученія евангельскаго о Богѣ была признаваема, то божества языческія надали сами собою. Сей поступокъ Павла служитъ прекраснымъ примѣромъ того, какъ должно поступать съ мнѣніями другихъ касательно религіи. Наставляй, выводи изъ заблужденія, обличай; но доколѣ не переувѣришь, не издѣвайся надъ тѣмъ, что другой почитаетъ священнымъ¹⁾.

По утишениіи мятежа, Павелъ рѣшился оставить Ефесъ. Созвавъ вѣрующихъ и преподавъ имъ наставленіе, онъ пошелъ въ Македонію. На семъ пути онъ остановился въ Троадѣ. Здѣсь отверзлась для него дверь вѣры; но онъ, не имѣя покоя духу своему (2 Кор. 2, 12. 13), потому что не нашелъ тамъ Тита, спѣшилъ въ Македонію, гдѣ полагалъ встрѣтиться съ нимъ. Въ Македоніи онъ дѣйствительно былъ утѣшень съданіемъ съ симъ ревностнымъ сотрудникомъ своего апостольства. Извѣстія, принесенныя Титомъ изъ Коринеа, еще болѣе умножили радость апостола (2 Кор. 7, 5 — 16). Онъ узналъ, что коринеяне приняли посланіе его со всѣмъ уваженіемъ, немедленно исправили замѣченные у нихъ беспорядки и что они готовы участвовать вмѣстѣ съ другими въ милостынѣ, собираемой для Церкви іерусалимской. Но тутъ же узналъ, что неисполненіе обѣщанія прийти къ немъ нѣкоторыми злонамѣренными

¹⁾ Іосифъ Флавій говоритъ (Ant. IV, 8 — 10), что между Моисеевыми законами (неписанными) былъ одинъ, запрещавшій ѿдеямъ хулы божества язычниковъ. Іудейскій историкъ заблуждался, почитая Моисея виновникомъ сего закона; но законъ стоить законодателя синайскаго.

людьми выставляется какъ признакъ непостоянства, и что сіи же люди стараются вообще унизить его апостольское достоинство предъ коринянами. *Уста его при семъ, какъ онъ самъ говорить, отвѣрзлись къ коринянамъ, сердце распространилось* (2 Кор. 6, 11) отъ любви къ нимъ и ревности по ихъ спасеніи, и онъ написалъ посланіе, выполненное усердія и отеческой заботы. Въ немъ апостолъ представляетъ истинныя причины, удержавшія его отъ путешествія въ Коринѣ, благодарить за послушаніе, защищаетъ свое апостольское достоинство и чистоту поведенія своего, побуждаетъ къ дѣятельнѣйшему участію въ милостынѣ для іерусалимскихъ христіанъ.

Изъ Македоніи Павель перешелъ въ Грецію (собственно такъ называемую) и провелъ въ ней три мѣсяца, вѣроятно, большую частію въ Коринѣ. Отсюда и въ сіе время написано имъ славное посланіе къ римской Церкви. Павель давно желалъ видѣть ону, утѣшаясь слухомъ о ея преуспѣяніи въ вѣрѣ (Рим. 1, 11. 12); но обстоятельства до сихъ поръ препятствовали ему исполнить сіе намѣреніе. Между тѣмъ онъ слышалъ, что въ римской Церкви происходятъ несогласія: язычники презираютъ іудеевъ, а іудеи язычниковъ. Отшествіе Фивы, кенхрейской діакониссы, въ Римъ представило ему случай писать къ тамошнимъ христіанамъ (Рим. 16, 1). Ноелику разногласіе іудеевъ съ язычниками было почти общимъ недугомъ, отъ коего страдали тогдашнія Церкви, то учитель языковъ въ посланіи къ римской Церкви, какъ знаменитѣйшей между Церквами новоустроенными, пространно изложилъ свое ученіе касательно взаимнаго отношенія обрѣзанныхъ и

необрѣзанныхъ христіанъ: а сіе привело его къ изъясненію доктрины о духовномъ безсиліи и безотвѣтности предъ Богомъ всего рода человѣческаго, свойствахъ вѣры оправдывающей и о тѣхъ обязанностяхъ, кои она ведетъ за собою. Посему-то посланіе къ римлянамъ всегда почиталось важнѣйшимъ пзъ посланій Павловыхъ и какъ бы сокращеніемъ его ученія.

Собравъ въ Греціи приношенія всѣхъ Церквей, имъ основанныхъ, Павелъ избралъ было самый кратчайшій путь въ Іерусалимъ чрезъ Сирію; но извѣстіе о злоумышленіи іудеевъ (можетъ-быть, хотѣвшихъ воспользоваться милостынею, которую онъ несъ съ собою) заставило его предпринять другой путь чрезъ Македонію (Дѣян. 20, 3). Посѣтивъ Церковь филиппійскую, онъ достигъ Троады, гдѣ провелъ семь дней. Въ послѣдній день пребыванія (недѣльный) троадскіе христіане собрались, по обыкновенію, для общественной молитвы. Павелъ предложилъ имъ поученіе, которое простерлось до полуночи. Столъ благочестивое собраніе, гдѣ, по выраженію Златоуста ¹), любовь проповѣдывала, любовь и слушала, возмущено было внезапно однимъ непріятнымъ случаемъ. Одинъ юноша (Евтихъ), сидѣвшій на окнѣ, погрузился въ сонъ; окно было открыто, и онъ упалъ съ третьего этажа. Соннаго подняли мертвымъ. Но Павелъ нашелъ въ немъ признаки жизни и успокоилъ братьевъ. За проповѣдью слѣдовала вечеря любви, потомъ опять слово вѣры, такъ что вся ночь проведена была въ бесѣдѣ. Къ утру отрока привели живого.

¹) Hom. in. Act. Apost.

Съ разсвѣтомъ дня Павелъ оставилъ Троаду. Спутники его пошли въ Ассы, а самъ онъ пошелъ туда пѣшкомъ, вѣроятно для того, чтобы на пути преподать паствленіе вѣрующимъ. Въ Ассы сѣлъ онъ на корабль, и въ нѣсколько дней прибылъ въ Мильтъ. Церковь ефесская осталась въ сторонѣ, ибо онъ сѣшилъ въ Іерусалимъ. Она не знала еще, что никогда не увидить его; но Павелъ зналъ сіе, а посему изъ Милема послалъ за ефесскими пресвитерами, дабы изъяснить имъ послѣднюю волю свою. Прощальная рѣчь его къ симъ пастырямъ есть изліяніе истинно отеческаго сердца и невольно напоминаетъ прощальную рѣчь Іисуса Христа къ ученикамъ своимъ.

«Вы знаете», говорилъ онъ, «какъ я жилъ съ вами во все время съ первого дня, въ который пришелъ я въ Азію: служилъ Господу со всѣмъ смиреніемъ, со многими слезами, среди искушеній, случавшихся со мною по злоумышленію іудеевъ; и что я не пропустилъ ничего полезнаго, о чёмъ бы не сказалъ вамъ, и чему бы не поучалъ васъ при народѣ и по домамъ. Я проповѣдывалъ іудеямъ и еллинамъ покаяніе, и обращеніе къ Богу, и вѣру въ Господа нашего Іисуса Христа. И вотъ нынѣ, по влечению Духа, иду я въ Іерусалимъ, не зная, что тамъ со мною встрѣтится; только Духъ Святый по городамъ свидѣтельствуетъ мнѣ, что меня ожидаютъ узы и бѣдствія. Но я ни на что не взираю и не дорожу своею жизнью, только бы совершить съ радостію свой путь и служеніе, которое принялъ я отъ Господа Іисуса, проповѣдать евангеліе благодати Божіей. И нынѣ вотъ, я знаю, что всѣ вы, между которыми я ходилъ и проповѣдывалъ царствіе Божіе, уже не уп-

дите лица моего. И потому свидѣтельствую вамъ въ сей день, что неповиненъ я въ крови всѣхъ васъ; ибо я не опускалъ возвѣщать вамъ всю волю Божію. Итакъ берегите себя и все стадо, въ которомъ Духъ Святый поставилъ васъ блестителями, пасти Церковь Господа и Бога, которую Онъ пріобрѣлъ себѣ кровію своею. Ибо я знаю, что по отшествію моему войдутъ къ вамъ лютые волки, не щадящіе стада; и что изъ васъ самихъ явятся люди, которые будутъ говорить превратно, дабы увлечь за собою учениковъ. Итакъ бодрствуйте, помня, что я три года непрестанно день и ночь со слезами поучалъ каждого изъ васъ. А нынѣ, братія, поручаю я васъ Богу и Его благодатному слову, могущему назидать васъ болѣе, и дать вамъ наслѣдіе со всѣми освященными. Ни сребра, ни золота, ни одежды я ни отъ кого не пожелалъ. Сами вы знаете, что нуждамъ моимъ и нуждамъ бывшихъ при мнѣ служили сіи мои руки. Во всемъ показалъ я вамъ, что такъ надобно, трудясь, поддерживать слабыхъ и помнить слова Господа Іисуса; ибо Онъ самъ сказалъ: болѣе блаженства въ томъ, чтобы давать, нежели братъ».

Окончивъувѣщаніе, Павелъ повергся на землю и молился вмѣстѣ съ вѣрующими. При мысли, что не увидятъ его болѣе, глубокая скорбь овладѣла сердцами всѣхъ: всѣ молчали, и всѣ плакали; наконецъ невольно разстались.

Корабль, на коемъ отплылъ Павелъ, долженъ былъ пристать въ Тирѣ для выгрузки товаровъ. Нашедъ здѣсь вѣрующихъ, путешественники пробыли у нихъ семь дней. Предвида бѣдствія, коимъ апостолъ имѣть подвергнуться въ Іерусалимѣ, тиране молили его не

ходить въ оный: но могъ ли сдѣлать сіе Павель, который шелъ туда по влеченію Духа Божія? — Отшествіе его изъ Тира было отшествіемъ отца семейства: всѣ вѣрующіе, не исключая малыхъ дѣтей, провожали его до самаго берега; здѣсь, ставъ на колѣни, они испрашивали ему у Отца небеснаго счастливаго пути. Какой утѣшительный видъ для чистаго сердца Павлова! Какъ искромѣнны въ сравненіи съ симъ выраженіемъ безпрѣтворной любви всѣ пышные и принужденныя клики въ честь земныхъ исполнновъ!

Сошедъ съ корабля въ Птолемаидской пристани, путешественники вскорѣ достигли Кесаріи, гдѣ были приняты Филиппомъ, однимъ изъ числа семи діаконовъ, коего дочери, дѣвицы, обладали духомъ пророчества. Въ сіе время пришелъ въ Кесарію изъ Іудеи Агапъ, тотъ самый, который въ Антіохіи предсказалъ нѣкогда голодъ. Нашедши Павла, онъ взялъ его поясъ и, связвавъ имъ руки и ноги, сказалъ, что такъ будетъ связанъ въ Іерусалимѣ владѣтель сего пояса. При сихъ словахъ кесарійскіе христіане, подобно тирскимъ, начали отклонять Павла отъ его намѣренія быть въ Іерусалимѣ. Убѣжденія растворены были слезами: такъ крѣпко они любили его! Павель любилъ ихъ не менѣе; но чувствованія его сердца всегда были подчинены гласу долга. Онъ зналъ, что узы, ожидающія его въ Іерусалимѣ, по намѣренію Промысла, должны послужить къ славѣ евангелія: высшаго блаженства для него не было на землѣ. «Что вы дѣлаете?» сказалъ онъ плачущимъ ученикамъ своимъ. «Зачѣмъ плачете и разстроиваете сердце мое? Я готовъ быть не только узникомъ, но и умереть въ Іерусалимѣ за имя Господа

Іисуса». Видя безуспѣшность своихъ прошеній, вѣрюющіе паконецъ успокоились, сказавъ: «да будетъ воля Господня!»—Чрезъ нѣсколько дней Павелъ прибылъ въ Іерусалимъ, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ учениковъ кесарійскихъ, кои хотѣли указать ему пристанище въ домѣ одного христіанина, по имени Мнасона (Дѣян. 20, 21).

Здѣсь оканчивается исторія апостольскихъ путешествій Павла. По вѣроятнѣйшему счислению, они продолжались 12 лѣтъ. Пространство, измѣренное стопами апостола, начинается Аравіею и оканчивается Илліріею ¹⁾). Главнымъ мѣстомъ дѣйствованія его была Малая Азія и Греція: конечно потому, что сюда стекалось ножество народа изъ всѣхъ странъ свѣта, что могло лужить къ скорѣйшему распространенію христіанства.

самомъ дѣлѣ, оно столь успѣшно распространилось проповѣдью Павла, что въ посланіи къ римлянамъ можно уже было сказать: *ио.юсъ проповѣдниковъ разнесся по всей землѣ, и слова ихъ до предѣловъ вселенныя* (Рим. 10, 18). Учитель языковъ имѣлъ ревностныхъ со-трудниковъ; но они всѣ дѣйствовали по его распоряженію, большею частію поливали то, что имъ посѣяно: притомъ они были, такъ сказать, его воспитанники. Основавъ множество Церквей, Павелъ не далъ ни одной изъ нихъ письменно своего ученія; оно должно было сохраниться не въ книгахъ, а въ сердцахъ учениковъ

¹⁾ Рим. 15. Иллірикомъ, или Илліріею называлась страна, лежащая между Италіею, Германіею, Македоніею и Фракіею. Съ одной стороны она граничила съ Адріатическимъ моремъ, а съ другой съ Дунаемъ. Wits. Melet. Leyd. pag. 105.

его. Новообращенные слушали его, какъ самого Бога: впрочемъ онъ все уваженіе, какое было оказываемо его лицу, старался обратить въ пользу религіи; онъ желалъ, чтобы ученики его, если можно, вовсе не знали своихъ земныхъ наставниковъ, а знали одного небеснаго Учителя Іисуса Христа. «Что Павелъ?» писалъ онъ къ коринѳянамъ, «что Аполлосъ? Они только служители, посредствомъ которыхъ выувѣровали (1 Кор. 3, 5)». Дѣйствуя именемъ Бога, онъ отъ Него единственно ожидалъ усилія трудовъ своихъ; Ему препоручилъ возраженіе того, что имъ было сказано.

УЗЫ ПАВЛА ВЪ ИЕРУСАЛИМЪ.

ВЪ Иерусалимъ Павелъ былъ принятъ вѣрующими со всеобщею радостю. Первымъ дѣломъ его было раздѣлѣніе милостиини, принесеній бѣднымъ братьямъ. На другой день онъ посѣтилъ апостола Іакова, тогдашняго предстоятеля іерусалимской Церкви, куда собирались и всѣ пресвитеры, желая слышать отъ него объ успѣхахъ христіанства. Павелъ разсказывалъ подробно о всемъ, что сотворилъ Богъ у язычниковъ посредствомъ его проповѣди. Всѣ слушали съ удовольствіемъ и славили Бога, призвавшаго благодатію своею и на бѣдныхъ язычниковъ. Пресвитеты съ своей стороны увѣдомили Павла о состояніи іерусалимской Церкви. «Многія тысячи іудеевъ», говорили они, «признали Іисуса Христа Мессіею, но продолжаютъ крѣнко держаться закона Моисеева. Всѣ они наслышались о тебѣ, что ты противнаго образа мыслей и учишь отступлѣнію отъ Моисея, запрещая обрѣзаніе ¹». Всего вѣроятнѣе,

---

¹) Обвиненіе сіе было несправедливо. Апостолъ не запрещалъ іудеямъ обрѣзываться; училъ только, что язычники не должны сего дѣлать, и что обрѣзаніе вообще есть вещь безразличная.

что сіи ревнители закона обратятъ все вниманіе на твое поведеніе въ Іерусалимъ. Итакъ, послѣдуй нашему совѣту: у насъ есть четыре человѣка, которые дали обѣтъ Богу; присоединись къ нимъ и возьми на себя ихъ издержки для жертвоприношенія ¹⁾). Такимъ образомъ узнаютъ всѣ, что слышанное ими о тебѣ не правда, и что ты продолжаешь соблюдать законъ. Впрочемъ, — продолжали они, мы далеки отъ того, чтобы лишить свободы христіанской обращенныхъ язычниковъ; въ отношеніи ихъ мы постоянно держимся прежняго положенія нашей Церкви: но что касается до іудеевъ, то почитаемъ за пужное не соблазнять ихъ неуваженіемъ къ закону».

Павель, который твердо зналъ, что и обрѣзаніе и необрѣзаніе для христіанина ничто, а важна вѣра, спосибѣштвуемая любовію, и что главный долгъ свободы христіанской — не соблазнять слабыхъ совѣтію, быть съ іудеемъ какъ іудей, съ язычникомъ какъ язычникъ, охотно послѣдовалъ совѣту братьевъ. Уже наступилъ седьмой день, когда надлежало окончиться обѣту, въ коемъ участвовалъ Павель, жертвоприношеніемъ во храмѣ. Апостоль явился туда, — но для того только, чтобы самому содѣлаться жертвою непредвидѣнаго возмущенія. Казалось, что самъ Промыслъ,

¹⁾ У іудеевъ почиталось признакомъ особенной набожности, если кто такимъ образомъ участвовалъ въ чужихъ обѣтахъ. Участвующій могъ, если хотѣлъ, подобно обѣщавшимся, воздерживаться отъ употребленія известныхъ снѣдей и питія: въ противномъ случаѣ участіе состояло только въ принятіи на себя издержекъ, съ коими соединенъ былъ обѣтъ. Joseph. Ant. 19, 6; Bell. Iud. 2, 15, 1.

избравши сю минуту для лишенія его свободы, не хотѣлъ, чтобы учитель язычниковъ, первыйшій защитникъ свободы христіанской, явился въ видѣ почитателя сѣни законной въ томъ храмѣ, который давно уже потерялъ истинное свое значеніе. Онъ тотчасъ былъ замѣченъ нѣкоторыми изъ азіатскихъ іудеевъ, которые пришли въ Іерусалимъ для поклоненія. Въ памяти сихъ суевѣрныхъ людей мгновенно возбудились всѣ тѣ случаи, въ коихъ Павелъ казался имъ презрительемъ отечественного закона. И сей врагъ Бога и Моисея—въ глазахъ ихъ осмѣялся войти въ святилище, съ явнымъ или тайнымъ, какъ они думали, презрѣніемъ святыни его!—Въ жару безразсудной ревности они полагали, что онъ вводилъ съ собою въ храмъ и язычниковъ, коими видѣли его недавно окруженнymъ. «Израильяне!» воскликнули сіи безразсудные люди, «помогите: вотъ человѣкъ, который повсюду всѣхъ учитъ противъ народа еврейскаго, закона и сего священнаго мѣста; который осквернилъ храмъ, введши въ него язычниковъ». Вопль сей разнесся по всему городу; со всѣхъ сторонъ стеклись толпы народа, и безъ того во множествѣ окружавшаго храмъ. Многіе помнили еще измѣну Павла іудейству на пути въ Дамаскъ; всѣ слышали о его проповѣди между язычниками, которая также почиталась измѣною. Минимый врагъ религіи Моисеевой былъ схваченъ и извлеченъ изъ храма, который тотчасъ заперли, повидимому для того, чтобы онъ не воспользовался правомъ прибѣжища къ алтарю (1 Цар. 1, 50; 2, 29).

Но прибѣжищемъ Павла былъ Тотъ, Кто въ нерукотворенныхъ храмахъ живетъ. Гонимый обрѣзанными,

опъ спасенъ былъ отъ смерти язычниками, какъ-бы въ благодарность за его апостольское служеніе язычникамъ. Римская стража, особенно во время праздниковъ, тщательно наблюдала за всѣмъ, что происходило въ народѣ; часть ея была и при храмѣ ¹⁾: посему о происшедшемъ возмущеніи тотчасъ дано было знать тысяченачальнику. Появленіе его съ вооруженными воинами принудило враговъ Павловыхъ остановиться. Онъ былъ взятъ подъ стражу и обремененъ цѣпями. Поелику въ обвиненіе его одни кричали то, другое другое, то тысяченачальникъ велѣлъ его отвести въ крѣпость ²⁾, дабы впослѣдствіи разсмотрѣть дѣло. Мятежники преслѣдовали его до самаго входа въ крѣпость, такъ что воины должны были нести его на рукахъ, дабы онъ не былъ растерзанъ ими до суда. Павелъ просилъ позволенія у тысяченачальника сказать ему вѣчто: сей, услышавъ, что онъ говоритъ по-гречески, подумалъ было, что онъ тотъ самый египтянинъ, который незадолго предъ тѣмъ произвелъ возмущеніе противъ римлянъ и сдѣлался виною многихъ убийствъ и грабежей ³⁾; но вышелъ изъ заблужденія, когда узналъ,

¹⁾ Ioseph. Ant. 20, 4, 3; Bell. Iud. 5, 5, 8.

²⁾ Она находилась близъ храма, на горѣ Моріагѣ и названа Иродомъ Великимъ въ честь Антонія Антоніевою. Ioseph. Bell. Iud. 20, 4, 3.

³⁾ Сей египтянинъ, по сказанію Флавія, собравъ толпу праздніхъ и предпріимчивыхъ людей, вывелъ ихъ на гору Елеонскую, съ обѣщаніемъ, что по слову его падутъ стѣны іерусалимскія. По вмѣсто паденія стѣнъ на нихъ напало войско, посланное отъ Феликса; разбитый лжепророкъ принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ. Ant. 20, 8; Bell. Iud. 2, 13.

что узникъ его пропсходитъ изъ Киликіи, и никогда не думалъ быть главою заговорщиковъ.

Обвиняемый просилъ дозволенія говорить къ народу. Римлянинъ согласился, и онъ, въ намѣрѣ возбудить вниманіе къ себѣ, началъ говорить употребительнымъ въ тѣ времена нарѣчіемъ іудейскимъ (сиро-халдейскимъ, или арамейскимъ). Средство сіе подъїствовало: народъ умолкъ. Павелъ представилъ кратко исторію своей жизни, приводилъ на память, что онъ былъ упорнымъ гонителемъ христіанства, но выведенъ изъ своего за-блужденія чудеснымъ явленіемъ ему Іисуса Христа; ссыпался на божественное откровеніе, вслѣдствіе коего онъ сдѣлался апостоломъ для язычниковъ. Едва онъ пропзнесъ послѣднее слово, какъ сердца іудеевъ снова закипѣли яростю; не хотѣли болѣе слушать того, кто благопріятствовалъ необрѣзаннымъ, вопреки выгодамъ потомковъ Авраамовыхъ. Со всѣхъ сторонъ раздались гысячи голосовъ къ военачальнику: «истреби отъ земли такового; не должно ему жить!»

Столь неудачное слѣдствіе Павловой бесѣды и новое ожесточеніе мятежнаго народа, коего спокойствіе было первымъ предметомъ попеченія для римскихъ правителей, расположили тысяченачальника къ строгимъ мѣрамъ. Онъ велѣлъ Павла подвергнуть пыткѣ, желая выѣдать чрезъ сіе истинную причину всеобщаго негодованія на него. Павелъ никогда не отрекался претерпѣть самую смерть для славы Божіей. Но мученія, коимъ онъ теперь долженъ былъ подвергнуться, не могли принести никакой пользы евангелію: посему онъ рѣшился освободить себя отъ нихъ правомъ римскаго гражданина. «Развѣ можно быть римскихъ граж-

данъ, да и безъ суда?» спросилъ онъ своихъ будущихъ мучителей. Произнестъ сіп слова значило остановить весь судъ. Сотникъ въ страхѣ спѣшилъ съ извѣстіемъ къ тысященачальнику. «Что ты хочешь дѣлать?» говорилъ онъ, «это римскій гражданинъ». Послѣдній очень хорошо зналъ цѣну римскаго гражданства, заплативъ за него великую сумму (Дѣян. 22, 28). Увѣрившись въ истинѣ Павловыхъ словъ, онъ велѣлъ отложить не только пытку, но и узы.

Не оставалось другого средства разобрать дѣло, какъ заставить обвинителей говорить въ присутствіи обвиняемаго, и обратно. Назначено общее собраніе, въ коемъ должны были присутствовать первосвященники и весь синедріонъ. Павелъ безтреветно выступилъ, дабы защищать имя Иисуса предъ людьми, отъ коихъ онъ яѣкогда домогался полномочія гнать Его. Чувство собственной невинности, желаніе перелить его въ сердца своихъ соотечественниковъ, все еще любезныхъ для него, исполнило всю его душу. «Братія!» воскликнулъ онъ, «я со всею чистотою совѣсти жилъ предъ Богомъ даже до сего дня». Сей голосъ искренности могъ тронуть всякаго; но въ собраніи не было сердецъ, способныхъ внимать ему. Первосвященникъ Ананія первый почелъ слова сіи выраженіемъ дерзости и приказалъ Павла бить по устамъ. Столь явная несправедливость исторгла изъ сихъ кроткихъ устъ строгій упрекъ: «Богъ будетъ бить тебя, стѣна подѣленная (лпцемѣръ)! Ты сидиши, дабы судить меня по закону, а вопреки закону велиши бить меня?» Предстоящіе изумились: Ананія былъ первосвященникъ, а Павелъ назвалъ его подѣленною стѣною! «Какъ!» возразили нѣкоторые, «ты

злословиши первосвященника Божія?» — «Я не зналъ, братія, — отвѣчалъ Павелъ, — что онъ первосвященникъ; ибо въ писаніи сказано: начальствующаго въ народѣ твоемъ не злословь (Исх. 22, 28)». Таковыи отвѣтъ совсѣмъ не былъ хитрымъ оборотомъ, какъ представляютъ его себѣ ¹⁾). Прежній первосвященникъ, извѣстный Павлу, или уже не былъ въ живыхъ, или давно пересталъ быть первосвященникомъ. Корыстолюбіе римскихъ правителей часто перемѣняло преемниковъ Аароновыхъ; иногда въ продолженіе одного года являлось ихъ по два и болѣе. Таковыи перемѣны апостолу, удаленному отъ Іерусалима, могли быть вовсе неизвѣстны. Одежда первосвященника отлічала его отъ прочихъ только въ храмѣ ²⁾). А посему весьма возможно, что Павелъ не зналъ о первосвященствѣ Ананіи ³⁾).

Но жестокія укоризны противъ судії вообще приличны-ли подсудимому, христіанину, апостолу? Возра-

¹⁾ Такъ, многіе (Camerarius, Thiessius, Heinrichsius) полагали, что слова Павловы: *я не зналъ, что онъ первосвященникъ*, суть иронія и заключаютъ въ себѣ слѣдующую мысль: онъ поступаетъ не такъ, какъ должно первосвященнику. Другіе находили въ нихъ другой смыслъ: я не признаю первосвященникомъ того, кто достигъ первосвященства беззаконнымъ образомъ. Но въ томъ и другомъ случаѣ Павлу падлежало-бы сказать не *о ѿхъ ѿдеси*, а *о ѿхъ ѿдеси тойтою ἀρχιερέα*. Притомъ таковыи отвѣтомъ апостолъ еще болѣе раздражилъ-бы противъ себя своихъ судей, чего онъ, какъ показываютъ всѣ слова его, старался избѣжать.

²⁾ Joseph. Ant. 6, 15; Braunius de Vest. Sacerd. Nebr. 2, 26.

³⁾ V. Gatackeri Mischl. sacr. 1, 6; Wolfius in Curis, Witsius in Melet. Leyden.

женіе сіе казалось столь сильнымъ даже нѣкоторымъ отцамъ Церкви ¹⁾, что они признавали на сей случай въ Павлѣ неумѣстный порывъ оскорбленаго сердца. Напрасно! Должно думать, что Павелъ поступилъ въ семъ случаѣ не какъ обыкновенный человѣкъ, а какъ посланикъ Божій; а известно, что пророки имѣли право обличать всѣхъ въ преступленіяхъ (3 Цар. 18, 18; 4 Цар. 3, 13; Ис. 1, 10—23; Езек. 21, 25). Опытъ показалъ, что его укоризна дѣйствительно произнесена была въ пророческомъ духѣ; ибо вслѣдствіи, когда возмутители, подъ предводительствомъ Менахема, овладѣли Іерусалімомъ, Аманія, скрывавшійся въ водопроводѣ, былъ пойманъ и умерщвленъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Гизкіею ²⁾. Іисусъ Христосъ заповѣдалъ, чтобы последователи Его готовы были подставить правую ланиту, когда ударяютъ ихъ въ лѣвую (Мате. 5, 24); но симъ требуетъ Онъ отъ нихъ только удаленія отъ мщепія, а не такого молчанія, кому читается дерзость людей нечестивыхъ. Павелъ вѣрнѣе всякаго исполнялъ волю Іисуса Христа въ семъ отношеніи, ибо онъ самъ говорить о себѣ: «злословять насъ, а мы благословляемъ; насъ гонять, а мы терпимъ; насъ хулять, мы молимся (2 Кор. 4, 12, 13)». Но въ настоящемъ случаѣ онъ поступилъ по примѣру Іисуса Христа, который также обличилъ несправедливость ударившаго Его прежде осужденія.—Но если такъ, то зачѣмъ Павелъ извиняетъ свой поступокъ?—Для того, чтобы устранить подозрѣніе, яко-бы онъ нару-

¹⁾ Іеропиму, contra Pelag. 3, init. Августину, epist. 5, pag. 23.

²⁾ Ioseph. Bell. Iud. 2, 17, 9

шиль законъ, повелѣвающій не злословить первосвященника ¹⁾).

Послѣ укоризны, сдѣланной Ананію Павломъ, надлежало отложить совершенно надежду на успѣхъ отъ обыкновенного защищенія своего дѣла. Раздраженное самолюбіе первосвященника неспособно было ни видѣть, ни слышать истины; прочие судіи, безъ сомнѣнія, были болѣею частію его угодниками. Павелъ нашелъ другой способъ обнаружить свою невинность, по крайней мѣрѣ, предъ римскимъ судію, который уже долженъ былъ принимать въ немъ дѣятельное участіе, какъ въ гражданинѣ римскомъ. Толпа обвинителей его состояла изъ фарисеевъ и саддукеевъ; тѣ и другіе думали совершенно различно о важнѣйшихъ предметахъ религіи: первые допускали воскресеніе и бытіе духовъ, послѣдніе отвергали оба сіи догмата ²⁾. Въ семъ-то разногласіи обвинителей обвиняемый нашелъ себѣ надежное убежище. «Братія!» сказалъ онъ, «я фарисей и сынъ фарисея; меня судять за чаяніе воскресенія мертвыхъ ³⁾». Если-бы іудеи способны были судить хладно-

¹⁾ При семъ должно принять, что Ананія былъ человѣкъ съ самыхъ худыхъ свойствъ и достигъ первосвященства куплею и прописками. Joseph. Ant. 28, 8.

²⁾ Дѣян. 23, 8; Joseph. Ant. 17, II.

³⁾ Правду-ли сказалъ Павелъ? — Правду. Ибо воскресеніе мертвыхъ, и въ особенности воскресеніе Иисуса Христа, составляло главный предметъ его проповѣди (Дѣян. 17, 18), такой догматъ, съ опроверженіемъ коего падало все христіанство (1 Кор. 15, 13, 14); а его судили главнымъ образомъ за то, что онъ христіанинъ и проповѣдуетъ Иисуса Христа. Павелъ умалчиваетъ здѣсь о другихъ частныхъ причинахъ ненависти къ нему іудеевъ, которые

кровно, то они въ семъ случаѣ обратили-бы вниманіе на прочіе члены ученія Павлова, дабы видѣть, точно-ли онъ не болѣе, какъ фарисей. Но такая хладнокровность была несовмѣстна съ ихъ опрометчивымъ характеромъ. Секта фарисейская, не противорѣча самой себѣ, не могла не принять подъ свою защиту человѣка, котораго осуждаютъ за то, чѣму она вѣрить. Сильнѣе всего располагала фарисеевъ въ пользу Павла ихъ закоренѣлая ненависть къ саддукеямъ. Защищеніе его представляло ей самую пріятную пищу. Произошелъ сильный споръ между обѣими сектами. Фарисеи въ жару энтузіазма объявляли невиннымъ Павла и въ томъ случаѣ, если-бы онъ училъ чѣму-нибудь новому, предполагая, сообразно началамъ своей секты, что, можетъ-быть, онъ удостоился божественного откровенія. Взаимное ожесточеніе спорящихъ сторонъ подвергало Павла новой опасности. Саддукеи, имѣя на своей сторонѣ первосвященника, могли безъ суда растерзать его на части. Римскій военачальникъ принялъ сюю опасность и велѣлъ воинамъ проводить его въ крѣпость.

Что должно было происходить въ сіе время въ душѣ Павла? Вся нація, любезнѣйшая для него нація,

---

преслѣдовали его особенно за то, что онъ распятаго ими Иисуса признавалъ Мессіею, почиталъ обрядовый законъ ненужнымъ ко спасенію и пр. Но умолчаніе не есть ложь; въ иѣкоторыхъ случаяхъ оно не только позволяетъ, но и одобряется нравственнымъ закономъ. Павелъ, конечно, разъяснилъ-бы внослѣдствіи къ то, что имъ въ началѣ умолчано, если-бы судіи его потребовали разъясненія. Но когда они не сдѣлали сего, то не онъ виноватъ въ проишшедшемъ недоразумѣніи, а они сами.

въ лицѣ вождей своихъ почитала его врагомъ своимъ и искала его смерти у судіи римскаго. Онъ не видѣлъ никакого средства разувѣрить ее въ семъ прискорбномъ для его сердца заблужденіи; принужденъ былъ, оставилъ отеческіе законы, священные для каждого патріота, прибѣгнуть къ праву римскаго гражданина—убѣжищу, непавицтному для его согражданъ, кои уже въ полной мѣрѣ чувствовали тягость римскаго ига, не совсѣмъ пріятному, безъ сомнѣнія, и для Павла, который вмѣнялъ въ тщету и не такія пріобрѣтенія, какъ римское гражданство. Сколько и другихъ мыслей могли волновать душу апостола, особенно если предположить, что благодать Божія предоставила его въ семъ случаѣ (какъ сіе бываетъ съ людьми самыми высокими въ святости) силамъ собственнаго немощнаго естества человѣческаго. Какъ-бы то ни было, но духъ Павловъ ослабѣлъ въ сіе время и имѣлъ нужду въ подкѣплѣніи; посему въ слѣдующую ночь ему явился самъ Иисусъ Христосъ и сказалъ: «дерзай, Павелъ; ибо какъ ты свидѣтельствовалъ о мнѣ въ Іерусалимѣ, такъ надлежитъ тебѣ и въ Римѣ свидѣтельствовать». Утѣшеніе истинно апостольское, или паче божественное! Павла тяготили не узы, но невозможность проповѣдывать евангеліе; и вотъ ему обѣщается исполненіе любимаго его желанія—проповѣдывать Иисуса Христа въ столицѣ міра! Большой отрады и не желалъ онъ въ сей жизни.

Въ слѣдующій день составился противъ Павла самый гнусный заговоръ. Больше сорока человѣкъ, едва ли не подущенные Ананіею, закляли себя (*καθέκατι καθεματίσαυτο εἰςτούς*) не вкушать пищи, доколѣ не успѣютъ

липить его жизни ¹⁾). Обѣтъ сей открыть былъ ими верховному совѣту іудейскому, который не только одобрилъ сей умыселъ, но взялся споспѣшствовать его исполненію, то-есть, взялся быть орудіемъ злодѣевъ!— Таковы уже были въ сіе время вожди народа, нѣкогда возлюбленного Богомъ!— Согласились потребовать у тысиценачальника на судъ Павла, какъ бы для дальнѣйшаго разсмотрѣнія дѣла, въ самой же вещи для того, чтобы дать случай заговорщикамъ напасть на него. Но дѣла тѣмы рѣдко не измѣняютъ сами себѣ. Молодые заговорщики были нескромны; Павелъ былъ извѣщенъ о ихъ злоумышленіи отъ одного юноши, своего племянника. Увѣренный явленіемъ Іисуса Христа, что ему надлежитъ быть въ Римѣ, онъ могъ спокойно ожидать отъ Промысла разрушенія заговора; но онъ зналъ, что Промыслу угодно, дабы мы употребляли и естественные средства для своего спасенія,— зналъ, что ожидать во всякомъ случаѣ чудодѣйственной помощи свыше— значитъ искушать Бога. Посему чрезъ того же юношу немедленно извѣстили о своей опасности тысиценачальника. Сей слишкомъ увѣренъ былъ въ мятежномъ нравѣ іудеевъ, чтобы не повѣрить донесенію юноши; притомъ онъ уже видѣлъ оить ихъ безумной ненависти къ Павлу. Съ другой стороны, безъ всякой нужды подвергнуть римскаго гражданина опасности было предо-

¹⁾ Павелъ желалъ быть самъ анаоемою, только бы получили спасеніе іудеи, его братія по плоти (Рим. 9, 1—4), а сіи жестокосердые братія подвергаютъ себя добровольно анаесмъ, если не убьютъ Павла! Какая противоположность! *Tantum religio, замѣчасть одинъ писатель, potuit suadere, si Paulum spectas, bonorum, si hostes ipsius, malorum!* Witsius Melet. Leyd. pag. 121.

судительно для того, кто самъ столько дорожилъ симъ титломъ. Всего благоразумиѣ казалось отправить узника къ іудейскому прокуратору, находившемуся тогда въ Кесаріп, коего суду и безъ того принадлежало дѣло Павлово по своей важности. Такъ и сдѣлано. Тысященачальникъ, призвавъ къ себѣ двухъ сотниковъ, вельмъ имъ приготовить двѣсти воиновъ пѣшихъ, семьдесятъ конныхъ и двѣсти тѣлохранителей, чтобы съ третьяго часа ночи идти въ Кесарію; вельмъ также приготовить ословъ, чтобы, посадивъ Павла, въ безопасности проводить его къ Феликсу. Подъ столь сильнымъ прикрытиемъ ¹⁾ Павелъ въ слѣдующую ночь былъ отвезенъ въ Антипатриду. Поелику дальниѣйшій путь, по причинѣ отдаленности отъ Іерусалима, былъ менѣе опасенъ для узника, то тѣлохранители и пѣшие воины возвратились отсюда въ Іерусалимъ, предоставивъ охраненіе его однимъ коннымъ воинамъ. По прибытии въ Кесарію, Павелъ немедленно былъ представленъ Феликсу вмѣстѣ съ письмомъ отъ тысященачальника слѣдующаго содержанія ^{2):}

¹⁾ Оно нужно было потому, что къ заговорщикамъ, коихъ число само по себѣ было немаловажно, а дерзость отчаянна, могли присоединиться другіе фанатики.

²⁾ Евангелистъ Лука передаетъ только сущность письма, а не самое письмо. Слово *τύπος*, которое въ нашемъ россійскомъ перевѣдѣ переложено *содержаніемъ*, а въ славянскомъ *образомъ*, означаетъ легкое очертаніе какого-нибудь предмета и противополагается изображенію точному, подлинному: *τῷ ἀκριβῷ* (Plat. Polit. 3, pag. 414). Дѣйствительно, невѣроятно, чтобы подлинное письмо Лисія перешло въ руки Павла или Луки. Но содержаніе его могло быть извѣстно Павлу, а отъ него Лукѣ.

«Клавдій Лісій достопочтенному правителю Феліксу желаетъ здравствовать.

«Сего человѣка, котораго іудеи схватили и готовы были убить, я, пришедши съ воинами, отняль, узнавъ, что онъ гражданинъ римскій. Потомъ, желая узнать, въ чёмъ обвиняли его, привелъ его въ синедріонъ ихъ, и нашелъ, что его обвиняютъ въ нѣкоторыхъ спорныхъ мнѣніяхъ, относящихся до закона ихъ, но что нѣть въ немъ никакой вины, достойной смерти или оковъ. А какъ до меня дошло, что іудеи на него злоумышляли, то я немедленно послалъ его къ тебѣ, объявивъ и обвинителямъ, чтобы они говорили на него предъ тобою. Прощай».

Прочитавъ письмо сіе, Феліксъ спросилъ Павла, изъ какой онъ области, и, узнавъ, что онъ кпликаинъ, сказалъ: «я выслушаю тебя, когда явятся обвинители». До того времени вельно Цавлу находиться подъ стражею въ Иродовой преторії ¹⁾.

Чрезъ пять дней обвинители явились, имѣя при себѣ, для большаго успѣха въ своемъ дѣлѣ, судебнаго оратора, именемъ Тертулла. Наемный защитникъ лжи, величая Фелікса миротворцемъ и благодѣтелемъ іудейской страны (который, по свидѣтельству Тацита, съ властію царскою соединялъ сердце раба и очернилъ память свою многими злодѣйствами ²⁾), обвинялъ Павла

¹⁾ Дворецъ Иродовъ, который потомъ сдѣлался жилищемъ римскаго правителя. При дворцахъ главныхъ правителей находились мѣста для содержанія узниковъ. V. Kainol. Согщент. ad Act. Apost. Cap. 28, 35.

²⁾ Annal. 11.

въ возмущеніи народа благодеіствія, въ пренебреженіи закона и оскверненіи храма іудейскаго. Іудеи единогласно засвидѣтельствовали истину его словъ. Феліксъ далъ знакъ, чтобы Павель отвѣчалъ; и онъ началъ говорить такъ:

«Какъ я знаю, что ты многіе годы (справедливо) судишь сей народъ ¹), то тѣмъ свободнѣе могу я говорить въ защищеніе себя. Ты можешь знать, что не болѣе двѣнадцати дней тому, какъ я пришелъ въ Іерусалимъ для поклоненія ²). И они не находили, чтобы я съ кѣмъ-либо спорилъ въ храмѣ или производилъ народное возмущеніе въ синагогахъ или по городу; и они не могутъ доказать того, въ чемъ нынѣ обвиняютъ меня. Но въ томъ признаюсь я тебѣ, что подлинно тѣмъ образомъ богопочитанія, который они называютъ ересію, служу Богу отцовъ моихъ, вѣруя всему написанному въ законѣ и пророкахъ, имѣя надежду на Бога (чего и они сами ожидаютъ), что будетъ воскресеніе мертвыхъ, праведныхъ и неправедныхъ».

Такимъ образомъ Павель не скрывалъ сущности дѣла, своего образа мыслей и отношенія христіанства къ іудейству, и не думалъ, какъ клеветаль иѣогда Оробій ³), обманывать своихъ судей тѣмъ, что онъ продолжаетъ держаться іудейства въ прежнемъ его видѣ.

«Для сего и подвізаюсь я, чтобы имѣть всегда неукоризненную совѣсть предъ Богомъ и человѣками.

¹) По счету Уссерія, Феліксъ правилъ Іудею до сего времени уже десять лѣтъ.

²) А не для оскверненія храма, какъ клеветаль Тертулль.

³) Orob. Script. 3, Num. 3, pag. 139, 140.

Послѣ многихъ лѣтъ отсутствія моего, я прішелъ отдать милостыню народу моему и приношенія».

Чего, конечно, никогда не сдѣлалъ бы врагъ іудейской націи и религіи.

«Междѣ тѣмъ нашли меня очистившагося въ храмѣ, не съ толпою народа и не съ шумомъ. Это были азійскіе іудеи, кому надлежало бы предстать предъ тебѣ и обвинять меня, скажи что на меня имѣютъ».

Требованіе совершенно справедливое, безъ исполненія коего нельзѧ было и судить Павла.

«Или пусть сіи самые скажутъ, нашли ли они во мнѣ какую вину, когда я стоялъ предъ синедріономъ. Развѣ только вина моя въ одномъ словѣ, которое я громко сказалъ, стоя предъ ними: я сегодня судимъ предъ вами за ученіе о воскресеніи мертвыхъ».

То-есть, развѣ меня захотятъ осудить совершенно невинно.

Феликсъ, который уже изъ письма Лисія ясно видѣлъ невинность Павла, тотчасъ примѣтилъ, что обвинители его дѣйствуютъ по одной злобѣ; но образъ судопроизводства требовалъ, чтобы клеветы, взводимыя на него, были разсмотрѣны законнымъ порядкомъ. Надлежало узнать, точно ли ересь Назорейская, въ коей признавался Павель, была противна закону Моисееву, неприосновенность коего римская политика брала подъ свою защиту, и точно ли онъ производилъ возмущеніе въ народѣ. О послѣднемъ долженъ былъ дать свидѣтельство Лисій. Итакъ Феликсъ въ ожиданіи сего таинственачальника, отпустилъ первосвященниковъ и старѣйшинъ, собственно говоря, ни съ чѣмъ. Павель остался подъ стражею, которая, по приказанію проку-

ратора, ослаблена была до того, что онъ имѣлъ полную свободу видѣться съ своими знакомыми и получать отъ нихъ все нужное.

И собственное любопытство слышать начальника (какъ называлъ Тертулль Павла) новой ереси, которая начинала уже обращать на себя всеобщее вниманіе, а болѣе, вѣроятно, Феликсовой жены Друзиллы, которая, какъ іудеянка и знатнаго происхожденія¹⁾, могла принимать живое участіе въ дѣлѣ Павла, въ коемъ участвовалъ весь синедріонъ, расположили прокуратора слышать проповѣдь о христіанской религіи. Павелъ былъ позванъ для сего предъ Феликса и Друзиллу. Развращенный язычникъ спокойно и со вниманіемъ слушалъ проповѣдника, когда онъ говорилъ о жизни и чудесахъ Іисуса Христа. Повѣствованіе сіе находило себѣ въ его памяти удобно мѣсто въ ряду съ извѣстными разсказами о полубогахъ. Но когда Павелъ началъ разсуждать о чистотѣ, воздержаніи, справедливости и о будущемъ судѣ, то Феликсъ пришелъ въ страхъ, язвы совѣсти его раскрылись, онъ не могъ долѣе слушать и отпустилъ Павла, сказавъ: «теперь поди; а когда буду имѣть время, позову тебя». О преступное отлагательство!—восклицаетъ при семъ случаѣ блаженный Августинъ, — о слова, исполненные вражды

1) Она была дочь Ирода Агриппы старшаго, который обручилъ было ее Антиоху Еніфану, подъ условіемъ его обращенія къ іудейству. Joseph. Ant. 19, 9, 1. Но поелику Антиохъ не устоялъ въ общаніи, то братъ ея Агриппа младшій отдалъ ее въ супружество Агизу, царю емесенскому. Ant. 20, 7. Феликсъ, прельщенный красотою Друзиллы, убѣдилъ ее, оставивъ мужа, вступить съ нимъ въ бракъ. Ant. 20. 7.

на благодать Божію! Любовь къ міру, разсъянность, непрестанныя забавы никогда не позволяютъ снова найти удобнаго времени; пренебреженная благодать удалится, и грѣшникъ пробудится отъ своего усыпленія развѣ только въ адѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, Феликсъ уже не чувствовалъ впослѣдствіи благотворнаго страха въ совѣсти, хотя часто призывалъ къ себѣ и слушалъ Павла. Невинность узника совершенно была ясна для него. Онъ готовъ былъ возвратить ему свободу; ожидалъ только награды за свое правосудіе. Узы и рувища Павловы не могли питать надежды въ корыстолюбивомъ сердцѣ. Но онъ слышалъ отъ самого Павла о деньгахъ, принесенныхъ имъ въ Іерусалимъ; полагалъ, безъ сомнѣнія, что и назорен (христіане) не пожалѣютъ сокровищъ, дабы доставить свободу своему начальнику. Напрасно! Павель разсуждалъ о правосудії, воздержанії, судѣ, но ни слова о томъ, чего хотѣлось корыстолюбцу. Протекло два года. Феликсъ долженъ былъ уступить мѣсто свое Фесту Порцію. Желая угодить іудеямъ, онъ оставилъ Павла въ узахъ; но и въ семъ, несчастный, обманулся: ибо они, по удаленіи его отъ должности, тотчасъ явились въ Римъ съ жалобами на его жестокости ¹⁾.

Съ новымъ прокураторомъ ожила надежда враговъ Павловыхъ. Едва онъ явился въ Іерусалимъ, они предстали предъ него съ жалобами. Сначала требовали смертнаго приговора; но получивъ отвѣтъ, что у римлянъ нѣтъ обыкновенія осуждать человѣка безъ разсмотрѣнія его вины, просили вызвать Павла изъ Кес-

¹⁾ Ioseph. Ant. Lib. 20, cap. 7.

сарії въ Іерусалимъ, имъя намѣреніе умертвить его на пути. Фестъ обѣщалъ разсмотрѣть дѣло, но — въ Кесаріи, куда приглашалъ явиться и обвинителей. Оппозиціи явились, взводили на Павла самая тяжкія вины, но безъ доказательствъ. Обвиняемый рѣшительно и спокойно отвѣчалъ, что онъ не сдѣлалъ никакого преступленія ни противъ народа іудейскаго, ни противъ храма, ни противъ кесаря. Фестъ, желая пріобрѣсть благосклонность іудеевъ, предложилъ Павлу, не согласится ли онъ, чтобы его дѣло было разсмотрѣно въ Іерусалимѣ, какъ того недавно требовали враги его. Согласиться на сіе значило предать себя въ жертву ихъ ярости и коварству. «Я требую суда у кесаря», отвѣчалъ Павелъ. Это значило, что онъ не хочетъ быть судимъ областными правителями и пользуется правомъ римскаго гражданина. Фестъ, поговоривъ по обыкновенію съ соѣтниками своими, сказалъ: «ты потребовалъ суда у кесаря, и отправишься къ кесарю».

Между тѣмъ какъ Фестъ ожидалъ случая отправить Павла вмѣстѣ съ другими узниками къ кесарю, для поздравленія его съ должностію іудейскаго правителя прибылъ въ Кесарію Агриппа, царь халкідскій¹). Вмѣстѣ съ нимъ прибыла и знаменитая красотою сестра его Вереника, которая, послѣ развода съ Полемономъ, царемъ киликійскимъ, жила у Агриппы²). Прибытие

¹⁾ Правнукъ Ирода Великаго, внуkъ Аристотула, сыпъ Агриппы старшаго, послѣдній изъ царей Антиохіатрова илемени. Joseph. Ant. 20, 8, 5.

²⁾ Женщина, по словамъ іудейскихъ и римскихъ историковъ, весьма зазорнаго поведенія. Joseph. Ant. 20, 7, 3; Tac. Hist. 2, 81; Iuvenc. Satyr. 16, 156.

ихъ послужило для Павла поводомъ еще разъ торжественно засвидѣтельствовать предъ лицомъ іудеевъ о упованиі, ради которого онъ былъ связанъ. Поелику Агриппѣ, какъ природному іудею, совершенно извѣстна была іудейская религія, и поелику онъ имѣлъ право назначать первосвященниковъ и пещись о благоустройстве іерусалимскаго храма ¹), въ оскверненіи коего обвиняли Павла, то Фестъ, желая воспользоваться его свѣдѣніями и совѣтомъ, пересказалъ ему образъ судоизвестства надъ Павломъ. Разсказъ сей возбудилъ въ Агриппѣ охоту выслушать самого Павла; Фестъ согласился; назначено собраніе, въ коемъ должны были присутствовать Агриппа, Вереника, тысященачальники и всѣ почетные граждане кесарійскіе. Когда Павель былъ приведенъ въ сіе собраніе, то Фестъ сказалъ: «Царь Агриппа и всѣ присутствующіе съ нами! вы видите человѣка, противъ котораго и въ Іерусалимѣ и здѣсь іудеи во множествѣ приступали къ мнѣ съ крикомъ, что ему не должно болѣе жить. Но я нашелъ, что онъ ничего не сдѣлалъ достойнаго смерти; и какъ онъ самъ требовалъ суда у государя, то я рѣшился послать его къ нему. Теперь, не имѣя ничего вѣрнаго писать о немъ къ государю, я представляю его вамъ, и напаче тебѣ, царь Агриппа, чтобы, по разсмотрѣніи, было мнѣ что написать. Ибо, мнѣ кажется, неприлично послать узника и не показать, въ чемъ его обвиняютъ». Послѣ сего Агриппа далъ разрешеніе Павлу защищать

¹) Право сіе вмѣстѣ съ халкідскимъ престоломъ перешло къ нему, по милости Клавдія, отъ дяди его по отцѣ, Прода, царя Халкіды сирийской. Joseph. Ant. 19.

себя, и онъ, простерши вверхъ руку ¹⁾, началъ говорить такъ:

«Царь Агриппа! я почитаю себя счастливымъ, что предъ тобою сегодня могу защищаться во всемъ томъ, въ чемъ обвиняютъ меня іудеи ²⁾, тѣмъ болѣе, что ты знаешь всѣ обычай и спорный мнѣнія іудейскія. И потому прошу тебя выслушать меня великодушно. Жизнь мою отъ юности моей, которую сначала проводилъ я среди народа моего въ Іерусалимѣ, знаютъ всѣ іудеи. Знаютъ также обо мнѣ издавна (ежели захотятъ свидѣтельствовать), что я жилъ по учению фарисейскому, строжайшему въ нашемъ вѣроисповѣданіи. И нынѣ я стою предъ судомъ за надежду на обѣщаніе, данное отъ Бога отцамъ нашимъ, котораго событіе увидѣть надѣются всѣ наши двѣнадцать колѣнъ, непрестанно служа Богу день и ночь. Сю-то надежду, царь Агриппа, ставятъ мнѣ въ вину іудеи. Что? ужели невѣроятнымъ почитаете вы, что Богъ воскрешаетъ мертвыхъ? Правда, я и самъ думалъ, что мнѣ должно сильно дѣйствовать противу имени Иисуса Назорея, и я дѣлалъ это въ Іерусалимѣ».

Послѣ сего, изобразивъ свои жестокости въ Іерусалимѣ надъ христіанами и описавъ явленіе Иисуса Христа во время путешествія въ Дамаскъ, Павелъ продолжалъ: «посему, царь Агриппа, я не воспротивился не-

¹⁾ По обыкновенію древнихъ, кои при началь рѣчи простирали вверхъ руку. Apuleius Metamor. 2, pag. 59.

²⁾ Нравъ Агриппы дѣйствительно во многомъ не сходствовалъ съ непавицкимъ характеромъ его прадѣда и отца, и отличался умѣренностю и разсудительностью. Joseph. Ant. 28, 7.

бесному явлению; но сперва жителямъ Дамаска и Иерусалима, потомъ по всей землѣ іудейской и у язычниковъ проповѣдывалъ, чтобы покаялись и обратились къ Богу и дѣлали дѣла, достойныя покаянія. За сіе іудеи схватили меня во храмѣ и покушались убить. Получивъ же отъ Бога помощь, до сего дня я живъ и свидѣтельствую малому и большому, не говоря ничего болѣе, какъ то, о чёмъ пророки и Моисей говорили, что это будетъ, то-есть, что Христостъ долженъ быть пострадать и, возставъ первый изъ мертвыхъ, возвѣстить свѣтъ сему народу іудейскому и язычникамъ».

Послѣднія слова о Іисусѣ Христѣ, коего поносная смерть содѣлалась источникомъ благословеній для всего рода человѣческаго, Фесту, надменному предразсудкамъ язычества, показались столь странными и несбыточными, что онъ, прервавъ рѣчь Павлову, вслухъ всѣхъ сказаль: «съ ума сошелъ ты, Павелъ! Большая ученость доводить тебя до сумасшествія».—«Нѣтъ, достопочтенный Фестъ», отвѣчалъ апостолъ, «я не сошелъ съ ума, но говорю слова истины и здраваго смысла. Ибо знаетъ объ этомъ царь, предъ которыемъ я и говорю свободно. Я отнюдь не вѣрю, чтобы отъ него что-нибудь о семѣ (о смерти и воскресеніи Іисуса Христа) было скрыто, ибо это не въ углу происходило. Вѣришь ли», продолжалъ онъ, обратившись къ Агриппѣ, «вѣришь ли, царь Агриппа, пророкамъ? Знаю, что вѣришь». Слова сіи такъ сильно подействовали на царя, что онъ какъ бы невольно сказалъ: «ты немного не убѣдилъ меня сдѣлаться христианиномъ».— «Молилъ бы я Бога», отвѣчалъ Павелъ, «чтобы мало ли, много ли, не только ты, но и всѣ слушающіе меня сегодня, сдѣлались такими,

какъ я, кромъ сихъ узъ». Симъ прекратилась бесѣда; всѣ присутствовавшіе встали и, отошедши отъ Павла, разсуждали о его дѣлѣ. Агриппа рѣшительно объявилъ Фесту, что, по его мнѣнію, Павелъ совершенно невиненъ, и что его можно было бы освободить, если бы онъ уже не потребовалъ суда кесарева. Посему рѣшено было отправить его въ Римъ.

Къ чѣму, могутъ спросить здѣсь, послужили долговременные узы (онѣ продолжались два года) Павловы въ Іудеѣ? Не лучше ли было бы, еслибъ онъ провелъ сie время въ проповѣдываніи евангелія язычникамъ? Сколько тысяч душъ, ослѣпленныхъ идолопоклонствомъ, выведено было бы имъ изъ тьмы въ свѣтъ?— Дабы уразумѣть въ семъ случаѣ достопокланяемые пути Промысла, надлежитъ припомнить, какая цѣль назначена самимъ Іисусомъ Христомъ для пребыванія Павлова у іудеевъ: онъ долженъ былъ дать торжественное свидѣтельство о божественности Іисуса Христа, ими отверженаго и гонимаго (Дѣян. 23, 11). Это было послѣднее возвзваніе, коимъ Промыслъ вразумлялъ потомковъ Авраама, прежде нежели наступило время предать ихъ конечному отверженію за убіеніе Богочеловѣка. Въ семъ отношеніи нельзя было найти провозвѣстника покаянія лучше Павла, прежняго гонителя христіанъ, теперь ревностнѣйшаго ихъ защитника. Самыя узы его, очевидно, входили въ составъ его свидѣтельства о божественности Іисуса Христа; онѣ обратили на него вниманіе всего верховнаго совѣта іудейскаго и, слѣдовательно, всего Іерусалима, всей Іудеи. Въ лицѣ Павла иѣкоторымъ образомъ снова предсталъ на судъ іудеевъ самъ Іисусъ Христосъ. Большая

часть іудеевъ, ослѣпленныхъ предразсудками, снова не узнали, отвергли Его; но были, конечно, и такие, для коихъ примѣръ обращеннаго Савла послужилъ во спасеніе.

ПЛАВАНІЕ ПАВЛОВО ВЪ РИМЪ.

Для препровождения Павла вмѣстѣ съ прочими узниками въ Римъ назначенъ былъ сотникъ Августова полка, именемъ 1улій, человѣкъ, какъ видно изъ его обхожденія съ апостоломъ, кроткій и человѣколюбивый. Двое изъ учениковъ и друзей Павловыхъ, Лука и Аристархъ, находившіеся при немъ во время заключенія его въ Іерусалимѣ и Кесаріи, сопутствовали ему и въ Римъ. Многотрудное плаваніе ихъ къ сему городу служитъ рѣшительнымъ доказательствомъ той утѣшительной истины, что вѣрующимъ все споспѣшствуетъ на благое, и что Промыслъ блудетъ праведниковъ, какъ зѣницу ока. Не касаясь мѣстныхъ подробностей сего плаванія, изобразимъ оное такъ, какъ описалъ его самъ Лука.

Корабль, на которомъ помѣстили узниковъ, плыть не въ Италію, а въ приморскіе города Азіи. Сотникъ избралъ его по причинѣ недостатка кораблей, плывущихъ въ Римъ, въ той надеждѣ, что въ какой-нибудь пристани на пути найдется корабль, идущій въ Италию. О мѣстѣ, откуда началось плаваніе, не упоминается;

но весьма вѣроятно, что оно началось изъ Кесаріи. Время было осенне. На другой день пришли въ Сидонъ. Сотникъ такъ расположень былъ къ Павлу, что позволилъ ему безъ всякой стражи идти къ тамошнимъ христіанамъ и воспользоваться ихъ усердіемъ. На пути изъ Сидона противные вѣтры занесли ихъ въ Кипръ. Отсюда, чрезъ Киликійское и Чамфілійское море, они достигли Миръ лікійскихъ, гдѣ корабль ихъ долженъ былъ остаться. Узниковъ перевели на другой, плывшій въ Италію. Между тѣмъ наступилъ октябрь — время, съ котораго море у древнихъ почиталось заключеннымъ для плаванія ¹⁾). Противные вѣтры непрестанно успливались. Павелъ совѣтовалъ сотнику провести зиму въ портѣ, называемомъ *Хорошія пристани*, предсказывая, въ противномъ случаѣ, крайнюю опасность; но корабельщикъ и многіе другіе, находя сей портъ неудобнымъ для перезимованія, хотѣли плыть на зиму въ одну изъ критскихъ пристаней. Сотникъ, къ несчастію, предпочелъ ихъ мнѣніе совѣту Павлову. Вышли въ море при благопріятномъ вѣтре; но вскорѣ поднялась опасная буря. Корабль захватило вихремъ; неслѣсъ, сами не зная куда. Товары, а потомъ и прочія вещи были брошены въ море для облегченія корабля; но опасность продолжалась. Въ теченіе четырнадцати дней не видали ни солнца, ни звѣздъ; не вкушали пищи, ожидая единственно смерти.

Одинъ Павелъ не зналъ страха и увѣрялъ своихъ спутниковъ, что вся потеря ихъ будетъ состоять въ кораблѣ, а они всѣ спасутся. Такъ говорилъ онъ вслѣд-

1) Vegetius de re militari 4, 39.

ствіе откровенія: ибо ангелъ, явясь ему почью, возвѣстилъ, что Богъ ради его избавитъ отъ смерти всѣхъ его спутниковъ. Между тѣмъ мореплаватели, извѣдавъ глубину водъ, заключили, что корабль ихъ приближается къ землѣ. Боясь попасть на камни, они бросили четыре якоря, а сами, спустивъ лодку, приготовлялись бѣжать. Павелъ примѣтилъ ихъ умыселъ и далъ знать о семъ сотнику, который немедленно отвратилъ побѣгъ ихъ, велѣвъ оттолкнуть лодку отъ корабля. Послѣ сего Павелъ снова ободрялъ своихъ путниковъ, и просилъ ихъ подкрепить себя пищею, увѣряя именемъ Божіимъ, что ни у одного изъ нихъ не пропадетъ и волоса съ головы. Послѣдняго его примѣру, они дѣйствительно ободрились и вкусили пищи.

Съ наступленіемъ дня увидѣли землю, но не знали, какую. Вытащивъ якори и поднявъ парусъ, спѣшили войти въ заливъ. Но потеря корабля, предсказанная Павломъ, была неизбѣжна. Попали на мель, корабль увязъ носомъ въ песокъ, между тѣмъ какъ крма его разбилась стремлениемъ волнъ. Нельзя было долѣе оставаться на немъ. Воины, въ намѣреніи предупредить неизбѣжный, по ихъ мнѣнію, въ семъ случаѣ побѣгъ узниковъ, хотѣли предать ихъ смерти; но сотникъ, желаю спасти Павла, удержалъ ихъ отъ сего варварства. Начали спасаться, одни вилавъ, другие на доскахъ; предсказаніе Павла сбылось въ точности: никто не погибъ. «Такова», говорить св. Златоустъ, «польза отъ сожитія съ праведникомъ, хотя и узникомъ: съ нимъ всюду безопасно ¹⁾».

1) Hom. 53 in Acta.

Земля, на которую выбросила буря Павла, былъ островъ Мелитъ¹⁾, подвластный Риму. Жители приняли потерпѣвшихъ кораблекрушеніе весьма человѣколюбиво. Для обсущенія ихъ разведенъ былъ на берегу огонь. Когда Павелъ вмѣстѣ съ другими клалъ на него хворостъ, то изъ сухихъ прутьевъ вышла эхидна и обвилась около его рукъ. Мелетійцы, увидя сѣ, подумали, что гибѣть небесный преслѣдуетъ его за какое-нибудь человѣкоубійство, и ожидали Павловой смерти; но онъ спокойно бросилъ змѣю въ огонь, не потерпѣвъ никакого вреда. Обстоятельство сѣе привело ихъ, подобно какъ ликаонцевъ, къ той мысли, что онъ не человѣкъ, а Богъ. Павелъ вскорѣ доказалъ, что онъ и не Богъ и не простой человѣкъ: бывъ принятъ въ домъ начальника острова, онъ исцѣлилъ своими молитвами его отца, страдавшаго горячкою. Когда слухъ о семъ чудѣ разнесся по острову, то къ новому врачу со всѣхъ сторонъ стеклись всячаго рода больные, и всѣ получили исцѣленіе. Изъ благодарности за такое благодѣяніе островитяне снабжали Павла и его спутниковъ всѣмъ нужнымъ.

Чрезъ три мѣсяца снова открылось мореплаваніе. Узники погажены были на корабль, который, перезимовавъ въ Мелитѣ, шелъ въ Италію. На семъ пути они приставали на три дня въ Сиракузахъ, что въ Сициліи, потомъ въ Ригіи, что въ Калабріи; наконецъ вышли на италіянскій берегъ, близъ Неаполя, въ Путеолской пристани. Здѣшніе христіане удержали ихъ у себя цѣлую недѣлю. Входъ Павла въ Римъ походилъ на торжествен-

¹⁾ Мальта.

ное виществіе героя, возвращающагося съ побѣды. Римскіе христіане вышли къ нему навстрѣчу за городъ, одни до Трехъ-гостинницъ, другіе до Аппіевої площади ¹⁾). Усердіе сіе было для Павла новымъ залогомъ, что Промыслъ не оставитъ его своею защитою въ Римѣ: онъ ободрился въ духѣ и возблагодарилъ Бога. Это было въ началѣ весны, около шестьдесятъ первого года нашей эры, въ седьмое лѣто царствованія Неронова.

---

¹⁾ Три гостиницы отстояли отъ Рима на 6, а Аппіева площадь (село) на 8 тысячъ шаговъ геометрическихъ. V. Michael. ad Act. 28, 15.

ПЕРВЫЯ УЗЫ ПАВЛОВЫ ВЪ РИМЪ.

Узники, по обыкновенію, сданы были преторіанскому начальнику, въ каковой должности находился тогда Буръ, знаменитый наставникъ юнаго Нерона и другъ Сенеки ¹⁾. Павлу, безъ сомнѣнія вслѣдствіе хорошаго отзыва о немъ Феста и Юлія, позволено жить въ наемномъ домѣ, подъ такъ называемою благородною или легкою стражею. Для уразумѣнія свойства сей стражи должно знать, что у римлянъ она вообще была троякаго рода. Одни узники содержались въ темницѣ (въ коей также было три отдѣленія); другіе, менѣе виновные, при судебныхъ мѣстахъ; иные жили въ наемныхъ и даже собственныхъ домахъ. Надзоръ за послѣдними состоялъ въ томъ, что при каждомъ изъ нихъ находился воинъ, который быть соединенъ съ узникомъ продолговатою веревочкою. У воина привязывалась она къ лѣвой, а у подсудимаго къ правой рукѣ. Въ такомъ видѣ они могли ходить всюду ²⁾. Стража, подъ которой находился Павель, была послѣдняго рода.

---

¹⁾ Witsii. Melet. Leyden. p. 136.

²⁾ Witsii. Melet. Leyden. p. 155.

На третій день по прибытії въ Римъ Павелъ призвалъ къ себѣ единоклещенниковъ, дабы изъяснить имъ причину своихъ узъ, и то намѣреніе, съ коимъ онъ желалъ явиться на судъ кесаря: безъ сего они не преминули бы почесть его за человѣка подозрительнаго, который ищетъ случая клеветать предъ императоромъ на свое отечество, какъ то часто случалось въ тѣ времена. «Братія!» сказалъ имъ Павелъ, «не сдѣлавъ ничего противъ народа и установлений отеческихъ, я во узахъ изъ Іерусалима преданъ въ руки римлянъ. Они, судивъ меня, хотѣли освободить, потому что не было во мнѣ ничего достойнаго смерти. Но какъ іудеи противорѣчили, то я принужденъ былъ потребовать суда у кесаря, не съ тѣмъ впрочемъ, чтобы обвинять въ чемъ-либо народъ мой... ибо за надежду Израилеву обложенъ я сими цѣпями». Іудеи отвѣчали, что они не слышали о немъ ничего худого; просили однакожъ открыть имъ свой образъ мыслей о релгії: «пбо намъ, говорили они, известно, что ученіе, тобою проповѣдуемое, всюду служитъ предметомъ споровъ». Въ назначенный день они собрались для сего въ домъ Павла, который отъ утра до самаго вечера изъяснялъ имъ христіанскую релгію со всею подробностію. Одни убеждались, другие оставались упорными, такъ что апостоль невольно долженъ былъ повторить къ нимъ упрекъ, сдѣланный нѣкогда пророкомъ Исаіею еврейскому народу. «Хорошо»,—сказалъ онъ,—«Духъ Святый говорилъ чрезъ пророка Исаію отцамъ нашимъ: поди къ сему народу и скажи: слухомъ услышите, и не уразумѣете, и очами смотрѣть будете, и не увидите; ибо огрубѣло сердце людей сихъ... Итакъ да будетъ

извѣстно вамъ», продолжалъ Павель, «что спасеніе отъ Бога послано язычникамъ; они и услышатъ». Слова сіи нѣкоторыхъ изъ іудеевъ заставили пристальнѣ размышлять о христіанствѣ, а въ другихъ возбудили негодованіе (Дѣян. 28).

Поелѣку обвинители Павла не являлись (ожидалъ, вѣроятно, благопріятныхъ обстоятельствъ и вымыслия болѣе правдоподобныя клеветы), то онъ провелъ цѣлые два года въ ожиданіи суда и, пользуясь свободою, возвѣщалъ имя Христово всѣмъ, кои приходили къ нему (Дѣян. 28, 30. 31). Въ сіе время должно быть сдѣлано весьма много въ пользу евангелія, хотя мы и не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній объ успѣхахъ Павловой проповѣди въ Римѣ. Между тогдашними жителями Рима, несмотря на упадокъ нравовъ, еще были люди, расположенные къ добру. Въ посланіи къ филиппійцамъ Павель утверждительно говорить, что узы его послужили въ пользу евангелія и сдѣлялись извѣстны всей преторіи, то-есть, ~~или~~ всему дому кесареву, или, по крайней мѣрѣ, всѣмъ преторіанцамъ (Фил. 1, 12. 13. 14). Что извѣстность сія не ограничивалась однимъ слухомъ о Христѣ, котораго проповѣдывалъ апостолъ, видно изъ того же посланія, гдѣ онъ привѣтствуетъ филиппійцевъ отъ лица христіанъ, принадлежавшихъ къ кесареву дому (Фил. 4, 22).

Кто именно были сіи христіане—неизвѣстно. Бароній упоминаетъ о нѣкоторомъ Торнетѣ, который, по свидѣтельству римской минеи, впослѣдствіи сдѣлался мученикомъ. Нѣкоторые причисляютъ къ нимъ Сабину Помпею, которая, по словамъ Флавія ¹⁾, была ревностною

¹⁾ Ant. 20, 7.

покровительницею іудейского народа. Но въ семъ отношеніи большее вѣроятіе заслуживаетъ Тацитъ, по сказанію коего, сей женщина ничего недоставало, кроме доброй души ¹⁾). Гораздо вѣроятнѣе догадка тѣхъ, кои думаютъ видѣть христіанку, обращенную Павломъ, въ Помпіоніи Греции, жену Плавта ²⁾). Подозрѣніе ея въ чужестранной ереси, ея долговременная жизнь, проведенная въ постоянной набожности, заставляютъ думать, что она принадлежала къ числу христіанъ. Весьма вѣроятно также, что извѣстный философъ Сенека, какъ повѣствуетъ преданіе (древнее, хотя не совсѣмъ вѣрное), былъ знакомъ апостолу Павлу. За сіе ручается дружество Сенеки съ Буромъ, подъ главнымъ надзоромъ коего находился Павелъ; также и то, что сей философъ жилъ при дворѣ, коему Павелъ былъ весьма извѣстенъ. Но перенеска философа съ апостоломъ, какъ увидимъ, совсѣмъ не имѣть исторической достовѣрности.

Между тѣмъ, когда дошетъ слухъ обѣ узахъ апостола въ Римѣ до филиппійской Церкви, она отправила къ нему одного изъ своихъ представителей, Епафродита, съ пособіемъ (Фл. 2, 25. 4, 14; 18). Усердіе сіе было весьма пріятно для апостола, *не потому*, говоря его словами, *чтобы онъ былъ бѣденъ*, ибо онъ научился всегда быть довольнымъ своимъ состояніемъ, но потому, что усердіе филиппійцевъ къ учителю религіи ручалось за ихъ усердіе къ самой религіи (Фл. 4, 10—34). Къ прискорбію Павла, Епафродитъ, находясь у него, впалъ

¹⁾ Annal. 13.

²⁾ Eus. Lib. 2, cap. 25.

въ опасную болѣзнь. Но Господь не восхотѣлъ къ печали его приложить новую печаль: больной выздоровѣлъ (Фил. 2, 26. 27). Съ нимъ отправлено посланіе къ филиппійцамъ, по замѣчанію Златоуста ¹⁾, самое богатое сердечными чувствованіями. Благодаря ихъ за усердіе къ себѣ, писатель побуждаетъ ихъ быть твердыми въ вѣрѣ и благочестіи, совѣтуя въ тоже время остерегаться іудействующихъ лжеучителей, кои внушили искать оправданія не въ вѣрѣ въ Иисуса Христа, а въ дѣлахъ закона — въ обрѣзаніи.

Около сего времени Павелъ обратилъ въ христіанство Онисима, бѣглого раба, принадлежавшаго Филимону, одному изъ почетнѣйшихъ христіанъ и гражданъ колосскихъ. Ища себѣ убѣжища въ Римѣ, куда, по словамъ Тацита, стекалось со всѣхъ концовъ земли все нечистое, и, можетъ быть, мучимый совѣстію, онъ присталъ къ апостолу, въ надеждѣ примириться посредствомъ его съ своимъ разгнѣваннымъ господиномъ. Наставленія и увѣщанія Павловы совершенно перемѣнили его нравъ: онъ сдѣлался истиннымъ христіаниномъ, коего апостолъ не усомнился послѣ того назвать своимъ сыномъ, даже своимъ сердцемъ (Филим. ст. 12). Сколько Онисимъ былъ прежде бесполезенъ для Филимона, столько сдѣлался теперь полезнымъ для Павла. Послѣднему хотѣлось даже оставить его при себѣ; но онъ не рѣшился на сіе безъ согласія господина Онисимова, дабы доброе дѣло было не вынужденно, но произвольно. Посему Онисимъ былъ отправленъ къ Филимону съ письмомъ, въ коемъ апостолъ, принимая его

¹⁾ Hom. in Epist. ad Philipp.

вину на себя, просилъ принять его уже не какъ раба, а какъ брата возлюбленнаго. Безъ сомнѣнія, Филимонъ исполнилъ желаніе столь высокаго просителя. Есть преданіе, что Оникимъ сдѣлался впослѣдствіи преемникомъ Тимоѳея въ ефесскомъ епископствѣ.

Съ Оникимомъ-же и Тихикомъ послано письмо къ колоссянамъ¹⁾. Поводомъ къ нему, послѣ общей попечительности Павла о благосостояніи всѣхъ Церквей христіанскихъ, было пришествіе въ Римъ Епаѳраса, учителя (если не основателя) Церкви колосской, который извѣстилъ апостола о вѣрѣ и благочестіи своихъ учениковъ. Увѣщевая колоссянъ сохранять дары духовные, быть твердымъ въ вѣрѣ и добродѣтели, Павелъ осторегаетъ ихъ отъ иѣкоторыхъ лжеучителей, кои старались обольщать христіанъ ложною философию, суевѣрнымъ почитаніемъ ангеловъ, слѣпою привязанностію къ обрядовому закону.

Въ продолженіе первыхъ-же узъ въ римскихъ написано Павломъ посланіе къ евреямъ. Въ немъ утверждается божественное достоинство Іисуса Христа, и Его вѣчное священство по чину Мелхиседекову; показывается, что законъ обрядовъ съ пришествіемъ Мессіи долженъ потерять свою дѣйствительность и уступить новому закону благодати. Споры о писателѣ сего посланія не принадлежать къ нашему предмету. Нельзя вирочемъ не замѣтить, что они давно были бы окончены, если-бы критики обращали болѣе вниманія на духъ Павлова богословія.

Послѣ двухлѣтняго ожиданія, Павелъ позванъ бытъ

¹⁾ Wits. Mel. Leyd. pag. 142.

на судъ Нерона (2 Тим. 4, 16). Друзья и ученики его, вслѣдствіе римскихъ обыкновеній, имѣли право быть свидѣтелями судопроизводства надъ нимъ; но въ семъ случаѣ всѣ оставили его (2 Тим. 4, 21): такъ страшно было явиться предъ сего льва (какъ называетъ Нерона Павель)! Такъ непостоянна природа человѣческая въ самой чистой дружбѣ! Одинъ небесный другъ, Господь Иисусъ, ради Котораго Павель приносилъ себя въ жертву, не оставлялъ его: Онъ предсталъ ему и укрѣпилъ его духъ. Явились-ли іерусалимскіе враги Павловы на сей судъ, или иѣтъ, въ чёмъ обвиняли его, и какъ онъ защищалъ себя отъ ихъ клеветъ, неизвѣстно. Упомянутая о семъ судѣ во второмъ посланіи къ Тимоѳею, апостоль непосредственно предъ тѣмъ жалуется на одного кузнeca Александра (2 Тим. 4, 14). Не былъ-ли онъ въ числѣ обвинителей Павловыхъ? Но кто онъ и чѣмъ вредилъ апостолу, также неизвѣстно. Даже спорять о томъ, чѣмъ кончился судъ надъ Павломъ: смертю его, или освобожденіемъ.

Полагали, и нынѣ полагаютъ нѣкоторые¹⁾, что первыя узы Павловы въ Римѣ были вмѣстѣ и послѣдними. Но сему мнѣнію, при всей учености защитниковъ онаго, не достаетъ основательныхъ доказательствъ. За истину противнаго мнѣнія, то-есть, что первыя узы Павловы окончились освобожденіемъ, ручается а) *всебѣщее преданіе Церкви*. Правда, сіе преданіе становится извѣстнымъ со временъ Евсевія²⁾; но тѣмъ не

¹⁾ Schmidt. Histor. kritisch. Einleitung in N. T. 1818, pag. 199, 207; также Eichhorn Einleit. 1811, 2 Band. 2, pag. 353—372.

²⁾ Euseb. Hist. Eccles. Lib. 2, cap. 21.

мене оно важно: ибо Евсевий заимствовалъ его изъ сочиненій (нынѣ потерянныхъ) Діонісія Коринѣскаго, во время коего послѣдняя судьба Павла была еще у всѣхъ въ свѣжей памяти. Выраженіе *ιος λόγος ἡχει* (какъ носится слухъ, какъ говорятъ), не показываетъ еще того, чтобы Евсевий считалъ сіе преданіе недостовѣрнымъ, ибо онъ ясно говоритъ, что преданіе сіе пересказано имъ для того, дабы кто-нибудь не подумалъ, что первыя узы Павловы въ Римѣ окончились его смертію. Историки, пересказывая преданія, нерѣдко употребляютъ выраженія обоюдная, сила коихъ должна быть опредѣляема, смотря по ходу повѣствованія¹). Со временемъ Евсевія преданіе обѣ освобожденіи Павла изъ римскихъ узъ становится общеупотребительнымъ для всѣхъ писателей. Нельзя думать, чтобы они основывались въ семъ случаѣ на одной важности Евсевія. б) *Мноїя мъста въ посланіяхъ Павловыхъ*, писанныхъ изъ Рима (Фил. 2, 19, 24; Філім. ст. 28; Евр. 12, 22). Писатель вездѣ показываетъ твердую надежду на свое освобожденіе и обѣщается снова посѣтить учениковъ своихъ. Даже надлежитъ думать, что посланіе къ евреямъ написано Павломъ по окончаніи узъ: ибо онъ въ заключеніи его говоритъ: «знайте, что братъ нашъ Тимоѳей освобожденъ, и я вмѣстѣ съ нимъ (ежели онъ скоро придетъ) увижу васъ». в) *Заключеніе Дѣяній Апостольскихъ*. «И жилъ (διέμενε), пишетъ св. Лука, «Павель цѣлые два года въ напятомъ имъ домѣ, и принималъ (ἀπεδεχετο) всѣхъ приходящихъ къ нему, про-

¹) V. Berthold. Einleitung in N. T. des 5 Theils 2 hälften pag. 2748, 1806.

повѣдудя царствіе Божіе и невозбранно уча о Господѣ Іисусѣ Христѣ со всею смильностью». Если-бы апостоль Павелъ, когда написаны Дѣянія Апостольскія, носилъ еще узы, то св. Лука не сказалъ-бы: *жилъ и принималъ*; равно, если-бы Павла въ сіе время не было уже въ живыхъ, онъ не преминулъ-бы въ концѣ своей книги упомянуть, хотя кратко, о кончинѣ, тѣмъ паче, что большая часть Дѣяній Апостольскихъ есть не что иное, какъ исторія Павловыхъ путешествій. Весьма вѣроятно, что обвинители Павла (если только они имѣли безстыдство явиться на судъ кесаря) не могли доказать своихъ клеветъ; между тѣмъ какъ въ пользу обвиняемаго ходатайствовали и одобрение Феста и Юлія, и собственная его безпорочная жизнь, и усердіе римскихъ христіанъ, особенно принадлежавшихъ къ дому кесареву. Неронъ въ сіе время, по замѣчанію Евсевія ¹⁾), еще не совсѣмъ забылъ прежнюю свою кротость и слушалъ иногда своихъ мудрыхъ и добродѣтельныхъ наставниковъ, а посему могъ быть сираведливымъ въ дѣлѣ іудейскаго узника, оправданія коего требовала, иѣкоторымъ образомъ, самая честь римскаго имени.

Касательно самаго образа и времени освобожденія Павлова нѣтъ никакихъ извѣстій. Бароній ²⁾ догадывается, что съ Павла сняты узы по случаю умерщвленія Агриппины, матери Нероновой, когда въ Римѣ торжественно праздновали сіе злодѣяніе, и когда, въ память спасенія императора отъ мнимой опасности со

¹⁾ Hist. Ecclest. Lib. 2. cap. 21. Quinquennium Neronis обратилъ даже въ пословицу.

²⁾ Ad. annum Christ. 51 num. X.

Иннокентій. Сочиненія. II.

стороны Агрипинны, многимъ узникамъ была дарована
свобода. Догадка довольно правдоподобная, но едва-ли
согласная съ хронологіею ¹⁾.

---

¹⁾ Wits. Mel. Leid. pag. 159.

ЧЕТВЕРТОЕ АПОСТОЛЬСКОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ПАВЛА І ПОСЛѢДНІЯ УЗЫ ВЪ РИМЪ.

Остальная часть Павловой жизни, по сознанію всѣхъ историковъ, подлежитъ многимъ недоумѣніямъ и спорамъ. Причиною сего недостатокъ историческихъ источниковъ. Ибо повѣствованіе св. Луки о дѣяніяхъ Павла оканчивается вмѣстѣ съ его первыми узами; а изъ послѣдующихъ писателей первыхъ трехъ вѣковъ никто не обращалъ особеннаго вниманія на дѣянія апостоловъ. Самые собиратели христіанскихъ древностей, Папій и Егезиппъ, не могли бы служить пособіемъ въ семъ случаѣ: ибо Евсевій, который пользовался ихъ трудами (для насъ давно потерянными), сообщаетъ весьма немногое о послѣдней судьбѣ Павла. Почему намъ остается употребить въ дѣло только нѣкоторыя указанія на остальную часть Павловой жизни, кои находятся въ его посланіяхъ и сочиненіяхъ нѣкоторыхъ древнихъ писателей Церкви. Въ утѣшениѣ тѣхъ, кои желали бы въ точности видѣть, какъ сей великий свѣтильникъ Церкви скончавалъ свѣтозарное теченіе свое, можетъ служить

слѣдующее прекрасное мѣсто изъ бесѣдъ Златоуста на Дѣянія: «для чего ты», вопрошаешь онъ, «желаешь знать послѣдующія дѣянія (Павловы)? Они таковы же, какъ и предшествующія: узы, мученія, томительные подвиги, темницы, навѣты, клеветы, ежедневная смерть. Ты видѣлъ малую часть: таковыми же представлай и остальныя. Когда ты смотришь на небо, то хотя видишь малую часть неба, но съ нею сходны всѣ прочія, такъ что, сколько бы ты ни перемѣнялъ мѣсть, небо все то же: точно такъ разсуждай и о Павлѣ¹».

Не подвергаясь упреку въ историческомъ невѣріи, нельзя сомнѣваться, что апостолъ Павелъ по своемъ освобожденіи предпринималъ четвертое апостольское путешествіе, продолжавшееся до его послѣднихъ узъ. Таковое сомнѣніе было бы несомнѣнно и съ посланіями Павловыми, писанными изъ Рима, въ коихъ онъ даетъ многократныя обѣщанія снова поѣхать учениковъ своихъ, и съ всеобщимъ преданіемъ Церкви. Даже вопросъ: куда было предпринято четвертое путешествіе?—можетъ быть разрѣшенъ, хотя несовершенно. Если мы не знаемъ всѣхъ мѣсть, посѣщенныхъ въ сіе время апостоломъ, то съ достовѣрностію знаемъ нѣкоторыя изъ нихъ. Изъ второго посланія къ Тимоѳею, писанного во время послѣднихъ узъ, открывается, что писатель онаго незадолго предъ тѣмъ былъ въ Коринтѣ, Мелитѣ, Иконіи, Листрѣхъ и Антіохіи, и въ трехъ послѣднихъ городахъ весьма много претерпѣлъ (2 Тим. 3, 11; 4, 13. 20). Значитъ, послѣднее путешествіе было предпринято Павломъ на востокъ, и именно по тѣмъ

¹) Hom. 55. Edit. Montfauconii 1741. Venetiis.

Церквамъ, кои почитали его своимъ учителемъ. Бывши на востокѣ, онъ, безъ сомнѣнія, исполнилъ обѣщаніе свое посѣтить Колоссъ (Кол. 3, 22) и Филиппы (Филип. 1, 25); сопредѣльныя съ ними Церкви (исключая ефесской, которой Павелъ, во время прощанія съ нею, предсказалъ, что она не увидитъ болѣе его лица) также, конечно, имѣли утѣшеніе насладиться лицезрѣніемъ своего основателя.

Есть мнѣніе, что послѣднее путешествіе Павлово простерлось до Палестины; оно основывается на 13, 23 посланія къ евреямъ, гдѣ апостолъ изъявляетъ надежду увидѣться съ евреями, къ коимъ онъ писалъ. Но основаніе сіе слабо. По признанію едва не всѣхъ критиковъ ¹⁾, посланіе сіе написано не къ евреямъ палестинскимъ, по крайней мѣрѣ не къ нимъ однимъ, а ко всѣмъ христіанамъ изъ евреевъ. Возраженіе, что подъ именемъ евреевъ во время апостоловъ разумѣлись евреи палестинскіе, а жившіе въ Палестины назывались еллинистами, не важно уже потому, что надписаніе сего посланія произошло не отъ руки самого писателя. Впрочемъ, весьма сомнительно и то, чтобы евреи, жившіе въ Палестины, никогда не назывались евреями, а всегда еллинистами ²⁾. Предпринять путешествіе въ Іудею значило безъ нужды подвергать себя неизбѣжнымъ опасностямъ. Въ Палестинѣ не было Церквей, основанныхъ Павломъ; жребій служенія его былъ — проповѣдывать язычникамъ, а не обрѣзаннымъ; для пале-

¹⁾ V. Rosenm ller, Schol. in Epist. ad Hebr.

²⁾ Karpzov. in Proleg. ad Sacr. exercit. in Epist. ad Hebr. ex Philone Alex. pag. 10.

стинскихъ іудеевъ назначены были Промысломъ другіе апостолы. Павелъ и прежде сего всегда являлся въ Іерусалимѣ не столько какъ апостолъ, а болѣе какъ посѣтитель.

Гораздо вѣроятнѣе мнѣніе тѣхъ, кои полагаютъ: что Павелъ, послѣ обозрѣнія восточныхъ Церквей, по-сѣтилъ Испанію ¹⁾). Выраженіе Клиmenta Римскаго ²⁾. *καὶ ἐπεὶ τὸ τέρμα τῆς δύτεως ἀλθῶν* (доходившій до послѣднихъ предѣловъ запада), именно заставляетъ такъ думать: Ибо послѣднимъ предѣломъ запада не можетъ быть, какъ толковали нѣкоторые ³⁾), ни Италия, ни Британія, это безспорно Испанія, коей послѣдній предѣль назывался концомъ земли (*finis terrae*). Павелъ еще въ посланіи къ римлянамъ изъявлялъ желаніе свое побывать въ Испаніи. «Но время, протекшее отъ освобожденія Павлова до послѣднихъ узъ, недостаточно для того, чтобы съ востока предпринять путешествіе въ Испанію ⁴⁾». Возраженіе не очень сильное. Въ четыре года можно было совершить путешествіе и на востокъ и на западъ, тѣмъ паче, что послѣднее путешествіе Павлово по востоку было предпринято не столько для новой проповѣди, сколько для преподанія послѣднаго утѣшения вѣрующимъ ⁵⁾.

Между тѣмъ какъ великий учитель язычниковъ обтекалъ въ послѣдній разъ красными стопами своими

¹⁾ Pearson. *Annal. Paulinae.*

²⁾ 1 Epist. ad Cor. sect. V.

³⁾ Stillingflectus in originibus Britannicis, cap. I.

⁴⁾ Berthold in *Einleitung.*

⁵⁾ V. Weber de verosimili Pauli in Hispania martyrio, 1787. Spier *Historia critica de Hispanico Pauli itinere*, 1742.

востокъ и западъ, въ Римъ возгорѣлось гоненіе на христіанъ. Неронъ, зажегшій въ безуміи сію столицу міра, дабы видѣть подобіе горящей Трои, въ избѣженіе ненависти за злодѣйство тѣмъ охотнѣе сложилъ вину онаго на христіанъ, что суевѣрный народъ уже давно расположень былъ почитать ихъ врагами общественного благоденствія. Мщеніе за мнимое произведеніе пожара искало всюду жертвъ: однихъ изъ христіанъ въ звѣриныхъ кожахъ предавали на растерзаніе псамъ; другіе, съ ногъ до головы облитые горючими веществами, должны были, сгараю постепенно, освѣщать собою, во время ночи, сады Нероновы. Для римской Церкви потребна была вся вѣра и терпѣніе, дабы не пасть подъ тяжестю креста. Могъ ли Павелъ оставаться равнодушнымъ слушателемъ о кровавой борьбѣ христіанства съ язычествомъ? Могъ ли онъ оставить безъ утѣшения возлюбленныхъ чадъ своихъ въ Римѣ?— Напротивъ, онъ немедленно явился къ нимъ, дабы раздѣлить съ ними вѣнецъ мученическій, въ полученіи коего онъувѣренъ былъ, по словамъ Аѳанасія ¹⁾), предварительнымъ откровеніемъ. Та же, вѣроятно, причина привела въ Римъ и апостола Петра. Узы немедленно соединили сихъ первоверховыхъ апостоловъ, коихъ жребій служенія раздѣляль въ продолженіе цѣлой жизни. Неронъ въ сіе время былъ уже чудовищемъ, а не человѣкомъ; почему апостолъ еще до рѣшительного приговора надъ собою писалъ къ Тимоѳею о скоромъ отшествіи своемъ изъ сего міра, и просилъ его прийти къ себѣ (2 Тим. 4, 9). Судя по сей просьбѣ, должно

¹⁾ In Apolog. pro fuga sua.

однакожъ думать, что послѣднія узы Павловы продолжались по крайней мѣрѣ пѣсколько мѣсяцевъ.

Послѣднимъ побужденіемъ къ осужденію Павла на смерть для Нерона, по сказанію Златоуста ¹⁾, было слѣдующее: апостолъ, несмотря на опасность, продолжать возвѣщать имя Христово и обратилъ одну изъ наложницъ тирана, имъ страстно любимую. Обращенная решительно отказалась раздѣлять съ нимъ безчестное ложе. Матереубійца воскипѣль гнѣвомъ, и узпавъ, что Павелъ виною сего случая, осудилъ его на казнь.

Преданіе, почти общее, говоритъ, что апостолъ Павелъ былъ замученъ вмѣстѣ съ апостоломъ Петромъ. Но есть и другое преданіе, что Павелъ пострадалъ, спустя годъ по смерти Петра, впрочемъ, въ тотъ же самый день, то-есть 29 іюня ²⁾.

Лактанцій ³⁾ пишетъ, что сіи апостолы предъ концомъ своей жизни изрекали пророчество о томъ, что Богъ вскорѣ воздвигнетъ царя въ Римѣ, который опустошитъ Іерусалимъ, разрушитъ храмъ іудейскій и разсѣеть іudeевъ по всему міру. Орудіемъ казни Павла, какъ римскаго гражданина, былъ мечъ. Она послѣдовала въ преклонныхъ лѣтахъ апостола на мѣстѣ, называемомъ Салвіанскими источниками, въ правлениі Гелія и Поликлета ⁴⁾, когдѣ Неронъ, во время путешествія своего въ Грецію, поручилъ верховную власть,

¹⁾ In Orat. adversus vitae Monast. vituperatores.

²⁾ Чет. мин. на 29 іюня.

³⁾ Lib. 4, cap. 21.

⁴⁾ Clem. Rom. 1; Epist. ad Cor., sect. 5.

около 67 года по Рождествѣ Христовомъ ¹⁾). Священ-
ные останки Павловы погребены въ рующими близъ
Рима. Св. Златоустъ говоритъ ²⁾, что ихъ страшились
демоны и уважали ангелы, и что въ рующіе со всѣхъ
странъ стекались для поклоненія гробу Павлову. Надъ
сімъ гробомъ Константинъ Великій, по совѣту Силь-
вестра, римскаго епископа, создалъ малую церковь, ко-
торая потомъ распространена была Валентиніаномъ.

«Такъ скончаль теченіе свое сосудъ Христовъ из-
бранный, учитель языковъ, всемірный проповѣдникъ
небесныхъ высотъ, и райскихъ добротъ видѣцъ, анг-
еловъ и человѣковъ позоръ и удивленіе, великий по-
движникъ и страдалецъ, язвы Господа своего на тѣлѣ
своемъ понесый, святый верховный апостолъ Павель, и
вторицею, аще и кромѣ тѣла, до третіаго небесе
взятся! ³⁾».

---

¹⁾ Отъ временъ Златоуста и Амвросія идетъ преданіе, что изъ усѣченной вѣнѣ апостола вмѣсто крови истекло молоко. См. Чет. Мин. на 29 іюня.

²⁾ Hom. 8, in Ephes.

³⁾ Св. Дим. Рост. въ Чет. Мин. на 29 іюня.

ЗАМЪЧАНІЯ

касательно виѣшняго вида апостола Павла, его природныхъ дарованій, характера, писаній подлинныхъ и подложныхъ, уваженія къ нему отцовъ Церкви и особенно Златоуста.

Изъ 2 Кор. 10, 20 заключаютъ, что апостолъ Павель былъ весьма незамѣчатель по виду и малъ ростомъ. Св. Златоустъ въ одной бесѣдѣ называетъ его человѣкомъ въ три локтя (*ἀνθρώπον τριππήδον*) ¹). Думаютъ, что сочинитель Филопатриды (Луціанъ, или кто другой) имѣлъ въ умѣ Павла, когда выводилъ на зрелище Галилея, у коего на верхней части головы нѣтъ волосъ, съ орлинымъ носомъ, по воздуху восходившаго до третьяго неба ²). Но никто не оставилъ намъ такого подробнаго описанія Павла по виѣшнему виду, какъ Никифоръ Каллистъ ³). «Павель», говоритъ онъ, «былъ

¹) Hom. in 2 Epist. ad Cor.

²) Wits. Mel. Leyd. pag. 162.

³) Hist. Lib. 2, cap. 37.

ростомъ малъ, непрямъ и нѣсколько согбенъ; лице у него было чистое и являло признаки долгихъ лѣтъ; голова плѣшива; въ глазахъ его усматривалось весьма много пріятности; брови поднятыи вверхъ и какъ бы разбѣгающіяся; нось продолговатъ съ пріятною неровностію; борода густая и довольно длинная, по мѣстамъ съ сѣдиной, также какъ и голова». Портретъ весьма выразительный; жаль только, что онъ писанъ, спустя 13 вѣковъ по смерти апостола, и неизвѣстно съ какого подлинника!

Если въ самомъ дѣлѣ апостолъ Павелъ былъ малъ ростомъ, то на немъ оправдалось мнѣніе, что въ маломъ тѣлѣ нерѣдко бываетъ душа истинно великая. Благодать, безъ сомнѣнія, преобразовала и усовершила въ немъ дары природы; но сіи дары сами по себѣ были весьма велики. Нѣть ни одного качества, потребнаго для великихъ умовъ и характеровъ, коего не усматривалось бы въ Павлѣ. Св. Златоустъ равнялъ его по естественнымъ дарованіямъ къ любомудрію съ Платономъ: сравненіе неопредѣленное; ибо тотъ и другой дѣйствовали при совершенно различныхъ обстоятельствахъ: одинъ во свѣтѣ Духа Божія, другой при слабомъ свѣтильнике разума; но то несомнѣнно, что геній Павла, еслибы Промыслъ судилъ ему явиться подъ небомъ Греціи, не потерялся бы въ толпѣ послѣдователей Платоновыхъ, и къ списку мудрецовъ греческихъ прибавилось бы еще одно великое имя.

Характеръ Павла есть характеръ вселенскаго учителя, характеръ посланника Божія въ роду человѣческому. «Когда», витійствуетъ Златоустъ ¹⁾, «ты ска-

¹⁾ Hom. 55, in Acta Apost. Edit. Montfauc. 1742.

жешь: апостолъ, всѣ разумѣютъ Павла, точно также какъ при имени: креститель, всякому приходитъ на мысль Іоаннъ». У Павла все служить въ пользу евангелія, къ славѣ Божіей, — и довольство, и нищета, и похвала, и поруганія, и свобода, и узы, друзья и враги, жизнь и смерть. Предъ нимъ, какъ предъ Богомъ, коего онъ посланикъ, нѣтъ ни іудея, ни еллина, ни раба, ни свободнаго, ни мужскаго пола, ни женскаго: всѣ едино во Христѣ Іисусѣ. Съ язычникомъ — онъ язычникъ, бесѣдуетъ о естественной религії; ссылается на пхъ поэтовъ, извиняетъ лѣта ихъ невѣдѣнія о истинномъ Богѣ; съ іудеемъ — іудей, разсуждаетъ о знаменованіи обрядового закона, совершаеть обѣты, наблюдаетъ различіе яствъ, предписанное закономъ; съ слабыми совѣстю — слабъ, умѣряеть свободу христіанскую, воздерживается отъ идоложертвенныхъ, хотя совершенно увѣренъ, что идолъ есть ничто. Но во всѣхъ случаяхъ видѣнъ учитель истины, образецъ чистоты нравственной, сосудъ благодати. «Не погрѣшишь тотъ», по словамъ Златоуста ¹), «кто назоветъ душу Павлову моремъ и небомъ: небомъ по чистотѣ, моремъ по глубинѣ. Въ семъ морѣ нѣтъ драгоцѣнныхъ зеренъ, но есть вещи, драгоцѣннѣйшія всякаго перла. Кто пожелаетъ углубиться въ сіе море, тотъ найдетъ въ немъ всѣ сокровища, кои скрыты въ царствѣ небесномъ».

Ни одинъ изъ апостоловъ не оставилъ намъ столько писаній, какъ Павелъ. Четырнадцать посланій его всегда признавались Церковю за источникъ истиннаго христіанскаго ученія. По нѣкоторымъ особеннымъ обстоя-

¹) Hom. 55, in Acta Apost.

тельствамъ, посланіе къ евреямъ было приписывало другимъ писателямъ, впрочемъ — безъ достаточныхъ причинъ¹⁾; о прочихъ никогда не было спора. Древніе еретики²⁾, поражаемые истинами, въ нихъ содержащимися, старались повреждать нѣкоторыя мѣста; но сіи поврежденія были немедленно замѣчены, обличены, и никако не повредили подлинности Павловыхъ посланій.

Духъ сихъ посланій есть духъ живой вѣры въ Иисуса Христа въ противоположность съ мертвою дѣятельностью подзаконной праведности. Здѣсь видимъ, какъ падшій человѣкъ неспособенъ самъ по себѣ и помыслить о чёмъ-либо добромъ, тѣмъ менѣе — исполнить въ точности всѣ повелѣнія закона Божія; какъ Богъ Отецъ, по непречленной любви своей къ преступному роду человѣческому, опредѣляетъ извлечь его изъ бездны золъ, въ которую увлекло его паденіе ираотца; какъ Богъ Сынъ въ тайнѣ предвѣчнаго совѣта пріемлетъ на себя великое дѣло искупленія, въ предопределеннное время является на землѣ въ образѣ человѣка, смертю своею упраздняетъ царство грѣха и смерти и потомъ, вознесшись на небо, посаждается одесную Отца, ожидая, доколѣ всѣ враги Его царства будутъ положены въ подножіе ногъ Его; какъ Духъ Святый своимъ благодатнымъ дѣйствиемъ усвояетъ вѣрующимъ заслуги Сына Божія, написуетъ новый законъ жизни на сердцахъ ихъ, изливаетъ въ нихъ любовь Божію, ходатайствуетъ о нихъ предъ Богомъ и содѣлываетъ ихъ новою тва-

¹⁾ Euseb. Hist. Eccl. Lib. 3, cap. 3.

²⁾ Гностики и маркіониты. Iren. Lib. 3, cap. 12.

рію, созданною во Христѣ на дѣла благія. Павель често вводить читателей во мракъ ветхозавѣтныхъ прообразованій; но сіи прообразованія теряють у него свою мрачность и являются свѣтлыми и живыми образами, въ коихъ всякий безъ труда находитъ для себя назиданіе и утѣшеніе. Какъ учитель вѣры, онъ большею частію учитъ, обличаетъ и исправляетъ; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ утѣшенію вѣрующихъ повѣствуетъ какъ дѣеписатель, и предсказываетъ будущее какъ пророкъ. Ему принадлежать предсказанія объ умноженії въ послѣднія времена лжеучителей и обращеніи народа іудейскаго къ Іисусу Христу предъ Его вторымъ пришествіемъ, о явленіи антихриста, о безумной его гордости, ложныхъ чудесахъ и ужасной казни.—По высшности созерцанія Павель можетъ столь же справедливо, какъ и Іоаннъ, именоваться орломъ богословія. Въ первой главѣ посланія къ евреямъ господствуетъ возвышенность мыслей, подобная той, коей удивляемся въ первой главѣ Іоаннова евангелія ¹⁾.

О виѣшнемъ образѣ изложенія мыслей Павель самъ даетъ отзывъ, когда говоритъ, что слово и проповѣдь его состояли не въ убѣдительныхъ словахъ человѣческой мудрости, а въ явленіи духа и силы (1 Кор. 2, 4). Въ другомъ мѣстѣ онъ даже называетъ себя *невѣждою* (*ιδιῶτης*) въ словахъ (2 Кор. 11, 6). Безъ сомнѣнія, онъ разумѣеть здѣсь то буйство проповѣди, коимъ благоволилъ Богъ счастіи міръ, не познавшій Бога въ премудрости Божіей,—то буес Божіе, которое мудрѣе всѣхъ

¹⁾ V. Tzschirner *Observationes Pauli Ap. Epistolarum, Scriptoris ingenium concernentes.* Witeb. 1800. 4.

человѣковъ. Впрочемъ, хотя Павелъ не заботился о томъ, чтобы льстить слуху и вкусу тѣхъ, къ коимъ онъ писалъ; но естественный даръ къ краснорѣчію, освященный Духомъ Божіимъ, никогда не оставлялъ его. Нѣть почти ни одного украшенія мыслей и словъ, для коихъ не находилось бы прекрасныхъ образцовъ въ посланіяхъ Павловыхъ; изъ нихъ однихъ можно извлечь всѣ правила для церковнаго витѣйства ¹). Лонгинъ, не будучи христіаниномъ, поставилъ Павла за краснорѣчіе наряду съ лучшими витѣями греческими ²).

Не излишне замѣтить, что посланія Павловы писаны не имъ самимъ, а писцомъ, коему они были диктованы (Римл. 16, 22). Павелъ только имѣлъ обыкновеніе подпisyвать собственноручно въ концѣ посланія привѣтствіе, что служило отличительнымъ знакомъ его истинныхъ писаній (Кор. 16, 21; Кол. 4, 8). Причина сего, по сказанію св. Златоуста ³), состояла въ томъ, что почеркъ его письма былъ весьма неисправенъ и нечетокъ.

Неблагоразумное усердіе къ памяти апостола, или нечистое намѣреніе прикрыть свои вымыслы высокимъ именемъ его, или предосудительное желаніе пополнить собственными догадками нѣкоторыя пустыя мѣста въ его исторіи, было причиной, что подъ именемъ апостола появились нѣкоторыя ложныя сочиненія, какъ-то: *Вознесеніе Павла*, *Апокалипсисъ*, *Дѣянія Павла* и

¹) V. Bauer Rhetorica Paulina. Hal. 8, 1783.

²) V. Berthold in Einleitung.

³) Hom. in Epist. ad Gal. 6, 11. Тоже сказаніе находится у Иеронима Феодорита.

Феклы, *Переписка Павлова съ Сенекою, Посланіе къ Лаодикійцамъ.*

О *Вознесеніи* ~~христіанізмъ~~ Павла такъ говоритьъ Епифаній ¹⁾: «еще и другую книгу вымыслили (каиниты) подъ именемъ апостола, исполненную нестерпимыхъ соблазновъ, обращающуюся въ употреблениі и у тѣхъ, кои называются гностиками. Называютъ же ее *Вознесеніемъ Павла*. Поводъ къ таковому подлогу взялъ ими изъ 2 Кор. 12, 7, гдѣ апостоль говоритьъ, что онъ восхищень былъ до третьяго неба и слышалъ тамъ неизреченныя глаголы. Изъ сихъ-то глаголовъ, по ихъ увѣренію, составилась оная книга». Августинъ также зналъ сію книгу, равно какъ и подложность ея ²⁾. «Нѣкоторые изъ людей, живущихъ въ духѣ», говоритъ онъ, «достигли того, о чемъ нельзя человѣку и говорить; по какому случаю пустые люди съ неимовѣрною дерзостію вымыслили *Вознесеніе Павла*, отвергаемое Церковію, исполненное нелѣпыхъ вымысловъ. Еще бы нѣсколько спосна была ихъ дерзость, если бы апостоль сказалъ, что онъ слышалъ то, чего нельзя еще человѣку говорить: но когда онъ безъ ограниченія сказалъ, что человѣкъ не можетъ говорить о томъ, что имъ слышано: то кто сіи люди, кои дерзаютъ безстыдно и нелѣпо говорить о сихъ предметахъ?» Болѣе о *Вознесеніи* Павла ничего неизвѣстно.

Подобнаго достоинства *Апокалипсисъ Павловъ*. Со временемъ сказывается ³⁾, что онъ въ его время пользовался

¹⁾ De Hair, 38, num. 2.

²⁾ Tract. 98, in Ioh.

³⁾ Hist. Eccl. Lib. 7, cap. 19.

вался уваженіемъ нѣкоторыхъ монаховъ, и былъ найденъ, по откровенію, въ тарскому домѣ апостола Павла, подъ землею, въ мраморномъ ящікѣ. Тотъ же писатель увѣряетъ, что когда онъ, сомнѣваясь въ истинѣ сего происшествія, спросилъ о немъ престарѣлого пресвитера тарскаго, то сей рѣшительно отвѣчалъ, что въ Тарсѣ никто не слыхалъ о семъ происшествіи, и что оно, равно какъ и книга, безъ сомнѣнія, суть вымыселъ еретиковъ. — Обѣ предшествующія книги давно потеряны, если только можно назвать сіе потерей.

О *Дѣяніяхъ Павла и Феклы* упоминаль еще Тертуліанъ¹⁾. Опъ же говоритъ, что сочинитель ихъ есть одинъ азіятскій пресвитеръ, который, бывъ обличенъ въ подлогѣ, признался, что онъ сдѣлалъ его изъ любви къ Павлу. *Дѣянія* сіп дошли до нашихъ временъ съ нѣкоторыми прибавленіями и перемѣнами²⁾. Содержаніе ихъ составляютъ: чудесное обращеніе Павломъ Феклы, разнообразное мученичество послѣдней, и множество чудесъ, съ пимъ соединенныхъ. Основою вымысла могло быть истинное происшествіе; ибо многіе изъ древнихъ писателей упоминаютъ о мученицѣ Феклѣ³⁾.

Переписка Павла съ Сенекою, хотя Іеронимъ вѣрилъ ея подлинности⁴⁾, не стоитъ и Сенеки, не только Павла. Она состоитъ изъ тринадцати писемъ, весьма бѣдныхъ по содержанію. Всѣ они суть произведеніе одного пера.. Языкъ (латинскій) непрестанно измѣняетъ автору. Не-

¹⁾ De Bapt. 17.

²⁾ V. Grabii specil. Pat. sec. 1.

³⁾ Кипріанъ in Orat. pro Mart., Іеронимъ Epist. 22, также Григорій Назіанзинъ, Амвросій, Златоустъ, Ісидоръ Шелусіотъ и др.

⁴⁾ Catal. 5.

смотря на краткость, въ нихъ находится много историческихъ ошибокъ, вовсе неумѣстныхъ въ Сенекѣ¹⁾. Философъ удивляется мудрости апостола, производить ее отъ Духа Святаго, и въ тоже время совѣтуетъ ему поболѣе заботиться о слогѣ.

Посланіе къ Лаодикійцамъ состоитъ изъ двадцати стиховъ: такъ лѣнивъ былъ сочинитель, несмотря на свою охоту писать за другихъ! И сіи двадцать стиховъ суть не что иное, какъ буквальный выборъ изъ другихъ посланий Павловыхъ, такъ что нельзя сыскать произведенія, которое было-бы по содержанію незначительнѣе сего посланія. Іеронимъ зналъ опое и почиталъ подложнымъ²⁾.

Кромѣ сего, на армянскомъ языке есть два письма— одно къ Павлу отъ коринеянъ, другое къ нимъ отъ Павла³⁾. Сочинитель думалъ, безъ сомнѣнія, замѣнить мнимую потерю посланія Павлова къ коринеянамъ, которое, повидимому, никогда не существовало (1 Кор. 5, 9).

Самыя подложныя сочиненія, нами исчисленныя, показываютъ уже, что имя Павла еще въ первыхъ вѣкахъ христіанства было именемъ, возбуждающимъ уваженіе. Изъ однихъ наименованій, коими христіанскіе писатели старались выражать величие и доблести души Павловой, можетъ составиться цѣлое слово въ похвалу

¹⁾ Наприм. онъ говоритъ, что во время пожара въ Римѣ выгорѣло только 132 дома, или четыре квартала; между тѣмъ какъ, по свидѣтельству Тацитта, изъ 14 частей города только 4 остались цѣлыми.

²⁾ Catal. g.

³⁾ Schmidt. Handbuch der Kirchengesch. 1. Theil, pag. 423, 1801.

сему апостолу. Церковь усвоила ему вмѣстѣ съ Петромъ наименование *первоверховнаго*; но по трудамъ апостольскимъ всегда признавала его первымъ изъ апостоловъ. Св. Златоустъ, кажется, никогда такъ не былъ краснорѣчивъ, какъ когда разсуждалъ о Павлѣ. Онъ написалъ ему нѣсколько похвальныхъ словъ, съ особеннымъ тщаниемъ изъяснялъ его посланія, называлъ его своимъ учителемъ, посвятилъ ему (если вѣрить темному преданію) свои Толкованія на св. писаніе, весьма часто и въ бесѣдахъ и въ другихъ сочиненіяхъ обращался къ дѣяніямъ Павловымъ, подражалъ ему въ образѣ мыслей и въ самыхъ выраженіяхъ. Вотъ слова, коими онъ заключаетъ свое толкованіе на посланіе къ римлянамъ, и коими столь же прилично заключить жизнеописаніе Павлово:

«Кто дастъ мнѣ пынѣ, да обниму тѣло Павлово, да повергнусь на гробъ его, да узрю прахъ того тѣла, въ коемъ восполнялось лишеніе скорбей Христовыхъ, которое носило на себѣ язвы Господа своего; — да узрю прахъ тѣхъ усть, кои изрекли блаженныя оныя слова: «я желалъ бы самъ быть отлученъ отъ Христа за братьевъ моихъ» (Римл. 9, 3), — кои вѣщали предъ патріями и не стыдились... чрезъ коихъ Христосъ провѣщалъ величайшія тайны, большія нежели чрезъ себя самого... Чего не совершали сій уста? Демоновъ изгоняли, грѣхи разрѣшали, тирановъ приводили къ молчанію, связывали языки философовъ, вселенную обратили къ Богу, варварамъ внущили любомудріе, все, что на землѣ, привели въ порядокъ, располагали по волѣ всѣмъ, что на небѣ, связывали, разрѣшали, по данной имъ власти. Желалъ бы видѣть прахъ и онаго сердца,

которое всякий можетъ смѣло назвать сердцемъ вселенныя... Такъ пространно было сіе сердце, что могло вмѣщать цѣлые города, области, народы. Ибо онъ говорить: *сердце наше разширено*. Сердце, которое жило новою жизнью, не сею нашею: *уже не я живу*, говоритъ, *а живеть во мнъ Христосъ* (Гал. 2, 20). Итакъ сердце Павла было сердцемъ *Христовымъ*, скрижалими Духа Святаго, книгою благодати... Желалъ бы видѣть и прахъ рукъ, узами связанныхъ, возложеніемъ преподававшихъ Духа Святаго, написавшихъ сіи строки: *смотрите, какъ много написалъ я вамъ своею рукою* (Гал. 4, 11), оныхъ, говорю, рукъ, кои увидѣвъ, ехидна упала въ огонь. Желаль бы видѣть прахъ очей, претерпѣвшихъ счастливую слѣпоту и снова прозрѣвшихъ для блага всего міра, удостоившихся видѣть тѣлесно Иисуса Христа, очей, кои земное видя, не видѣли, а созерцали невидимое, кои сна не знали, въ полуночи были бодры, въ коихъ не было никакой зависти. Желалъ бы видѣть и прахъ ногъ, кои, не утруждаясь, проходили вселенную, которыхъ были забиты въ колоду, по освобождены землетрясеніемъ.

«Но для чего исчислять все въ подробности? Желалъ бы видѣть гробъ, гдѣ лежитъ оружіе правды, оружіе свѣта, члены теперь живые, но когда онъ (Павелъ) жилъ, мертвые, въ коихъ всѣхъ жиль Христосъ, кои распяты были міру, члены Христовы, во Христа облеченные, храмъ Духа, жилище святыни...

«Все сіе представляя, будемъ стоять мужественно; ибо и Павелъ былъ человѣкъ одной съ нами природы, имѣя все то, что есть и у насть. Но поелику онъ показалъ величайшую любовь къ Иисусу Христу, то прошелъ

небеса и находится теперь между ангелами. Итакъ, если и мы рѣшимся возстать отъ духовной недѣятельности и оживить въ сердцѣ нашемъ оный огнь (любви), то въ состояніи будемъ подражать сему праведнику. Если бы это было для нась невозможно, то онъ не воскликнулъ бы, говоря: «подражайте мнѣ, какъ я Христу!» (1 Кор. 4, 16). Итакъ намъ должно не удивляться только Павлу, но и подражать ему, дабы, прешедъ изъ сей жизни, мы удостоились насладиться его лицезрѣніемъ и раздѣлить съ нимъ неизрѣченную славу, которая да будетъ удѣломъ всѣхъ нась, по благодати и милости Іисуса Христа, коему со Отцемъ и Святымъ Духомъ слава, честь, держава нынѣ, всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь».

ЖИЗНЬ

СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА КИПРИАНА

ЕПИСКОПА КАРФАГЕНСКАГО.

ЖИЗНЬ СВЯТОГО СВЯЩЕНОМУЧЕНИКА КИПРИАНА¹⁾.

Θасдій Цецилій Кипріанъ (полное наименование святителя) родился въ Кареагенѣ, знаменитомъ городѣ Африки, около 201 года. Неизвѣстно, кто именно были его родители, ибо ни онъ самъ, ни его дѣписатели не упоминаютъ о нихъ. Извѣстно только, что онъ произошелъ отъ знаменитой кареагенской фамиліи²⁾, и что родители его, обладая великими богатствами, не имѣли единаго истиннаго сокровища—вѣры во Христа.

---

¹⁾ Свѣдѣнія сіи почерпнуты а) изъ собственныхъ сочиненій св. Кипріана и особенно изъ его писемъ; б) изъ жизни Кипріана, писанной Понтіемъ Діакономъ, который неотлучно находился при немъ въ послѣдніе годы его жизни; в) изъ похвального слова св. Кипріану Григорія Назіанзина и бесѣды Августина о мученичествѣ св. Кипріана; г) изъ нѣкоторыхъ мѣстъ въ писаніяхъ Іеронима, Августина и другихъ, гдѣ они сказываютъ что-либо о св. Кипріанѣ.

²⁾ Григ. Наз., въ похвальна. словѣ св. Кипр.

Воспитаніе, полученное Кипріаномъ, соотвѣтствовало знатности происхожденія и отличнымъ его дарованіямъ. Онъ былъ обученъ всѣмъ наукамъ, которыхъ входили въ составъ тогдашняго языческаго образованія, особенно же изящнымъ ¹⁾). Въ послѣднихъ оказалъ онъ столько успѣха, что изъ слушателя краснорѣчія непосредственно сдѣлался наставникомъ онаго въ кареагенскомъ училищѣ ²⁾). Изъ обыкновенія, по коему въ древности должность публичнаго учителя краснорѣчія большею частію была соединяема съ званіемъ судебнаго оратора, и изъ слога нѣкоторыхъ писемъ Кипріановыхъ ³⁾ заключаютъ, что онъ даръ слова своего употреблялъ между прочимъ и на защищеніе невинности предъ зерцаломъ правосудія.—Съ основательнымъ значіемъ отечественнаго (латинскаго) языка Кипріанъ соединялъ обширныя свѣдѣнія въ греческомъ. Посему-то, сдѣлавшись христіаниномъ, въ сочиненіяхъ своихъ онъ нигдѣ почти не держался какого-либо латинскаго перевода св. писанія, а слѣдоваль (особенно въ книгѣ псалмовъ) собственному разумѣнію греческаго текста и, подобно Тертуліану, всегда приводилъ евангелія съ греческимъ заглавиемъ (напр. *κατὰ Matthaeum* и проч.).

Рожденный и воспитанный въ языческой религіи, Фасцій не былъ однакоже изъ числа тѣхъ язычниковъ, которые, бывъ осмыслены предразсудками рожденія и воспитанія, не усматривали ничего нелѣпаго въ язычествѣ. Онъ не могъ безъ негодованія присутствовать въ

¹⁾ Понтій въ жизни св. Кипр.

²⁾ Иерон. въ *ката. знам. мужей.*

³⁾ Письмо къ Донату.

циркѣ, гдѣ несмысленные юноши искали безразсудной славы въ сраженіи съ звѣрями, и гдѣ безумныя матери съ торжественными кликами возбуждали къ новымъ сраженіямъ дѣтей, уже истерзанныхъ лютыми животными¹). Безстыдныя представленія позорныхъ дѣйствій на театрѣ, сопровождаемыя всеобщимъ восторгомъ и одобреніемъ, также не нравились Фасцію, и производили въ немъ одно сожалѣніе о томъ, что порокъ не только остается ненаказаннымъ, но и живетъ съ похвалою въ памяти потомства²). Особенно же скрушилось сердце его при мысли о безстыдныхъ дѣяніяхъ, коими миѳология старалась украсить исторію своихъ боговъ. Чего доброго, думалъ онъ, можно ожидать отъ тѣхъ людей, кои поклоняются столь развратнымъ богамъ³)? Печальный опытъ еще болѣе укрѣплялъ его въ сей мысли! Развратъ царствовалъ во всѣхъ состояніяхъ: въ судилищахъ, чертогахъ царей, даже въ храмахъ совершамы были такія преступленія, коихъ можно было ожидать только въ вертепахъ разбойниковъ; благоразумнѣйшіе люди старались быть только сокровеннѣйшими злодѣями; нравственность, изгнанная изъ сердца, оставалась на одномъ языкѣ и вмѣстѣ съ нимъ обращалась и превращалась по прихотямъ страстей⁴). Все сіе, произведя въ Кипріанѣ отвращеніе отъ язычества, возбудило въ душѣ его спасительный гладъ истинной религіи.

¹) Письмо къ Донату.

²) Письмо къ Донату.

³) Письмо къ Донату.

⁴) Письмо къ Донату.

Духъ Кипріана находился въ самомъ мучительномъ состояніи. Онъ видѣлъ ложь и суету того, что другіе и онъ самъ почитали за истину; ощущалъ въ душѣ своей непреодолимую потребность истины, и не находилъ никакого способа удовлетворить оной. Умъ его боролся съ тысячею сомнѣй, изъ коихъ каждое превышало его силы. Сердце его изнемогало среди множества противоположныхъ желаній, изъ коихъ одни привлекали своею чистотою, другія увлекали своею грубостью ¹⁾). Кипріанъ, такъ сказать, висѣлъ между небомъ и землею. Но поелику онъ искренно алкалъ правды, искренно жаждалъ истины, то Промыслъ не умудрилъ ниспослать ему хлѣбъ небесный и воду жизни.

Кипріанъ находился въ дружеской связи съ однимъ христіанскимъ пресвитеромъ, по имени Цециліемъ. Сей другъ-христіанинъ не могъ безъ сердечнаго сокрушенія видѣть, какъ жалко блуждалъ Кипріанъ во тьмѣ невѣрія. Онъ обнаружилъ предъ нимъ недостатки языческой религіи, которые еще могли укрываться отъ него, какъ язычника, и изобразилъ духъ христіанства во всемъ его благотворномъ величіи. Святость жизни его ручалась за истину его словъ,—и Кипріанъ, которому надлежало только видѣть истину, дабы полюбить ее, рѣшился быть христіаниномъ. Другъ его, обрадованный своимъ успѣхомъ, принялъ на себя обязанность наставить его въ первоначальныхъ истинахъ христіанской вѣры. Изъ благодарности къ такому попеченію о себѣ, Кипріанъ принялъ его имя ²⁾), не отпускаль отъ себя

¹⁾ Письмо къ Донату.

²⁾ Письмо къ Флорентину.

до самой его кончины, любилъ и уважалъ, какъ отца, и по смерти его принялъ на себя попеченіе о его семействѣ¹).

Благія качества сердца Кипріанова, нашедши сродную себѣ пищу въ высокой нравственности христіанской, скоро начали раскрываться во всей силѣ. Кипріанъ рѣшился быть истиннымъ христіаниномъ. Онъ совсѣмъ не думалъ искать способа, какъ согласить пышность своего прежняго состоянія съ строгостю принимаемой имъ религіи. Ему казалось, что слова Спасителя, повелѣвшаго юношѣ продать имѣніе и раздать нищимъ, сказаны были именно ему. Посему онъ продалъ немедленно имѣніе свое, состоявшее въ домахъ, садахъ и украшеніяхъ, и полученные за оное деньги раздалъ нищимъ — будущимъ братіямъ во Христѣ. Сей дивный опытъ любви ко Христу Кипріанъ оказалъ, не получивъ еще залога вѣры — крещенія, такъ что онъ отрекся міра и похоти его прежде дѣлами, нежели долженъ былъ отречься оного предъ купелью крещенія словами²).

Вскорѣ за симъ послѣдовало крещеніе (246). Къ умноженію духовной радости Кипріана, Донатъ, искренній другъ, бывшій сотоварищемъ его въ изученіи мудрости языческой, содѣвался соучастникомъ его въ мудрости христіанской³). Дѣйствія Духа Божія при крещеніи и послѣ оного такъ были ощутительны для обоихъ, что они въ письмахъ своихъ не находили словъ къ выражению превосходства настоящаго своего состоя-

¹) Понтій въ жизни Кипр.

²) Понтій въ жизни св. Кипр.

³) Письмо къ Донату.

пія предъ состояніемъ въ язычествѣ. «Когда я», — писалъ Кипріанъ, — «быть окружень тьмою язычства и въ нерѣшимости сердечной блуждалъ умомъ своимъ, не находя ни въ чемъ успокоенія: — для меня казалось совершенно невозможнымъ оставить прежнюю грѣховную жизнь, и содѣваться истинно добродѣтельнымъ человѣкомъ. Я не могъ представить себѣ, чтобы живоносныя воды крещенія могли омывать грѣхи и возродить человѣка для новой жизни въ Богѣ. Возможно ли, размышилять я самъ съ собою, чтобы вдругъ искоренилось столько привычекъ, которыя перешли въ самую природу; чтобы законъ грѣха потерялъ силу надъ сердцемъ, которое питалось беззаконіемъ; чтобы изъ человѣка слабаго, преданнаго грѣху отъ юности, сдѣлался новый человѣкъ, любящій и дѣлающій одну правду; и чтобы всѣ сіи чудеса совершились въ той же бренной плоти, которая была источникомъ зла, иицею разврата, сѣдалищемъ діавола? Въ сихъ мысляхъ, я считалъ излишнимъ всякое покушеніе противъ грѣха, во мнѣ живущаго; пенавидѣль его и мирился съ нимъ, какъ съ непобѣдимымъ противникомъ; желалъ быть добродѣтельнымъ и полагалъ навсегда оставаться въ области грѣха... Но когда свѣтъ благодати проникъ мракъ, окружавшій мою душу, и я ощущилъ въ сердцѣ своеемъ присутствіе божественной силы: всѣ сомнѣнія исчезли, благія намѣренія укрѣпились, святые надежды ожили, невозможное сдѣлалось возможнымъ, и духъ мой, окриленный вѣрою, подобно орлу воспарилъ надъ бездною собственного растленія. Ты знаешь сіе, любезный другъ, такъ же хорошо, какъ и я, мы оба удостоены незаслуженной милости Божіей. А посему намъ должно

теперь упражнять по возможности силы, сообщенные намъ свыше, дабы благоразумнымъ и вѣрнымъ употребленіемъ ихъ содѣлаться достойными новыхъ даровъ божественныхъ: Богъ нашъ неистощимъ въ своихъ щедротахъ» ¹⁾.

Достойно замѣчанія, что первое по обращеніи письмо къ Донату написано самымъ красивымъ слогомъ и исполнено всею роскошью языческаго витѣйства ²⁾, между тѣмъ какъ всѣ прочія письма и сочиненія Кипріана писаны, хотя сильнымъ и трогательнымъ, но простымъ и безыскусственнымъ слогомъ. По замѣчанію Августина ³⁾, сіе сдѣлано было Кипріаномъ не безъ намѣренія: ему хотѣлось, чтобы послѣдующіе роды, зная, какъ писалъ Кипріанъ до христіанства и какъ писалъ, сдѣлавшись христіаниномъ, могли тѣмъ удобнѣе судить о благотворномъ дѣйствіи христіанскаго ученія, которое преобразовало на лучшее не только сердце, но и самій языкъ Кипріана.

Возбуждая друга своего къ дѣятельной жизни въ духѣ христіанства, Кипріанъ самого себя непрестанно упражнялъ въ подвигахъ добродѣтели. Не было ни одного доброго дѣла, къ совершенію котораго онъ не почиталъ себя обязаннымъ. Понимая всю высоту духовнаго совершенства, котораго Иисусъ Христосъ требуетъ отъ своихъ послѣдователей, и зная, что высота сія не иначе можетъ быть достигнута, какъ по совершенномъ обузданіи матежной плоти, онъ наложилъ на сего до-

¹⁾ Письмо къ Донату о благодати.

²⁾ Руфінь въ предувѣдом. къ бесѣд. Ориг. на книгу Числь.

³⁾ Август. о учен. христ. книг. 4, гл. 14.

машняго врага крѣпкія узы воздержанія и самоумерщ-
вленія ¹). Язычникамъ, знаяшимъ прежній образъ жизни
Кипріана, казалось, что онъ сдѣлался безплотнымъ.
Для него осталась одна роскошь—любви къ ближнимъ.
Въ семъ случаѣ онъ, подобно Моисею и Павлу, не
любилъ наблюдать мѣры. Вообще, поведеніе новообра-
щеннаго Кипріана было таково, что ему могли подра-
жать многіе даже изъ тѣхъ, кои всю жизнь провели въ
христіанствѣ ²).

Около сего времени, по всей вѣроятности, написана
Кипріаномъ книга «о суетѣ идоловъ». Сie видно какъ
изъ того, что Понтій, говоря о сочиненіяхъ Кипріана,
написанныхъ имъ во время уединенія, не упоминаетъ
о сей книгѣ, такъ и изъ того, что новообращеннымъ
прежде всего старались внушить ничтожность идоловъ ³),
а если они были изъ числа ученыхъ, то заставляли ихъ
писать о семъ предметѣ въ видѣ защищенія противъ
язычниковъ. Самый составъ книги указываетъ на сie
время; въ немъ певидно ничего такого, о чёмъ Кипріанъ
не преминулъ бы упомянуть, если бы писалъ онуу,
будучи пресвитеромъ или епископомъ. Всего приличнѣе
было начать Кипріану поприще христіанскаго писателя
опроверженіемъ идоловъ, коихъ онъ, по свидѣтельству
Іеронима ⁴), защищалъ, будучи язычникомъ.

Всеобщее удивленіе, возбуждаемое добродѣтелями
Кипріана, недолго оставалось безъ плода. Несмотря

¹) Понтій въ жизни Кипр.

²) Тамъ же.

³) Оригенъ, противъ Цельса.

⁴) Катал. знам. мужей.

на то, что онъ былъ между самыми новообращенными новообращенный, его, по общему согласію, причислили къ сословію клира, а вскорѣ сдѣлали и пресвитеромъ ¹⁾). Всѣ видѣли, пишетъ Понтій, что успѣхи Кипріана въ духовной жизни не подчинены обыкновенному порядку времени; а посему никто не почиталъ нужнымъ подчинять его принятому порядку церковныхъ степеней. Гласъ народа въ семъ случаѣ былъ только отголоскомъ гласа Божія.

Съ распространеніемъ круга обязанностей, распространялась и ревность Кипріана. Домъ его отверстъ былъ для всякаго: гладныи находилъ въ немъ пищу, нагай — одежду, угнетаемый — защиту, кающійся — утѣшеніе, слабый совѣстю — здравый совѣтъ ²⁾). Никто не возвращался изъ него недовольнымъ, развѣ токмо собственнымъ недостоинствомъ.

Междудѣмъ, преимущественнымъ занятіемъ Кипріана было проповѣданіе божественного слова. Зная, что примѣры гораздо сильнѣе дѣйствуютъ на сердце, онъ старался не столько указывать, какъ должно поступать, сколько показывать, какъ поступали святые Божіи человѣки. Въ изображеніи каждого изъ нихъ онъ наблюдалъ нѣкоторое святое искусство ³⁾). Проходя жизнь какого либо святого мужа, онъ останавливалъ вниманіе своихъ слушателей на тѣхъ качествахъ его сердца и на тѣхъ подвигахъ его, коими онъ заслужилъ особенное благоволеніе Божіе, дабы, возводя слушателей къ самому

¹⁾ Понтій, въ жизни Кипр.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Тамъ-же.

источнику духовнаго величія прославляемаго праведника, открыть имъ тѣмъ удобнѣйшій способъ подражать его добродѣтелямъ. Слушатели Кипріана съ радостію примѣчали во многихъ поступкахъ его близкое и вѣрное подражаніе нѣкоторымъ знаменитымъ дѣяніямъ св. мужей ¹⁾.

Вскорѣ послѣдовавшая смерть карѳагенскаго епископа подала народу случай снова изъявить глубокое уваженіе, которое всѣ имѣли къ пастырскимъ добродѣтелямъ Кипріана. Онъ по времени принадлежалъ еще къ числу новообращенныхъ; несмотря на сіе, всѣ желали имѣть его епископомъ. Не столько бы тяжела была вѣсть о гоненіи для малодушія слабыхъ, сколько тяжело было извѣстіе о семъ для Кипріана. Никто болѣе его не сознавалъ достоинства другихъ, и никто менѣе его не чувствовалъ собственныхъ совершенствъ. Онъ рѣшительно отказался отъ епископскаго престола. Но народъ, наученный его же примѣромъ не ослабѣвать въ совершеніи похвальныхъ предпріятій, не отсталъ отъ своего намѣренія. Произошло странное зрѣлище! Одни собирались во множествѣ предъ домомъ будущаго святителя, другіе заняли всѣ входы и исходы онаго; прочие, оставшись во храмѣ, молились, какъ бы ожидая отъ него приговора надъ собою ²⁾). Кипріанъ, такъ сказать, осажденный усердіемъ будущей паствы, внялъ въ ея гласѣ гласу Божію, и мѣсто унынія заступили всеобщая радость и торжество.

Побѣжденный любовію своей паствы, св. Кипріанъ

¹⁾ Понтій, въ жизни св. Кипр.

²⁾ Понтій, въ жизни св. Кипр.

нашель способъ сдѣлаться въ свою чреду побѣдителемъ. Нѣкоторымъ не нравилось видѣть епископа изъ новообращенныхъ. Кипріанъ не только не показывалъ имъ никакого нерасположенія, но и удостоилъ ихъ особенной близости къ себѣ, довѣрія и дружества, какъ бы они были первѣшими изъ его доброжелателей. Зависть сихъ людей, противостоя всемъ прочимъ добродѣтелямъ Кипріана, не могла устоять противъ любви ко врагамъ, въ такомъ избыткѣ украшавшей сего святителя: они смирились и содѣлали искренними почитателями его добродѣтелей ¹⁾.

Когда Кипріанъ принялъ жезль пастырскій, Церковь наслаждалась миромъ. Миръ сей сдѣлался вреднымъ для нея по слабости ея членовъ. Благочиніе начало ослабѣвать во многихъ: святые обѣты исполняемы были только по наружности ²⁾. Особенно замѣтно было сіе въ дѣвахъ, посвятившихъ себя безбрачному состоянію. Сей, по выраженію Кипріана, цвѣтъ Церкви, вмѣсто благоуханія Христова, издавалъ воню мірскихъ ароматовъ. Кипріанъ мужественно ополчился противу сего злоупотребленія, и написалъ книгу «о благочинії и обѣ одеждѣ дѣвственницъ». Восхваливши въ началѣ ея добродѣтель дѣвства, и доказавъ превосходство его предъ супружествомъ изъ многихъ мѣстъ св. писанія, онъ со всею основательностію опытнаго наставника изъяснялъ, что добродѣтель сія не состоить въ одномъ сохраненіи чистоты тѣлесной, но въ цѣломудріи души, непричастной плотскимъ помысламъ. Отсюда заключалъ, что

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Письмо 55 и книга о благочинії.

дѣвамъ посвятившимъ себя Христу, не только неприлично искать соблазнительныхъ связей, но и присутствовать въ тѣхъ мѣстахъ и между тѣми лицами, которые могутъ быть опасны для невинности. Отрекшись отъ міра, онъ не должны привлекать на себя взоры міролюбцевъ пышными украшеними, но, уготовляя себя въ невѣсты Христу, должны заботиться объ одномъ украшениіи души благими дѣлами. Богатство не даетъ имъ никакого права на роскошь; ибо всегда и вездѣ есть много бѣдныхъ людей, которые имѣютъ полное право на ихъ вспоможеніе. Мнимое внутреннее безстрастіе не оправдываетъ ихъ виѣшняго великолѣпія: ибо трудно повѣрить, чтобы тотъ сохранить могъ цѣлымъ сердце, кто не имѣть столько твердости, чтобы отказаться отъ красоты тѣлесной. Въ заключеніи св. Кипріанъ умолялъ дѣвственницъ памятовать о важности своего обѣта и не забывать о немъ въ молитвахъ, если какая-либо изъ нихъ, разрѣшившись отъ узъ тѣла, предстанетъ небесному Жениху ¹).

Сему же времени (250) и сему же попеченію о благочиніи обязано появленіемъ своимъ посланіе Кипріана къ Евстратію о нѣкоторомъ актерѣ, который, по обращеніи въ христіанство, хотя оставилъ театръ, но занимался въ домѣ обученіемъ актеровъ, также къ Рогаціану о безчинномъ діаконѣ, дерзнувшемъ поносить своего пресвитера, и къ Помпонію о дѣвственницахъ, позволявшихъ себѣ опасную и соблазнительную близость къ мужскому полу. Кипріанъ ни слова не говоритъ въ нихъ о гоненіяхъ; но еслибы они писаны были въ по-

¹) Книга объ одѣждѣ дѣвственницъ.

следующее время, то опасность со стороны гонителей послужила бы для него новымъ источникомъ убѣжденийъ къ нарушителямъ церковныхъ правилъ.

Среди сихъ попечений о благоустройствѣ Церкви возгорѣлось гоненіе на христіанъ: однихъ заточали, другихъ повергали въ темницы; иныхъ подвергали осмѣянію и лишенію имущества. Кипріанъ осужденъ былъ на послѣднее ¹⁾). Но мятежная чернь изъ ненависти къ толь знаменитому епископу непрестанно требовала его на сраженіе его со львами ²⁾). Кипріанъ не страшился муки; уже онъ оказалъ опытъ своей непоколебимости въ циркѣ ³⁾). Но вдругъ, подобно апостолу, увидѣлъ, что если для него лучше разрѣшиться и быть со Христомъ, то для паства его полезнѣе, чтобы онъ оставался въ тѣлѣ. Онъ еще могъ сомнѣваться, дѣйствительно ли откладываніе (умереть мученикомъ онъ почиталъ необходимою принадлежностю своего епископства) мученичества происходило не изъ естественнаго страха смерти, а изъ любви къ ближнимъ. Но откровеніе, повелѣвшее ему удалиться, прекратило его благочестивую нерѣшимость ⁴⁾). Послѣ сего самый вѣнецъ мученическій былъ бы только признакомъ гордости и непослушанія, и Кипріанъ, препоручивъ управление Церковю четыремъ испытаннымъ въ вѣрѣ и добродѣтели мужамъ (Бридію, Нумидину и Тертилу пресвитерамъ, изъ коихъ послѣдній послѣ былъ епи-

1) Письмо къ Шушану 69.

2) Письмо 15 къ римск. клиру.

3) Письмо 55. Въ чёмъ именно состоялъ сей опытъ, неизвѣстно.

4) Письмо 10 къ карааген. клиру.

скопомъ, и Рогаціану старцу, послѣ мученику) удалился съ діакономъ Викторомъ въ нѣкоторое сокровенное мѣсто ¹⁾).

Первые извѣстія, полученные Кипріаномъ въ своеемъ убѣжищѣ, были весьма радостны. Нѣкоторые изъ пастыри украсились уже вѣнцемъ мученическимъ; другие, заключенные въ темницахъ, съ радостію готовились пролить кровь свою за Христа. Отъ полноты пастырской радости, онъ писалъ къ послѣднимъ въ темницу, благодариль ихъ за постоянство въ вѣрѣ, изъявляль желаніе насладиться ихъ лицезрѣніемъ, укрепляль ихъ надежду и ублажаль ихъ участъ ²⁾). Въ тоже время писалъ къ кареагенскому клиру, повелѣвал ему пещись о сохраненіи въ народѣ благочинія среди смутностей гоненія, доставлять все нужное лишеннымъ за Христа имущество и заключеннымъ въ темницу, возвращавъ послѣдній долгъ тѣламъ мучениковъ, и замѣчать день ихъ исхода для будущаго празднованія онаго, воздерживать народъ отъ многочисленныхъ собраній предъ темницами, дабы язычники, по своей злобѣ, не нашли въ нихъ чего-либо опаснаго для общественаго благоденствія ³⁾). Вслѣдъ за симъ, Кипріанъ снова писалъ къ своему клиру, препоручая его попеченію всѣхъ страдавшихъ отъ гоненія ⁴⁾). Поелику общественное имущество, находившееся въ распоряженіи клира, могло быть недостаточнымъ для удовлетворенія нуж-

¹⁾ Письмо 6 къ нему же.

²⁾ Письмо къ каре. исповѣдникамъ.

³⁾ Письмо 5 и 12 къ каре. клиру.

⁴⁾ Письмо 7 къ нему же.

дамъ великаго числа бѣдныхъ, то онъ повелѣвалъ присоединить къ оному остатки собственаго своего имѣнія.

Но вскорѣ радость Киприана возмущена была печальною. Многіе, устрашась муки, отвергались Христа и приносили жертвы идоламъ; другіе, не отваживаась на сюю крайность, покупали у корыстолюбивыхъ градоправителей рукописанія свободы ¹⁾). Зло сіе само по себѣ немаловажное, было предвѣстіемъ еще большихъ бѣдствій. Когда, съ удаленіемъ изъ Карѳагена проконсула, гоненіе ослабѣло, то многіе изъ тѣхъ, кои изгнаны были за Христа изъ отечества, пользуясь симъ случаемъ, самовольно возвращались въ свои дома, подвергая симъ и себя и всѣхъ христіанъ нареканію въ неповиновеніи императорскимъ законамъ. Киприанъ немедленно обличилъ виновныхъ строгимъ посланіемъ ²⁾). Къ большему огорченію его, нѣкоторые исповѣдники, освободившись изъ темницъ, поступали ледостойно имени Христа, ими исповѣданнаго. Киприанъ писалъ и къ нимъ, напоминаяль, откуда они низпали, изображалъ опасное состояніе тѣхъ, кои, подобно имъ, отвергаются познанной уже истины, представляя пагубныя слѣдствія ихъ пороковъ для Церкви, которая взираетъ на нихъ, какъ на примѣръ, и въ заключеніе собственными ранами ихъ, претерпѣнными за Христа, умоляль ходить достойно высокаго своего званія ³⁾.

Къ довершенію сихъ непріятностей открылся новый

¹⁾ Письмо 15 къ римскому клиру.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Письмо 18 къ Рогад. и исповѣд.

источникъ огорченій, который, при всемъ терпѣніи и дѣятельности Кипріана, не могъ быть исчерпанъ имъ до самаго конца его жизни. Это — споры о падшихъ, возмутившіе впослѣдствіи всѣ Церкви христіанскія. Винуо онъхъ были частію сами падшіе, частію нѣкоторые исповѣдники. Первые, желая примириться съ Церковію, не хотѣли подвергать себя строгости покаянія, предписываемаго древними церковными правилами, и надѣясь замѣнить недостатокъ онаго ходатайствомъ исповѣдниковъ, употребляли всѣ способы для испрошеннія у нихъ разрѣшительныхъ граматъ. Послѣдніе, частію отъ излишняго снисхожденія къ слабости своихъ братій, частію не предвидя пагубныхъ слѣдствій своей неосмотрительности, давали разрѣшеннія бѣзъ должнаго вниманія къ свойству и преступленіямъ разрѣшаемыхъ. Разрѣшенные съ наглостію требовали мира отъ пресвитеровъ; сіи, вмѣсто того чтобы единодушно защищать строгость древнихъ постановленій о падшихъ, сами раздѣлялись во мнѣніяхъ. Дѣла Церкви приведены были спмъ въ великое замѣшательство. Ненаказанность преступленія явно клонилась къ ослабленію правилъ Церкви и самой вѣры. Съ другой стороны, часть исповѣдниковъ требовала, чтобы данные ими свидѣтельства имѣли какую либо силу ¹⁾). Надлежало дѣйствовать со всѣмъ христіанскимъ благоразуміемъ, дабы, врачуя сіе зло, не причинить большаго бѣдствія Церкви.

Кипріанъ такъ и дѣйствовалъ. Обличивъ исповѣдниковъ за неосмотрительность въ такомъ дѣлѣ, гдѣ

---

¹⁾ Письмо 15 къ исповѣд.

разрѣшаемое на земли разрѣшается на небесахъ ¹⁾), а пресвитеровъ за отступленіе отъ древнихъ постановленій Церкви, онъ сначала предписалъ было, несмотря на разрѣшительныя граматы исповѣдниковъ, отлучить всѣхъ падшихъ отъ сообщенія съ вѣрными, до будущаго мира Церкви, во время коего намѣревался соборомъ разсмотрѣть ихъ дѣло ²⁾). Но послѣ, услышавъ, что римская Церковь смягчила судъ свой касательно падшихъ христіанъ, и разсуждая о злоказчественности наступающей поры года (лѣта) ³⁾), въ продолженіе которой многіе изъ падшихъ могли умереть, не примирившись съ Церковью, смягчилъ и самъ свое опредѣленіе. Въ новомъ посланіи къ своему клиру ⁴⁾), онъ позволилъ изъ уваженія къ ходатайству исповѣдниковъ, принимать въ сообщеніе съ Церковью тѣхъ изъ падшихъ, кои подвергаются какой-либо опасности жизни. Прочихъ же, не допуская до сообщенія, препоручалъ попечительности и совѣтамъ клира. Простирая свое попеченіе и на оглашенныхъ, обѣщалъ и имъ милосердіе Божіе, хотя бы они, по какому-либо случаю, отошли изъ сей жизни до крещенія.

Междудѣмъ, до Кипріана достигла вѣсть, что удаленіе его отъ паства соблазняетъ многихъ. Соблазнъ сей, повергши нѣкоторыхъ слабыхъ членовъ Церкви кареагенской, особенно подействовалъ на Церкви итальян-

¹⁾ Письмо 20 къ римскому клиру.

²⁾ Письмо 17 къ клиру.

³⁾ Въ сіе время года въ Кареагенѣ обыкновенно свирѣпствовали мѣстныя болѣзни.

⁴⁾ Письмо къ клиру.

скія. Римскій клиръ отправилъ по сему случаю два посланія — одно къ кареагенскому клиру увѣщательное, другое къ самому Кипріану очистительное ¹⁾.

Кипріаиъ, для котораго всегдашимъ закономъ было не только соблюдать совѣсть свою чистою предъ Богомъ, но и подобно апостолу, представлять себя совѣсти всякаго человѣка (2 Кор. 4, 2), не могъ оставаться въ молчаніи, и хотя для него весьма тяжело было говорить о своихъ трудахъ и благихъ намѣреніяхъ, рѣшился сіе сдѣлать для уврачеванія зла, коего онъ безъ вины содѣлался виною. «Поелику, любезные братія», писалъ онъ по сему случаю къ римскимъ пресвитерамъ, «поступокъ мой преданъ вамъ совѣтъмъ въ превратномъ видѣ, то я почелъ нужнымъ дать вамъ письменный отчетъ въ моемъ поведеніи. Когда мятежная чернь не-престанно требовала меня на сраженіе со львами, я, помня слова Спасителя ²⁾), удалился, имѣя въ виду не собственную безопасность, а благоденствіе моей паства, дабы неблаговременнымъ присутствіемъ своимъ не ожесточить враговъ, и безъ того весьма жестокихъ. Но отсутствующа тѣломъ, я не отсутствовалъ духомъ, совѣтами, попеченіемъ... не былъ оставляемъ мною ни клиръ безъ совѣта, ни исповѣдники безъ увѣщанія, ни нарушители церковныхъ правилъ безъ обличенія, ни народъ безъ побужденія къ тишинѣ и молитвамъ». Вмѣстѣ съ симъ посланіемъ Кипріанъ отправилъ къ римскому клиру тринадцать посланій, писанныхъ имъ

¹⁾ Письмо римск. клир. къ кареаген. клиру.

²⁾ Безъ сомнѣнія слѣдующія: «когда будутъ гнать васъ въ одномъ городѣ, бѣгите въ другой». Мате. 10, 23.

изъ своего уединенія, частію ко всей Церкви, частію къ особеннымъ лицамъ, для того, какъ писалъ онъ, дабы римская Церковь могла видѣть изъ нихъ, что онъ въ уединеніи не преставалъ, по долгу епископа, пещись о своей Церкви. Подобнымъ образомъ писалъ онъ и къ Церкви карфагенской, хотя прямо не извѣнять предъ нею своего удаленія отъ ней: ибо въ Карфагенѣ всѣ благомыслящіе и безъ того были увѣрены, что епископъ ихъ сокрылся не изъ страха смерти, а изъ любви къ ихъ благу. Такимъ образомъ соблазнъ, произведенный удаленіемъ Кипріана отъ своей паствы, потерялъ всю свою силу для вѣрныхъ.

Напротивъ, расколъ о падшихъ непрестанно усиливался. Одинъ изъ исповѣдниковъ, по имени Луціанъ, дошелъ до такой дерзости, что именемъ прочихъ исповѣдниковъ писалъ къ Кипріану, повелѣвая ему разрѣшить всѣхъ падшихъ въ его Церкви и дать знать прочимъ епископамъ, чтобы они поступили такимъ же образомъ. Кипріанъ извѣстилъ свой клиръ о нагломъ требованіи Луціана, отправилъ къ нему письмо сего послѣдняго; впрочемъ приказалъ держаться неуклонно прежнихъ правилъ ¹⁾). Для подкрѣпленія своей стороны, которая угрожаема была нападеніемъ множества враговъ, Кипріанъ писалъ о семъ и къ римскому клиру, укрѣпляя между прочимъ въ вѣрѣ исповѣдниковъ его, которые лишены были пастырскаго наставленія, ибо въ Римѣ не было тогда епископа ²⁾). Къ удивленію Кипріана, римскій клиръ весьма долго медлилъ отвѣтомъ, но

¹⁾ Письмо 27 къ каре. клиру.

²⁾ Письмо 28 къ римскому клиру.

причиною сей медленности было не сомнѣніе въ истинѣ ученія Кипріанова о падшихъ, а желаніе придать сему ученію болѣе силы. Въ продолженіе почти цѣлаго года при всѣхъ опасностяхъ со стороны гонителей, дѣлаемы были по сему предмету совѣщанія между всѣми западными епископами, и когда общимъ мнѣніемъ положено утвердить постановленіе Кипріана о падшихъ, отправлено къ нему извѣстительное и вмѣстѣ благодарственное письмо ¹⁾). Кипріанъ препроводилъ оное къ своей Церкви, дабы вѣрующіе утѣшились имъ, какъ знакомъ единодушія съ ними всего запада. Немного спустя, онъ посвѣщенъ былъ въ уединеніи Целериномъ, знаменитымъ исповѣдникомъ римскимъ.

Предъ праздникомъ Рождества Христова (250) гоненіе на христіанъ караагенскихъ прекратилось. Окрестные епископы, обрадованные миромъ, дарованнымъ караагенской Церкви (въ римской гоненіе еще свирѣпствовало), собрались къ Кипріану. Время было самое удобное къ посвященію священнослужителей, и Кипріанъ не замедлилъ воспользоваться присутствіемъ епископовъ для сего святого дѣла. Въ сіе время посвящены имъ были въ чтецовъ между прочими два знаменитые исповѣдника, Аврелій и Целеринъ ²⁾). Послѣдній дотолѣ не соглашался на принятіе посвященія, доколѣ не получилъ во снѣ повелѣнія повиноваться волѣ епископа. Въ тоже время Кипріанъ по откровенію причислилъ къ сословію караагенскихъ пресвитеровъ нѣкого пресвитера Нумпдина, который въ предшествующее

¹⁾ Письмо 30 къ римскому клиру.

²⁾ Письмо 39 къ римскому клиру.

гоненіе отличилъ возбужденіемъ въ мученикахъ святаго мужества за вѣру. О всѣхъ сихъ новопосвященныхъ Кипріанъ писалъ къ своему клиру, одобряя предъ нимъ ихъ похвальный качества, особенно же хвалилъ послѣдняго и выставлялъ его, какъ человѣка, достойнаго высшихъ степеней церковныхъ¹).

Когда Кипріанъ подвизался такимъ образомъ для созиданія Церкви, враги его не переставали трудиться для ея*разоренія. Новатъ, караагенскій пресвитеръ, который за различныя безчинства подвергался изверженію изъ сего сана, но удержалъ онъ за смутностію времени, безъ воли св. Кипріана сдѣлалъ своимъ діакономъ Фелициссима²). Очевидно было, къ чему клонится сей поступокъ, ибо Фелициссимъ былъ одинъ изъ непримиримыхъ враговъ Кипріана. Сдѣлавшись діакономъ Новата, онъ тотчасъ обнаружилъ всю злобу своего сердца, отторгнуль отъ св. Кипріана значительную часть народа, отдѣлился отъ Церкви и избралъ съ своими сообщниками для молитвенныхъ собраній нѣкоторую гору. Поелику онъ принималъ всѣхъ, то падшіе стекались къ нему со всѣхъ сторонъ толпами.

Напрасно Калдоній и Геркуланъ епископы и Нуридінъ пресвитеръ, коимъ Кипріанъ препоручилъ вмѣсто себя управлѣніе караагенскою Церковію, старались обратить Фелициссима на путь истины. Онъ со всѣми

¹) Письмо 40 къ карааг. клиру.

²) Письмо 15 къ Кориел. Изъ сего нѣкоторые заключали, что Новатъ былъ епископъ; но св. Кипріанъ въ посланіи своемъ не говорить, чтобы онъ посвятилъ Фелициссима; онъ только, по обыкновенію тогдашихъ пресвитеровъ имѣть при себѣ многихъ діаконовъ, причислилъ его къ своему клиру.

сообщниками своими торжественное объявили, что на горные христіане (такъ назывались его послѣдователи) не хотятъ имѣть никакого сношенія съ тѣми, кои по винути Кипріану. Намѣстники Кипріановы немедленно извѣстили о семъ Кипріана, жаловались на возмутителей между прочимъ за то, что они препятствуютъ имъ вникать въ поведеніе братій (что повелѣно было имъ сдѣлать для того, дабы представить Кипріану списокъ людей, достойныхъ возведенія на праздныя степени въ Церкви) и просили рѣшительного суда на Фелициссима ¹). Кипріанъ повелѣлъ отсѣчь сей гнилый членъ отъ Церкви, и тоже совѣтовалъ сдѣлать съ Авгендомъ діакономъ, который, подражая Фелициссиму, замышлялъ возмущеніе ²). Повелѣніе сіе немедленно было исполнено ³).

Всѣ обстоятельства клонились къ тому, чтобы св. Кипріану возвратиться на свой престолъ. Онъ самъ нетерпѣливо желалъ сего. Но вдругъ пришло къ нему извѣстіе, что пять кареагенскихъ пресвитеровъ, древнихъ недоброжелателей его, перешли на сторону Фелициссима. Сіи беспокойные люди, несоглашавшіеся на избраніе Кипріана въ епископа, постоянно питали тайную ненависть къ нему; они-то возбуждали исповѣдниковъ давать всѣмъ падишамъ разрѣшительные граматы, вопреки желанію епископа, а разрѣшаемыхъ, противъ его же опредѣленій, требовать мира. Въ возмущеніи Фелициссима, ихъ приснаго сообщника въ не-

¹) Письмо 41 къ своимъ намѣстникамъ.

²) Тамъ же

³) Письмо 42.

нависти къ Кипріану, они нашли благопріятный случай объявить себя противъ него. Примѣру ихъ послѣдовали многіе изъ клира и народа.

Сіе новое гоненіе (такъ называлъ его Кипріанъ) удержало его въ уединеніи еще на нѣсколько мѣсяціевъ, несмотря на то, что онъ обѣщалъ своей паству возвратиться къ ней съ наступающимъ праздникомъ пасхи ¹). Онъ ожидалъ прибытія въ Кареагенъ окружныхъ епископовъ, которые ежегодно имѣли обыкновеніе собираться у главнаго епископа послѣ сего праздника ²). Когда сіе ожиданіе исполнилось, то Кипріанъ прибылъ въ Кареагенъ, пробывъ въ уединеніи около двухъ лѣтъ. Изъ собравшихся епископовъ немедленно составленъ соборъ (251). Главнымъ предметомъ совѣщанія былъ вопросъ о падшихъ. Еще не успѣли сдѣлать никакого рѣшительного опредѣленія, какъ получено изъ Рима извѣстіе о распѣ, пропущенной по случаю избранія епископа.

Положеніе дѣль въ Римѣ было таково. Большая часть римского клира и народа избрали епископомъ пресвитера Корнелія, мужа извѣстнаго всѣмъ своими добродѣтелями и твердостію въ вѣрѣ во время гоненій. Но коварный Новатъ, который, не надѣясь большихъ успѣховъ отъ возмущенія противъ Кипріана, удалился изъ Кареагена въ Римъ, предвидя въ Корнеліи будущаго сообщника Кипріанова, рѣшился воспротивиться его избранію. Соединившись съ Новаціаномъ, римскімъ пресвитеромъ (который обратился къ хри-

¹) Письмо 43 къ народу.

²) Письмо 56 къ Фортунату и друг. епископ.

стіанству изъ стоиковъ и питалъ въ себѣ многія заблужденія), онъ суровою наружностію своею и мнимою святостію жизни привлекъ на свою сторону часть клира и даже исповѣдниковъ, и при ихъ содѣйствіи поставилъ Новаціана римскимъ епископомъ. Кромѣ несогласія въ избраніи епископа, скопище Новата отличалось еще тѣмъ, что вопреки опредѣленіямъ карѳагенской и римской Церкви, падшихъ христіанъ почитало совершенно потерянными для Церкви и отнимало у нихъ всю надежду на примиреніе съ Богомъ. Расколъ сей, обнимая собою всѣ Церкви африканскія и европейскія, угрожалъ величайшими бѣдствіями для всего христіанства, еще неуспокоеннаго отъ гоненія.

Тогда-то, какъ замѣчаетъ Понтій¹⁾, явно открылась высокая цѣль, для которой св. Кипріанъ сохранился рукою Провидѣнія отъ прошедшаго гоненія. Никто не былъ способнѣе его къ примиренію враждующихъ между собою сторонъ. Кромѣ того, что отличительною чертою характера его была умѣренность и способность дѣйствовать приспособительно къ обстоятельствамъ Церкви, — два качества, особенно важныя въ предстоятель тогдашняго христіанства,—онъ обладалъ въ избыткѣ рѣдкою способностию щадить и любить преступниковъ тогда, когда со всею строгостію поражаются преступленія, ими сдѣланныя. Притомъ его мудрость и добродѣтели столько уважаемы были, какъ въ Африкѣ, такъ и въ Европѣ, что всѣ любители истины и порядка признавали въ немъ достойнаго примирителя перво престольныхъ Церквей. — Новатъ,

¹⁾ Въ жизни св. Кипріана.

предвидя, что соборъ кареагенскій будетъ имѣть сильное вліяніе на дѣла римской Церкви, поспѣшно отправилъ на него своихъ посланниковъ съ извѣщеніемъ о избраніи Новаціана въ римскаго епископа и съ цѣлымъ свиткомъ клеветъ на Корнелія, якобы незаконно избраннаго. Корнелій также писалъ къ собору, извѣщаю о своемъ избраніи и о расколѣ Новаціана. Кипріанъ, зная изъ многихъ опытовъ нечистоту души Новата и сообщника его Новаціана, запретилъ посланникамъ ихъ обнародовать, по ихъ требованію, клеветы на Корнелія. Впрочемъ, не имѣя подробныхъ свѣдѣній о законности избранія Корнелія, положилъ не признавать его за епископа дотолѣ, доколѣ не возвратятся посланные въ Римъ по сему случаю пресвитеры. Когда по возвращеніи ихъ узнано было, что Корнелій законно возведенъ на епископскій престолъ, Кипріанъ, подтвердивъ соборнымъ опредѣленіемъ его избраніе, извѣстилъ о семъ окружнымъ письмомъ всѣхъ африканскихъ епископовъ. Послѣ сего писалъ и къ Корнелію, поздравляя его со вступленіемъ на епископскій престолъ, извиняясь предъ нимъ въ своей медленности въ признаніи его епископомъ, и извѣщаю его о положеніи дѣла ка-
сательно падшихъ и о будущихъ своихъ намѣреніяхъ по сему предмету ¹). Посламъ Новата, которые снова домогались быть выслушанными всенародно, отказано еще рѣшительнѣе прежняго, такъ что они весь успѣхъ своего посольства принуждены были ограничить соблазномъ нѣкоторыхъ частныхъ домовъ въ Кареагенѣ ²).

¹) Письмо 44 къ Корнел.

²) Тамъ же.

Успокоившись нѣсколько въ разсужденіи бѣдствія, постигшаго римскую Церковь, Кипріанъ съ соборомъ паки обратился къ своему предмету. Послѣ многихъ совѣщаній, разсужденій и углубленія въ многія мѣста св. писанія, положено единодушно, чтобы падшіе не были лишаемы совершенно надежды на примиреніе съ Церковію, какъ того требовалъ Новатъ, впрочемъ, и не были допускаемы къ сообщенію съ вѣрными, безъ строгаго предварительнаго покаянія, на что настаивалъ Фелициссимъ. Послѣдній съ пятью пресвитерами, его сообщниками, отлученъ отъ Церкви ¹⁾). Списокъ съ соборнаго опредѣленія немедленно отправленъ былъ къ Корнелію, который, подтвердивъ соборомъ мнѣніе карѳагенской Церкви, соборомъ же отлучилъ отъ своей Церкви Новаціана съ его сообщниками, о чёмъ вскорѣ извѣстилъ и Кипріана ²⁾.

Кипріанъ, обрадованный умирениемъ столь знаменитой Церкви, какова римская, не могъ равнодушно перенести, чтобы жертвою прошедшаго раздора остались лучшіе изъ ея членовъ — исповѣдники, соблазненные Новатомъ. Онъ написалъ къ нимъ увѣщательное посланіе. Чтеніе сего посланія и книги о единствѣ Церкви, написанной имъ по случаю сего же раскола, столь сильно подействовало на нихъ, что они, отложивъ всякое предубѣжденіе къ себѣ, явились предъ собравшимися въ Римъ епископами со всѣмъ смиреніемъ кающихся, признали свое заблужденіе, просили разрѣше-

¹⁾ Письмо къ Антонину.

²⁾ Тамъ же.

нія и забвенія ихъ проступковъ ¹⁾). Получивъ отъ Корнелія извѣстіе о таковомъ обращеніи исповѣдниковъ, Кипріанъ написалъ къ нимъ благодарственное письмо ²⁾).

Новатъ, пристыженный неудачею своего возмущенія въ Римѣ, какъ прежде въ Кароагенѣ, подобно разрушительной бурѣ, снова перенесся съ сообщниками своими въ Африку. Корнелій, зная по опыту всю опасность со стороны его беззаконнаго скопища, предварительно извѣстилъ о семъ африканскую Церковь, описывая подробно развратныя качества будущихъ ея гостей ³⁾). Но Церковь сія, опираясь на своего епископа, какъ на неподвижную скалу, не имѣла почти нужды въ таковомъ предостереженіи. Еще менѣе нуждался въ немъ Кипріанъ, который болѣе всѣхъ римскихъ христіанъ зналъ силу яда, сокрывающагося въ сердцѣ Новата. Предшествующими соборами, посланіями, а болѣе всего святостію своей жизни и молитвами, онъ такъ оградилъ всѣхъ вѣрующихъ, что всѣ стрѣлы сего отступника и его сообщниковъ падали на землю, или обращались на нихъ самихъ. Только личные враги Кипріановы бѣготворили сего ересеначальника, всѣ прочіе бѣжали отъ него, какъ отъ язвы.

Впрочемъ, ядъ Новата оказалъ было нѣкоторое дѣйствіе, и притомъ надъ такимъ членомъ, который былъ ближе прочихъ къ самой главѣ африканской Церкви. Антонинъ, епископъ нумидійскій, за святость жизни уважаемый всѣми, а еще болѣе Кипріаномъ,

¹⁾ Письмо 49 Корнел. къ Кипріану.

²⁾ Письмо 59 къ римск. исповѣдникамъ.

³⁾ Письмо Корнел. къ кароаген. клиру.

столько смущенья былъ худыми слухами о Церкви, которые распространялись отъ сообщниковъ Новата, а особенно клеветническимъ письмомъ Новаціана о непозволительномъ сообщеніи Корнелія съ еретиками, что въ письмѣ къ Кипріану ясно обнаружилъ сомнѣнія свои, касательно законности Корнеліева епископства, и вообще касательно хода церковныхъ дѣлъ со времени первого карфагенского собора ¹⁾). Кипріанъ поспѣшилъ на помощь къ падающему брату со всѣмъ оружіемъ духовнаго воина. Посланіе, написанное имъ по сему случаю къ Антонину, навсегда останется прекраснымъ образцомъ пастырскихъ совѣщательныхъ посланій. Въ немъ онъ разсуждаетъ о состояніи падшихъ христіанъ, объясняетъ духъ соборныхъ опредѣленій касательно ихъ, показываетъ невинность Корнелія, обличаетъ клеветы Новаціана, обнажаетъ его распутства и открываетъ свои благотворные виды, кои имѣлъ онъ, подписывая приговоры на падшихъ ²⁾). Свѣтъ истины, исполнявши душу Кипріана, окружилъ и Антонина, и тьма сомнѣнія исчезла.

Для совершенного успокоенія умовъ и для приведенія въ большую извѣстность основаній, на коихъ утверждались соборныя опредѣленія о падшихъ, св. Кипріанъ написалъ въ сіе время (252) книгу о падшихъ ³⁾). Онъ самъ въ письмѣ къ римскимъ исповѣдникамъ изобразилъ духъ ея, сказавъ, что «въ ней есть столько же наказанія для тѣхъ, кои допустили себя ра-

¹⁾ Письмо Антонина 55.

²⁾ Письмо къ Антонину.

³⁾ Книга о падшихъ.

пить, сколько врачевства для ихъ ранъ». Сообразно смыслу соборныхъ определений, она вся направлена къ тому, чтобы, вселяя страхъ къ преступленію, спасти самихъ преступниковъ. Книга сія вмѣстѣ съ книгою о единствѣ Церкви разослана была по всѣмъ африканскимъ и европейскимъ Церквамъ.

Когда епископы послѣ праздника пасхи по своему обыкновенію собрались въ Кареагенъ, Кипріанъ составилъ (252) изъ нихъ соборъ, зная изъ многихъ частныхъ откровеній о гоненіи, угрожающемъ Церкви, и предвидя опасность, если мечъ гонителей застанетъ христіанъ раздѣленными; онъ предложилъ на немъ, всѣхъ кающихся допустить до сообщенія съ вѣрными, дабы Церковь, какъ говорилъ онъ, съ дѣвственною чистотою могла явиться подъ вѣнецъ мученическій. Предложение сіе было принято единодушно, и кающіеся, утѣшенные таковыемъ снисхожденіемъ, пламенѣли ревностю омыть своею кровю позоръ прежняго малодушія. Но перемѣна определенія, съ такимъ постоянствомъ защищаемаго прежде самимъ Кипріаномъ, могла произвести соблазнъ, особенно чрезъ превратное истолкованіе оной со стороны еретиковъ. Для предупрежденія сего зла св. Кипріанъ въ посланіи къ римской Церкви со всею подробностью и силою изложилъ причины, на основаніи которыхъ кареагенскій соборъ почелъ нужнымъ отмѣнить прежнее определеніе. «Будучи извѣщаемы», писалъ онъ, «частыми откровеніями о гоненіи, угрожающемъ Церкви, мы положили дать миръ живымъ, который былъ обѣщанъ только умирающимъ; дабы кающіеся вышли на брань не безоружными, а облеченными въ заслуги Іисуса Христа. Иначе, какъ намъ по-

буждать къ чашѣ мученій, если они не содѣлаются способными къ сему чрезъ участіе съ нами въ чашѣ общенія? Надобно, любезные братія, надобно бытъ великому различію между тѣми, которые, отвергшись Христа, пристали или къ язычникамъ или къ еретикамъ, и между тѣми, кои со дня своего паденія не престаютъ повергаться во прахъ предъ вратами Церкви. Если кающіеся мужественно сразятся со врагомъ, изшедъ противъ него во второй разъ, то намъ не для чего будетъ жалѣть о мирѣ, данномъ столь храбрымъ воинамъ. Если же (чего не дай Богъ!) найдутся между ними такие, кои, теперь прося коварно мира, не окажутъ мужества на брані, то они обманутъ не нась, а самихъ себя. Мы можемъ видѣть только лица кающихся, но есть Богъ, испытующій сердца. Впрочемъ, злые не могутъ повредить въ семъ случаѣ добрымъ; напротивъ, добрые будутъ полезны для худыхъ. Изъ опасенія, что некоторые, можетъ-быть, снова падутъ на брані, несправедливо было бы лишить мира прочихъ, кои будутъ стоять до крови. Гораздо лучше даровать миръ всѣмъ сражающимся, дабы по невѣдѣнію, кто падетъ изъ нихъ и кто устоитъ, не былъ оставленъ безъ оружія тотъ, кто имѣеть бытъ увѣнчанъ. Никто не говори, что, подвергшись мученію, будетъ крещенъ кровію, что онъ, получивъ награду за сіе отъ Бога, не имѣеть нужды въ разрѣшеніи епископа. Онъ неспособенъ къ сраженію, если не будетъ вооруженъ Церковію. Душа, неукрѣпленная святымъ причащеніемъ, слаба и беззащитна. Господь сказалъ: «когда васъ поведутъ предъ царемъ и власты, то не заботьтесь о томъ, что вамъ говорить; ибо не вы будете говорить, а Духъ Отца моего будетъ

говорить въ васъ» (Мате. 10, 19). Если же Духъ Отца долженъ говорить въ тѣхъ, кои находятся въ состояніи исповѣдничества, то какъ можетъ быть способенъ къ сему подвигу тотъ, кто не примирился съ Церковю? Ибо сей благій Духъ исходитъ въ душу посредствомъ таинствъ, коихъ хранительница—Церковь... При томъ, весьма легко можетъ случиться, что многіе, за мужественное исповѣданіе имени Христова подвергшись заточенію въ непроходимыя мѣста, впадутъ въ руки разбойниковъ, или подвергнутся другой какой опасности жизни. Не намъ ли должно вмѣниться въ грѣхъ, если сіи вѣрные слуги Христовы отойдутъ изъ сей жизни безъ напутствія вѣры? Не припадетъ ли намъ, пастырамъ, на страшномъ судѣ Христовомъ, или крайняя небрежность, или непростительная жестокость?.. По симъ-то причинамъ разсудилось намъ, не безъ внушенія Духа Божія, собрать всѣхъ воиновъ Христовыхъ подъ одни знамена, и дать каждому изъ нихъ оружіе. Кто не одобрить нашего синхроніденія, тотъ дастъ отвѣтъ предъ Богомъ или въ жестокости или въ невниманіи ко спасенію своихъ братій.¹⁾». При семъ посланіи отправленъ былъ къ Корнелію и списокъ епископовъ африканскихъ, пребывшихъ вѣрными Церкви и Кипріану, дабы онъ зналъ, къ кому въ Африкѣ, не нарушая мира съ Кипріаномъ, можно ему писать и отъ кого принимать письма.

Въ сіе время появился въ Кареагенѣ Приватъ, который былъ нѣкогда епископомъ въ Нумидіи, но за различные преступленія лишенъ сего сана пригово-

¹⁾ Соборное посланіе къ римскому клиру 57.

ромъ девяноста епископовъ, и который послѣ сего безъ успѣха домогался въ Италии римскаго епископства ¹⁾). Окруженный лже-епископами и лже-пресвитерами, которые имъ безъ всякаго права возведены были на сіи степени, онъ съ наглостію требовалъ отъ кардиналійского собора, чтобы дѣло его снова было разсмотрѣно. Получивъ отказъ, онъ отважилсѧ на неслыханное безстыдство: объявилъ св. Кипріана недостойнымъ епископства, и посвятилъ вмѣсто его Фортуната, одного изъ еретиковъ и личныхъ враговъ святителя. Новый африканскій лже-епископъ, несмотря на несчастную участъ, постигшую въ Италии Новаціана за подобное возмущеніе противъ законнаго епископа, отправилъ въ Римъ многочисленное посольство подъ начальствомъ Фелициссима, съ извѣстіемъ о восшествіи своемъ на епископскій престолъ.

Кипріанъ и самъ немедленно отправилъ къ Корнелію письмо съ аколуеомъ Фелиціаномъ, извѣщаю ѹ его о возмущеніи Привата: Но Фелиціанъ замедлилъ на пути. Между тѣмъ Фелициссимъ, прибывъ въ Римъ, явился съ письмами къ Корнелію. Сей, зная о содержаніи ихъ по свойству лицъ, коимъ они писаны, сначала отвергъ ихъ со всею важностію епископа, и написалъ о семъ къ Кипріану письмо, исполненное братской любви и уваженія. Но послѣ, когда Фелициссимъ, огорченный отказомъ, употребилъ угрозы, Корнелій началъ колебаться, тѣмъ паче, что не получалъ отъ Кипріана никакихъ извѣстій о такомъ дѣлѣ, которое касалось его и притомъ съ столь важной стороны. Написано

¹⁾ Письмо 59 къ Корнелію.

другое письмо къ Кипріану, въ коемъ довольно выражалась нетвердость духа Корнеліева и его неудовольствие на молчаніе Кипріана. Получивъ его, Кипріанъ послышно отвѣчалъ. Благодаря римского епископа за постоянство, оказанное имъ вначалѣ противъ Фелициссима, не одобряль послѣдовавшаго за симъ малодушія, изъяснялъ причину своего молчанія и описывалъ порочную жизнь Привата и его сообщниковъ¹⁾). Корнелій вскорѣ загладилъ свою слабость мужественнымъ защищеніемъ Кипріана противъ враговъ, а впослѣдствіи мужественною смертю за Христа въ заточеніи. А скопище Привата, несмотря на грозный видъ свой, вскорѣ ослабѣло до того, что самъ начальникъ его принужденъ былъ пытаться милостынею.

Избавившись отъ внутренняго бѣдствія со стороны Привата, Церковь кареагенская подверглась всей тяжести вѣшнихъ золъ. Ужасная язва опустошала города и села. Чувство человѣколюбія, какъ обыкновенно бываетъ среди общественныхъ бѣдствій, притупилось: живые равнодушно взирали на умирающихъ; непогребенные трупы наполняли дома, улицы и площади; не надѣясь сохранить жизни, не думали о тѣхъ, кои содѣялись жертвою смерти. Язычники, почитая сіе бѣдствіе наказаніемъ за презрѣніе, оказываемое христіанами богамъ, воздвигли на нихъ жестокое гоненіе. Казалось, что небо и земля устремились на разрушеніе Церкви.

Кипріанъ, подобно ангелу-хранителю, явился среди позорища смерти. Будучи вознесенъ надъ страхомъ ея,

¹⁾ Письмо 59 къ Корнелію.

онъ старался и въ другихъ возбуждать презрѣніе къ ней, но презрѣніе не безчувственное, а соединенное съ дѣлами любви и милосердія. Въ семъ намѣреніи онъ написалъ два трактата «о смертности» и «о милостынѣ». Смерть снабжала суету и ничтожество благъ земныхъ; Кипріанъ указывалъ въ милосердіи способъ придать имъ цѣну. «Прежде», говорилъ онъ, «одни богатые обладали возможностію оказывать благодѣянія, теперь сіе сдѣлалось равно возможнымъ и для бѣдныхъ. Требуются не деньги, а усердіе; ибо предметомъ благодѣянія сдѣлались не живые, а умирающіе, которые имѣютъ нужду только въ состраданіи и призрѣніи, или мертвые, для коихъ потребна одна могила. Вотъ случай», восклицалъ Кипріанъ, «показать христіанамъ свое истинное достоинство предъ язычниками. Прострите руку помощи къ тѣмъ, надъ коими тяготѣеть рука смерти. Не смотрите на лица страждущихъ, они всѣ ваши братія, дѣти единаго Отца небеснаго. Пусть язычники узнаютъ, что самая смерть не можетъ угасить въ христіанѣ любви ко врагамъ ¹⁾».

Что касается до клеветы язычниковъ, якобы язва и другія бѣдствія, удручавшія Римскую имперію, были казнью за оставленіе христіанами боговъ, то св. Кипріанъ для отраженія ея написалъ цѣлую книгу. Деметріанъ, къ коему она надписана, по мнѣнію нѣкоторыхъ, былъ тогдашимъ проконсуломъ Африки. Весьма вѣроятно. Ибо, если св. Кипріанъ рѣшился торжественно обличить заблужденія язычниковъ, касательно источника общественныхъ бѣдствій, то всего прилич-

¹⁾ Тракт. о смертности и милостынн.

нѣе было обратить сіе обличеніе къ главѣ африканскаго язычества ¹⁾). Несмотря на сіе, карѳагенская чернь въ продолженіе гоненія, по обыкновенію своему, неоднократно требовала Кипріана на сраженіе со львами; но часть его, назначенный Промысломъ, еще не пришелъ; онъ пережилъ и сіе гоненіе, которое вскорѣ прекратилось.

Преемникъ Корнелія въ римскомъ епископствѣ былъ Луцій, который вскорѣ по своемъ избраніи удостоился чести исповѣдать имя Христово. Св. Кипріанъ, услышавъ о семъ, поздравилъ его посланіемъ съ сугубою честію епископа и исповѣдника ²⁾.

Въ началѣ слѣдующаго года (253), варвары, напавъ на нумидійскія области, измѣнили великое число христіанъ. Кипріанъ писалъ къ нумидійскимъ епископамъ о выкупѣ ихъ, и, когда они извинялись недостаткомъ своихъ имуществъ, открылъ для сего въ своей Церкви подпиську. Народъ, побуждаемый примѣромъ епископа, дѣлалъ великая пожертвованія, которыхъ немедленно отправлены были въ Нумидію ³⁾.

Вскорѣ за симъ писалъ Кипріанъ къ Цецилію о таинствѣ евхаристіи. Поводомъ къ сему было погрѣшительное обыкновеніе нѣкоторыхъ пресвитеровъ и даже епископовъ, употреблять при священномѣтствіи, вместо вина съ водою, одну воду. Обыкновеніе сіе извиняли примѣромъ нѣкоего въ древности епископа, и тѣсными обстоятельствами Церкви. Кипріанъ доказалъ, что при-

¹⁾ Книга къ Деметріану.

²⁾ Письмо къ Луцію.

³⁾ Письмо къ нумидійск. еписк.

мъръ епископа, употребившаго одну воду или по неизнанію, или по простотѣ, недѣйствителенъ, и что кровь и вода, истекшія изъ ребра Спасителя, во время страданій, самыи временемъ истечениія своего показали, что гоненія не должны разлучать ихъ ¹⁾.

Съ возвращеніемъ мира Церкви при концѣ сего года (253) въ Кареагенѣ снова состоялся соборъ подъ предсѣдательствомъ Кипріана, вѣроятно, для приведенія въ порядокъ дѣлъ церковныхъ, разстроенныхъ гоненіемъ. На немъ разрѣшены были нѣкоторые вопросы касательно крещенія младенцевъ. Желаніе епископовъ и пресвитеровъ, лишенныхъ своего званія за непостоянство во время гоненія, возвратить себѣ прежнія степени, объявлено незаконнымъ ²⁾.

Начало слѣдующаго года (254) для Кипріана было весьма непріятно. Онъ получилъ оскорбительное письмо отъ нѣкотораго епископа Пупіана, прославившагося въ Дакіево гоненіе исповѣданіемъ Христа. Въ немъ обнаруживалось, что Пупіанъ до сего времени не можетъ увѣрить себя, чтобы Кипріанъ достоинъ былъ епископства; что онъ почиталъ и почитаетъ нечистыми всѣхъ тѣхъ, кои повинуются Кипріану, и что Кипріанъ, по его мнѣнію, есть главная вина всѣхъ несогласій, раздирающихъ Церковь. Не трудно было угадать, какимъ духомъ внушены были сіи клеветы Пупіану, обольщеному сообщниками Новаціана. Кипріанъ, предвидя всю опасность для Церкви, если самые епископы будутъ столь легкомысленны и дерзки, какъ Пупіанъ, какъ-бы

¹⁾ Письмо къ Цедилію.

²⁾ Дѣян. собор. писан. св. Кипр.

забылъ на время свою умѣренность и возгремѣлъ противъ него со всею силою словесъ Божіихъ. Посланіе, отправленное къ нему по сему случаю, весьма примѣчательно по многимъ отношеніямъ. Вотъ оно:

«Фасцій Кипріанъ брату Флоренцію Пупіану здравія желаетъ.

«Я полагалъ, что ты, любезный братъ, давно перемѣнилъ мысль и раскаялся въ томъ, что внималъ тяжкимъ клеветамъ на меня. Но изъ письма твоего вижу, что ты совершенно таковъ-же, какъ и былъ, вѣришь со всѣмъ легкомысліемъ тому-же, чemu и прежде вѣрилъ, и какъ-будто опасаясь затмить славу своего мученичества сообщеніемъ со мною, прилежно вникаешь въ мое поведеніе; презрѣвъ судъ Божій, желаешь поставить самого себя судіею не только надо мною (ибо что за слава быть моимъ судіею?), но и надъ самимъ Іисусомъ Христомъ, дарующимъ своей Церкви епископовъ и пресвитеровъ. Такъ поступать, значить не вѣриТЬ самому Богу, значить противиться Іисусу Христу и Его евангелію. Онъ сказалъ: «не два-ли воробья продаются за одинъ ассарій, и ни одинъ изъ нихъ не упадеть безъ воли Отца небеснаго» (Мате. 10, 29). Ты, напротивъ, думаешь, что самые священники поставляются въ Церкви безъ воли Божіей. Ибо почитать недостойными и нечистыми тѣхъ, кои возводятся на сю степень, что другое значить, какъ не вѣриТЬ, что священники въ Церкви поставляются безъ воли Божіей?.. Но ты лучше согласился слѣпо слѣдовать внушеніямъ безумныхъ враговъ Церкви, нежели вѣриТЬ опредѣленію божественнаго Промысла и свидѣтельству моей совѣсти, какъ будто-бы у враговъ Церкви, лишен-

ныхъ Духа Божія, можно было найти что-либо, кромѣ развращенія сердца, лживаго языка, ядовитой ненависти и святотатственныхъ обмановъ!

«Пишишь, что пресвитерамъ должно быть смиренными, изъ подражанія смиренію Господа и Его апостоловъ. Но смиреніе мое извѣстно всѣмъ, не только братіямъ, но и язычникамъ. Ты самъ уважалъ и любилъ меня за смиреніе, доколѣ не отдѣлился отъ Церкви и отъ меня. Кто изъ насть далѣе отъ смиренія, я ли, служацій ежедневно братіямъ и съ радостію принимающій и упокоивающій всѣхъ, приходящихъ къ нашей Церкви; или ты, поставляющій себя епископомъ епископовъ и судію судей!... Когда святому Павлу было сказано: «какъ ты злословиши первосвященника Божія», то онъ извинялся невѣдѣніемъ и не говорилъ болѣе ничего обиднаго для первосвященника, хотя имѣлъ право многое сказать противъ того, кто осудилъ на распятіе Господа славы. Онъ почтилъ въ семъ случаѣ, такъ сказать, тѣнь первосвященства. А ты поступаешь напротивъ. Если ты не вѣрилъ моему епископству до гоненія, то долженъ былъ повѣрить оному послѣ гоненія. Ибо тоже самое гоненіе, которое вознесло тебя на степень мученичества, меня подвергло лишенію имущества. Всеноародно было читано: «если кто имѣеть что-либо принадлежащее Цецилію Кипріану, христіанскому епископу» и проч., какъ будто для того, чтобы тѣ, кои не вѣрили Богу, поставившему епископа, повѣрили діаволу, изгоняющему онаго.

«Съ великою горестью и не для хвалы упоминаю о семъ, видя, что ты поставляешь себя судію самого Иисуса Христа, который о апостолахъ и ихъ намѣстни-

кахъ, епископахъ, сказалъ: «кто въасъ слушаетъ, тотъ слушаетъ Меня, а кто отвергаетъ въасъ, тотъ отвергаетъ Меня» (Лук. 10, 16). Отсюда-то произошли и происходять всѣ ереси и расколы, что епископъ, кото-рый одинъ долженъ распоряжать Церковю, по причинѣ буйной гордости иѣкоторыхъ, подвергается презрѣнію, и удостоенный божественного избранія, почитается недостойнымъ человѣческаго одобрѣнія. Разсуди самъ, куда заводитъ тебя гордость. Изъ твоихъ словъ выходитъ, что въ продолженіе шести лѣтъ ни братство не имѣло епископа, ни народъ вождя, ни Церковь прави-теля, ни Іисусъ Христосъ строителя таинъ Его. Куда-же смотрѣлъ Пупіанъ? для чего . давно не произнесъ суда на нась, дабы толикое число вѣрныхъ, скончав-шихся въ продолженіе моего епископства, не отошли безъ надежды, мира и спасенія, и дабы остающіеся въ живыхъ не оставались безъ даровъ Духа Святого, коего я не могъ имъ сообщить. Удостой, удостой благосклон-наго подтвержденія твою властю мое епископство; окажи Іисусу Христу благодѣяніе; дай алтарю и народу предстоятеля...

Жалуешься, что ты впалъ въ сомнѣніе; но кого ви-нить въ семъ, какъ не твое легкомысліе, не твою без-честную склонность слушать самыя нелѣпныя клеветы на брата; не твою постыдную страсть защищать чужую ложь, не твое невниманіе мудрѣмъ совѣтамъ Соломона, который говорить: «злый послушаетъ языка законопре-ступныхъ: праведный же не внимаетъ устнамъ льсти-вымъ» (Притч. 17, 4). Почему не впали въ сіе сомнѣніе мученики, исполненные Св. Духа, готовые прейти путемъ смерти предъ лице Іисуса Христа? Напротивъ,

они писали ко мнѣ изъ темницы, именуя меня епископомъ Божіимъ. Почему не впали въ сіе сомнѣніе епископы, мои сотрудники, которые всѣ различными образами удостоились исповѣдать имя Христово? Почему не впало въ сіе сомнѣніе толикое число исповѣдниковъ, покрытыхъ язвами за Іисуса Христа — чистыхъ дѣвъ, служащихъ укоризно для житія языческаго,—благоговѣйныхъ вдовъ, не знающихъ другого увеселенія, кроме поста и молитвы? Почему не впало въ сомнѣніе множество Церквей, разсѣянныхъ по всему міру, которая состоятъ со мною въ согласіи и любви? Если всѣ сіи отъ сообщенія со мною сдѣлались нечестными, какъ ты суетудрствуешь, и потеряли право на вѣчную жизнь, то одинъ Пупіанъ, отрекающійся отъ сообщенія со мною, остается чистъ, невиненъ, святъ; одинъ онъ будетъ населять блаженные жилища, уготованныя на небесахъ для праведныхъ.

«Поставляешь меня виной того, что часть стада Христова находится въ разсѣяніи. Неправда! Истинные члены Церкви Христовой всѣ соединены союзомъ любви и мира, и составляютъ одно тѣло. Одни тѣ блуждаютъ въ ограды, которыхъ надлежало бы изгнать вонъ, еслибы они и были внутрь двора. Но что же, если нѣкоторые сдѣлались невѣрны? Неужели невѣрность ихъ уничтожить вѣрность Божію? Никакъ! Богъ вѣренъ, а всякий человѣкъ лживъ (Рим. 3, 3. 4). Когда нѣкоторые ученики, соблазнившись словами Іисуса Христа, оставили Его, то Онъ вопрошалъ прочихъ учениковъ: не хотятъ ли и они идти? Петръ именемъ всѣхъ отвѣтствовалъ: «Господи! къ кому намъ идти? Ты имѣшь глаголы вѣчной жизни» (Іоан. 6, 67). Вотъ законъ и

уложение истинной Церкви! Она всегда съ Иисусомъ Христомъ. Гдѣ епископъ, тамъ и Церковь. Епископъ въ Церкви, Церковь въ епископѣ. Кто не съ епископомъ, тотъ виѣ Церкви. Напрасно обольщаются себя иѣкоторые, думая священный союзъ съ епископомъ замѣнить тайными союзами съ иѣкоторыми слабыми членами. Истинная Церковь нераздѣлма. Кто въ брани съ главою, тотъ не можетъ быть въ мирѣ съ членами.

По сему, любезный братъ, если ты, размысливъ приложиѣ о величіи Бога, по волѣ коего поставляются пресвитеты, и оставилъ пагубную привычку судить о достоинствѣ епископовъ по ложнымъ слухамъ, а не по отзыву Церкви, раскаешься чистосердечно въ своей гордости, и покажешь плоды, достойные покаянія, то я не отрицаюсь возобновить съ тобою прежняго общенія, предоставивъ, впрочемъ, себѣ право отложить сіе дотолѣ, пока не вопрошу Бога и не получу отъ Него наставленія, какъ поступить съ тобою. Шбо я не могу забыть того, что мнѣ было открыто, не могу забыть, что между прочимъ въ откровеніи, мнѣ данномъ, Богу угодно было сказать и сіе: «кто не вѣрить Иисусу Христу, содѣлавшему священника, тотъ повѣрить Ему, мстящему за священника, Имъ содѣланнаго». Знаю, что иѣкоторымъ всѣ сновидѣнія кажутся пустыми, всѣ видѣнія ложными. Но такъ кажется только тѣмъ, кои лучше соглашаются вѣрить чему-нибудь на священника, нежели священнику. Такъ и братья Іосифовы не вѣрили снамъ Іосифа. Но когда сны исполнились, они приуждены были вѣрить. Не могу пропнести никакого суда на то, что ты дѣлалъ во время гоненія и во время мира, ибо вижу, что тебѣ хочется быть мопмъ судіею.

Вотъ, что я почель нужнымъ написать тебѣ, въ чистотѣ совѣсти и упованіи на Бога! Я имѣю письмо отъ тебя, ты будешь имѣть мое письмо; въ день суда предъ лицемъ Иисуса Христа будетъ прочтено то и другое» ¹⁾. Неизвѣстно, какое дѣйствіе произвело письмо его въ Пупіанѣ, только въ сочиненіяхъ Кипріана, написанныхъ послѣ сего времени, не видно жалобъ на его возмущеніе. Вѣроятно, онъ обратился на путь истины.

На соборѣ, бывшемъ, по обыкновенію, послѣ праздника пасхи, получено Кипріаномъ письмо отъ испанской Церкви, въ коемъ она просила совѣта касательно епископовъ Василида и Марціала, лишенныхъ ею епископскаго сана за непостоянство въ вѣрѣ во время гоненія, но домогавшихся удержать оный при содѣствіи римскаго епископа Стефана ²⁾. Всльдѣ за симъ получено еще письмо отъ галликанскихъ, испанскихъ и англійскихъ епископовъ, въ коемъ они жаловались на Стефана за то, что онъ, вопреки ихъ просьбѣ, продолжаетъ держать сторону низверженыхъ епископовъ, и просили Кипріана вразумить его посланіемъ. Кипріанъ немедленно подтвердилъ соборомъ приговоръ галликанскихъ церквей на Василида и Марціала съ ихъ сообщниками. Всльдѣствіе чего отправлено было два посланія, одно къ симъ Церквамъ успокоительное, другое къ Стефану совѣщательное.

Трудное дѣло было и обличить Стефана въ погрѣшительномъ сношеніи съ еретиками, и соблюсти уваженіе, которое принадлежало ему какъ представителю

¹⁾ Письмо 66 къ Флор. Пупіану.

²⁾ Письмо къ испанск. Церкви.

западныхъ Церквей. Тѣмъ непріятнѣе были дѣла сего рода св. Кипріану, который со всевозможнымъ тщаниемъ избѣгалъ всѣхъ случаевъ, въ коихъ могло выказываться соблазнительное превосходство одной Церкви предъ другою равною. Вирочемъ, его благоразуміе и христіанская кротость внушили ему такія выраженія, что письмо, отправленное къ Стефану, столько же клопилось къ славѣ обличаемаго, какъ и обличителя. Въ немъ не примѣтно ни малѣйшихъ слѣдовъ полновластія судіи, а вездѣ слышенъ голосъ друга, который, побуждаясь любовію, открываетъ ложь и показываетъ истину. Между прочимъ Кипріанъ совѣтовалъ Стефану немедленно извѣстить епископовъ окружнымъ посланиемъ о законности низверженія Василида и Марціала, обѣщаючи и самъ сдѣлать тоже. Нужнымъ сіе находилъ онъ потому, что низверженные еретики хвалились, якобы они находятся въ союзѣ съ римскою и кареагенскою Церквами ¹). Стефанъ вразумился, но онъ, какъ увидимъ, не простилъ Кипріану сего вразумленія.

Около сего времени (255) въ Африкѣ возникъ споръ о крещеніи еретиковъ. Нѣкто Магнусъ, епископъ пумидійскій, спрашивалъ письменно Кипріана, нужно-ли крестить и тѣхъ еретиковъ (прочихъ еретиковъ, вслѣдствіе опредѣленія собора, бывшаго подъ предсѣдательствомъ Агрипина, предшественника Кипріанова, крестили), которые обращаются отъ Новаціана ²). Кипріанъ, котораго и примѣръ предшественника и духъ любимаго наставника его Тертулліана ³), и, можетъ-

¹) Письмо 68 къ Стѣф.

²) Август. книга 6 о крещеніи.

³) Смотр. книг. о скромности.

быть, желаніе поставить оплотъ противъ усиливавшейся секты Новаціана, располагали въ семъ случаѣ къ строгому образу мыслей, отвѣчалъ, что кающіеся новаціане, подобно всѣмъ прочимъ еретикамъ, должны быть принимаемы въ Церковь посредствомъ крещенія ¹⁾.

Когда о спорномъ предметѣ услышался голосъ первенствующаго епископа, то прочіе голоса, дотолѣ раздѣленные, начали сливаться съ нимъ въ одинъ общественный голосъ; но вмѣстѣ съ симъ и голоса противниковъ сдѣлались слышнѣе, особенно въ Нумидіи. Пятнадцать нумидійскихъ епископовъ, не находя никакого способа прекратить разномысліе въ своихъ епархіяхъ, обратились къ Кипріану съ требованіемъ помощи. Сей, послѣ совѣщанія съ старѣйшими изъ своихъ сотрудниковъ кареагенскихъ, далъ соборомъ опредѣленіе, коимъ повелѣвалось крестить всѣхъ обращающихся отъ заблужденія къ истинной Церкви. Опредѣленіе сіе немедленно отправлено въ Нумидію ²⁾.

Несмотря на то, что голосъ Кипріана подкрепленъ уже былъ голосами другихъ епископовъ, нѣкоторые даже изъ кареагенскихъ епископовъ не хотѣли согласиться съ нимъ по двумъ причинамъ: по древнему обыкновенію, не повторять крещенія надъ еретиками, и по единству св. крещенія. Кипріанъ, узнавъ о таковомъ разномысліи отъ Луціана, своего сопресвитера, написалъ письмо къ Квинту, маврітанскому епископу (вѣроятно, принадлежавшему къ разномыслящимъ), въ коемъ отвѣчалъ на вышепредставленныи причины со-

¹⁾ Письмо 69 къ Магнусу.

²⁾ Письмо 70 къ нум. еписк.

образно своему образу мыслей о крещеніи и еретикахъ. Главнымъ основаніемъ къ повторенію крещенія надъ еретиками служила для него увѣренность, что виѣ Церкви нѣть Духа Божія, и слѣдственно нѣть истинныхъ таинствъ. При письмѣ отправленъ къ Квинту и списокъ соборнаго посланія кареагенской Церкви къ нумидійскимъ епископамъ, дабы мнѣніе Кареагена сдѣлать извѣстнымъ и въ Мавританіѣ ¹⁾). Между тѣмъ видя, что нѣкоторые епископы не убѣждаются ни опредѣленіемъ недавно бывшаго, ни важностію прежняго собора, держаннаго предшественникомъ его Агриппиномъ, и утверждаясь на древнемъ обыкновеніи, существовавшемъ въ Церкви до Агриппина, учатъ, что для законнаго принятія еретиковъ въ нѣдра Церкви, достаточно одного возложенія рукъ, Кипріанъ рѣшился употребить другой способъ къ примиренію умовъ—написалъ книгу о благѣ терпѣнія. Щадя совѣсть разномыслящихъ, не желая казаться предубѣжденнымъ къ своему мнѣнію и чрезъ мѣру настойчивымъ, онъ ограничился въ ней общимъ разсужденіемъ о преимуществѣ единомыслія предъ разномысліемъ, и только слегка коснулся спорнаго предмета ²⁾). Поелику успѣхъ сего труда не вполнѣ соотвѣтствовалъ его желанію, онъ принужденъ былъ вскорѣ созвать новый соборъ, на коемъ присутствовали уже не одни кареагенскіе, но и мавританскіе и нумидійскіе епископы, въ области коихъ особенно спорили о крещеніи. На семъ соборѣ снова разсмотрѣно и утверждено опредѣленіе о крещеніи

¹⁾ Письмо къ Квинту 71.

²⁾ Смотри книг. о падшихъ.

обращающихся еретиковъ; частное обыкновеніе нѣкоторыхъ Церквей — не возвращать обращающимся изъ ереси епископамъ и пресвитерамъ ихъ степеней, обращено въ общей законѣ. По закону согласія и общенія, существовавшаго между кареагенскою и римскою Церквами, Кипріанъ извѣстилъ о сихъ опредѣленіяхъ послѣднюю въ полной увѣренности, что предстоятель ея Стефанъ, своимъ согласіемъ съ ними, введетъ ихъ въ употребленіе и въ западныхъ Церквахъ¹). Но Стефанъ въ духѣ своемъ уже былъ далекъ отъ Кипріана. Несогласіе, пропшедшее въ кареагенской Церкви, показалось ему самымъ удобнымъ случаемъ къ уничиженію ея епископа. Древнее обыкновеніе не повторять крещенія надъ еретиками, могло служить благовиднымъ предлогомъ дѣйствовать открыто противъ всей африканской Церкви, особенно противъ главы ея, не обнаруживая, впрочемъ, личнаго къ ней недоброжелательства. Предлогъ сей тотчасъ употребленъ въ дѣло. Вместо того, чтобы сохраняя уваженіе къ столь знаменитому пастырю, каковъ былъ Кипріанъ, обнаружить дружески свои сомнѣнія касательно справедливости его мнѣнія и посредствомъ дружескихъ совѣщаній безъ всякаго соблазна для Церкви согласиться съ нимъ въ истинѣ, Стефанъ, открыто принялъ сторону противниковъ Кипріана, отвѣчалъ кареагенскому собору обличительной граматою, въ коей, осуждая мнѣніе ея касательно крещенія еретиковъ, угрожалъ отлученіемъ всѣмъ кареагенскимъ епископамъ отъ Церкви, не ис-

---

¹) Письмо 72 къ Стеф.

ключая и Киприана¹). Такимъ образомъ, говорить Августинъ²), два епископа знаменитѣйшихъ Церквей, римской и карѳагенской, объ одномъ и томъ же предметѣ утверждали совершенно противное. Стефанъ полагалъ, что для законнаго принятія въ Церковь всѣхъ вообще еретиковъ достаточно одного возложенія рукъ. Киприанъ, напротивъ, утверждалъ, что должно крестить каждого обращающагося еретика. Истины надлежало искать въ срединѣ между спми двумя крайностями, какъ и дѣйствительно Церковь впослѣдствіи времени нашла ее здѣсь, положивъ закономъ крестить только тѣхъ еретиковъ, кои неправо мыслили объ основныхъ доктринахъ христіанства. Но Киприанъ дѣйствовалъ въ простотѣ сердца и по чистому отвращенію ко всему еретическому. А Стефанъ своимъ высокомѣрнымъ тономъ ясно обнаруживалъ, что онъ пользуется случаемъ выказать свое нерасположеніе къ прежнему увѣщателю своему. Посему, хотя впослѣдствіи почтено нужнымъ ограничить мнѣніе Киприана касательно повторенія крещенія, споръ его по сему предмету съ Стефаномъ, обнаруживая всю умѣренность и скромность его характера, особенно въ противоположности съ высокомѣріемъ послѣдняго, составляетъ назидательнѣйшую часть его дѣяній.

Тяжело было для Киприана видѣть непріятность отъ той Церкви, которая недавно была обязана ему своимъ умиренiemъ! Но къ утѣшенію своему онъ зналъ, что римскій клиръ и народъ не участвуютъ въ неблагорас-

¹) Смотр. письмо къ Помпею.

²) Кніг. прот. Петиліана, гл. 14.

положеніи къ нему ихъ епископа, и что сіе неблагорасположеніе есть слѣдствіе личнаго неудовольствія противъ него. Посему, явившись на соборъ (опъ еще продолжался), хотя изъявилъ сильную скорбь и прінесъ жалобу на гордость, съ которой Стефанъ именовалъ себя епископомъ епископовъ, впрочемъ, не отчаялся въ будущемъ успѣхѣ дѣла¹). Письмо Стефanova, столь оскорбительное для чести кареагенской Церкви, пзвѣстно было еще немногимъ; можно было надѣяться, что Стефанъ перемѣнитъ свои мысли, и несогласіе прекращено будетъ въ самомъ началѣ и безъ соблазна Церквей.

Но Стефанъ не хотѣлъ чести удовлетворить сей надеждѣ. Не надѣясь на силу прежняго обличенія, онъ произнесъ всенародно приговоръ противъ кареагенского собора и предсѣдателя его Кипріана, и снова угрожалъ ему отлученіемъ, если онъ не перемѣнитъ своихъ мыслей. Узнавъ о согласіи восточныхъ епископовъ съ Кипріаномъ въ разсужденіи крещенія еретиковъ, Стефанъ писалъ и къ нимъ, угрожая тѣмъ же²). Съ другой стороны, некоторые изъ африканскихъ епископовъ, услышавъ о необыкновенномъ посланіи Стефана къ ихъ предсѣдателю, изъявили письменное желаніе имѣть списки съ онаго³). Нельзя было безъ соблазна скрывать отъ Церкви положеніе дѣлъ: надлежало извѣстить ее о поступкахъ Стефана и дать судъ на нихъ.

Впрочемъ, Кипріанъ и въ семъ случаѣ показалъ

¹) Письмо къ Помпею 74.

²) Письмо Фирмиліана 75.

³) Письмо къ Помпею 74.

свое благоразуміе и умѣренность. Зная, что упорное защищеніе продолжаетъ только борьбу, онъ не рѣшился, писать особаго опроверженія на письмо Стефана. Не-умѣренный тонъ, въ немъ господствовавшій измѣнялъ самъ себѣ. Надѣясь на справедливость своего дѣла, онъ не усомнился даже обнародовать посланіе Стефана во всѣхъ африканскихъ Церквяхъ, удовлетворившись только краткими примѣчаніями на нѣкоторая мѣста онаго¹⁾. Потомъ написалъ посланіе къ Фирмиліану, старѣйшему изъ восточныхъ епископовъ, утверждая его въ согласіи съ собою п объясняя несправедливость Стефана. Наконецъ, для успѣшнѣйшаго защищенія свободы кареагенской Церкви отъ притязаній римскаго епископа созванъ многочисленный соборъ. Какъ будто предвидя въ поступкѣ Стефана начало незаконнаго стремленія къ владычеству надъ всею Церковію, которое впослѣдствіи сдѣлалось отличительной чертою римской каѳедры, африканскіе отцы положили, чтобы никто изъ епископовъ не дерзаль именовать себя главою всѣхъ епископовъ и присвоять право суда надъ всею Церковію, и чтобы Церковь кареагенская не искала суда у Церкви римской. Списки съ сего опредѣленія отправлены были ко всѣмъ восточнымъ епископамъ и къ самому Стефану.

По сему случаю надлежало ожидать отъ высокомѣрія Стефана еще печальнѣйшихъ явлений для Церкви. Но Промыслу неугодно было подвергнуть ее сему искушенію, можетъ-быть, опаснѣйшему изъ всѣхъ, которыя она тогда претерпѣла. Открывшееся гоненіе на хри-

¹⁾ Письмо Фирмиліана 75.

стіанъ, въ началѣ коего Стефанъ скончался, положило конецъ спорамъ¹⁾. Св. Кипріану уже уготовляемъ бытъ рукою Провидція вѣнецъ мученическій, но въ ожиданіи его, онъ долженъ бытъ прославлять Бога заточеніемъ, дабы, какъ замѣчаетъ Поятій, сей великий подвижникъ, отличившійся разнообразіемъ добродѣтелей, бытъ отличенъ и разнообразіемъ страданій.

Патернъ проконсулъ, явившись въ Карнагенъ съ повелѣніемъ преслѣдоватъ христіанъ, немедленно велѣлъ представить къ себѣ Кипріана. Когда сей безтрепетно явился, проконсулъ началъ съ нимъ слѣдующій разговоръ:

Прокон. Августѣйшіе императоры, Валеріанъ и Галіенъ, возложили на меня обязанность принуждать христіанъ къ поклоненію богамъ. Итакъ я спрашиваю тебя о твоемъ именіи и вамѣреніи: отвѣчай.

Св. Кипріанъ съ важностію и смиреніемъ отвѣчалъ: я — христіанинъ и епископъ. Не знаю другого Бога, кромѣ того, Который сотворилъ небо и землю, и море и все, что въ нихъ; сему-то Богу мы, христіане, слу-

¹⁾ Бароній, заботясь о сохраненіи славы Стефана, или лучшѣ римской каѳедры, говоритъ, что Кипріанъ перемѣнилъ впослѣдствіи свои мысли касательно крещенія еретиковъ; но Августіанъ, который могъ знать и знать сіе дѣло вѣрнѣе всякаго Баронія, утвердительно говоритъ (въ книгѣ о крещеніи), что онъ остался при своихъ мысляхъ. Хотя Церковь не признала впослѣдствіи мнѣнія Кипріанова также какъ и Стефанова; впрочемъ, если судить строго и безпристрастно, въ мнѣніи Кипріана болѣе истинаго, нежели въ мнѣніи Стефана, особенно если смотрѣть на еретиковъ съ той стороны, съ которой смотрѣть онъ, — со стороны истинной Церкви, какъ единственной хранительницы даровъ Святаго Духа.

жимъ и покланяемся, моля Его не только о себѣ, но и о всѣхъ людяхъ, и о благодеяніи самихъ императоровъ.

Прок. Итакъ ты остаешься непремѣннымъ въ своемъ образѣ мыслей?

Кипр. Благая воля, единожды познавъ Бога, не можетъ перемѣниться.

Прок. Значитъ, ты соглашаешься, по волѣ Валеріана и Галіена, отправиться въ заточеніе въ городъ Курубитъ?

Кипр. Согласенъ.

Прок. Но повелѣніе, мнѣ данное, касается не однихъ епископовъ, но и пресвитеровъ. А посему желаю знать отъ тебя, кто здѣшніе пресвитеры?

Кипр. Вы сами нашли полезнымъ издать законъ противъ доносчиковъ на христіанъ. Посему я не могу тебѣ открыть здѣшнихъ пресвитеровъ; впрочемъ, ты можешь найти каждого изъ нихъ въ его церкви.

Прок. Но я намѣренъ сдѣлать розыскъ, не выѣзжая изъ сего города.

Кипр. Вѣрю; но поелику правила наши возбраняютъ самимъ вызываться на мученія, и при томъ сіе несогласно и съ духомъ римскаго правленія, то ни я не могу указать тебѣ пресвитеровъ, ни они не могутъ представить самихъ себя. Но если ты рѣшощися искать ихъ, то они, безъ сомнѣнія, найдутся.

Прок. Безъ сомнѣнія, я найду ихъ, если захочу; но мнѣ препоручено еще смотрѣть, чтобы между христіанами не было никакихъ собраній, и чтобы тотъ, кто не будетъ повиноваться сему полезному узаконенію, былъ наказываемъ смертію.

Кипр. Поступай, какъ тебѣ повелѣно.

Послѣ сего проконсулъ далъ повелѣніе заточить св. Кипріана въ Курубитъ¹⁾). Вмѣстѣ съ нимъ отправился и Понтій діаконъ, который впослѣдствіи описалъ жизнь Кипріана со времени вступленія его въ христіанство.

Въ семъ случаѣ еще разъ оправдалась утѣшительная истина, что тѣмъ, кои ищутъ царствія Божія и правды его, все прилагается. Курубитъ, назначенный мѣстомъ заточенія для Кипріана, несмотря на то, что его окружали сухія и бесплодныя степи, по великому числу деревъ и источникамъ своимъ уподоблялся увеселительному саду²⁾). Гонители, думая удручить старость Кипріанову, симъ заточеніемъ доставили ему пріятное отдохновеніе послѣ непрестанныхъ трудовъ. Впрочемъ, добрая душа св. старца не преставала трудиться и въ изгнаніи. Онъ писалъ по своему обыкновенію посланія, совѣтовалъ, одобрялъ, запрещалъ, умолялъ и, скончавая теченіе свое, еще заставлялъ радоваться вѣрныхъ въ свѣтѣніи своемъ.

Въ самомъ началѣ пребыванія своего въ Курубитѣ св. Кипріанъ былъ предувѣдомленъ о будущей участіи своей видѣніемъ. Ему снилось, будто юноша, коего величественный видъ свидѣтельствовалъ о ангельскомъ достоинствѣ, привелъ его къ проконсулу. Сей послѣ обыкновенного допроса началъ писать приговоръ. Юноша, который въ сіе время стоялъ позади проконсула, раз-

¹⁾ Страд. св. Кипріана по древнимъ рук. кодекс. edit. Johan Oxonii 1682.

²⁾ Понтій, въ жизни Кипр.

личными знаками дать выраженье Киприану, что проконсулъ осудилъ его на смерть. «Я», говоритъ св. Киприанъ, «немедленно обратился къ нему съ усиленімъ прошеніемъ, чтобы исполненіе приговора отложено было хотя на одинъ день, дабы я могъ привести въ порядокъ свои дѣла. Проконсулъ, тронутый, какъ казалось, справедливостю и неважностю моей просьбы, началъ снова писать на дощечкѣ. Изъ его вида я заключилъ уже, что онъ пишетъ что-либо въ мою пользу. Юноша, который наблюдалъ за тѣмъ, что пишетъ проконсулъ, снова дать мнѣ знать, что мнѣ дается одинъ день на приведеніе въ порядокъ моихъ дѣлъ ¹⁾).

Несмотря на то, что видѣніе сіе было довольно по темно, св. Киприанъ, который отъ частаго сообщенія съ міромъ духовнымъ пріобрѣлъ способность проникать въ смыслъ видѣній, безъ труда уразумѣлъ, что Промыслу угодно было отложить кончину его еще на одинъ годъ, означенный въ видѣніи днемъ. Событие, какъ свидѣтельствуетъ Понтій, очевидецъ заточенія и смерти Киприана, совершенно оправдало таковое изъясненіе. Св. Киприанъ принялъ мученическій вѣнецъ именно чрезъ годъ послѣ сего видѣнія, и въ тотъ самый день, въ который оное было ему дано.

Подъ конецъ сего года (258) новый проконсулъ предписалъ Киприану возвратиться изъ своего заточенія, и до окончательного приговора надъ нимъ быть въ своихъ садахъ ²⁾). Вскорѣ за симъ получено изъ Рима новеллѣніе усугубить преслѣдованіе христіанъ. Прокон-

¹⁾ Понтій въ жизни св. Киприана.

²⁾ Понтій въ жизни св. Киприана.

сулъ, находясь въ сie время для поправленія здоровья въ Утикѣ, отправилъ стражей для приведенія туда Кипріана. Но Кипріанъ еще разъ выказалъ характеръ свой — дѣлать добро такъ, чтобы изъ него выходило какъ можно болѣе пользы. Предвидя, что мученіе его гораздо назидательнѣе будетъ для его паствы, если его замучатъ въ Кареагенѣ, онъ удалился изъ своего дома въ тайное мѣсто, давъ знать между тѣмъ проконсулу, что онъ готовъ предстать предъ него, только не въ Утикѣ, а въ Кареагенѣ. Изъ сего-то уединенія написано имъ послѣднее письмо къ своей паствѣ, въ которомъ онъ,увѣщавая ее сохранить тишину и умѣряя благочестивую ея ревность—страдать за вѣру, обѣщалъ по отшествіи своемъ ходатайствовать за нее у престола Божія ¹⁾.

По возвращеніи проконсула въ Кареагенѣ, св. Кипріанъ немедленно возвратился въ свое жилище. Въ городѣ тотчасъ пронесся слухъ о угрожающей ему опасности. Не только всѣ вѣрные, даже многіе изъ знатныхъ язычниковъ собрались въ домѣ Кипріана, и не желая лишиться такого великаго мужа, умоляли его спасти жизнь свою удаленіемъ, предлагая для сего надежныя мѣста. Но Кипріанъ, внявъ гласу Бога, призывающаго его къ себѣ, не могъ уже пользоваться ихъ усердіемъ. Между тѣмъ проконсулъ, опасаясь, чтобы Кипріанъ не употребилъ своей свободы для спасенія себя бѣгствомъ, послалъ воиновъ взять его и привести къ себѣ. Напрасное опасеніе! Кипріанъ, подражая великому Образцу страдальцевъ, самъ вышелъ на встрѣчу

¹⁾ Письмо 81 къ народу.

воинамъ, и съ торжествомъ, свойственнымъ столь важному подвигу, каково исповѣданіе имени Христова, отправился въ преторъ. Но проконсулъ безъ всякой удовлетворительной съ его стороны причины отложилъ судъ надъ Кипріаномъ до слѣдующаго утра. Причина сія скрывалась въ опредѣленіи Промысла. Надлежало еще пройти одному дню, дабы исполнился годъ послѣ видѣнія. Кипріана для провожденія почти отвели въ домъ проконсула. Стражамъ дано было повелѣніе пускать къ нему всякаго, кто пожелаетъ. Собралось великое множество друзей и почитателей Кипріановыхъ. Народъ, опасаясь, чтобы въ продолженіе ночи не быть исхищены любезный ихъ епископъ, пробылъ до самаго утра безъ сна предъ темницею. Такимъ образомъ ночь предъ страданіемъ Кипріана представляла собою ночь предъ страданіемъ Спасителя, которую вѣрные такъ же проводили безъ сна. Св. Кипріанъ не умолкалъ во все продолженіе ея, давая совѣты и утѣшенія оставляемой имъ паствѣ. Отъ избытка сердечныхъ чувствій, такъ полны были уста его, что онъ желалъ, чтобы бесѣда его не иначе пресеклась, какъ съ самою жизнью.

Наконецъ насталъ вожделѣній для Кипріана день, тотъ день, который не могъ не быть послѣднимъ для него, хотя бы желали того всѣ римскіе проконсулы. Окруженный безчисленною толпою вѣрныхъ, онъ явился въ преторъ. Начался обыкновенный допросъ: «ты ли Фасцій Кипріанъ?»—«Я».—«Ты ли былъ папою у святотатцевъ?»—«Я».—«Благочестивѣшіе императоры повелѣваютъ тебѣ принести богамъ жертву». — «Не могу».—«Размѣсли о участіи, тебя ожидающей».—«Поступай, какъ тебѣ предписано; въ настоящемъ случаѣ

нѣтъ мѣста размыщленію». Тогда проконсулъ, поговоривши съ совѣтниками своими, сказалъ, обратясь къ св. Кипріану: «долго жилъ ты святотатственнымъ образомъ, совращая многихъ во слѣдъ твоей злоторной ереси и враждая противу римскихъ законовъ и боговъ. Самая снисходительность благочестивѣйшихъ императоровъ, Валеріана и Галіена, не могла обратить тебя къ поклоненію богамъ. Бывъ виновникомъ ужаснѣйшихъ злодѣяний, ты будешь служить примѣромъ для тѣхъ, кои обольщены твоимъ коварствомъ; мудрованіе твое запечатлѣется твою кровю». Такъ самое осужденіе Кипріана выражало его славу, и проконсулъ, подобно Каіаѳу, невольно произнесъ пророчество о утвержденіи Церкви его кровю! За симъ произнесъ окончательный приговоръ: «Фасцій Кипріанъ осуждается умереть отъ меча». Св. Кипріанъ сказалъ: «слава Богу». Народъ, услышавъ сіе, столько воспламенился ревностію страдать за вѣру, что всѣ воскликнули: «и мы умремъ со св. епіскопомъ!»

Вонны, изведши изъ претора св. Кипріана, повели его на нѣкоторое мѣсто, называвшееся Ксистою. Въ продолженіе пути онъ увѣщевалъ вѣрныхъ, не подвергать себя мечу язычниковъ безъ нужды. Достигши Ксисты, снялъ съ себя верхнюю одежду и отдалъ находившимся при немъ діаконамъ; потомъ, стоя на колѣнахъ, произнесъ краткую молитву; послѣ сего, завѣщавъ дать совершителю казни тридцать сребренниковъ, завязалъ себѣ, по обыкновенію казненныхъ, глаза; руки же, по тому же обыкновенію, связаны были однимъ изъ діаконовъ. Въ семъ положеніи съ обнаженою выею, онъ долженъ былъ стоять дотолѣ, пока палачъ не по-

лучить отъ центуріона знака совершилъ ударъ. Множество народа, опасаясь по причинѣ тѣсноты и отдаленности потерять изъ вида св. Киприана, взлѣзло на деревья, окружавшія мѣсто казни. Наконецъ, знакъ поданъ—и святѣйшая глава отдѣлилась отъ чистѣйшаго тѣла. Священные останки Киприана погребены въ близѣ-лежащемъ холмѣ, съ торжествомъ, приличнымъ усердію паствы, столь пламенно любившей своего пастыря. Такъ скончалъ теченіе свое священномученикъ Киприанъ, проживши въ земной юдоли около 57, подвизавшійся въ христіанствѣ 13, управлявшій африканскую Церковію 8 лѣтъ!—Мученіе его совершилось 258 года, мѣсяца октября, въ 18 день, при императорахъ Валеріанѣ и Галіенѣ.

На лицѣ Киприана, пишетъ Понтій, всегда сияла радость, отсвѣтъ души, обрѣтшей успокоеніе въ Богѣ. Во взорахъ его всегда выражалось нечто величественное, исторгающее благоговѣніе. Видѣвшіе Киприана не знали, что болѣе возбуждаетъ видъ его: любовь или уваженіе; но чувствовали, что онъ вполнѣ достоинъ того и другого ¹⁾). Въ одеждахъ Киприана не примѣтно было ни той пышности, которая совершенно неприлична почитателю, тѣмъ паче, служителю Распятаго; ни той небрежности и скучности, которая равно измѣняютъ душѣ и тогда, какъ служать выраженіемъ ея духовной бѣдности, и тогда, какъ не прикрываютъ духовнаго богатства.

Также умѣренность видна и въ управлѣніи Церковію. Киприанъ не могъ сносить въ подчиненныхъ сво-

¹⁾ Понтій, въ жизни Киприана.

Иннокентій. Сочиненія. II.

ихъ непослушанія и гордости, и изъ сихъ пороковъ изъяснялъ всѣ внутреннія бѣдствія, отъ коихъ страдала тогда Церковь. Но не могъ потерпѣть и того, когда пастыри, забывъ себя самихъ, почитаютъ волю свою непреложнымъ закономъ для пасомыхъ. Съ самаго начала епископства своего опѣ поставилъ себѣ непремѣннымъ правиломъничего не дѣлать въ своей паствѣ безъ совѣта пресвитеровъ. Пользуясь отличнымъ уваженіемъ всѣхъ христіанскихъ Церквей, и подавая каждой изъ нихъ спасительные совѣты, онъ не пренебрегалъ голосомъ самаго послѣдняго члена Церкви, и не зналъ другого титла, кромѣ смиреннаго наименования себя сопресвитеромъ.

Между отпечатками духа Кириллана и услугами его тогдашнему христіанству должно почесть его попеченіе о сохраненіи христіанъ отъ произвольныхъ опасностей со стороны гонителей. Ревность, страдать за вѣру, столь похвальна сама по себѣ, въ нѣкоторыхъ близка была къ тому, чтобы обратиться въ страсть. Св. Кириллъ собственнымъ примѣромъ показалъ, что можно, а иногда и необходимо скрываться отъ гоненія. Внущеніе сей истины онъ находилъ столько нужнымъ по тогдашнимъ обстоятельствамъ Церкви, что на пути къ мѣсту казни снова завѣщалъ вѣрующимъ, не вызываться безъ нужды на мученія.

Обстоятельства Церкви, колеблемой то внѣшними, то внутренними бѣдствіями, не позволяли св. Кириллану посвятить дарованій своихъ, по примѣру другихъ отцовъ Церкви, на изъясненіе св. писанія. Всѣ почти писанія его содержатъ поясненіе вопросовъ, обращавшихся тогда въ спорѣ, и разрѣшеніе недоумѣній церковныхъ. Впро-

чемъ, несмотря на то, что учение христіанское является въ нихъ въ приложении къ частнымъ случаямъ, изъ сего видно, что Кипріанъ обладалъ глубокимъ познаніемъ умозрительной и дѣятельной истины христіанской вѣры. Хорошее приложеніе началъ, нежели хорошее изложеніе оныхъ; сдѣлавшись христіанскимъ писателемъ, св. Кипріанъ совсѣмъ почти не пользовался мудростю языческою. Если бы онъ въ нѣкоторыхъ письмахъ не былъ принужденъ упомянуть о своемъ состояніи въ язычествѣ, изъ его сочиненій нельзя было бы догадаться, что онъ до обращенія въ христіанство былъ ученымъ язычникомъ. Отличный даръ краснорѣчія видѣнъ во всѣхъ произведеніяхъ Кипріана, но вездѣ видно также, что онъ, по примѣру апостола, полагалъ достоинство слова своего не въ убѣдительныхъ словахъ человѣческой мудрости, но въ явленіяхъ духа и силы (1 Кор. 2, 3). Изъ духовныхъ писателей св. Кипріанъ любилъ преимущественно Тертулліана¹). Отъ частаго чтенія сего писателя въ Кипріанѣ произошло нѣкоторое нравственное содружество съ нимъ, которое простерлось и на ихъ сочиненія. Кипріанъ, подобно Тертулліану, повидимому, всегда выражается первыми, попавшимися ему словами; отъ чего слогъ его нѣсколько тяжелъ и не совсѣмъ обработанъ; зато въ каждомъ выраженіи его видно сердце. Послѣ Лактанція онъ долженъ занимать первое мѣсто между западными христіанскими писателями.

¹) Требуя сочиненіе Тертулл., Кипріанъ обыкновенно говорилъ: da magistrum (подай учителя).

Подобно всемъ великимъ мужамъ, св. Кипріанъ имѣлъ много враговъ. Впрочемъ, въ самой исторіи не много такихъ святителей, коихъ наства любила бы съ такою горячностю, какъ св. Кипріана. Мы видѣли уже, что она вмѣстѣ съ нимъ желала подти подъ мечъ. Еще сильнѣе было сіе желаніе въ тѣхъ, кои, будучи удостоены отъ св. Кипріана близости къ нему, имѣли случай видѣть все величіе души его. Вотъ слова, коими Понтій заключаетъ жизнеописаніе св. Кипріана, и который столько же дѣлаютъ чести жизнеописателю, какъ и самому Кипріану: «не знаю, что мнѣ дѣлать? Сердце мое волнуется отъ полноты различныхъ чувствованій; душа моя какъ бы раздѣлена на-двоє. Съ одной стороны объемлестъ радость о прославлениі священномуученика, съ другой я погружаюсь въ скорбь, что не послѣдовалъ за нимъ. Не знаю, что мнѣ дѣлать. Предаться ли скорби? Но надлежитъ торжествовать его побѣду! Радоваться ли о его побѣдѣ? Но я не участвовалъ въ ней. Впрочемъ, скажу откровенно и въ простотѣ сердца, скажу то, о чёмъ вы уже знаете, много радуюсь я торжеству Кипріана, но еще болѣе скорблю, что не послѣдовалъ за нимъ ¹».

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ТОМА.

¹) Понтій, въ жизни св. Кипріана.

ОГЛАВЛЕНИЕ II ТОМА.

Послѣдніе дни земной жизни Господа Нашего Иисуса Христа. (Продолженіе).

стр.

ПРЕДАНИЕ.

(Предатель со спирою. — *Азъ есмъ!* — Великодушное самоотданіе. — Необдуманная ревность Петра. — Искріеніе урѣзанного уха. — Разсѣяніе учениковъ. — Стража ведетъ Иисуса Христа, связанного, въ Іерусалимъ. — Приключение съ однімъ юношемъ. — Іоаннъ и Петръ слѣдуютъ позади за Учителемъ) . . . . . 1—11

ИСУСТЬ ХРИСТОСЪ НА СУДЪ ПЕРВОСВЯЩЕНИКОВЪ И СИНЕДРІОНА.

(Стража приводитъ Христа во дворецъ первосвященника Абана. — Частный допросъ. — Отвѣтъ Иисуса. — Первосвященникъ отсылается къ Каїаѳу. — Полночное собраніе и судъ синедрона. — Жесвидѣтели и ихъ недостаточность. — Молчаніе Господа. — Клятвенный вопросъ первосвященника. — Величественный отвѣтъ Иисуса. — Первый смертный приговоръ. — Попошеніе отъ слугъ и стражей. — Второе и третье отреченіе Петра. — Алекторъ и слезы покаянія) . . . . . 12—32

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ПРИГОВОРЪ ПРОТИВЪ ИСУСА ХРИСТА СИНЕДРЮНА.

(Второе—утреннее собрание синедриона.—Второй смертный приговоръ.—Его совершенная неправильность.—I. Христосъ препровождается къ Пилату.—Почему и за чѣмъ?) . . . . . 33—39

СУДЬБА ПРЕДАТЕЛЯ.

(Раскаяніе Іуды.—Свидѣтельство о невинности преданного Учителя.—Онъ повергаетъ сребренники.—Самоубійство.—Село крови.—Исполненіе пророчествъ.—Характеръ предателя.—Что побудило его быть въ числѣ учениковъ Иисусовыхъ?—Почему и для чего онъ принялъ?—Страсть сребролюбія—непрестанно возрастающая.—Какъ могла образоваться мысль о предателі?—Іуда не ожидалъ отъ него такого конца.—Естественность раскаянія.—Тяжесть грѣха Іудина) . . . 40—49

ИСУСЪ ХРИСТОСЪ НА СУДЪ ПИЛАТА.

(Характеръ Пилата и его отношенія къ синедриону.—Голословное обвиненіе I. Христа первосвященника ми.—Прокураторъ имъ недовольствуется.—Всено-родный допросъ.—Отвѣтъ на него величественный, по противный ожиданію и видамъ судіи.—Тайный допросъ.—Пилатъ объявляетъ Узника невиннымъ.—Новые клеветы со стороны обвинителей.—Безмолвіе Обвиняемаго.—Иисусъ Христосъ отсылается на судъ Ирода) . . . . . 50—68

ИСУСЪ ХРИСТОСЪ НА СУДЪ ИРОДА.

(Характеръ Ирода.—Образъ мыслей его объ Иисусѣ Христѣ.—Отношеніе Ирода къ синедриону.—Желаніе его видѣть чудо.—Неисполненіе желанія.—Поруганіе и бѣлая одежда, въ коей Божественный Узникъ отсылается къ Пилату) . . . . . 69—75

ИСУСЪ ХРИСТОСЪ ОСУЖДАЕТСЯ НА БИЧЕВАНІЕ И СМЕРТЬ ПИЛАТОМЪ.

(Прокураторъ снова провозглашаетъ Иисуса Христа невиннымъ, соглашаясь токмо на наказаніе исправительное.—Упорство первосвященниковъ.—Предложеніе

піе народу па выборъ Іисуса и разбойника Варавы.—
Сонъ жены Пилатовой и ходатайство за Іисуса.—
Первосвященники наущають народъ.—Свобода Ва-
равы, кресть Іисусу!—Пилатъ напрасно думалъ замѣнить казнь смертную бичеваніемъ.—Лютость сего
наказанія.—Вѣнецъ терновый.—*Се чловѣкъ!*—Царя
ли вашею растину?—*Не имамъ царя, токмо кесаря.*—
Опасность и признаки народнаго возмущенія.—Устра-
шенній прокураторъ омываетъ руки и осуждастъ
на смерть Пеновиннаго) . . . . . 76—108

ВЗГЛЯДЪ НА ОБРАЗЪ СУДА НАДЪ ІІСУСОМЪ ХРИ- СТОМЪ.

(Чрезвычайная необыкновенность сего суда.—Харак-
теръ трехъ судилищъ.—Низость и виновность перво-
священниковъ.—Нечистота Пилатовыхъ видовъ и его
двоесущіе.—Благородство жены Пилатовой.—Откуда и
для чего чудный сонъ ся?—Нравственное величіе Го-
спода во время суда.—Молчаніе Его нисколько не пре-
пятствовало правильности суда.—Свойство Его отвѣ-
тить.—Трогательность Его виція положенія.—
Дивное исполненіе путей Промысла) . . . . . 109—129

РАСПИТАІЕ.

(Предварительная замѣтка о крестной казни.—Крест-
ный путь.—Плачъ жень іерусалимскихъ.—Слова къ
нимъ Іисуса Христа.—Опъ изнемогаетъ подъ Своимъ
крестомъ.—Симонъ Кириенскій заставляется нести
крестъ.—Мѣсто казни, издревле примѣчательное.—
Смирна и уксусъ.—Господь отрекается отъ нихъ.—
Распятіе.—Молитва за распинателей) . . . . . 123—148

ІІСУСЪ НА КРЕСТЬ.

(Распятіе двухъ разбойниковъ.—Особая надпись на кре-
стѣ Іисусовомъ, и неудовольствіе на нее первосвященни-
ковъ.—Раздѣлъ одежды между воинами.—Насмѣшки надъ
Іисусомъ черни, первосвященниковъ, воиновъ, распятаго
разбойника.—Покаянная молитва разбойника благора-
зумнаго.—Отвѣтъ на нее.—Помраченіе солнца.—Усынов-
леніе Іоанна Богоматери.—Послѣднія страданія и послѣд-

— IV —

пія слова Іисуса Христа на крестѣ. — Его смерть. —	
Она не была ускорена сверхъ-естественно).	149—176
ВЗГЛЯДЪ НА ПОКАЯВШАГОСЯ НА КРЕСТЬ РАЗВОЙНИКА	177—186
ЧУДЕСНЫЯ ЗНАМЕНИЯ СЪ ИХЪ ПОСЛѢДСТВІЯМИ.	
(Землетрясеніе и его обширность. — Раздрание завѣсы въ храмѣ и его знаменование. — Воскресспіе мертвыхъ. — Кто возстали и когда? — Выразительность знаменій и ихъ нравственное значеніе. — Неремѣна образа мыслей объ Іисусѣ Христѣ въ неблагорасположенныхъ дотолѣ іудеяхъ. — Вѣра и исповѣданіе сотника. — Ожесточеніе первосвященниковъ. — Откуда оно и до чего простидалось?) .	187—204
ПОСЛѢДНІЯ СОБЫТИЯ ПРИ КРЕСТЬ ІІСУСОВЪ.	
(Первосвященники иросатъ Пилата о сокращеніи жизни распятыхъ по причинѣ наступающей субботы. — Перебитіе голеней распятыхъ. — Іисусу Христу не перебиваются голени по причинѣ Его смерти. — Одинъ изъ воиновъ прободаетъ Его ребро. — Истеченіе крови и воды. — Свидѣтельство о семъ св. Іоанпа. — Для чего оно особенно выразительно? — Исполненіе въ семъ событий двухъ пророчествъ)	205—211
СНЯТИЕ СО КРЕСТА И ПОГРЕБЕНІЕ.	
(Іосифъ Аримаѣйскій просить у Пилата позволенія погребсти тѣло Іисусово. — Характеръ просителя. — Участіе въ погребеніи Никодима. — Мѣсто гроба. — Погребеніе. — Душевное состояніе учениковъ и почитателей Іисусовыхъ)	212—224
КУСТОДІЯ.	
(Дальнѣйшее ожесточеніе первосвященниковъ. — Ихъ мнимое опасеніе подлога со стороны учениковъ Іисусовыхъ. — Просьба и дозволеніе употребить для вѣрности стражу и печать. — Кустодія. — Мысли у гроба Іисусова) .	225—230

Жизнь святого апостола Павла.

Жизнь въ іудействѣ	231
Обращеніе въ христіанство.	249

Время обращения Павлова	263
Первые подвиги Павла по обращению	269
Первое апостольское путешествие св. Павла	277
Второе апостольское путешествие св. Павла	298
Третье апостольское путешествие св. Павла	320
Узы Павла въ Иерусалимъ	338
Плавание Павлово въ Римъ.	362
Первые узы Павловы въ Римъ	367
Четвертое апостольское путешествие Павла и последняя узы въ Римъ	377
Замѣчанія касательно внешняго вида апостола Павла, его природныхъ дарованій, характера, писаній подлинныхъ и подложныхъ, уваженія къ нему отцовъ Церкви и осо- бенно Златоуста	384
Жизнь святого священномученика Кипріана, епискона Кареагенскаго.	397
